Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 6 2021 Июнь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия);
Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР); А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.С. Занковский, д.ю.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт государства и права РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2021

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 6 2021 June

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; I.V. Ershova, Doctor of Law; V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy;
S.S. Zankovsky, Doctor of Law; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute of State and Law of the RAS, 2021
© Editorial Board of "State and Law", 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 6, 2021

Международное право и политика западных государств в период между мировыми войнами (К 80-летию вероломного нападения фашистской Германии на СССР)
А.Н. Савенков 7

Доверие к юридической науке в России: методологические и праксеологические проблемы
А.И. Экимов 63

Предотвратить эвтаназию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права
С.Н. Бабурин 73

Коронавирус как фактор трансформационного кризиса: правовой аспект и международно-правовые последствия
К.Е. Сигалов, П.Б. Салин, А.С. Чувальникова 87

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Идея безусловного базового дохода и концепция цивилизма: различия в философско-правовых основаниях
В.В. Лапаева 99

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА

Отвод судьи как гарантия его независимости при отправлении справедливого правосудия
Т.К. Рябинина 114

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Новеллы Конституции России: настоящее и будущее. Работа над ошибками... или на результат?
Н.М. Добрынин 124

Игра и логические парадоксы в правосудии: от царя Соломона до наших дней
Ю.А. Цветков 136

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Информационное противодействие фальсификации истории и реабилитации нацизма
О.В. Дамаскин, В.В. Красинский 147

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Перспективы реформирования подходов к наделению физических лиц правовым статусом резидента Российской Федерации
Е.Е. Фролова, Е.А. Цепова 158

ПРАВО И МЕДИЦИНА

Правовой режим биологического материала человека: теоретическое осмысление
А.А. Пестрикова, Л.Н. Сморчкова 173

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

О подходах к осмыслению автономии воли в международном частном праве
Т.В. Новикова 183

ЗА РУБЕЖОМ

Местные советы и их комитеты в муниципальной системе европейских государств
А.И. Черкасов 192

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Влияние глобализации на применение судебного прецедента в Российской Федерации
В.В. Линько 199

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзор «круглого стола» на тему «Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере спорта»
А.В. Дзюбак, Н.В. Летова, Т.В. Соколова, С.Ю. Чуча 205

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О юридической ответственности и безответственности в контексте национальной безопасности
Национальная безопасность, юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей / Д.А. Липинский, Н.В. Макарейко, А.А. Мусаткина и др.; под ред. Д.А. Липинского
А.В. Малько, А.М. Хужин 209

В.В. Дорошков. Идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в уголовном судопроизводстве
А.И. Хорошильцев 212

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею Анисима Ивановича Экимова 215

CONTENTS

Number 6, 2021

International Law and the policy of the Western states in the period between the World wars
(To the 80th anniversary of the treacherous attack of Nazi Germany on the USSR)
A.N. Savenkov 7

Trust in legal science in Russia: methodological and praxeological issues
A.I. Ekimov 63

Preventing the euthanasia of humanity: morality and integration constitutionalism
as the basis for the transformation of modern law
S.N. Baburin 73

Coronavirus as a factor of the transformational crisis: legal aspect and international legal consequences
K.E. Sigalov, P.B. Salin, A.S. Chuvalnikova 87

PHILOSOPHY OF LAW

The idea of an unconditional basic income and the concept of civilizm:
differences in philosophical and legal grounds
V.V. Lapaeva 99

COURT, PROCURATOR'S OFFICE, THE BAR

Recusal of a judge as a guarantee of his independence in the administration of fair justice
T.K. Ryabinina 114

DISCUSSIONS AND DEBATES

The innovations of the Constitution of the Russian Federation: present and future.
A reflection on faults... or results?
N.M. Dobrynin 124

The game and the logical paradoxes of justice: from king Solomon to the present day
Yu. A. Tsvetkov 136

**STRENGTHENING OF LEGALITY
AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY**

Information counteraction to falsification of history and rehabilitation of nazism
O.V. Damaskin, V.V. Krasinsky 147

BUDGET, TAXES, BANKS

Prospects for reforming approaches to the legal status of a Russian resident individual
E.E. Frolova, E.A. Tsepova 158

LAW AND MEDICINE

Legal regime of human biological material: theoretical understanding
A.A. Pestrikova, L.N. Smorchkova 173

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

About approaches to understanding autonomy of the will in Private International Law
T.V. Novikova 183

ABROAD

Local councils and their committees in the municipal system of European countries
A.I. Cherkasov 192

SCIENTIFIC REPORTS

The impact of globalization on the application of judicial law precedent in the Russian Federation
V.V. Linko 199

SCIENTIFIC LIFE

Review of the "Round Table" on the topic "Actual problems of legal regulation of relations in the field of sports"
A.V. Dzyubak, N.V. Letova, T.V. Sokolova, S. Yu. Chucha 205

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

On legal responsibility and irresponsibility in the context of national security
National security, legal responsibility and irresponsibility: problems of the mechanism of interaction and systemic connections / D.A. Lipinsky, N.V. Makareiko, A.A. Musatkina et al.; ed. by D.A. Lipinsky
A.V. Mal'ko, A.M. Khuzhin 209

V.V. Doroshkov. Ideas of individual freedom and social solidarity in criminal proceedings
A.I. Khoroshiltsev 212

PERSONALIA

To the anniversary of Anisim I. Ekimov 215

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 7–62
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 7–62

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПОЛИТИКА ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ В ПЕРИОД МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ
(К 80-летию вероломного нападения фашистской Германии на СССР)

© 2021 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2021 г.

Аннотация. Среди фундаментальных задач современной юридической науки непреходящее значение сохраняет обеспечение надлежащего освещения истории тех событий и процессов, которые оказали влияние на возникновение самой большой катастрофы XX в. – Второй мировой войны. Именно в перспективе юридического взгляда на историю Второй мировой войны бесчеловечные преступления фашистской Германии и ее союзников из исторических событий, описываемых в хрониках, превратились в назидательный приговор человечества, вынесенный виновникам этих преступлений, прежде всего в Нюрнберге. Однако сегодня, спустя 80 лет после вероломного нападения фашистской Германии на СССР, к сожалению, приходится констатировать, что многое для тех, кто развязывал Вторую мировую войну, оказывается сознательно подзабытым. Внимательный историк права и государства непременно обратит внимание на то, как воинствующая риторика, служащая формированию атмосферы изоляции, поиску врага, не только не исчезает, но обновляется и «совершенствуется». Многие важные страницы истории в период между двумя мировыми войнами сознательно замалчиваются, подвергаются ложным интерпретациям. В этой связи совершенно необходимым (и в научно-познавательном, и в социокультурном плане) представляется обращение к документальной реконструкции истории деятельности государств и международного права в период между двумя мировыми войнами, т.к. это позволяет не только восстановить историческую справедливость, но и существенно уточнить соответствующую роль отдельных политических деятелей, международных соглашений и других релевантных исторических событий. Отмечая 80-ю годовщину начала Великой Отечественной войны и 76-ю годовщину Великой Победы советского народа над нацистской Германией и милитаристской Японией, необходимо также напомнить, кто готовил, развязывал войну, кто на кого нападал, кто против кого воевал и кто фальсифицирует её историю в настоящее время.
Принципиальная теоретическая и практическая значимость исследования заключается в последовательном обосновании позиции о том, что защита исторической памяти человечества о самом кровопролитном и преступном событии в его истории должна быть частью правового суверенитета Российской Федерации.

Ключевые слова: государство, право, победа, закон, международный порядок, великие державы, мировое господство, новый мировой порядок, война, агрессия.

Цитирование: *Савенков А.Н.* Международное право и политика западных государств в период между мировыми войнами (К 80-летию вероломного нападения фашистской Германии на СССР) // Государство и право. 2021. № 6. С. 7–62.

DOI: 10.31857/S102694520015622-5

INTERNATIONAL LAW AND THE POLICY OF WESTERN STATES IN THE PERIOD BETWEEN THE WORLD WARS (To the 80th anniversary of the treacherous attack of Nazi Germany on the USSR)

© 2021 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an61s@mail.ru

Received 15.06.2021

Abstract. Among the fundamental tasks of modern legal science, ensuring proper coverage of the history of those events and processes that influenced the emergence of the greatest catastrophe of the twentieth century – the Second World War – remains of lasting importance. It is in the perspective of a legal view of the history of the Second World War that the inhumane crimes of Nazi Germany and its allies turned from the historical events described in the chronicles into an edifying verdict of humanity handed down to the perpetrators of these crimes, primarily in Nuremberg. However, today, 80 years after the treacherous attack of Nazi Germany on the USSR, unfortunately, we have to state that many things for those who unleashed the Second World War are deliberately forgotten. An attentive historian of law and state will certainly pay attention to how the militant rhetoric that serves to create an atmosphere of isolation, the search for the enemy, not only does not disappear, but is updated and "improved". Many important pages of history in the period between the two World wars are deliberately suppressed, subjected to false interpretations. In this regard, it is absolutely necessary (both in scientific and educational, and in socio-cultural terms) to refer to the documentary reconstruction of the history of the activities of states and international law in the period between the two World Wars, since this allows not only to restore historical justice, but also to significantly clarify the relevant role of individual political figures, international agreements and other relevant historical events. Marking the 80th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War and the 76th anniversary of the Great Victory of the Soviet people over Nazi Germany and militaristic Japan, it is also necessary to recall who prepared and unleashed the war, who attacked whom, who fought against whom, and who is falsifying its history at the present time. The fundamental theoretical and practical significance of the study lies in the consistent justification of the position that the protection of the historical memory of mankind about the bloodiest and most criminal event in its history should be part of the legal sovereignty of the Russian Federation.

Key words: state, law, victory, law, international order, great powers, world domination, new world order, war, aggression.

For citation: *Savenkov, A.N. (2021).* International Law and the policy of Western states in the period between the World wars (To the 80th anniversary of the treacherous attack of Nazi Germany on the USSR) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 7–62.

Современные условия жизни, характеризующиеся кризисом глобализации, либеральной идеологии, угрозами международной и национальной безопасности[1], актуализируют проблемы трансформации государства и права[2], защиты мира, национальной и международной безопасности. Картина фактического состояния государств определяет картину политического положения мира.

На фоне русофобских настроений распространяются обвинения Союза ССР и России как его правопреемницы в причастности к началу Второй мировой войны. 19 сентября 2019 г. Европарламент принял резолюцию о важности европейской памяти для будущего Европы (2019/2819 (RSP)), в которой подчеркнул, что «Вторая мировая война, самая разрушительная война в истории Европы, была начата как непосредственный результат печально известного нацистско-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года, известного также как Пакт Молотова-Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми два тоталитарных режима, разделявших цель завоевания мира, разделили Европу на две зоны влияния» (п. 2). Достоверно зная и не скрывая своей осведомленности в самом тексте названной резолюции о том, «что преступления нацистского режима были оценены и наказаны на Нюрнбергском процессе», «несмотря на то», европейский парламент злонамеренно и неправомерно настаивает, что «по-прежнему существует острая необходимость

[1] См.: Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 408.

[2] См.: *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 448.

в повышении осведомленности, проведении моральных оценок и проведении юридических расследований преступлений сталинизма и других диктатур» (п. E)[3], ссылаясь (п. K) на юридически несостоятельное и неправовое постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. № 979-I «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года»[4].

Многие европейские страны сочли целесообразным позиционировать себя во Второй мировой войне не агрессором или пособником агрессора, а жертвой агрессии. Декларируется, что Германия преодолела в себе тоталитаризм, осудив фашизм.

Попытки западных историков и политологов показать, что в начале Второй мировой войны СССР мог быть одним из инициаторов агрессии, позволяет, по их мнению, современную внешнюю политику России считать не миролюбивой, а усилия США и НАТО «наказать» санкциями Россию[5] – стремлением обезопасить себя и своих союзников.

Однако Россия последовательно и убедительно напоминает о фактах, выводах и уроках прошедшей войны, приговорах международных военных трибуналов в Нюрнбергском (**IMT**), Токийском (**IMTFE**) и военного трибунала в Хабаровском уголовных процессах. Решительно защищает правовыми актами свой суверенитет[6].

Именно поэтому, отмечая 80-ю годовщину начала Великой Отечественной Войны и 76-ю годовщину Великой Победы советского народа над нацистской Германией и милитаристской Японией, необходимо напомнить, кто готовил, развязывал войну, кто на кого нападал, кто против кого воевал и кто фальсифицирует её историю в настоящее время.

Важность этой работы находим в том, что защита исторической памяти человечества о самом кровопролитном и преступном событии в его истории должна быть частью правового суверенитета Российской Федерации, поскольку основывается на исследованных и признанных в открытом суде Международного военного трибунала **(IMT)** доказательствах, изложенных в приговоре суда и подтвержденных решениями Организации Объединенных Наций как ***incommutabilis veritatis*** (непреложная истина) для мирового сообщества.

Принципы международного права, признанные Уставом Международного военного трибунала и нашедшие выражение в его приговоре, были утверждены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. № 95 (1) «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала»[7] и получили развитие в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 21 ноября 1947 г. № A/RES/177 (II) «Планы по сформулированию принципов,

---

[3] См.: European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)). URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html

[4] См.: Второй Съезд народных депутатов СССР. 12–24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. IV. С. 377–404, 612–614.

Пророческими стали слова депутата Верховного Совета СССР, председателя Полтавского областного совета ветеранов войны и труда Василия Сидоровича Образа, участника Великой Отечественной войны с первого до последнего дня: «Взываю к вашему разуму. Мы принимаем решение по тем документам, которых фактически не обнаружили. Мы становимся на путь развала государства. Если и дальше так пойдем, то скоро поставим под сомнение решение Богдана Хмельницкого на Переяславской раде». Но проголосовавших вместе с ним против этого решения было 250 депутатов.

Докладчик – член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев признал: «Действительно, оригиналы протоколов не найдены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Мы избегаем слова “достоверность”, поскольку юристы говорят, что для достоверности надо иметь оригинал». Копии протоколов на Нюрнбергском процессе были признаны фальшивкой.

[5] Против России уже действуют 103 американских раунда санкций. Академик РАН А.А. Дынкин. Выступление на открытии научно-экспертного форума «Примаковские чтения – 2021» «Современные вызовы мировому порядку», 8 июня 2021 г.

[6] 23.03.1995 г. был издан Указ Президента РФ № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» (с изм. и доп.– Указ Президента РФ от 03.11.2004 г. № 1392.);

19.05.1995 г. принят Федеральный закон № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (в ред. федеральных законов от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ, от 09.02.2009 г. № 12-ФЗ, от 04.11.2014 г. № 332-ФЗ, от 02.12.2019 г. № 421-ФЗ);

см. также: Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. федеральных законов от 27.07.2006 г. № 148-ФЗ, от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ, от 10.05.2007 г. № 71-ФЗ, от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ, от 29.04.2008 г. № 54-ФЗ, от 25.12.2012 г. № 255-ФЗ, от 02.07.2013 г. № 185-ФЗ, от 28.06.2014 г. № 179-ФЗ, от 21.07.2014 г. № 236-ФЗ, от 31.12.2014 г. № 505-ФЗ, от 08.03.2015 г. № 23-ФЗ, от 23.11.2015 г. № 314-ФЗ, от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ, от 02.12.2019 г. № 421-ФЗ, от 31.07.2020 г. № 299-ФЗ, от 15.10.2020 г. № 337-ФЗ, от 08.12.2020 г. № 429-ФЗ);

Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»;

Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввел уголовную ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ). Частью 1 данной статьи предусматривается уголовная ответственность за «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично» (в ред. Федерального закона от 05.04.2021 г. № 59-ФЗ).

[7] См.: URL: https://undocs.org/ru/A/RES/95%28I%29

признанных статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в его решении»[8].

Неприменение сроков данности было кодифицировано в Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 г., Положении об ответственности за нарушение запретов и предписаний Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительных протоколов 1977 г. Исследование в ходе Нюрнбергского процесса катастрофических масштабов разрушения сокровищ мировой культуры во многом повлияло на принятие Конвенции ЮНЕСКО о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. и ее нормативную суть. Выводы и правовые позиции Международного трибунала отразились в содержании Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Международных пактов о правах человека 1966 г.

В память обо всех поколениях российских солдат, погибших в боях за честь и независимость Отечества, Президиум Верховного Совета РФ установил 22 июня – день начала Великой Отечественной войны – Днем памяти защитников Отечества[9].

Указом Президента РФ от 8 июня 1996 г. № 857 «О Дне памяти и скорби» 22 июня 1941 г. объявлено одной из самых печальных дат в русской истории и восстановлена историческая справедливость в отношении всех пострадавших в этой войне: «Этот день – напоминание нам о всех погибших, замученных в фашистской неволе, умерших в тылу от голода и лишений. День скорби по всем, кто ценой своей жизни выполнил святой долг по защите Родины»[10].

Трудно переоценить значение этой даты и последующих событий в истории человеческой цивилизации. Опыт прошедших лет включает оценку значения Второй мировой войны как эпохального события для мирового сообщества и международного права. Для нашей страны это была война народная – Великая Отечественная.

Победа в ней была достигнута советским народом. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш в интервью корреспонденту РИА Новости 9 мая 2020 г. с высшей степенью признательности оценил вклад советских людей в Победу: «Вторая мировая война была временем невероятных зверств и потери человечности. Война нанесла тяжелый урон многим государствам, включая республики бывшего Советского Союза, на долю которых пришлось наибольшее число жертв. Это так или иначе коснулось почти каждой семьи. Жертвы, принесенные народом Советского Союза во имя победы над нацизмом – не только человеческие, но жертвы во всех смыслах слова,– не должны быть забыты никогда»[11].

Два очага мировой агрессии образовались накануне Второй мировой войны: Германия – на западе и Япония – на востоке. В этой связи необходимо напомнить хронологию событий тех лет и шаги на международной арене пришедшего к власти в Германии нацистского режима и его союзников, закончившиеся войной и их поражением.

Еще до того, как начался суд над главными военными преступниками, главным прокурором США Робертом Х. Джексоном ***(Robert Houghwout Jackson)*** были подготовлены Руководящие принципы, которые выходили далеко за рамки его строго судебных целей[12]. Прежде всего он хотел создать неопровержимый архив национал-социализма и его преступлений, причем суд должен был служить истории, документируя нацизм, и основать соответствующую политику памяти. Затем он весьма четко намеревался обосновать и закрепить в международном праве два принципа: индивидуальная ответственность за разжигание и криминализация агрессивной войны. «Настало время действовать исходя из юридического принципа, согласно которому агрессивное ведение войны незаконно и преступно. Пакт Бриана-Келлога 1928 г. подписали Германия, Италия и Япония практически со всеми странами мира. В 1932 г. государственный секретарь США Генри Льюис Стимсон ***(Henry Lewis Stimson)*** озвучил американскую концепцию Пакта: «От войны между народами отказались стороны, подписавшие Договор Бриана-Келлога. Это означает, что она стала незаконной практически во всем мире. Она больше не должна быть источником и объектом права, быть принципом, вокруг которого вращаются обязанности, поведение и права наций. Это незаконная вещь...»[13].

Пакт – лишь один из ряда актов, которые установили, что всякая война является незаконной, и привели международное право в соответствие со здравым смыслом человечества, что неоправданная война есть преступление. К ним относятся:

[8] См.: URL: https://undocs.org/ru/A/RES/177%28II%29

[9] См.: постановление Президиума Верховного Совета РФ от 13.07.1992 г. № 3285-I «Об установлении Дня памяти защитников Отечества» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 32.

[10] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9515

[11] Антониу Гуттереш: жертвы СССР во имя Победы никогда не должны быть забыты. URL: https://ria.ru/20200509/1571160884.html

[12] См.: *Jackson R.H.* Nuremberg in Retrospect: Legal Answer to International Lawlessness. URL: https://www.roberthjackson.org/speech-and-writing/nuremberg-in-retrospect-legal-answer-to-international-lawlessness/

[13] Практически в этой же формулировке данная позиция вошла в Приговор (см.: Нюрнбергский процесс: сб. материалов. М., 1954. Т. II. С. 989, 990).

Женевский протокол 1924 г. о тихоокеанском урегулировании международных споров, подписанный представителями 48 правительств, который объявил, что «агрессивная война является... международным преступлением». Восьмая Ассамблея Лиги Наций в 1927 г. единогласной резолюцией представителей 48 стран-членов, включая Германию, объявила агрессивную войну международным преступлением. На Шестой Панамериканской конференции 1928 г. 21 американская республика единогласно приняла резолюцию, в которой говорилось, что «агрессивная война представляет собой международное преступление против человечества». Соединенные Штаты кровно заинтересованы в признании принципа, согласно которому договоры об отказе от войны имеют как юридическое, так и политическое значение.

«Мы полагались на пакт Бриана-Келлога,– отмечал Роберт Х. Джексон,– и сделали его краеугольным камнем нашей национальной политики. Мы пренебрегли нашим вооружением и нашей военной машиной. Все его нарушения, где бы они ни начались, угрожают нашему миру, и теперь у нас есть веские основания знать. Нападение на основы международных отношений не может рассматриваться как нечто меньшее, чем преступление против международного сообщества, которое может должным образом подтвердить целостность своих основных договоров путем наказания агрессоров»[14].

В Приговоре Международный военный трибунал показал безосновательность попыток защиты подсудимых оспорить тот факт, что развитие международного права в период между двумя мировыми войнами привело к созданию нормы, ставящей агрессию вне закона. «Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но[...] является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле сам является вкладом в международное право»[15], – констатировали члены МВТ.

«Война по самому своему существу – зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера – оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что оно содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных»[16].

«По мнению трибунала,– говорится в Приговоре,– торжественный отказ от войны как инструмента национальной политики с необходимостью предполагает, что такая война является беззаконной в соответствии с международным правом и что те, кто планирует такую войну с ее неизбежными и ужасными последствиями, действуя таким образом, совершают преступление»[17].

В основу нашего исследования положены международные договоры того периода и установленные Международным военным трибуналом факты и события, имеющие юридическое значение.

Трибунал и начал свой приговор с постановки задачи: «С целью дать представление об обстановке, предшествовавшей агрессивной войне, и условиях совершения военных преступлений, инкриминируемых Обвинительным заключением, Трибунал начнет с обзора некоторых событий, последовавших за Первой мировой войной»[18].

12-летний период с момента прихода нацистов к власти в Германии до завершения Второй мировой войны сконцентрировал в себе уникальный исторический опыт, свидетельствующий о том, что идеология реваншизма трансформируется в людоедскую человеконенавистническую теорию истребления народов; развитие крупных финансово-промышленных монополий в области создания и производства военной техники и вооружений неизбежно создаст предпосылки для начала агрессии, а попустительство и протекционизм ведущих мировых держав в сочетании с неэффективностью таких международных организаций, как Лига Наций, сделают эту агрессию неизбежной.

Может сложиться впечатление, что все известные человечеству войны исследованы до малейших деталей; установлены их причины; сложились устойчивые политические и исторические оценки; они классифицированы выдающимися мыслителями и учеными и помещены в соответствующие таблицы. Но мировые войны, происходившие только в XX в., – особое явление, и аналогов в истории им просто нет.

В.И. Ленин определил отправную точку империалистических войн «не раньше как в 1898–1900 годах» и акцентировал внимание на том, что «ни Маркс, ни Энгельс не дожили до империалистской эпохи всемирного капитализма»[19]. Тем самым «империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898–1914 годам.

[14] *Jackson R.H.* Op. cit.

[15] Нюрнбергский процесс: сб. материалов. Т. II. С. 988.

[16] Там же. С. 959.

[17] Там же. С. 989.

[18] Нюрнбергский процесс: сб. материалов. Т. II. С. 948.

[19] *Ленин В.И.* Империализм и раскол социализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 170.

Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1899–1902), русско-японская (1904–1905) и экономический кризис в Европе 1900 года – вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории»[20].

История мировых войн свидетельствует об особой роли «великих держав» в их возникновении и развитии. Перечень «великих держав» достаточно переменчив, и многие исследователи предпринимали усилия для выявления цикличности или закономерностей этого процесса. От Вестфалии до Венского конгресса ***(Congrès de Vienne)*** в континентальной Европе доминировала Франция; Россия стремилась к пику своего могущества; Великобритания господствовала и бесчинствовала на море и в экономике, в колонизации и работорговле; основали государства народы Северной и Южной Америк, в т.ч. Соединенные Штаты Америки; угасала Испания; под огнем ружей и пушек Великобритании и Франции в большой мир вступала Юго-Восточная Азия.

В 1835 г. граф Алексис де Токвиль ***(Alexis-Charles-Henri Clérel, comte de Tocqueville)*** в своем трактате «Демократия в Америке» писал следующее: «Совершенно новый факт в мировой истории, значение и последствия которого трудно себе представить даже в воображении. В настоящее время существуют на Земле два великих народа, которые, начав с различных точек, приближаются, по-видимому, к одной цели: это русские и англо-американцы. Все другие народы, по-видимому, почти достигли пределов, предназначенных им природой; их задача только сохранять приобретенное. Но эти два народа находятся еще в периоде роста. Американец борется с препятствиями, предоставляемыми ему природою; русский борется с людьми. Один воюет с пустынями и варварством, другой с цивилизацией, находящейся во всеоружии; поэтому завоевания американцев делаются плугом земледельца, завоевания русского – мечом солдата. Их исходные точки различны, пути их тоже различны; и однако каждый из них предназначен, по-видимому, тайной волею провидения держать когда-нибудь в своих руках судьбу половины мира»[21].

К 1900 г. германская экономика стала крупнейшей в Европе и второй по величине в мире после Соединённых Штатов. Ранее это место принадлежало Великобритании, вслед за которой шли Франция и Россия. С 1871 по 1913 г. население страны увеличилось с 41 млн человек до 68 млн. По совокупности показателей Германия уверенно занимала свое место в списке «великих держав».

В.И. Ленин в работе «Империализм и раскол социализма», написанной в октябре 1916 г. и напечатанной в декабре в «Сборнике “социал-демократа”» (№ 2), выделял четыре передовые империалистические страны – Англию, Северную Америку, Францию и Германию[22]. И, характеризуя их сущность, именно «ожесточенную борьбу великих держав за раздел и передел мира» определял как империализм, провидчески допуская, что в этом постоянно переменчивом процессе **«человечество переживет – на худой конец – еще вторую империалистическую войну»**[23].

Тем самым уже в конце 1916 г. в результате анализа политической ситуации и боевых действий враждующих сторон имелись основания допустить новое столкновение «великих держав» во всемирном масштабе. Некий прогноз серийности мировых вооруженных столкновений по аналогии с непрекращавшимися европейскими континентальными войнами прошлых столетий.

В работе «О сепаратном мире» В.И. Ленин выделяет основные цели войн «великих держав»: «Война порождена империалистскими отношениями между великими державами, т.е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, причем на первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое – между Англией и Германией. Второе – между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные – несамостоятельные союзники.

Оба столкновения подготовлялись всей политикой этих держав за несколько десятилетий, предшествовавших войне. Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента... <...>. Германия воюет потому, что ее капиталисты считают себя... имеющими “священное” буржуазное право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран.., за подчинение себе Балканских стран и Турции.

Существует... глубокое столкновение между Россией и Англией. Задача империалистской политики России..: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т.д.

[20] Там же. С. 163, 164.

[21] *Токвиль А. де* Демократия в Америке / пер. В.Т. Олейника и др. М., 2000.

[22] См.: *Ленин В.И.* Указ. соч. С. 164, 165.

[23] *Ленин В.И.* О лозунге «разоружения» (работа написана в октябре 1916 г., напечатана в декабре в «Сборнике “социал-демократа”» (№ 2)) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 155, 156.

За все это долгое время Англия была сильнейшим врагом... России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии»[24].

Член-корреспондент Гейдельбергской академии наук, один из основных представителей экзистенциализма Карл Ясперс ***(Karl Theodor Jaspers)*** считал Первую мировую войну «еще европейской»: «Америка опять отступила. Лишь Вторая мировая война потребовала участия всех, была действительно глобальной. Военные действия в Восточной Азии были не менее серьезны, чем в Европе. Это была в самом деле первая подлинно мировая война. Теперь проблемой и задачей стал мир в целом. Тем самым происходит полное преобразование истории. Решающим является теперь следующее: нет ничего, что находилось бы вне сферы происходящих событий. Мир замкнулся. Земной шар стал единым. Обнаруживаются новые опасности и возможности. Все существенные проблемы стали мировыми проблемами, ситуация – ситуацией всего человечества»[25].

Президент США Франклин Д. Рузвельт ***(Franklin Delano Roosevelt)*** в своем обращении к американцам от 9 декабря 1941 г. «О войне с Японией» заявил: «Не существует такой вещи, как неприступная защита от могущественных агрессоров, которые подкрадываются в темноте и наносят удар без предупреждения. Мы узнали, что наше полушарие, окруженное океаном, не застраховано от серьезных атак – что мы больше не можем измерять нашу безопасность в милях на любой карте»[26].

А в феврале 1942 г., характеризуя ход Второй мировой войны, пришел к выводу: «Эта война – новый вид войны. Она отличается от всех других войн прошлого не только своими методами и оружием, но и географией. Это война на каждом континенте, на каждом острове, на каждом море, на каждой воздушной линии в мире. Целью нацистов и японцев является, конечно, разделить Соединенные Штаты, Великобританию, Китай и Россию и изолировать их друг от друга, чтобы каждый был окружен и отрезан от источников снабжения и подкреплений»[27].

Подсчитано, что со времен мира в Вестфалии было 14 периодов, когда войны велись непрерывно на протяжении более двух лет. Только в трех из них: война за польское наследство (1733–1738)[28], Американская революция (1775–1783) и Крымская война (1854–1856),– участие великих держав продолжалось с начала боевых действий до их завершения.

Более тщательный анализ показывает, что сложность сохранения нейтралитета великой державы за эти три столетия все больше возрастала. В XX в. мировая война 1914 г. распространилась в течение года на все европейские великие державы и Японию, а на Соединенные Штаты – через два с половиной года.

Первая мировая война заключалась в противостоянии двух коалиций, постепенно образовавшихся в результате балканского кризиса 1875–1878 гг. Центральные державы образовали союзы: тайный альянс против России – Двойственный союз (***Dual Alliance***; 1879)[29], затем Тройственный союз (***Triple Alliance***; 1882). Италия присоединилась к Германии и Австро-Венгрии, чтобы сформировать Тройственный союз в 1882 г., который был первым формальным союзом в Европе.

Изначально союз декларировал оборонительный характер. Статья I договора от 7 октября 1879 г., подписанного в Вене, гласила: «Если, вопреки их надежде и вопреки лояльному желанию двух Высоких Договаривающихся Сторон, одна из двух Империй подвергнется нападению со стороны России, Высокие Договаривающиеся Стороны обязаны прийти на помощь»[30]. В соответствии со ст. II Тройственного союза от 20 мая 1882 г. «в случае, если Италия без прямой провокации с ее стороны подвергнется нападению со стороны Франции по какой бы то ни было причине, две другие Договаривающиеся Стороны будут обязаны оказать помощь и содействие всеми своими силами этой Стороне. Это же обязательство ложится на Италию в случае любой агрессии без прямой провокации со стороны Франции против Германии»[31]. Договор возобновлялся в 1887

---

[24] *Ленин В.И.* О сепаратном мире // Социал-Демократ. 1916. № 56; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 185, 186.

[25] *Jaspers K.* Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Die gegenwärtige Situation der Welt. Herausgegeben von Kurt Salamun. Schwabe AG, Muttenz / Basel, Schweiz, 2017. S. 122.

[26] December 9, 1941: Fireside Chat 19: On the War with Japan.

[27] February 23, 1942: Fireside Chat 20: On the Progress of the War.

[28] Венский мирный договор был подписан в Вене 18.11.1738 г. и завершил войну за польское наследство. Он в основном повторял условия прелиминарного мирного договора, подписанного там же 03.10.1735 г.

[29] Бисмарк видел в союзе способ предотвратить изоляцию Германской империи, которая только что была основана, и сохранить мир, поскольку Россия не будет вести войну против обеих империй. Статья 4 гласила: «Две Высокие Договаривающиеся Стороны сочтут своим верным обязательством дать императору Александру знать, по крайней мере конфиденциально, что он должен рассматривать нападение на любую из них как направленное против обоих».

[30] *Pribram A.F.* The Secret Treaties of Austria-Hungary, 1879–1914. Cambridge, 1920. Vol. I. P. 27.

[31] См.: The Triple Alliance (First 8 Articles) in the Original French. 20 May, 1882.

и 1891 гг. и автоматически продлевался 28 июня 1902 г.[32] и 5 декабря 1912 г.[33]

Франко-русский союз 1893 г. был столь же недвусмысленным: «Если Франция подвергнется нападению со стороны Германии или Италии, поддерживаемой Германией, Россия использует все имеющиеся у нее силы для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению со стороны Германии или Австрии, поддерживаемой Германией, Франция задействует все свои доступные силы для борьбы с Германией». В начале XX в. система альянсов, казалось, оправдала себя. О пожаре в Европе было мало разговоров.

Но политика стран – участниц Тройственного союза характеризовалась возрастающей борьбой за колонии (Танжерский кризис, итало-турецкая война[34]). В ответ на создание Тройственного союза в 1891–1894 гг. оформился военный франко-русский союз[35] – 8 января 1894 г. Военная конвенция между Россией и Францией была ратифицирована императором Александром III и президентом Сади Карно ***(Marie François Sadi Carnot)***. Он был дополнен Военно-морской конвенцией между Россией и Францией, подписанной 3–16 июля 1912 г. в Париже[36]. Заключение франко-русского союза позволило России активизировать укрепление своих позиций на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв.

При этом 11–24 июля 1905 г. в Бьёрке был заключен русско-германский договор о ненападении и совместных действиях в Европе. Согласно ст. 3 договор вступал в силу только после заключения мира между Россией и Японией, а в соответствии со ст. 4 Россия брала на себя обязательства посвятить в обстоятельства договора Францию и предложить ей участие в нем в качестве союзницы[37].

Мирный договор между Россией и Японией был заключен в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г.[38] Статьи 5 и 6 Портсмутского договора были признаны Китаем в Пекинском договоре с Японией от 22 декабря 1905 г.[39]

В 1902 г. Италия заключила с Францией соглашение, обязавшись соблюдать нейтралитет в случае нападения Германии на Францию[40]. Во время Первой мировой войны Италия не сразу начала войну со своими союзниками, но оставалась нейтральной. После заключения Лондонского пакта (1915) Италия вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты и объявила войну Австро-Венгрии, а в 1916 г.– Германии. Кроме того, уже 29 октября 1914 г. к союзу примкнула Османская империя, а после выхода Италии из союза 14 октября 1915 г. к нему присоединилась Болгария, образовав Четверной союз.

Двойной альянс, известный как Центральные державы, сохранялся на протяжении всей войны и закончился их поражением в 1918 г.

Тройственная Антанта означала неформальное взаимопонимание между Российской Империей, Французской Третьей республикой и Соединенным Королевством Великобритании и Ирландии.

Пока Великобритания, находившаяся в ссоре с обеими группами, оставалась в стороне, опасения перед ее вмешательством, если не по другой причине, обеспечивали сохранение мира. Более того, две опасные зоны Европы, Эльзас-Лотарингия и Ближний Восток, были относительно спокойными. Однако в 1902 г. ситуация стала серьезно меняться[41], передел мира начался. В начале XX столетия Британская империя вышла из своей «великолепной изоляции». Соглашение с Японией в 1902 г., затем соглашение с Францией, наконец, соглашение с Россией в 1907 г. позволили примирить колониальные амбиции каждой страны.

Основу Тройственной Антанты составляли франко-русский союз 1894 г., Антанте Кордиале 1904 г. между Парижем и Лондоном[42]

---

[32] См.: Четвертый союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, заключенный в Берлине 28 июня 1902 года (см.: *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны. М., 1925. № 300. С. 304).

[33] См.: Пятый союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, заключенный в Вене 5 декабря 1912 года // Там же. № 357. С. 363, 364.

[34] См.: Итало-турецкое секретное соглашение о мире, заключенное в Лозанне 15 октября 1912 г.; Итало-турецкий мирный договор, заключенный в Лозанне 18 октября 1912 г. // Там же. № 352. С. 357, 358; № 353. С. 358–360.

[35] См.: Военная конвенция между Россией и Францией, заключенная в С.-Петербурге 5/17 августа 1892 года // Там же. № 257. С. 270, 271.

[36] См.: *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Указ. соч. № 351. С. 356.

[37] См.: там же. № 314. С. 321.

[38] См.: там же. № 316. С. 322–324.

[39] См.: там же. № 319. С. 325.

[40] См.: Соглашение о нейтралитете, заключенное между Италией и Францией в Риме 1 ноября 1902 года // Там же. № 301. С. 305, 306.

[41] См.: *Schmitt Bernadotte E.* Triple Alliance and Triple Entente, 1902–1914 // The American Historical Review, Apr., 1924. Vol. 29. No. 3. Oxford University Press on behalf of the American Historical Association. P. 449–473. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/1836520.pdf

[42] См.: The Entente Cordiale Between The United Kingdom and France включала в себя: Совместную декларацию о Египте и Марокко. Её сопровождали секретные статьи (Declaration between the United Kingdom and France Respecting Egypt and Morocco, Together with the Secret Articles Signed at the Same Time; Parliamentary Papers. London, 1911. Vol. CIII, Cmd. 5969); соглашение о Ньюфаундленде и границах в Африке. Франция

и англо-русская Антанта 1907 г. Франко-британская солидарность была подтверждена на Альхесирасской конференции (1906) и вновь во время Второго марокканского кризиса (1911). Он стал мощным противовесом Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии. Тройственная Антанта в отличие от Тройственного союза или самого франко-русского союза не была союзом взаимной защиты.

Франко-японский договор от 10 июня 1907 г. был ключевой частью построения коалиции. После победы Японии в русско-японской войне Франция озаботилась вопросами своих колоний в Юго-Восточной Азии[43]. Была также подписана декларация о французском Индокитае, в которой содержались заверения о независимости и территориальной целостности династии Цин, но в секретном приложении подтверждался раздел Китая на сферы влияния. Япония ожидала, что французский капитал будет инвестировать в страну, но Франция сближалась с Японией, пытаясь примирить ее с Россией и в то же время помешать Германии войти на Дальний Восток. Великобритания также поощряла русско-японское сближение.

Эти подробности стали известны и вызвали обеспокоенность в Соединенных Штатах и Китае по поводу территориальных амбиций Франции и Японии в Китае. Дальнейшие споры между Японией и Соединенными Штатами по разъяснению их соответствующих позиций способствовали подписанию соглашения Рута – Такахира 30 ноября 1908 г. в форме обмена нотами между государственным секретарем США и японским послом в Вашингтоне, которое распространялось не только на Китай или Дальний Восток, но и на весь «Тихоокеанский бассейн». Япония признала американскую аннексию Королевства Гавайи и Филиппин[44], а американцы взаимообразно признали позиции Японии в северо-восточном Китае. В соглашении подразумевалось признание американцами права Японии аннексировать Корею и оккупировать южную Маньчжурию, а также согласие Японии с ограничениями на японскую иммиграцию в Калифорнию.

Союз с военными обязательствами между Японией и Великобританией, сначала нацеленный на Россию, а затем на Германию, был создан 30 января 1902 г. и затем дважды продлевался. Кроме того, в Лондоне было подписано соглашение о союзе, согласно которому союзники должны были участвовать в случае войны с двумя или более странами, и в то же время был произведен обмен секретными официальными текстами о сотрудничестве военно-морских сил.

Второе соглашение было подписано 12 августа 1905 г., в конце русско-японской войны, в то время как первое соглашение оговаривало, что оно «защищает преобладающие интересы Японии в Южной Корее», второе соглашение было расширено за счет включения Индии. Характер альянса был изменен с оборонительного на наступательный и оборонительный.

После подписания в 1907 г. русско-японского и англо-русского соглашений характер альянса постепенно изменился, целью стала Германия. Третье соглашение было подписано 13 июля 1911 г. для исключения возможности вступления Великобритании в войну с Соединенными Штатами. Когда разразилась Первая мировая война, Япония объявила войну Германии на основании этого союза и оккупировала немецкую концессию и острова Южного моря в Циндао.

В 1921 г., до истечения срока действия третьего соглашения, когда началась конфронтация между Великобританией и Соединенными Штатами из-за Китая, США добились замены ***status quo*** Тихого океана договором четырех государств, подписанным Японией, США, Францией и Соединенным Королевством 13 декабря 1921 г.

В начале Первой мировой войны, в 1914 г., все три члена Тройственной Антанты вошли в нее как союзные державы. 4 сентября 1914 г. они выступили с заявлением, в котором обязались не заключать сепаратный мир и только потребовать мирных условий, согласованных между тремя сторонами.

Так сформировались военно-политические союзы, Европа оказалась разделенной на два противостоящих блока. Первая мировая война стала итогом этих процессов, политическая карта мира и расклад сил в нем принципиально изменились. На наш взгляд и вопреки К. Ясперсу, с включением в состав ведущих игроков Японии и США политика и война стали уже подлинно общемировыми.

Многие ученые сходятся во мнении, что Первая мировая война явилась результатом целенаправленной, тайной внешней политики

отказывалась от притязаний на побережье Ньюфаундленда. В обмен Британия передавала Франции некоторые территории в Африке (Convention signed at London, April 8, 1904 [between the United Kingdom and France respecting Newfoundland, and West and Central Africa]); Декларацию о Сиаме, Мадагаскаре и Новых Гебридах (Declaration concerning Siam, Madagascar, and the New Hebrides, signed at London, April 8, 1904). URL: http://www.heritage.nf.ca/exploration/entente_toc.html

[43] См.: L'arrangement relatif à l'indépendance et à l'intégrité de la Chine. Commission des archives diplomatiques, Ministère des Affaires étrangères et européennes, Documents diplomatiques français, 1940, tome II / ed. P.I.E. Peter Lang. Bruxelles, 2009. P. 28, note 1.

[44] См.: История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918 / ред. кол.: Г.П. Куропятник (отв. ред.) и др. М., 1997. С. 38, 59; *Куропятник Г.П.* Захват Гавайских островов Соединенными Штатами. М., 1958.

Великобритании, и с этой точкой зрения допустимо согласиться.

Крупнейший французский историк, член Французской академии и иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук Альбер Сорель ***(Albert Sorel)***[45] писал, что «через сто лет после свержения Наполеона английский король... подготовил коалицию на службу и на благо Англии... мирным путем». «Когда Германия вступила в войну, она уже была виновна в нарушении бельгийского нейтралитета, к которому привели обстоятельства и превосходство британской дипломатии. Поскольку в силу военно-географического положения Германия пришла со своим мечом на чужую территорию, она выглядел извне в роли агрессора. Старая Европа была сожжена на костре, сложенном из лесов, городов и деревень Бельгии, Франции, Восточной Пруссии, Сербии, Польши, Галиции, Румынии и Северной Италии. Неисчислимое число людей пало жертвою, хлебные поля Востока и культурные уголки Запада оказались растоптанными апокалипсическими всадниками»[46].

Американский профессор истории Бернадотт Эверли Шмитт ***(Bernadotte Everly Schmitt)*** считал, что «именно раскол Европы в Тройственном союзе и Тройственной Антанте соединил различные варианты силы в одну гигантскую борьбу за баланс сил; и война началась в 1914 году, потому что тогда, впервые, были резко очерчены границы между двумя противоборствующими группами, и ни одна из них не могла уступить в сербском вопросе, понимая, что баланс окончательно перейдет к другой».

Член-корреспондент Прусской академии наук Г. Штегеманн в «Истории войны» пришел к выводу: «Будучи еще вчера бедной конфедерацией государств, где каждый из членов был самостоятелен, вчера еще следуя и приспосабливаясь к политике Австрии, германский рейх в одночасье стал мировой державой, предъявляя основательные требования для равноправия в совете старого мира. Англия, Россия и Франция сделали заявление, но не были услышаны, потому что мир уже был разделен. Война за мировое господство превратилась в борьбу за то, чтобы быть или не быть, поскольку Англия бросила все свое влияние на весы, массу и размер которого немцы не учли в достаточной степени. Англия вела мир в битву против Германии, которая грозилась оспорить ее превосходство. Все остальные казались английскими меченосцами, хотя каждый выходил на поле боя ради себя, своих интересов и притязаний на власть. Это был триумф британского государства. Слова Наполеона о том, что у Англии всегда был меч на континенте, стали абсолютной истиной в европейской войне.

Даже если Россия боролась за выход к открытому морю и Дарданеллам, Франция поднялась, чтобы вернуть границу Рейна, а Италия и Румыния пытались свести концы с концами к своей национальной жизни, все эти усилия были только поддержкой в стремлении Англии сохранить старый мир и свое морское господство. В результате этой войны происходит трагическое ослабление Франции после того, как она положила конец своей старой политике и отказался от англо-французского соревнования и поставила меч Наполеона на службу британской политики, которой требовалось установление превосходства в континентальных портовых странах. В начале XX века Германия выросла, и с Австро-Венгрией она превратилась в мощную центрально – европейскую структуру власти и казалась британским государственным деятелям более опасной, чем... Россия»[47].

Действительно, президент Франции Пуанкаре был известен своим резко антинемецким настроем. Переводя франко-русский союз с оборонительного на наступательный, он посещал Россию в 1912 и 1914 гг., чтобы укреплять франко-русские отношения и оказывать поддержку в мобилизации русских войск во время июльского кризиса 1914 г. После поражения Германии выступил за установление франко-германской границы по Рейну и осудил Версальский мирный договор 1919 г. как слишком мягкий. В 1924–1926 гг. критиковал правительство за пацифистский внешнеполитический курс, «пресмыкательство» перед Англией и «измену» Версалю.

Еще бóльшим радикализмом и воинственностью отличался французский премьер Ж. Клемансо, который не скрывал своих агрессивных устремлений и говорил, что последовавший за Первой мировой войной мир «является и не может не быть лишь продолжением войны»[48].

Уже в ходе Первой мировой войны, «в марте 1915 года Россия выговорила себе право захватить Константинополь и турецкие проливы, а 11 марта 1917 года – право присоединения Восточной Галиции и исключение из международного обсуждения польского вопроса.

Италия подписала 26 апреля 1915 года тайное соглашение с Англией, Россией и Францией, на основании которого она обязалась выступить против союзных ей центральных держав, а за

[45] См.: *Сорель А.* Европа и французская революция: соч., удостоен. Фр. акад. большой премии Gobert'a / пер. с франц. с предисл. проф. СПб. ун-та Н.И. Кареева. Т. 1–8. СПб., 1892–1908. Т. 8.

[46] *Stegemanns H.* Geschichte des Krieges. Stuttgart und Berlin, 1917. S. 70.

[47] *Stegemanns H.* Op. cit. S. 69.

[48] *Tardieu A.* La Paix. Preface de Georges Clemenceau. Paris, 1921. P. XIX – XXIII.

это получить земли ***Italia irredenta***[49], часть Тироля, острова в восточном углу Средиземного моря, часть Балканских земель и солидные территориальные компенсации при разделе Турции и в Африке. 18 августа 1916 года союзники заключили тщательно скрывавшееся от Сербии соглашение с Румынией, предоставив ей за выступление на их стороне Трансильванию, куски Венгрии, Буковину и Банат. На Дальнем Востоке Англия и Япония сговорились о переходе к Японии Шаньдуня и германских островов в Тихом океане, к северу от экватора, а к Англии таких же островов к югу от экватора. У других союзников Англия выторговала себе лучшие куски при разделе Турции, превращение в свою сферу влияния нейтральной зоны в Персии, полюбовный раздел (с Францией) Камеруна и Того. Франция обеспечила себе согласие России на присоединение Эльзас-Лотарингии и левого берега Рейна с признанием за Францией особых интересов в Саарском бассейне, а также видное участие в разделе Турции и Африки. На Балканах за участие в войне союзники предлагали одно и то же и Сербии, и Греции, разумеется, с тем, чтобы одна из этих стран не знала, что обещано другой»[50].

Убийство 28 июня 1914 г. эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, и его жены герцогини Софии Гогенберг в Сараево (Босния) привело к началу Первой мировой войны: 23 июля 1914 г. Австро-Венгрия выдвинула Сербии формально невыполнимое ультимативное требование[51], которое послужило ***casus belli*** для объявления ей войны 28 июля 1914 г.; Германия объявила войну России 30 июля 1914 г., Франции – 1 августа 1914 г., Бельгии – 4 августа 1914 г.; Великобритания объявила войну Германии 4 августа 1914 г.; Черногория объявила войну Австро-Венгрии 5 августа 1914 г.; Австро-Венгрия объявила войну России 6 августа 1914 г.; Сербия объявила войну Германии 6 августа 1914 г.; Черногория объявила войну Германии, Франция – Австро-Венгрии 12 августа 1914 г.; Великобритания объявила войну Австро-Венгрии 12 августа 1914 г.

Японское правительство 15 августа 1914 г. выступило и как союзник Англии[52] предъявило Германии ультиматум[53], требуя отзыва германских войск с Тихого океана. От немцев требовали вывести корабли из Циндао; безоговорочно передать арендованный на 99 лет район Цзяо-Чжоу ***(Kiautschou)***, взорвать укрепления порта и передать Японии Шаньдунский полуостров. Японцы также потребовали передачи им германских тихоокеанских колоний. Не получив ответа на ультиматум, Япония 23 августа 1914 г. императорским манифестом объявила войну Германии[54], в тот же день ее флот бомбардировал эту территорию. 7 ноября 1914 г. залив был оккупирован японскими войсками.

25 августа 1914 г. Япония объявила войну Австрии; Австрия – Бельгии 28 августа 1914 г.

После этого последовало еще 20 заявлений о войне, прежде чем Конгресс США объявил войну совместной резолюцией по Германии от 6 апреля 1917 г.[55] Совместная резолюция об объявлении войны Австро-Венгрии состоялась 7 декабря 1917 г., и президент США подписал ее в тот же день. Еще 21 объявление войны произошло в 1917–1918 гг. до перемирия 11 ноября 1918 г.

Ещё со времён Крымской войны три скандинавских государства стремились сохранять нейтралитет во всех вооруженных конфликтах. 21 декабря 1912 г. северные страны договорились о правилах нейтралитета, которые еще не были в подробностях изложены в Гаагском соглашении. В начале войны 1914 г. Дания, Швеция и Норвегия подтвердили свою волю к нейтралитету; встречи министров и, наконец, встреча скандинавских монархов подчеркнули эту линию. Но эти небольшие государства подвергались непрерывному давлению союзников, Антанта и Тройственный союз

---

[49] Итальянский ирредентизм – движение, существовавшее в конце XIX – начале XX в. в Италии, которое пропагандировало присоединение к Италии территорий, остающихся под властью Австро-Венгрии после Третьей итальянской войны за независимость: Трентино и Тироль, а также районов с мультиэтническим составом населения, таких как Южный Тироль, Истрия, Горица и часть Далмации. Позже предъявлялись претензии на город Риека (Фиуме), Корсику, Мальту, Ниццу и итальянскую Швейцарию.

[50] *Ключников Ю.В.* Версальский мирный договор / полный пер. с франц. подлинника под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина; со вступ. ст. Ю.В. Ключникова и предметным указателем. М., 1925. XXXI. С. III, IV (Итоги Империалистической войны: серия мирных договоров; I).

[51] См.: The Austro-Hungarian Ultimatum to Serbia (German Original). Wien, am 22. Juli, 1914. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/The_Austro-Hungarian_Ultimatum_to_Serbia_(German_Original); 11/24 July, 1914: Russian Memorandum of Advice to Serbia; The Serbian Response to the Austro-Hungarian Ultimatum (French Original). URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/The_Serbian_Response_to_the_Austro-Hungarian_Ultimatum_(French_Original).

[52] См.: Англо-японский союзный договор, заключенный в Лондоне 30 января 1902 года // *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Указ. соч. № 294. С. 300, 301.

[53] См.: Ultimatum to Germany, August 15, 1914 // International Law Studies. U.S. Government Printing Office, 1918. P. 175, 176. URL: https://books.google.ru/books?id=trmPvyYVRhgC&as_brr=1&hl=ru&source=gbs_navlinks_s

[54] См.: Proclamation of War with Germany, noon, August 23, 1914 // Ibid.

[55] См.: President Woodrow Wilson. Address of the President of the United States Delivered at a Joint Session of the Two Houses of Congress (Apr. 2, 1917); Joint Resolution Declaring War Against Germany. Apr. 6, 1917. On April 4, 1917, the Senate passed a joint resolution declaring war against Germany. The House of Representatives passed the joint resolution two days later on April 6, and President Wilson signed it later that day.

вынудили скандинавские правительства принять косвенное участие в войне; Норвегия и Швеция были вынуждены предоставить значительную часть своего тоннажа в распоряжение Англии. Швеция также поставляла руду союзникам, Германия старалась переговорами достичь того, чтобы ее минимальная потребность в 4 млн т ежегодно оставалась гарантированной.

В начале войны Дания освободила в соответствии с общими международно-правовыми нормами фарватеры проливов Бельт и Зунд для прохода судов воюющих сторон. Тем не менее германский главный морской штаб принудил ее заблокировать минами пролив Большой Бельт восточнее и западнее Спрогё и восточнее Земли Венгеанса. В результате после поражения Германии в Первой мировой войне Дания в 1920 г. вернула себе северный Шлезвиг ***(Sønderjylland–Schleswig)***, отторгнутый в 1864 г.

Тридцать три государства, или половина из тех, которые тогда существовали в мире, в т.ч. несколько из Азии, Латинской Америки и Африки, в конечном счете стали воюющими сторонами, другие – «почти воюющими сторонами» и также участвовали в мирной конференции[56].

Начало войны было для Германии успешным: немецкая армия оккупировала Бельгию, Люксембург, вторглась в Северо-Восточную Францию, захватила Польшу и часть Белоруссии. Союзники Германии воевали хуже: австрийцы были наголову разгромлены в Галиции, турки потерпели множество поражений на Кавказском фронте.

«Англия, Франция и Россия считали, что они определят поражение Германии и Австро-Венгрии своим оружием и будут владеть морями и быстро и надежно увеличат свое превосходство. Германия и Австрия пытались сделать все, чтобы снизить ограничения в случае стратегической неудачи, чтобы получить свободу действий и продолжить борьбу с противником. Когда Италия в начале военных действий заявила, что она будет оставаться нейтральной, и сослалась на букву Договора о тройственном союзе, которая, казалось, оправдывала эту позицию, положение Германии и Австро-Венгрии оказалось под полной угрозой»[57].

Несмотря на свой промышленный потенциал, Германия не могла одержать победу над противником в позиционной войне. Немецкие колонии были оккупированы. Перевес в ресурсах был у Антанты.

На европейском восточном фронте русская революция позволила остановить войну раньше, чем на западном. Советская власть стала инициатором прекращения войны, издав Декрет о мире, принятый II Всероссийским Съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., в котором не только предлагала всем воюющим государствам заключить перемирие и начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире «без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций»[58], но и наделить народы правом на самоопределение[59], что в будущем станет первой статьей Устава ООН.

В тексте Декрета было дано определение: «Под аннексией или захватом чужих земель Правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединенная или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию – все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета,– не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т.е. захватом и насилием»[60].

Германия и ее союзники подписали Брест-Литовские договоры с Украиной 9 февраля 1918 г.; с Финляндией, только что отделившейся от России, 7 марта 1918 г.; затем Бухарестский договор с Румынией 7 мая 1918 г.

3 марта 1918 г. в Брест-Литовске представителями Советской России и Центральных держав, был

[56] См.: *Wright Q.* A Study of War. Chicago. Abridged by Louise Leonard Wright. University of Chicago Press. 2nd ed. November 15, 1983. P. 58.

[57] *Stegemanns H.* Op. cit. S. 67.

[58] Декрет о мире // Документы внешней политики СССР / Комис. по изданию дипломатич. документов: А.А. Громыко (пред.) и др. М., 1957. Т. 1 (7 ноября 1917–31 декабря 1918) / ред. кол. И.Н. Земсков и др. С. 11–14 (далее – Документы внешней политики СССР).

[59] См.: Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 года // Там же. С. 14, 15.

[60] Декрет о мире.

подписан Брестский мир – неравноправный сепаратный мирный договор, навязанный России в виде ультиматума и лишавший Россию возможности выбора; поддерживаемый «угрозой непосредственного вооруженного натиска со стороны составителей мирного договора»[61], обеспечивший выход РСФСР из Первой мировой войны[62]. Были также подписаны дополнительные договоры России с Германией[63], Австро-Венгрией[64], Болгарией[65] и Турцией[66]. Договор был ратифицирован Чрезвычайным IV Всероссийским Съездом Советов 15 марта 1918 г.[67]; одобрен германским рейхстагом 22 марта и ратифицирован Вильгельмом II 26 марта 1918 г. По условиям мира Россия становилась нейтральной страной[68].

27 августа 1918 г. был заключен дополнительный (секретный) двусторонний договор. Согласно финансовой части данного соглашения РСФСР обязывалась выплатить 6 млрд марок (2.75 млрд руб.): в т.ч. 1.5 млрд руб. чистым золотом (245.564 т), 545.44 млн – кредитными обязательствами, а ещё один миллиард – поставками сырья и товаров[69]. Большевикам же удалось добиться признания своего контроля над Баку. Однако при этом Германия получала четверть производимой там продукции, прежде всего нефти[70].

Германское правительство также обязалось вывести свои войска из Белоруссии, с черноморского побережья и из района Ростова, не оккупировать новые территории и не поддерживать никакие «сепаратистские» движения.

Новая Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика признала независимость ряда новых государств и подписала с ними мирные договоры. Ей удалось установить советские правительства на Украине, в Белоруссии, Грузии, Азербайджане и Армении, и она отказалась признать присоединение Бессарабии к Румынии.

Первая мировая война, начавшаяся бомбардировкой Белграда 28 июля 1914 г., через месяц после теракта в Сараево, завершалась в 1918 г. Салоникским перемирием между Царством Болгарии и командующим Восточной армией союзников, ознаменовавшим собой прекращение участия Болгарии в Первой мировой войне (29 сентября); Мудросским перемирием между представителями Великобритании (как уполномоченными держав Антанты) и султанского правительства, признавшим поражение Турции и фактическое уничтожение турецкой государственности (30 октября); перемирием виллы Джусти между Австро-Венгрией и Италией (3 ноября); Компьенским перемирием ***(Armistice de Rethondes)*** с Германией (11 ноября) и Белградской конвенцией с Венгрией (13 ноября)[71].

Спустя восемь месяцев после вступления в войну, 8 января 1918 г., Президент Вудро Вильсон представил Конгрессу США проект международного договора, известный как «Четырнадцать пунктов».

Доклад был сделан в виде пунктов для переговоров, и эти «Четырнадцать пунктов» были позже приняты Францией и Италией 1 ноября 1918 г. Позже Британия подписала все пункты соглашения, кроме свободы морей.

Текст «Четырнадцати пунктов» был широко распространен в Германии в конце войны и хорошо известен немцам. Разногласия между этим документом и окончательным текстом Версальского

---

[61] Декларация, оглашенная русской мирной делегацией на заседании Мирной конференции в Брест-Литовске 3 нарта 1918 года // Документы внешней политики СССР. С. 117–119; Решение ВЦИК о созыве Чрезвычайного Съезда Советов для ратификации Мирного советско-германского договора, заключенного в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. // Там же. С. 205.

[62] См.: Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, 3 марта 1918 года, со всеми приложениями // Там же. С. 119–166.

[63] См.: Русско-Германский Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 166–183.

[64] См.: Русско-Австро-Венгерский Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 183–195.

[65] См.: Русско-Болгарский Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 195–198.

[66] См.: Русско-Турецкий Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, 3 марта 1918 г. // Там же. С. 199–204.

[67] См.: Постановление IV Чрезвычайного Всероссийского Съезда Советов о ратификации Брестского мира – 15 марта 1918 г. // Там же. С. 212, 213.

[68] См.: Ответ IV Чрезвычайного Всероссийского Съезда Советов на телеграмму Президента США Вильсона 14 марта 1918 г. // Там же. С. 211.

[69] См.: Русско-германское финансовое соглашение, служащее добавлением Дополнительного договора к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, от 27 августа 1918 г. // Там же. С. 445–453.

[70] См.: Русско-германский добавочный договор к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, от 27 августа 1918 г. // Там же. С. 437–445; Доклад Народного Комиссара Иностранных Дел Г.В. Чичерина о Русско-Германских Добавочных (Erganzungsvertrage) договорах на заседании ВЦИК 2 сентября 1918 г. // Там же. С. 463–467.

[71] См.: Die Militärkonvention von Belgrad/Beograd, 13. November 1918; Armistice Convention with Austria – Hungary. Protocol of conditions of the Armistice between the allied and associated powers and Austria – Hungary (signed at Villa Giusti November 3, 1918.)

договора вызвали разочарование у немцев. Ко времени перемирия 11 ноября 1918 г. иностранные армии только дважды входили в довоенные границы Германии: 26–30 августа 1914 г. в крупном сражении между русскими и германскими войсками в ходе Восточно-Прусской операции при Танненберге и после битвы при Мюльхаузене, которая началась 7 августа 1914 г., когда французская армия обосновалась в долине Танна.

«Четырнадцать пунктов» Вильсона основывались на убеждении, что существовавшая система международного порядка не устраивает большинство жителей планеты. Это была первая попытка установить общечеловеческий мировой порядок – фактически идея конституционного мирового сообщества, на которой основана Лига Наций, т.е. интеграция суверенных государств в систему взаимной безопасности, общих юридических обязательств, институтов и процедур с целью построения доверия.

Вильсон несколько раз публично излагал свои идеи, в т.ч. 4 июля 1918 г. в Маунт-Вернон, нацеливая человечество на «создание организации мира, которая обеспечила бы уверенность в том, что объединенная мощь свободных наций сдержит любое вторжение в права и послужит укреплению мира и справедливости, создав трибунал, которому все должны подчиниться и который санкционирует любую международную корректировку событий, которые не могут быть мирно разрешены непосредственно заинтересованными народами.

К чему мы стремимся,– это верховенство закона, основанное на согласии управляемых и поддерживаемое организованным мнением человечества. Эти великие цели не могут быть достигнуты путем обсуждения и стремления примирить и согласовать то, что могут пожелать государственные деятели, с их проектами баланса сил и национальных возможностей. Они могут быть реализованы только путем определения того, чего желают мыслящие народы мира, с их страстной надеждой на справедливость, социальную свободу и возможности»[72].

Соединенные Штаты устами своего президента заявили, что суть проекта Вильсона – это американская мирная программа, и что они имеют право установить новый мировой порядок. Но ведущие европейские державы, рассматривая «программу мира» как утопию (например, Великобритания жила тогда в т.ч. за счет Индии и освободила ее только в 1936 г., и ни о каком развале колониальной системы не могло быть и речи), были убеждены, что истинной целью США, завуалированной «борьбой за мир», всегда является стремление заморской державы быть мировым лидером, устраняя конкурентов любыми средствами.

В итоге эта концепция не была реализована – в первую очередь потому, что Соединенные Штаты еще не были готовы к глобальному доминированию. Они все еще воспринимали себя как региональную державу. Самое главное – США так и не присоединились к предложенной В. Вильсоном, их же президентом, Лиге Наций, чей Устав был подписан 28 июня 1919 г. как часть I Версальского договора и вступил в силу вместе с остальной частью Договора 10 января 1920 г.[73]

С 8 августа по 11 ноября 1918 г. в ходе широкомасштабного наступления Антанты против германской армии, в котором участвовали английские, австралийские, бельгийские, канадские, американские и французские войска, были проведены несколько операций, итогом которых стало поражение германских войск.

В ночь с 4 на 5 октября 1918 г. германское правительство послало Президенту США В. Вильсону просьбу «взять в свои руки дело восстановления мира, оповестить об этом желании Германии остальных союзников и назначить уполномоченных для ведения предварительных переговоров. Переговоры должны вестись на основе “14 пунктов”[74] и всех последующих дополнений к ним, еще более подчеркивающих демократизм требований Вильсона: 4 пункта от 11 ноября 1918 года (речь Вильсона в Конгрессе), 4 пункта от 4 июля 1918 года (речь в Маунт-Верноне) и 5 пунктов от 27 сентября 1918 года (речь в Нью-Йорке); итого – 27 пунктов»[75].

---

[72] President Wilson’s July 4, 1918 Speech at Mount Vernon. URL: https://www.mountvernon.org/preservation/mount-vernon-ladies-association/mount-vernon-through-time/mount-vernon-during-world-war-i/woodrow-wilsons-july-4-1918-mount-vernon-speech/

[73] В 1924 г. в ст. 4, 6, 12, 13 и 15 были внесены поправки.

[74] «14 пунктов» мирных условий, которые 8-го января 1918 года, через 9 месяцев по вступлении Соединенных Штатов в войну, В. Вильсон изложил в своем послании к Конгрессу: 1. Отказ от тайной дипломатии. 2. Свобода морей. 3. Свобода торговли. 4. Ограничение вооружений. 5. Справедливое урегулирование притязаний. 6. Очищение занятых русских областей и разрешение всех касающихся России (революционной) вопросов. 7. Очищение и восстановление Бельгии. 8. Очищение и восстановление занятых французских областей и возвращение Франции Эльзас-Лотарингии. 9. Исправление итальянских границ согласно ясно выраженному национальному признаку. 10. Самостоятельное развитие народов Австро-Венгрии. 11. Очищение и восстановление Румынии, Сербии и Черногории; предоставление Сербии свободного выхода к морю. 12. Урегулирование турецкого вопроса; самостоятельное развитие нетурецких народностей в Турции; интернационализация Дарданелл. 13. Создание независимой Польши с несомненно польским населением. 14. Должно быть образовано общее объединение наций на основе особых статутов в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целости как больших, так и малых государств.

[75] *Ключников Ю.В.* Указ. соч. С. V.

После консультаций с союзниками 5 ноября 1918 г. была составлена строгая ответная нота Германии, послужившая с юридической точки зрения обязательной для сторон на предмет заключения перемирия и последующего мира. Тем самым США с согласия империалистических держав фактически приняли на себя роль международного арбитра в деле окончания Первой мировой войны и последующего установления мирового порядка. Но не все государства были с этим согласны, и в первую очередь не вовлеченная в этот процесс Россия.

Первое Компьенское перемирие о прекращении военных действий в Первой мировой войне было заключено 11 ноября 1918 г., через несколько дней после начала в Германии Ноябрьской революции ***(Novemberrevolution)***, 9 ноября 1918 г., в результате которой монархия была свергнута, а Вильгельм II вынужден был бежать в Нидерланды. Символизм процесса присутствует в этом военном соглашении между Францией и Германией: перемирие между союзниками и Германией было подписано 11 ноября в 05:12–05:20 утра в железнодорожном вагоне маршала Фердинанда Фоша[76] в Компьенском лесу и вступило в силу в 11 час. В ознаменование этого события был дан 101 артиллерийский залп. Это событие с точностью до наоборот для сторон будет воспроизведено спустя 22 года.

Одним из условий Компьенского перемирия между Антантой и Германией являлся отказ последней от всех условий Брест-Литовского и Бухарестского мирных договоров. Революция в Германии существенно осложнила её положение. 13 ноября 1918 г. на фоне этих событий решением советского ВЦИК был аннулирован Брестский мир.

Постановление об аннулировании Брестского договора подписали Я.М. Свердлов (Председатель ВЦИК), В.И. Ленин (Председатель Совета народных комиссаров) и В.А. Аванесов (секретарь ВЦИК)[77]. В тот же день большевистское правительство отдало приказ армии перейти демаркационные линии и вступить в занятые немцами районы бывшей Российской Империи.

Советская Западная армия, в задачу которой входило установление контроля над Белоруссией, 17 ноября 1918 г. двинулась вслед за отступающими немецкими частями и 10 декабря 1918 г. вступила в Минск. В этот же день декретом Совнаркома была признана независимость Польши. Встал вопрос о границах последней. Польские политики во главе с Юзефом Пилсудским настаивали на том, что восточные территории бывшей Речи Посполитой 1772 г. должны войти в состав нового государства, с установлением контроля над Белоруссией, Украиной, Литвой и геополитическим доминированием в Восточной Европе. Советское правительство, напротив, предполагало установить контроль над всей территорией бывшей Российской Империи. Началась советско-польская война (1919–1921 гг.). США и Франция выступали за всемерную помощь правительству Пилсудского и принимали участие в создании польской армии.

Особенно усердствовала Франция, которая кроме поставок вооружения отправила французскую военную миссию для обучения польских войск и во многом способствовала успехам польской армии. В боевых действиях на стороне поляков принимали участие военные из США. В июле 1919 г. в Польшу прибыла 70-тысячная армия, созданная во Франции в основном из эмигрантов польского происхождения из Франции и США.

В Обращении СНК РСФСР от 20 июля 1920 г. говорилось: «Англия хотела войны. Ведя с нами переговоры.., она в то же время непрерывно посылала боевое снабжение Пилсудскому. Лорд Керзон ссылается на Лигу Наций. Но в состав этой Лиги входит Польша, открывшая против нас разбойничий и грабительский поход. Членом той же Лиги Наций является хищная императорская Японии, которая под прикрытием своих Союзников совершает ныне чудовищные насилия в Дальневосточной Республике. Если бы Лига Наций имела своей задачей содействовать делу мира, она должна бы помешать Польше начинать войну и потребовать от Японии очищения Восточной Сибири. Но этого не было и нет. Все члены Лиги Наций, и особенно Франция, Англия и Америка, связаны круговой порукой в деле провокации войны Польши с Украиной и Россией. Самые могущественные члены Лиги Наций помогали и помогают Польше, чем могут. В великобританском посредничестве ненависть прикрывалась фразами миролюбия»[78].

---

[76] См.: *Foch F.* Des principes de la guerre: conférences faites à l'École supérieure de guerre ([Reprod.]) / par le lieutenant-colonel d'artillerie F. Foch. Berger-Levrault. Paris, 1903; *Foch F.* De la conduite de la guerre; la manoeuvre pour la bataille. Berger-Levrault. Paris, 1909.

[77] См.: Постановление ВЦИК 13 ноября 1918 г. об аннулировании Брест-Литовского договора // Документы внешней политики СССР. С. 565–567 (см.: «Всероссийский ЦИК сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и Дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Брест-Литовский мир насилия и грабежа пал, таким образом, под соединенными ударами германских и русских пролетариев-революционеров»).

[78] Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР к рабочим, крестьянам и всем честным гражданам Советской России и Советской Украины 20 июля 1920 г.; Нота Правительства РСФСР Правительству Великобритании от 17 июля 1920 г. № 634 // Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3 (1 июля 1920 г.– 18 марта 1921 г.) / ред. кол. Г.А. Белов и др. С. 47–60.

Кроме того, в результате переговоров министров иностранных дел Польши и Румынии 3 марта 1921 г. в Бухаресте было подписано соглашение о взаимопомощи между двумя странами, по существу, направленное против Советской России.

Завершилась эта война 17 апреля 1921 г. после ратификации сторонами унизительного для России Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. между РСФСР (за себя и по полномочию правительства БССР), УССР, с одной стороны, и Польской Республикой, согласно которому к Польше отошли территории с преобладанием непольского населения – Западная Украина (западная часть Волынской губернии), Западная Белоруссия (Гродненская губерния) и часть территорий других губерний Российской Империи, а также предусматривалась выплата де-факто значительных репараций[79].

Советско-польская война проходила одновременно с интервенцией в Россию стран Антанты, активно поддерживавших Польшу с момента ее воссоздания как независимого государства. В связи с этим война Польши против России рассматривалась «великими державами» как часть борьбы против большевистского правительства. И вновь в авангарде борьбы была Великобритания.

Война продолжалась в России с теми силами, которые бросили вызов Советской власти, в то время как интервенты рвались задушить молодую республику, а различные национальные группы провозглашали свою независимость. Всего в интервенции приняли участие 14 государств.

Поддержавший интервенцию премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг. и друг У. Черчилля Ллойд Джордж ***(David Lloyd George)*** писал: «Самым грозным и безответственным героем антибольшевистской войны был мистер Уинстон Черчилль. У него, без сомнения, было искреннее отвращение к коммунизму...». Осуждение Черчиллем большевизма проистекало из страха и ненависти к его политической системе и из отказа присоединиться к борьбе против Имперской Германии в Первой мировой войне после большевистской революции. Он надеялся убедить их вернуться в бой, предложив союзникам отправить «комиссара» в Россию для переговоров и рекомендовал на эту роль Теодора Рузвельта.

В своей речи, произнесенной 11 апреля 1919 г., Черчилль заявил, что «каждый британский и французский солдат, убитый в прошлом году, действительно был убит Лениным и Троцким»[80].

В годовом отчете Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР к IX Съезду Советов за 1920–1921 гг. прямо был назван непримиримый борец с Советской Республикой: «Самый ярый наш враг в британском правительстве, военный министр Черчилль, выступил в Данди с речью о международном положении, где, между прочим, осыпал Советское правительство и его руководящих членов неслыханной неприличной бранью»[81].

Уже после Второй мировой войны Черчилль на протяжении многих лет высказывал сожаления о неудаче удушения большевизма. Один из первых случаев был в Палате общин 26 января 1949 г., затем в речи в марте 1949 г. на конференции в Массачусетском технологическом институте. Пять лет спустя, 28 июня 1954 г., выступая в Национальном пресс-клубе Вашингтона, он заявил: «Если бы меня в 1919 году должным образом поддержали, я думаю, мы бы задушили большевизм в его колыбели, но все подняли руки и сказали: “Какой ужас!”».

Еще 10–23 декабря 1917 г. на англо-французских переговорах в Париже было принято решение о разграничении зон интересов на территориях бывшей Российской Империи и установлении контактов с национально-демократическими правительствами. Зоной интересов Великобритании были определены «казачьи и кавказские области», Армения, Грузия и Курдистан, Франции – Украина, Бессарабия и Крым[82].

2 декабря 1918 г. Правительство Российской Социалистической Советской Республики «узнало, что английский флот в Балтийском море приближается к русским берегам, что корабли держав Антанты направляются из Константинополя к гаваням Крыма и Южной Украины, а войска этих же стран уже перешли границы Бессарабии. Без какого-либо повода со стороны России, без какого-либо основания для своих действий, без чего-либо, что могло бы хоть в малейшей степени оправдать эти действия, армии держав Антанты прошедшим летом вторглись в пределы Российской

[79] См.: Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой. Подписанный в г. Риге 18 марта 1921 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. Ст. № 219. С. 343–369.

[80] *James Robert R.* Churchill: a Study in Failure, 1900–1939. World Publishing Company, 1970. P. 400; *Churchill W.S.* His Complete Speeches, 1897–1963. January 1, 1974. Vol. III: 2771.

[81] Из годового отчета Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР к IX Съезду Советов за 1920–1921 гг. 23–28 декабря 1921 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. 4. 19 марта 1921 г.– 31 декабря 1921 г. / ред. кол. Л.С. Гапоненко и др. С. 679.

[82] См.: Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел по поводу участия дипломатических представителей Англии и Франции в организации заговоров против Советской власти от 6 сентября 1918 г № 102 // Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 469, 470.

Социалистической Советской Республики, оккупируя ее города, захватывая ее села и деревни, грабя страну, расстреливая ее лучших сынов и пытаясь продвинуться вглубь России, чтобы уничтожить ее независимость и потопить в крови ее защитников. Войска держав Антанты были двинуты через Дальний Восток на помощь чехословацким и белогвардейским контрреволюционным мятежникам. Эти войска регулярно участвовали совместно с ними в массовых расстрелах рабочих, крестьян, борцов за свободу. Замыслы Правительств стран Антанты окутаны зловещим мраком. Они заявили, что их войска в тех районах, которые до этого были оккупированы немецкими армиями, будут защищать тот же самый социальный порядок, который защищали эти немецкие армии»[83].

Дьявольским замыслом звучало предложение из Брюсселя использовать голод в России для того, чтобы принудить ее признать долги царского правительства[84].

Ноябрьская революция 1918 г. в Германской империи привела к установлению в Германии режима парламентской демократии, известного под названием «Веймарская республика» ***(Weimarer Republik)***.

Началом революции считается восстание матросов в Киле 4 ноября 1918 г., кульминационным моментом – провозглашение республики в полдень 9 ноября, днём формального окончания – 11 августа 1919 г., когда рейхспрезидент республики Фридрих Эберт подписал Веймарскую конституцию, принятую Веймарским учредительным собранием 31 июля 1919 г.[85] Официально страна продолжала именоваться «Германское государство» ***(Deutsches Reich)***, как и во времена Германской империи.

После восстания в Киле, ставшего началом Ноябрьской революции в Германии, 15 тыс. моряков из Эльзаса и Лотарингии, служившие в Имперском флоте, стали возвращаться домой. Основная их часть прибыла в Эльзас на следующий день после взятия власти и формирования временного правительства Курта Эйснера Советом в Мюнхене и была встречена огромной манифестацией, тут же переросшей в митинг и закончившейся провозглашением Рабочего и Солдатского Совета города Страсбург 10 ноября 1918 г.

11 ноября 1918 г. Страсбургский совет собрался во Дворце правосудия ***(Palais de justice)*** на заседание, на котором были проведены выборы председателя Совета – им стал секретарь профсоюза пивоваров Ребхольц ***(Rebholz)*** – и провозглашены независимость от Берлина, свержение монархии кайзера и установление народной власти в республике. На стенах города появились лозунги: «Мы не имеем ничего общего со странами капитала. Мы говорим – ни немцев, ни французов, ни нейтралов. Да здравствует мировая революция!». Руководимые марксизмом советы рабочих и солдат ***(Soldaten und Arbeiterräte)*** были сформированы в Мюлузе 9 ноября, затем в Кольмаре – 10 ноября. Красный флаг витает над собором[86].

22 ноября 1918 г. французским оккупационным командованием было объявлено о роспуске Советов, аннулировании их постановлений и аннексии Эльзаса Францией.

19 декабря 1918 г. Советы проголосовали 344 против 98 против создания советской системы как базы для новой конституции. Они поддержали правительственное решение провести как можно скорее выборы Учредительного собрания. Был избран Центральный совет Германской Социалистической Республики ***(Zentralrat der Deutschen Sozialistischen Republik)***.

В декабре 1918 г. войска Антанты в соответствии с Компьенским перемирием начали оккупацию Рейнской области и также заняли стратегические плацдармы на восточном берегу Рейна радиусом в 18 миль каждый с центрами в городах Кёльн (Великобритания), Кобленц (США) и Майнц (Франция).

Бременская Советская Республика ***(Bremer Räterepublik)*** просуществовала с 10 января по 9 февраля 1919 г. в немецких городах Бремене и Бремерхафене. Баварская Советская Республика, провозглашённая 6 апреля 1919 г. в Мюнхене, – до 3 мая 1919 г. С 13 апреля ее правительство (Исполнительный совет) возглавлял Евгений Левине и еще двое других иммигрантов из Российской Империи. Бременская Советская Республика наряду с Баварской Советской Республикой являлись одним из самых значительных явлений из числа революционных событий в Германии 1918–1920 гг.

Ведущий историк современной Германии Генрих Август Винклер ***(Heinrich August Winkler)*** исследовал крах «второй» Германской империи – Германского рейха 1871–1918 гг. и посвятил свою работу истории образовавшегося на развалинах этой

[83] Нота Советского Правительства правительствам Великобритании, Франции, Италии и Соединенных Штатов Америки, всем, от 2 декабря 1918 г. № 801 // Там же. Т. 1. С. 593–595.

[84] См.: Нота Правительства РСФСР правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США // Там же. Т. 4. С. 445.

[85] Веймарская конституция (Weimarer Verfassung; официальное название «Конституция Германского государства» (Verfassung des Deutschen Reichs), или Веймарская государственная конституция (Weimarer Reichsverfassung) – первая действовавшая в Германии демократическая конституция.

[86] См.: *Fortier J.* L'Alsace dans la Grande Guerre – La chute de l'Empire – La journée des deux Républiques, Les Dernières Nouvelles d'Alsace.

империи первого немецкого демократического государства – Веймарской республики.

Веймарской республике, констатирует он, так никогда и не удалось выйти из тени поражения Германии в Первой мировой войне, которому она была обязана своим возникновением[87]. Когда в октябре 1918 г. Германская империя трансформировалась из конституционной монархии в парламентскую, это была ее последняя, но далеко не первая уступка идее демократии: «С момента образования империи в 1871 года все ее взрослое мужское население при выборах депутатов рейхстага пользовалось всеобщим и равным избирательным правом. Подобным участием населения в политической жизни не могла тогда похвастаться даже такая «образцовая либеральная монархия, как Великобритания». Но все же, корректирует свои похвалы Винклер, «до октября 1918 года в Германии не было правительства, ответственного перед парламентом» и, переходя к Веймарской республике, замечает: «Запоздалая конституционная реформа должна была смягчить западные демократии, победившие в войне, по отношению к побежденной Германии. Это ожидание так и не оправдалось в том числе и потому, что Германия упорно отказывалась признать свою главную роль в развязывании Первой мировой войны»[88].

В послевоенной ФРГ новая немецкая демократия столь безоговорочно осудила преступления нацистского режима и так истово старается привнести в сознание новых поколений чувство вины и покаяния, дабы не допустить повторения прежних ошибок, что нынешние немцы заслужили славу нации, безжалостно расправляющейся с негативными чертами собственной истории, а сам этот процесс получил наименование, едва ли употребляемое где-либо еще,– «преодоление прошлого» ***(Vergangenheitsbewaltigung)*** – это слово может относиться к психологическому процессу денацификации. В сочетании с молчанием о нацистском прошлом, которое объявляется основной добродетелью республики[89].

«Веймарская конституция 1919 года предоставила в распоряжение своих врагов инструмент вытеснения парламентаризма в виде статьи 48, наделяющей рейхспрезидента правом издавать внепарламентские законодательные акты. Задуманная как ответ на чрезвычайные ситуации, ставившие под угрозу общественную безопасность и порядок, эта статья уже при Эберте стала средством ускоренного законотворчества в условиях кризиса, а рейхспрезидент был возведен в ранг эрзац-законодателя. При Гинденбурге (начиная с лета 1930 года) режим чрезвычайных постановлений превратился в хронический, и второй рейхспрезидент даже не помышлял о том, чтобы вернуться к нормальному законотворческому процессу»[90].

В январе 1933 г. закончилась не только история первой немецкой демократии: после прихода к власти национал-социалисты последовательно порвали и с гораздо более старыми традициями немецкого правового государства.

Таким образом, к завершению Первой мировой войны сложились все необходимые предпосылки для изменения мирового порядка. Окончательные итоги Первой мировой войны были подведены на Парижской мирной конференции и завершились подписанием в Версале 28 июня 1919 г. Версальского мирного договора ***(Traité de Versailles,*** англ. ***Treaty of Versailles***)[91] в той самой Зеркальной галерее, где 48 лет назад была провозглашена Германская империя.

Версальский мирный договор имел целью зафиксировать факт военного разгрома Германии и ее ответственность за возникновение войны, произвести передел мира в пользу держав-победительниц путем ликвидации Германской колониальной империи, закрепить территориальные изменения в Европе, в т.ч. за счет передачи земель Германии и бывшей Российской Империи другим государствам, создать систему, обеспечивающую выполнение Германией условий Версальского мирного договора и гарантирующую державам-победительницам на длительное время роль бесспорных мировых лидеров.

Договор институционально зафиксировал полицентричный мир, в котором предполагалось принятие и осуществление важнейших решений путем взаимных договоренностей «великих держав» с учетом интересов остальных. Была создана Лига Наций – международная организация, которая была нацелена на поддержание существовавшего мирового порядка, на недопущение дестабилизации международной системы по воле одного из ее элементов. Лежащие в его основании договоры и документы создали правовую базу для изменения

[87] См.: *Любин В.П.* О неготовности постимперского общества к демократии (*Винклер Г.А.* Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии / пер. с нем. Е.Е. Земсковой, А.И. Савина. М.: РОССПЭН, 2013.– 878 с.) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 4.

[88] *Винклер Г.А.* Указ. соч. С. 5.

[89] См.: *Frei N.* Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996. P. 464; Vergangenheitsbewältigung / by E. Jesse, K. Löw. Berlin, 1997.

[90] *Винклер Г.А.* Указ. соч.

[91] См.: *Graf Ferdinand Czernin von und zu Chudenitz.* Versailles, 1919: The Forces, Events, and Personalities that Shaped the Treaty. Capricorn Books, 1965. P. 437.

административно-государственной карты мира по меньшей мере на четырех континентах и вовлекли в эту деятельность все человечество.

Юридически обязывающие решения принимались лидерами четырех государств-победительниц, без учета мнений поверженных держав и в отсутствие России[92]. Исторические, этнические, национальные и другие важные аспекты переговорного процесса либо не принимались во внимание вовсе, либо трактовались только с точки зрения победителей, при главенствующей роли США и Великобритании, имевшей при голосовании почти такое же количество делегатов, как все остальные «великие державы» вместе взятые[93]. Европа получила такие границы, что ни одно из государств – победители или даже вновь воссозданная как суверенное государство Польша – не осталось удовлетворенным. Италия после победы приняла фашистскую идеологию, сформировала первое в мире фашистское правительство и, объявив об имперских амбициях, развязала агрессивную войну[94], вступив в союз с бывшим врагом – Германией. Европу покинул дух спокойствия и миролюбия. США дистанцировались на своем континенте.

Великобритания и Франция, взявшие на себя ответственность за послевоенное переустройство, с этой задачей не справились и из всех плодов победы использовали только нагнетание антагонистического отношения к первому в истории человечества государству рабочих и крестьян – РСФСР, позже СССР[95]. Неудавшиеся попытки вооруженным путем сломить РСФСР и СССР были продолжены на уровне бойкота, а затем системы политических, экономических и правовых мер воздействия. Поэтому мировой империализм, возникший в Италии и Германии фашизм, а в Японии милитаризм были нацелены против России с использованием правовых форм международного сотрудничества и продвижения агрессии Германии против России.

Поскольку Версальский договор был создан после поражения Российской Империи в 1917 г. и гибели Австро-Венгерской монархии, Османской и Германской империй – некоторые историки неофициально называют его «постимперским миропорядком».

Существенный факт внутренних перемен в России, который лишил ее победы в Первой мировой войне, повлиял на дальнейшее развитие страны, изменил парадигму власти, но с точки зрения международного присутствия и авторитета не стал поводом для утраты статуса «великой державы».

В литературе считается доминирующим мнение о том, что международный порядок, основы которого были заложены разработанным на Парижской мирной конференции (1919–1920) при участии 27 государств Версальским мирным договором, договорами с союзниками Германии, а также соглашениями, заключенными отдельно с США, следует именовать Версальско-Вашингтонской системой международных отношений.

Договор состоял из 440 статей, объединённых в 15 разделов. Подписан 28 июня 1919 г. в Версале: США, Британской империей, Францией, Италией и Японией, а также Бельгией, Боливией, Бразилией, Кубой, Эквадором, Грецией, Гватемалой, Гаити, марионеточным королевством Хиджаз, Гондурасом, Либерией, Никарагуа, Панамой, Перу, Польшей, Португалией, Румынией, Сербо-Хорвато-Словенским государством, Сиамом, Чехословакией и Уругваем, с одной стороны, и капитулировавшей Германией – с другой. Советская Россия не была приглашена участвовать в выработке и подписании договора. Китай, принимавший участие в работе Парижской мирной конференции, договор не подписал. Из подписавших договор государств – США, Хиджаз и Эквадор в дальнейшем отказались его ратифицировать. Сенат США отклонил его из-за нежелания связывать Соединенные Штаты Америки с участием в работе Лиги Наций, Устав которой был составной частью Версальского мирного договора[96].

Главной задачей Версальского мира было создать единый союзнический фронт против

[92] Основные проблемы послевоенного устройства мира на конференции решала т.н. «Большая четверка» лидеров «великих держав», в которую входили американский президент Вудро Вильсон, британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж, премьер-министр Франции Жорж Клемансо и премьер-министр Италии Витторио Эмануэле Орландо – за время конференции они провели 145 неформальных встреч и приняли все ключевые решения, которые впоследствии были утверждены остальными участниками.

[93] Для делегатов, имевших право голоса на конференции, была установлена целая система градаций между странами. Четыре из крупнейших стран (Соединенные Штаты, Франция, Италия и Япония) имели каждая по пять делегатов. Великобритания со ссылкой на самостоятельное значение своих доминионов обеспечила себе целых 17 делегатских мест. Ряд государств получили по три места, малые страны – по два, совсем малые – по одному.

[94] Итало-эфиопская война 1935–1936 гг., в которой итальянскими войсками применялось запрещенное химическое оружие: иприт и фосген, в результате чего погибли 273 тыс. жителей Эфиопии. 7 мая 1936 г. Итальянское королевство аннексировало Эфиопию, а 9 мая того же года итальянский король Виктор Эммануил III был объявлен императором Эфиопии. Оба государства были членами Лиги Наций, которая не нашла действенных мер воздействия на агрессора. Тем самым был открыт путь к агрессии Японии, Германии.

[95] Подробно о Версальском договоре и текст см.: *Ключников Ю.В.* Указ. соч.

[96] См.: Pacte de la Société des Nations. Signature: 28 Juin 1919. URL: https://mjp.univ-perp.fr/traites/sdn1919.htm

Германии. Эта задача ему оказалась не под силу. В среде самих главных держав раскол обнаружился очень скоро. Постепенно отошли в сторону Америка, Япония и Италия, а затем начался период ожесточенного соперничества Англии и Франции.

По Версальскому мирному договору Германия по количеству людей уменьшилась приблизительно на 1/12 своего населения, или на 7 млн человек. По количеству земли она потеряла приблизительно 1/8 своей территории. Германия передавала Франции провинцию Эльзас – Лотарингия, Бельгии – округа Мальмеди и Эйпен, а также Нейтральную Морене ***(Moresnet)*** и Прусскую Морене; Польше – Познань, части Поморья и другие территории Западной Пруссии; г. Данциг (Гданьск) был объявлен «вольным городом» и лишил Германию 327 тыс. граждан, в т.ч. 315 тыс. (или 97% всего населения) немцев; г. Мемель (Клайпеда) передан в ведение держав-победительниц (в феврале 1923 г. присоединен к Литве). Угольные шахты Саара были переданы в собственность Франции. Сам Саар перешёл на 15 лет под управление Лиги Наций, а по истечении 15 лет его судьба также должна была быть решена путем плебисцита. Германия отказалась от аншлюса, обязалась строго соблюдать суверенитет Австрии, а также признала полную независимость Польши и Чехословакии. Вся германская часть левобережья Рейна и полоса правого берега шириной в 50 км подлежали демилитаризации. Левобережье Рейна в целях гарантирования выполнения Германией налагавшихся на нее обязательств оккупировалось войсками союзников сроком до 15 лет с момента вступления договора в силу.

Она лишалась всех своих колоний, в шесть раз превышавших по площади империю и имевших население численностью до 13 млн человек, которые позднее были поделены между главными державами-победительницами на основе системы мандатов Лиги Наций. В Африке Танганьика стала подмандатной территорией Великобритании, район Руанда – Урунди – подмандатной территорией Бельгии, «Треугольник Кионга» (Юго-Восточная Африка) был передан Португалии (эти территории стали единственным территориальным приобретением Португалии в результате победы Антанты в войне), Великобритания и Франция разделили ранее принадлежавшие Германии Того и Камерун; Южно-Африканский Союз получил мандат на Юго-Западную Африку. На Тихом океане в качестве подмандатных территорий к Японии отошли принадлежавшие Германии острова севернее экватора, к Австралийскому Союзу – Германская Новая Гвинея, к Новой Зеландии – острова Самоа.

Германия отказалась не только от своих прав в Египте и Марокко, но и признала протекторат Великобритании над территорией Египта, а Франции – над территорией Марокко[97]. Отказывалась от всех концессий и привилегий в Китае, от прав консульской юрисдикции и от всякой собственности в Сиаме, от всех договоров и соглашений с Либерией, признавала протекторат Франции над Марокко и Великобритании над Египтом. Права Германии в отношении Цзяо-Чжоу и всей Шаньдунской провинции Китая отошли к Японии.

Вооруженные силы Германии должны были быть ограничены 100-тысячной сухопутной армией; обязательная военная служба отменялась, основная часть сохранившегося ВМФ подлежала передаче победителям. Германии запрещалось иметь подводный флот и военную авиацию.

Поскольку на Германию возлагалась ответственность за развязывание войны, в Договор была внесена статья, предусматривавшая возмещение ущерба странам, подвергшимся ее нападению. В дальнейшем специальная Репарационная комиссия установила размер репараций – 132 млрд золотых марок. Экономические статьи Договора ставили Германию в положение зависимой страны.

Согласно ст. 116 Германия признавала независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 г., а также отмену Брестского мира 1918 г.: «Германия признает и соглашается уважать как постоянную и действительную независимость всех территорий, которые входили в состав бывшей Российской империи 1 августа 1914 года. В соответствии с положениями статьи 259 части IX (финансовые положения) и статьи 292 части X (экономические положения) Германия определенно признает отмену Брест-Литовских договоров и всех других договоров, конвенций и соглашений, заключенных ею с максималистским правительством в России. Союзные и ассоциированные державы формально оставляют за собой право России получить от Германии реституцию и возмещение ущерба на основе принципов настоящего Договора».

Договором предусматривалось проведение международного суда над Вильгельмом II и другими лицами, виновными в совершении действий, «противных законам и обычаям войны».

Предполагалось создание особого суда из пяти судей, каждый из которых назначается одной из следующих пяти держав, включая Соединенные Штаты Америки, Великобританию, Францию, Италию и Японию, над обвиняемым с сохранением существенных гарантий права на защиту. Когда Нидерланды отказались выдать бывшего

[97] См.: *Антонов И.П., Селиверстов М.В.* Формирование и развитие теории государственного суверенитета в трудах немецких ученых XVII–XIX вв. // Право и политика. 2013. № 8 (164). DOI: 10.7256/1811–9018.2013.8.9128.

кайзера, представители союзников посчитали вопрос закрытым.

Союзники также отказались и от попыток осудить рядовых немецких военных преступников. Из нескольких сотен лиц, указанных в списке, под суд в итоге попали 12 человек; большинство было оправдано, а несколько офицеров подводных лодок, которые отдавали приказы потопить спасательные шлюпки с ранеными, получили по четыре года тюрьмы. Офицеры, однако, бесследно скрылись из тюрьмы через несколько недель.

Версальский мирный договор не способствовал установлению прочного мира в Европе. Он не был признан СССР. В Германии его условия воспринимались как «величайшее национальное унижение». Окончательно утратил свое значение после официального отказа Германии от соблюдения его условий в 1937 г.

Сен-Жерменский мирный договор был подписан между странами Антанты и новообразованной республикой Австрия как одной из правопреемников Австро-Венгрии, потерпевшей в войне поражение в составе Четверного союза[98]. После битвы при Витторио-Венето австро-венгерская армия потерпела поражение в войне, ускорив процессы распада страны. Австро-Венгрия капитулировала 27 октября 1918 г.

Австрия признала отделение от нее Венгрии, Чехословакии, части польских территорий, также согласилась на территориальные уступки в пользу Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев. Так как в составе Австро-Венгрии двум ее частям принадлежали разные территории, то непосредственные территориальные потери Австрии по Сен-Жермену ограничивались Цислейтанией.

К вновь созданной Польше была присоединена Западная (а вскоре и Восточная, бывшее Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцима и Затора) Галиция. За Чехословакией, кроме непосредственно Чехии (Богемии) и Моравии, закреплялась входившая в венгерскую часть империи Габсбургов Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь), которая в качестве автономной Руськой Краины в составе Венгерской Советской Республики была оккупирована чехословацкими и румынскими войсками[99].

Трансильвания и часть Воеводины (Баната), входившие ранее в состав Австро-Венгрии, а также Буковина были переданы Румынии. Австрия потеряла Южный Тироль и Истрию, отходившие к Италии. К тому же Королевство сербов, хорватов и словенцев получило от Австрии Далмацию, части Западной Крайны, Каринтии и Штирии, ставшие Хорватией и Словенией. Туда же вошла и аннексированная Австро-Венгрией в 1908 г. Босния и Герцеговина.

Италия и Королевство сербов, хорватов и словенцев продолжали территориальные споры, которые, в частности, касались порта Фиуме (Риека) на побережье Адриатики. Раздел территорий между ними был окончательно утвержден в Рапалльском договоре 1920 г., по которому Италия получила Юлийскую Крайну, почти всю Истрию, порт Задар (Зара) и ряд островов у далматского побережья. На большинстве этих территорий преобладало славянское, а не итальянское население; тем не менее территориальные амбиции и иррендентистские претензии Италии остались не удовлетворены.

Несмотря на территориальные потери, Австрия сумела несколько увеличить свои владения за счет Бургенланда, ранее не входившего в Коронные земли, поскольку в дуалистической монархии он подчинялся не Вене, а Будапешту, будучи частью Транслейтании. Это же подтвердил и Трианонский договор.

В итоге по условиям Сен-Жерменского договора Австрия превращалась в небольшую страну с территорией в 84 тыс. кв. км и населением около 6.7 млн человек – преимущественно этнических немцев, а также 200 тыс. словенцев. На землях Восточной Галиции 3 ноября 1919 г. была провозглашена Западно-Украинская Народная Республика, но права на нее тут же предъявила воссозданная 6 ноября Польша. Аннексия Западной Украины Польшей была санкционирована 14 марта 1923 г. конференцией послов главных союзных держав, несмотря на протесты Советской России и Советской Украины.

Австрия отказывалась от имперских притязаний и прав в Китае (где ей ранее принадлежала концессия в Тяньцзине), Марокко, Египте, Сиаме (ст. 95–117).

Военные статьи договора (***Military, Naval and Air clauses***; ч. V – VII) предписывали в трехмесячный срок демобилизовать армию (ст. 118) и ограничивали численность новой армии Австрии в 30 тыс. человек (ст. 120), набираемых на добровольной основе. Кроме того, договор запрещал Австрии иметь химическое оружие, танки и боевые самолёты (ст. 144). При этом Австрии и Чехословакии предоставлялся свободный транзит к Адриатическому морю (ст. 311, 322).

[98] Treaty of Peace between the Principal Allied and Associated Powers and Austria (Signed at St. Germain-en-Laye 1919, 10 September). URL: http://www.forost.ungarisches-institut.de/pdf/19190910–1.pdf

[99] См.: Treaty between the Principal Allied and Associated Powers and Czechoslovakia, signed at Saint-Germain-en-Laye, September 10, 1919. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv13/ch30

Согласно положениям Договора название республики было изменено с «Немецкая Австрия» на «Австрия», начав, таким образом, эпоху Первой Австрийской Республики (1919–1938). Прежнее постановление Национальной ассамблеи о включении Австрии в Германскую республику от 22 ноября 1918 г. было отменено новым Законом от 20 октября 1919 г., а любые попытки поглощения страны Германией были запрещены. Статья 88 отдельно оговаривала недопущение нарушения независимости Австрии – что означало запрет на аншлюс, объединение ее с Германией без согласия Совета Лиги Наций.

Трианонский мирный договор был заключен 4 июня 1920 г. между странами-победительницами и Венгрией как одной из стран – правопреемниц Австро-Венгрии.

Часть II Договора (ст. 27–35) содержала описание границ Венгрии с соседними государствами. Она юридически оформляла положение, фактически сложившееся в бассейне Дуная после войны. В результате была зафиксирована потеря Венгрией значительных территорий: Трансильвания и восточная часть Баната были присоединены к Румынии; Хорватия, Бачка и западная часть Баната вошли в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев; Словакия и Карпатская Русь – в состав Чехословакии; Бургенланд был передан Австрии. Однако официальное объединение Бургенланда с Австрией 28 августа 1921 г. вызвало кризис: фактически занятие региона австрийской полицией и пограничниками было остановлено в тот же день. С помощью итальянского дипломатического посредничества кризис был разрешен осенью 1921 г. С 14 по 16 декабря проходил референдум, на котором в части территорий Бургенланда с преобладающим венгерским населением, включая столицу Шопрон (Эденбург), большинство высказалось за присоединение к Венгрии; Венгрия также отказывалась от всяких прав на порт Фиуме.

Часть V «Военные, морские и воздушные положения» Договора (ст. 102–143) регламентировала предельную численность венгерской армии – 35 тыс. солдат, она должна была быть наемной, без авиации, танков и тяжелой артиллерии. Согласно ст. 118 запрещался «ввоз в Венгрию оружия, снаряжения и военного материала всякого рода». Венгерский флот, поскольку страна лишалась выхода к морю, упразднялся; бывший австро-венгерский флот подлежал передаче союзникам или уничтожению (ст. 120–126)[100].

Трианонский договор, в результате которого Венгрия лишилась 72% территории и 64% населения (в т.ч. 3 млн этнических венгров), выхода к морю и флота, 88% лесных ресурсов, 83% производства чугуна и 67% банковско-кредитной системы, был воспринят в Словакии и Румынии как восстановление справедливости, а в самой Венгрии – как национальная трагедия.

Реваншизм и венгерский ирредентизм, стремление к воссозданию «Великой Венгрии» стали одними из основных черт межвоенной диктатуры. По случаю заключения Договора в стране был объявлен национальный траур, все официальные флаги приспущены вплоть до 1938 г.

При активной поддержке нацистской Германии Трианонский договор был пересмотрен в 1938–1940 гг.; были приняты Венские арбитражи, по которым Венгрия вернула себе часть утраченных в 1920 г. земель: по Первому Венскому арбитражу – юг Словакии и Закарпатскую Украину; по Второму – север Трансильвании. В 1941 г. в состав Венгрии вошла часть захваченной Германией Югославии.

После Второй мировой войны Венские арбитражи были объявлены юридически ничтожными по Парижскому договору 1947 г. Современная Венгрия вновь существует в границах, определенных Трианонским договором, дополнительно утратив небольшую территорию к югу от Братиславы в пользу Чехословакии. За их пределами остаются значительные национальные венгерские меньшинства.

Нёйиский договор был заключен с Болгарией 27 ноября 1919 г. в пригороде Парижа Нёйи-сюр-Сен ***(Neuilly-sur-Seine)***. Болгария теряла часть территории (свыше 11 тыс. кв. км, или 1/10 территории страны, и 1/7 населения), которая передавалась Греции, Румынии и Королевству сербов, хорватов и словенцев. Западная Фракия на юге объявлялась юрисдикцией «главных союзных держав», но вскоре была передана Греции, что лишило Болгарию стратегического выхода к Эгейскому морю; Добруджа была закреплена за Румынией.

Сумма наложенной на страну контрибуции составила 2.25 млрд франков золотом (четверть национального достояния), которые Болгария должна была выплатить в течение 37 лет.

Численность сухопутных вооруженных сил ограничена до 33 тыс. Военно-морской флот Болгарии сокращался до 10 кораблей; также Болгарии запрещалось иметь авиацию и любые виды тяжелого вооружения[101].

[100] См.: Traité de paix entre les puissances alliées et associées et la Hongrie. Trianon, 4 Juin 1920. URL: https://mjp.univ-perp.fr/traites/1920trianon2.htm#II

[101] См.: Traité de paix entre les puissances alliées et associées et la Bulgarie. Neuilly, 27 Novembre 1919. URL: https://mjp.univ-perp.fr/traites/1919neuilly.htm#II

Севрский мирный договор ***(Sevr Antlaşması)*** подписан 10 августа 1920 г. с Правительством Османской империи. Ко времени подписания Договора значительная часть Турции уже была оккупирована войсками держав Антанты. Договор фактически так и не вступил в силу, а де-юре перестал действовать после пересмотра его условий на Лозаннской конференции 1923 г. и подписания Лозаннского мирного договора.

В основу Севрского мирного договора были положены условия тайного соглашения Сайкса-Пико ***(Sykes-Picot Agreement)*** от 16 мая 1916 г. между правительствами Великобритании, Франции, Российской Империи и позднее Италии (1916) и решения конференции держав в Сан-Ремо (1920): после войны Франция была вынуждена отказаться от обещанного ей Мосульского вилайета и от участия в управлении Палестиной.

Численность турецкой армии не могла превышать 50 тыс. бойцов.

Севрский договор был воспринят в Турции как несправедливый и «колониальный», как очевидное проявление неспособности султана Мехмета VI защищать национальные интересы. Великое национальное собрание Турции отказалось ратифицировать договор.

22 ноября 1920 г. Президент США В. Вильсон вносит на рассмотрение союзников арбитражное предложение, по которому Турция должна передать Армении территорию площадью 103 599 кв. км. Объединившись с существовавшей в Закавказье Республикой Армения, независимое объединенное Армянское государство обладало бы территорией площадью в совокупности свыше 150 тыс. кв. км, с выходом к Черному морю. Однако это решение уже не имело значения, поскольку в сентябре 1920 г. Турция начала крупномасштабное вторжение в Армению, войска Кемаля Ататюрка, захватив Карс, Александрополь, в конце ноября 1920 г. угрожали самому существованию Армении.

11 октября 1922 г. в портовом городе Муданья на Мраморном море было заключено новое перемирие между Турцией и Антантой, которое завершило боевые действия в ходе греко-турецкой войны (1919–1922); к подписанию этого соглашения султанское правительство не было даже приглашено. 14 октября 1922 г. к перемирию присоединилась Греция, чьи интересы серьезно пострадали.

1 ноября султанат вообще был упразднен, султан Мехмет VI остался лишь в звании халифа, а вскоре (17 ноября) покинул страну на борту английского корабля. На следующий день его лишили и звания халифа.

Лозаннский мирный договор от 24 июля 1923 г. с Турцией заменил Севрский мирный договор 1920 г. Договор установил новые границы, юридически оформив распад Османской империи и закрепив территорию Турции в ее современных границах, за исключением Александреттского санджака, возвращенного Турции только 29 июня 1939 г. Договор провозглашал мир между Турцией и державами Антанты. Турция сохранила за собой Восточную Фракию, Смирну и другие территории, отторгнутые от нее по Севрскому мирному договору 1920 г. В то же время Турция отказалась от претензий и утратила контроль над Аравией, Египтом, Суданом, Триполитанией, Киренаикой, Месопотамией, Палестиной, Трансиорданией, Ливаном и Сирией, островами в Эгейском море (Лемнос, Самотраки, Лесбос, Хиос, Самос, Икария). Граница во Фракии была установлена по линии реки Марица.

Решение вопроса о границе с Ираком и, соответственно, контроле над нефтеносным районом Мосул откладывалось до определения ее Турцией и Великобританией.

Договор отменил режим капитуляций (экономических и политических привилегий иностранцев) в Турции и международный финансовый контроль над Турцией. Турция соглашалась на выплату части внешнего долга Османской империи.

В вопросе о проливах английская дипломатия добилась значительных уступок со стороны Турции: Договор предусматривал свободу прохода через проливы в мирное и военное время торговых и военных (морских и воздушных) судов и демилитаризацию Босфора и Дарданелл.

Этнические греки под видом обмена населения выдворялись со всей территории Турции, за исключением Константинополя.

23 августа 1923 г. Договор ратифицировала Турция; к 6 августа 1924 г. – все остальные участники Договора, за исключением Королевства сербов, хорватов и словенцев, которое заявило о несогласии с отнесением на его счет части оттоманского долга.

Главными союзными державами также были подписаны договоры с другими союзными державами, получателями переданных территорий: Польшей, Чехословакией, Румынией, Сербско-хорватско-словенским государством, Грецией с тем, чтобы подтвердить признание независимости страны, гарантировать права меньшинств и обеспечить открытость государства для международной торговли, а также с Данией, для Шлесвига, и даже с Арменией. Многие другие соглашения позволяли уточнить новые границы, например, Югославии или Чехословакии.

Единственным государством, остающемся в состоянии войны против Центральных держав на восточном фронте, была Румыния. Основная территория страны была оккупирована противником ещё в 1916 г., сразу по вступлении Румынии в войну.

16 февраля (1 марта) 1918 г. Румыния вступила в Бухаресте в переговоры с министрами иностранных дел Центральных держав о сепаратном мире, и 7 марта Бухарестский мирный договор был подписан. Согласно Договору Румыния возвращала Болгарии полученную по Договору 1913 г. Южную Добруджу с дополнительными исправлениями границы в пользу Болгарии. Над Северной Добруджей устанавливался кондоминиум держав Четверного союза, обязывавшихся обеспечить Румынии торговый путь к Черному морю. Румынии также пришлось отдать Австро-Венгрии контроль над проходами в Карпатах. Кроме того, Румыния передавала Германии в концессию на 90 лет нефтепромыслы[102].

По условиям Договора Центральные державы согласились не выступать против объединения Бессарабии с Румынией. Договор не был ратифицирован румынским королем Фердинандом I и после поражения держав германского блока был аннулирован.

Теперь перейдем к позиции Америки – главной и единственной сверхдержавы в том мире.

США был подписан целый ряд сепаратных договоров. 25 августа 1921 г. в Берлине был заключен сепаратный Договор между США и Германией, официально названный «Договор между Соединенными Штатами и Германией о восстановлении дружественных отношений». Его текст был почти идентичен Версальскому мирному договору, но не содержал статей о Лиге Наций и об ответственности Германии за развязывание войны. Кроме того, Договор не подлежал строгому контролю Лиги Наций. Договор был ратифицирован президентом У. Гардингом ***(Warren Gamaliel Harding)*** 21 октября 1921 г., а Германией – 2 ноября 1921 г., и 11 ноября 1921 г. Договор вступил в силу[103]. Он был дополнен Договором, подписанным в Берлине 10 августа 1922 г., который предусматривал создание смешанной американо-германской комиссии для определения размера репараций, которые Правительство Германии должно выплатить США[104].

Аналогичные сепаратные договоры США заключили:

24 августа 1921 г. с Австрией в Вене. 8 ноября 1921 г. был произведен обмен ратификационными грамотами, и Договор вступил в силу в тот же день[105]. Ранее Сенат Соединенных Штатов отказался дать согласие на ратификацию многостороннего Сен-Жермен-ан-Леского договора 1919 г. Договор был дополнен Договором, подписанным в Вашингтоне 26 ноября 1924 г., который предусматривал создание смешанной американо-австрийско-венгерской комиссии для определения размера репараций, подлежащих выплате США правительствами Австрии и Венгрии[106];

29 августа 1921 г.– с Венгрией в Будапеште, после отказа Сената Соединенных Штатов ратифицировать многосторонний Трианонский договор[107];

кроме того, 8 декабря 1923 г. в Вашингтоне был подписан Договор о дружбе, торговле и консульских отношениях между Германией и Соединенными Штатами Америки[108], который вступил в силу 14 октября 1925 г. и действовал по меньшей мере до 29 октября 1954 г., когда был подписан новый Договор о дружбе между правительствами США и Западной Германии[109].

Представляется, что подобные сепаратистские действия США, выразившиеся в отказе Сената – верхней палаты Конгресса США, высшего законодательного органа страны, ратифицировать многосторонние международные договоры, регулирующие важные вопросы нового международного порядка, устанавливаемого после Первой мировой войны, а вместо этого – заключение отдельных, не подконтрольных мировому сообществу международно-правовых договоров с государством, признанным ответственным за ее разжигание, и его союзниками, не способствовали утверждению мира и достижению целей, совместно выработанных на Парижской мирной конференции.

В то же время срыв расчетов на сотрудничество с Соединенными Штатами подрывал основы Версальского порядка в том виде, как он был задуман исходно.

Фундаментальной слабостью Версаля была заложенная им схема экономического взаимодействия европейских стран. Новое государственное размежевание полностью разрушило

[102] См.: The Peace of Bucharest -The Treaty of Peace between Roumania and the Central Powers. Signed at Bucharest, 7 May, 1918.

[103] См.: U.S.– German PeaceTreaty (1921).

[104] См.: Germany and United States of America – Agreement supplementary to the Treaty of August 25, 1921, sighed at Berlin, August 10, 1922 [1924] LNTSer 127; 26 LNTS357.

[105] См.: U.S. Peace Treaty with Austria, 24 August 1921.

[106] См.: United States of America and Austria and Hungary – Agreement for the Determination of the Amounts to be paid by Austria and by Hungary in satisfaction of their Obligations under the Treaties concluded by the United States with Austria on August 24, 1921, and with Hungary on August 29, 1921; signed at Washington, November 26, 1924 [1926] LNTSer 107; 48 LNTS69.

[107] См.: U.S. Peace Treaty with Hungary, 29 August 1921.

[108] См.: Treaty of Friendship, Commerce and Consular Relations between Germany and the United States of America.

[109] См.: Treaty of Friendship, Commerce and Navigation between the United States of America and the Federal Republic of Germany. Entered into July 14, 1956.

экономические связи в Центральной и Восточной Европе. Вместо емкого, обширного, проницаемого и достаточно открытого рынка Европы «немногих больших пространств» – Франции, Австро-Венгрии, Германии и России – Европа после Версаля оказалась территорией, разбитой на несколько десятков маленьких, отгородившихся друг от друга таможенными стенами рынков.

Опасность новой большой войны стала нарастать сразу же после окончания Первой мировой войны. В марте 1921 г. X съезд РКП (б) принял резолюцию «О грядущей империалистической войне». В ней говорилось: «Съезд считает необходимым, чтобы пролетариату было указано, что буржуазия вновь готовится к грандиозной попытке обмануть рабочих, разжечь в них национальную ненависть и втянуть в величайшее побоище народы Америки, Азии и Европы, а вслед за этим неминуемо и остальных частей света»[110].

По мере обострения противоречий в капиталистическом мире процесс зарождения новой мировой войны становится все более зримым. Уже на конференции в Локарно была заложена основа антисоветского блока Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Польши, Чехословакии. XIV съезд ВКП (б) оценил итоги конференции как крайне опасные для дела мира[111].

Очень важной причиной начала Второй мировой войны было соперничество великих держав друг с другом, их стремление к экспансии, к европейской и мировой гегемонии.

Версальским договором 1919 г. на Веймарскую республику возлагались обязательства по уплате репараций странам-победительницам в Первой мировой войне. На бескомпромиссном выполнении положений Договора настаивал в первую очередь президент Франции Пуанкаре **(*Raymond Nicolas Landry Poincaré)***.

При возникновении просрочек в поставках или платежах французские войска несколько раз входили на неоккупированные территории Германии. 8 марта 1921 г. французские и бельгийские войска оккупировали города Дуйсбург и Дюссельдорф, находившиеся в Рейнской демилитаризированной зоне, тем самым обеспечив себе плацдарм для дальнейшей оккупации всего промышленного района в Рейнланд-Вестфалии.

В Лондонском ультиматуме от 5 мая 1921 г. устанавливался график выплаты репараций на общую сумму в 132 млрд золотых марок, а на случай отказа в качестве ответных мер предусматривалась оккупация Рурского региона. Конец «политике исполнения» положил раздел Верхней Силезии, произведенный по инициативе Франции и воспринятый в Германии как оглушительное поражение: на референдуме о государственной принадлежности этой провинции 20 марта 1921 г. Германия получила 59.4%, а Польша – 40.6%.

Новый политический курс Берлина был ориентирован на борьбу с антигерманским франко-польским альянсом[112], чем в значительной степени и обусловлено заключение 16 апреля 1922 г. Рапалльского договора с Советской Россией. Рапалльский договор, в свою очередь, привел к смене курса внешней политики Франции, агрессивной политической риторике руководства страны и непосредственно повлиял на её решение об оккупации Рура.

В 1922 г. союзники отказались от репараций в денежной форме, заменив их натуральными выплатами (сталь, древесина, уголь). Франция использовала это как повод для ввода войск в Рурский бассейн. В период с 11 по 16 января 1923 г.

---

[110] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова: в 16 т. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 2: 1917–1922. С. 375.

[111] См.: там же. М., 1984. Т. 3: 1922–1925. С. 424–443.

[112] См.: France and Poland-Political Agreement signed in Paris on 19 February 1921 (1923 LNTSer 87; 18 LNTS11): Umowa polityczna francusko-polska, podpisana w Paryżu 19 lutego 1921 r. (Dz.U. 1922 nr 63 poz. 563), registration 2 July 1923; Franco-Polish Agreement concluded in Paris, February 19, 1921; Secret Milit Convention between France and Poland. Accord militaire franco-polonais Paris, 19 février 1921: Documents Diplomatiques Francais: 1921 – Tome I (16 Janvier – 30 Juin). P. 217, 218; Oświadczenie Rządowe z dnia 28 września 1923 r. w przedmiocie wymiany dokumentów ratyfikacyjnych Umowy Polsko-Francuskiej, dotyczącej ustroju przemysłu naftowego, podpisanej w Paryżu dnia 6 lutego 1922 r.; Treaty of Mutual Guarantee, done at Locarno, October 16, 1925 (1926 LNTSer 250; 54 LNTS353). Registration September 14, 1926: France and Poland. Traktat Gwarancyjny pomiędzy Polską a Francją, podpisany w Londynie 1 grudnia 1925 r. (Dz.U. 1926 nr 114 poz. 660).

Политический союз был подписан 19 февраля 1921 г. на фоне переговоров, завершивших польско-советскую войну Рижским мирным договором. Соглашение предполагало общую внешнюю политику, продвижение двусторонних экономических контактов, консультации по новым пактам, касающимся Центральной и Восточной Европы, и помощь в случае, если одна из подписавших сторон станет жертвой «неспровоцированного» нападения.

Секретный военный пакт был подписан в тот же день и направлен на возможные угрозы со стороны как Германии, так и Советского Союза. Официально вступил в силу в 1923 г. В межвоенный период союз с Польшей был одним из краеугольных камней французской внешней политики.

16 октября 1925 г. в Локарно был заключен Договор о взаимных гарантиях как часть Локарнских договоров. Новый Договор присоединил все ранее подписанные соглашения к польско-французской системе взаимных пактов Лиги Наций. Альянс был тесно связан с франко-чехословацким союзом.

Союзы Франции с Польшей и Чехословакией были направлены на удержание Германии от применения силы для пересмотра послевоенного урегулирования и обеспечения того, чтобы немецкие войска столкнулись со значительной объединенной силой своих соседей.

французские и бельгийские войска численностью первоначально 60 тыс. человек (позднее до 100 тыс.) оккупировали всю территорию Рурского региона, взяв находившиеся там мощности по производству угля и кокса в качестве производственного залога в обеспечение исполнения Германией своих репарационных обязательств. В результате оккупации было занято около 7% послевоенной территории Германии, где добывалось 72% угля и производилось более 50% чугуна и стали. Однако премьер-министр и министр иностранных дел Франции Раймон Пуанкаре стремился при этом добиться присвоения Рейнланду ***(Rheinland)*** и Руру статуса, аналогичного статусу Саарского региона, где принадлежность территории Германии носила только формальный характер, а власть находилась в руках французов.

Ввод оккупационных войск вызвал в Веймарской республике прекращение выплаты репараций. Оккупационные власти отвечали карательными операциями, в результате которых погибло 137 человек.

Под давлением США и Великобритании Франция подписала соглашение МИКУМ ***(Mission interalliée de Contrôle des Usines et des Mines)***[113] 1923–1924 гг. Оккупация Рурского региона завершилась в соответствии с принятым в 1924 г. планом Дауэса в июле-августе 1925 г.

Установив желаемый порядок в Европе, США и их должники-союзники[114] занялись колонизацией и разделом сфер влияния в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане.

Инициированная США Вашингтонская международная конференция об ограничении морских вооружений, проблемах Дальнего Востока, в первую очередь Китая, и бассейна Тихого океана проходила с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. при участии США, Великобритании, Китая, Японии, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов и Португалии, а также пяти британских доминионов. Основные вопросы решались тройкой сильнейших морских держав – США, Великобританией и Японией. Советская Россия не приняла приглашения в Вашингтон, вследствие чего заявила о своем непризнании любых решений конференции.

В рамках этой работы 13 декабря 1921 г. США, Великобританией, Францией и Японией был заключен Договор четырех держав, или «Дальневосточная Антанта». Согласно этому Договору подписанты обязались взаимно уважать права на острова и островные владения в Тихом океане. Договор предусматривал также ликвидацию англо-японского союза 1902 г. Соглашение юридически закрепляло статус-кво и временное равновесие четырёх держав в Тихоокеанском регионе.

Договор пяти держав от 6 февраля 1922 г., более известный как Вашингтонское морское соглашение между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией, устанавливало ограничение морских вооружений в соотношении тоннажа линейных судов и авианосцев в следующей пропорции: 5:5:3:1.75:1.75 (США, Англия, Япония, Франция, Италия соответственно). Было также принято предложение США о запрещении постройки линкоров водоизмещением свыше 35 тыс. т. Соглашение было заключено на срок до 31 декабря 1936 г.[115]

Договор девяти держав от 6 февраля 1922 г. был подписан всеми участниками конференции и был направлен против территориальной целостности Китая, его суверенитета, а также провозглашал принцип «открытых дверей и равных возможностей» по отношению к этому государству. Китай рассматривался участниками Договора как общий объект эксплуатации. Этот Договор был также направлен против притязаний Японии на монопольное господство в Китае. Ещё раньше, 5 февраля 1922 г., Япония вынуждена была подписать т.н. Вашингтонское соглашение – китайско-японское соглашение об эвакуации японских войск из китайской провинции Шаньдун, а также о возвращении Китаю железной дороги Циндао – Цзинань и территории Цзяо-Чжоу. Глава японской делегации дал обязательство, что японское правительство не будет требовать от Правительства Китая выполнения пятой группы «двадцати одного требования» Японии о назначении японских советников при китайском правительстве и др. Однако требование Китая о выводе японских войск из Южной Маньчжурии Япония отклонила. Одновременно с Договором девяти держав 6 февраля 1922 г. был подписан Трактат о китайском таможенном тарифе, где закреплялось таможенное неравноправие Китая.

В это время Советское государство стремилось к развитию и укреплению отношений с соседними странами, подписав 2 февраля 1920 г. Юрьевский (Тартуский) мирный договор с Эстонией[116], 11 августа 1920 г.– Рижский договор с Латвией[117],

[113] MICUM– союзническая контрольная комиссия по фабрикам и шахтам Рура.

[114] См.: *Fisk Harvey E.* The inter-ally debts: An analysis of war and post-war public finance, 1914–1923. New York. Bankers Trust Company. January 1, 1924. P. 365.

[115] См.: Treaty Between the United States of America, the British Empire, France, Italy, and Japan, Signed at Washington, February 6, 1922. URL: https://web.archive.org/web/20160305011757/http://vladfotki.narod.ru/__navy/HISTORY/WW12/1922wt.htm

[116] См.: Мирный договор между Россией и Эстонией // Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. 1 января 1919 г.– 30 июня 1920 г. / ред. кол. Г.К. Деев и др. С. 339–354.

[117] См.: Мирный договор между Россией и Латвией // Там же. Т. 3. С. 101–116.

12 июля 1920 г.– Московский договор с Литвой[118], 14 октября 1920 г.– Тартуский мирный договор с Финляндией[119], с Турцией – 16 марта 1921 г.,[120] Ираном – 26 февраля 1921 г.,[121] Афганистаном – **28 февраля 1921 г.**,[122] Московский договор с Монголией – 5 ноября 1921 г.[123] Развивающиеся связи с Чехословакией нашли отражение во временных договорах, подписанных с нею РСФСР и УССР.

На Генуэзской международной конференции в 1922 г.[124] советская делегация выступила с предложением о всеобщем сокращении вооружений и полном запрещении оружия массового уничтожения: «Российская делегация намерена предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать все предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением ее наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной войны и других, в особенности же применения средств разрушения, направленных против мирного населения»[125].

Сразу же после конференции германское правительство пошло на подписание с Советской Россией договора в Рапалло 16 апреля 1922 г. о восстановлении между ними дипломатических отношений и урегулировании всех спорных вопросов[126]. Обе договаривающиеся стороны взаимно отказались от возмещения военных расходов, военных и невоенных убытков, расходов на военнопленных, ввели принцип наибольшего благоприятствования при осуществлении взаимных торговых и хозяйственных отношений; помимо этого Германия признала национализацию немецкой частной и государственной собственности в РСФСР и аннулирование царских долгов Советским правительством.

Рапалльский договор означал прекращение международной дипломатической изоляции Советской России. А для Веймарской республики это был первый равноправный договор после Версаля. Обмен ратификационными грамотами был произведен в Берлине 31 января 1923 г. По соглашению, подписанному 5 ноября 1922 г. в Берлине, он был

---

[118] См.: Мирный договор между Россией и Литвой от 12 июля 1920 г. // Там же. С. 28–42.

[119] См.: Мирный договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Финляндской Республикой от 14 октября 1920 г. // Там же. С. 265–282.

Тартуский договор для Финляндии отменял действие Фридрихсгамского мирного договора от 1809 г. между Россией и Швецией, по которому Финляндия вошла в состав Российской Империи. По условиям Договора РСФСР была лишена выхода в международные воды.

[120] См.: Договор между Россией и Турцией от 16 марта 1921 г. // Там же. С. 597–604.

[121] См.: Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией от 26 февраля 1921 г. // Там же. С. 536–544.

[122] См.: Договор между Россией и Афганистаном от 28 февраля 1921 г. // Там же. С. 550–553.

[123] См.: Соглашение между Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Народным Правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией от 5 ноября 1921 г. // Там же. Т. 4. С. 476–480.

[124] Генуэзская конференция – международная конференция по экономическим и финансовым вопросам, первая широкая дипломатическая встреча Советской России со странами западного мира, проходила 10 апреля – 19 мая 1922 г. при участии представителей 29 государств: Австрии, Албании, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Греции, Дании, Исландии, Испании, Италии, Латвии, Литвы, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Португалии, РСФСР, Румынии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Швеции, Эстонии, Японии, а также пяти британских доминионов: Австралии, Индии, Канады, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза.

Работой делегации РСФСР руководил В.И. Ленин, назначенный ее председателем; заместителем председателя был Г.В. Чичерин, который в Геную, куда Ленин не выезжал, пользовался всеми правами председателя. Делегация РСФСР представляла на Генуэзской конференции не только РСФСР, но и все другие советские республики (Азербайджанскую, Армянскую, Белорусскую, Бухарскую, Грузинскую, Украинскую, Хорезмскую), а также интересы Дальневосточной республики.

США, отказавшиеся участвовать в работе Генуэзской конференции, были представлены на ней наблюдателем. Западные страны рассчитывали использовать экономические ресурсы Советской России для решения своих послевоенных экономических проблем.

Для работы конференции были сформированы четыре комиссии: политическая, финансовая, экономическая и транспортная. Один из докладов экспертов экономической комиссии на конференции был посвящен РСФСР. В первой главе доклада содержались следующие основные требования: 1) Советское правительство должно взять на себя все финансовые обязательства своих предшественников, т.е. царского и Временного правительства; 2) Россия признает финансовые обязательства всех бывших доныне в России властей, как областных, так и местных.

Кроме признания всех долгов и возвращения (реституции) национализированных предприятий в докладе было требование отмены монополии внешней торговли и установления для иностранных подданных в советских республиках режима, подобного режиму капитуляций в странах Востока. От России потребовали уплаты 18.5 млрд золотых руб. довоенных и военных долгов. Советская делегация по указанию Ленина категорически отвергла эти требования и, в свою очередь, выдвинула контрпретензии о возмещении Советскому государству убытков, причиненных иностранной интервенцией и блокадой в размере 39 млрд золотых руб.

Обсуждение финансово-экономических вопросов было продолжено на Гаагской конференции в июне-июле 1922 г.

[125] Заявление советской делегации на первом пленарном заседании Генуэзской конференции. 10 апреля 1922 года. // Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5. 1 января – 19 ноября 1922 г. / ред. кол. А.Е. Богомолов и др. С. 58, 59.

[126] См.: Договор между РСФСР и Германией, заключенный в Рапалло 16 апреля 1922 года. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0017_rap&object=facsimile&pimage=2&v=100&nav=&l=ru

распространен на союзные советские республики: БССР, УССР и ЗСФСР.

Россия и Германия накануне одобряемого Великобританией майского военного переворота в Польше (переворот произошёл 12–14 мая под руководством Юзефа Пилсудского, который фактически установил военную диктатуру до 1935 г.) развили политику Рапалло в Берлинском договоре между Веймарской республикой и СССР о нейтралитете от 24 апреля 1926 г.[127] Веймарская республика гарантировала Советскому Союзу оставаться нейтральной в случае войны Советского Союза против третьего государства. Этот нейтралитет касался прежде всего войны между Польшей и Советским Союзом. Из-за нейтралитета германского рейха вмешательство Франции стало сложнее. Она утрачивала свой вес в Европе и больше не могла быть гарантом сохранения государственного суверенитета Польши, что мотивировало последнюю искать защиты у Великобритании[128].

Однако уже в то время агрессивные круги империалистических держав, а также реакционные, антисоветские силы в самой Германии начинают оказывать влияние на ее внешнеполитический курс, пытаясь толкнуть страну на путь обострения отношений с СССР.

Наиболее враждебный курс в отношении нашего государства проводило в 1927 г. консервативное правительство Великобритании. Несмотря на стремление СССР к поддержанию и развитию политических и экономических отношений, английское правительство в середине 1927 г. разорвало дипломатические отношения с ним. Наступило время, вошедшее в историю как Военная тревога 1927,– кризис англо-советских отношений с угрозой полномасштабной войны СССР с Британской империей, Польшей и другими европейскими государствами. Английские правящие круги делали все для того, чтобы создать единый антисоветский фронт, но эти попытки окончились провалом.

Американское правительство продолжало придерживаться враждебного курса в отношении Советского государства. С 1929 по 1933 г., будучи государственным секретарем США, Стимсон был активным противником установления дипломатических отношений между США и СССР. Сменивший его в должности Корделл Халл ***(Cordell Hull)***, будущий лауреат Нобелевской премии мира, придерживался нейтралитета США в связи с событиями в Европе и Азии, чем объясняется его позиция в отношении нацистской Германии.

Советское правительство предложило Правительству Франции заключить договор о ненападении и невмешательстве во внутренние дела, однако французские правящие круги чинили препятствия переговорам и не допустили соглашения с СССР.

В 1928 г. СССР заявляет о себе как о великой державе[129]. Советский Союз неуклонно проводил политику мира, и в этих целях Советское правительство представило V сессии Подготовительной комиссии Лиги Наций по разоружению конкретный план всеобщего, полного и немедленного разоружения, который под воздействием представителей Англии, Франции и США немотивированно был отклонен.

В интересах упрочения мира Советское правительство присоединилось к Пакту Бриана-Келлога, тем самым нарушив планы империалистических держав, стремившихся направить политическое острие Пакта против СССР.

Пакт Бриана-Келлога был подписан 27 августа 1928 г. представителями 15 государств: Германии, США, Бельгии, Франции, Великобритании, Индии, Италии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, Ирландии, Японии, Польши, Чехословакии. Германская дипломатия на переговорах выполняла важную функцию посредника между США и Францией.

29 августа 1928 г. СССР, подписав Пакт, в этот же день его ратифицировал[130] и выступил инициатором подписания Московского протокола 1929 г. о досрочном введении в силу обязательств по нему. Советское правительство предложило Правительству Польши и правительствам ряда других стран подписать специальный протокол о досрочном введении в силу Пакта Бриана-Келлога, не дожидаясь его общей ратификации 9 февраля 1929 г.

Такой протокол был подписан в Москве Советским Союзом, Польшей, Румынией, Эстонией и Латвией; в течение 1929 г. к Московскому протоколу присоединились Турция, Иран и Литва.

К концу 1928 г. к Пакту присоединились 63 государства, т.е. почти все существовавшие на тот

[127] См.: Deutsch-russischer Vertrag (Berliner Vertrag") vom 24. April 1926. Reichsgesetzblatt. 1926 II. S. 360, 361.

[128] См.: *Молчанов Р.В.* Государственный переворот Ю. Пилсудского 1926 года и позиция Великобритании // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2007. № 12. С. 57–61.

[129] См.: Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Н.Н. Крестинскому от 27 июля 1928 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1966. Т. 11. 1 января – 31 декабря 1928 г. / ред. кол. М.С. Капица и др. С. 436, 437.

[130] См.: Собрание законов и распоряжений. 1928. № 60. Отд. 1, ст. 541; Декларация о присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Договору об отказе от войны, заключенному в Париже 27 августа 1928 года, от 6 сентября 1928 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 11. С. 503–506.

момент. Среди стран, которые не подписали Договор: Швейцария, Аргентина, Бразилия, Мексика, Колумбия, Саудовская Аравия. Формально Договор вступил в силу 24 июля 1929 г. Для государств, подписавших Московский протокол, Парижский договор вступил в силу 13 февраля 1929 г., что является очевидным свидетельством активной миролюбивой политики Союза ССР.

С началом Второй мировой войны стало ясно, что Пакт Бриана-Келлога не оправдал надежд, которые возлагали на него.

Оккупация Японией входящей в состав Китая Маньчжурии в 1931 г. выявила недостатки Договора: он не содержала требований о том, как государство-агрессор может быть эффективно наказано сообществом государств.

Юридически Договор применялся только один раз: в рамках Нюрнбергских процессов о военных преступлениях 1945–1949 гг. он послужил основанием для обвинительного заключения о ведении агрессивной войны[131]. Осуждение за планирование и проведение агрессивной войны в судебном порядке было тогда правовой новеллой, возможной благодаря юридической основе, созданной в 1928 г.

В самой Европе стремительно развивался фашизм, свое практическое воплощение он получил именно в среде союзников – в Италии. Бенито Муссолини, одержимый идеей восстановления Римской империи, в 1919 г. создал фашистскую партию. В октябре 1922 г. он потребовал от короля Италии включить фашистов в правительство страны, угрожая захватом власти.

Король Виктор Эммануил III обсуждал план объявления чрезвычайного положения, но затем принял решение удовлетворить требования Муссолини. Муссолини стал одновременно премьер-министром, министром внутренних дел и министром иностранных дел. С 1922 по 1943 г. прошла целая эпоха Национальной фашистской партии власти с Муссолини в качестве премьер-министра в Королевстве Италии.

Приход фашистов к власти в Италии (1922) и нацистов в Германии (1933) активизировал авторитарно-националистические движения по всему миру. К середине 30-х годов в более чем 20 государствах Европы и Америки существовало до 40 фашистских партий и групп. В Дании, Греции, Нидерландах – «Национал-социалистическое движение», Финляндии – «Патриотическое народное движение», Венгрии – партия «Скрещённые стрелы» и ряде других стран фашисты были представлены в парламентах и местных органах власти. В Норвегии по образу НСДАП была создана партия «Национальное объединение» во главе с В. Квислингом, в Великобритании – Британский союз фашистов во главе с аристократом О. Мосли ***(Sir Oswald Ernald Mosley, 6th Baronet)***[132]; перонизм в Аргентине под командованием генерала Перона; фалангизм в Испании под главенством Франко; «Железная гвардия» в Румынии, интегрализм в Бразилии; австрофашизм Энгельберта Дольфуса в Австрии; этатизм Сёва в Японии; рексизм в Бельгии; усташи в Хорватии и многие другие.

В Австрии проитальянский хеймвер («Союз защиты родины») соперничал с прогерманской нацистской партией. В Испании и Португалии сложилась т.н. иберийская модель, важная роль в которой принадлежала католическому духовенству и крупным землевладельцам. Профашистские организации и лиги возникли во Франции («Боевые кресты», «Французское действие», «Патриотическая молодежь», «Французская солидарность»); в США («Рубашки хаки», «Серебряные рубашки»), Бразилии и других странах.

До Второй мировой войны фашисты считали, что они имеют общие философские принципы: национальный лидер, однопартийная система, социальный дарвинизм, элитаризм, экспансионизм. Но каждое правительство придерживалось дискретного национального фашизма (например, португальское клерикально-корпоративное Новое государство под руководством Салазара). В 1945 г. большинство фашистских правительств отмежевалось от нацизма, чтобы разнообразие их национальных фашистских идей не было приравнено к гитлеровской модели национал-социализма

Военная агрессия была органически присуща самой природе фашистских государств. Одними из первых на это обратили внимание в Союзе ССР в 1923 г.

Уже в следующем году Коммунистический Интернационал принял резолюцию «О фашизме», в которой раскрывается сущность явления: «фашизм является одной из классических форм

[131] См.: *Dörr O.* Gewalt und Gewaltverbot im modernen Völkerrecht. October 2004. Universität Osnabrück.

[132] Самая массовая британская фашистская организация в межвоенный период была основана в Лондоне 1 октября 1932 г. К лету 1934 г. имела десятки отделений по всей Великобритании и за её пределами – в Италии и Германии. Были созданы фашистские организации женщин, молодежи, Фашистский союз британских рабочих, Федерация британских университетских фашистских ассоциаций с представительствами в Оксфорде и Кембридже и др. Заметную роль на начальном этапе существования Союза играли штурмовые отряды – т.н. Силы обороны, которые лидеры Союза в начале 1934 г. всемерно укрепляли и расширяли. К лету 1934 г. в рядах БСФ состояло от 40 до 50 тыс. человек. В 1936 г. партия была переименована в «Британский союз фашистов и национал-социалистов», а в 1937 г. стала называться просто «Британский союз», просуществовав под этим названием до 1940 г., в котором была запрещена.

контрреволюции в период развала капиталистического строя и пролетарской революции.

Фашизм представляет из себя боевое оружие крупной буржуазии в борьбе с пролетариатом, который она не в силах сломить путем законных государственных мер; он – внелегальное средство борьбы, которым она пользуется для установления и укрепления своей диктатуры»[133].

В декабре 1933 г. большевикам пришлось публично сделать выводы из факта прихода Гитлера к власти и ликвидации Веймарской республики в Германии. Вновь встал вопрос о сущности фашизма, ответ на который был дан в докладе на XIII пленуме Исполкома Коминтерна и в тезисах «Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий».

Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г.М. Димитров дал определение фашизму в своем докладе на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 г., на многие десятилетия сделав его официальным: «Фашизм – это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала... <...>. Фашизм – это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм – это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике – это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть к другим народам.

Самая реакционная разновидность фашизма – это фашизм германского типа. Он нагло именует себя национал-социализмом, не имея ничего общего с социализмом. Германский фашизм – это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма... средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран. Германский фашизм выступает как ударный кулак международной контрреволюции, как главный поджигатель империалистической войны, как зачинщик крестового похода против Советского Союза. Фашизм – это власть самого финансового капитала. Фашизм во внешней политике – это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов»[134].

Аргументируя сказанное, он привел многочисленные примеры зверств фашистов: «Каждый день в концентрационных лагерях фашистской Германии, в подвалах гестапо, в польских застенках, в болгарской и финляндской охранках, в белградской "главняче", в румынской "сигуранце", на итальянских островах лучшие сыны рабочего класса... подвергаются таким отвратительным насилиям и издевательствам, перед которыми бледнеют самые гнусные деяния царской охранки. Злодейский германский фашизм превращает мужей в присутствии их жен в кровавую массу, матерям посылает в почтовых пакетах пепел убитых сыновей. Стерилизация превращена в политическое средство борьбы. Захваченным антифашистам в камерах пыток насильно впрыскивают отравляющие вещества, ломают руки, выбивают глаза, подвешивают, накачивают их водой, вырезают на живом теле фашистскую свастику.

В одной только Германии за время пребывания у власти национал-социалистов убито больше 4200, арестовано 317 800, ранено и подвергнуто мучительным пыткам 218 600 [человек]. В Австрии "христианское" фашистское правительство со времени февральских боев прошлого года убило 1900, ранило и изувечило 10 тысяч, арестовало 40 тысяч революционных рабочих.

Победа фашизма в Германии, как известно, повлекла за собой новую волну фашистского наступления, которая привела в Австрии к провокации Дольфуса, в Испании – к новым наступлениям контрреволюции на революционные завоевания масс, в Польше – к фашистской реформе конституции, а во Франции подстегнула вооруженные отряды фашистов в феврале 1934 года на попытку государственного переворота»[135].

Несмотря на достоверность фактов и их известность, одного из самых реакционных фашистов Италии, командующего милицией фашистских сквадр, а затем маршала авиации Итало Бальбо ***(Italo Balbo)*** в 1933 г. на территории США приветствовал будущий 34-й Президент США, тогда еще полковник Дуайт Д. Эйзенхауэр ***(Dwight David Eisenhower)***. В его честь была названа улица в Чикаго. Он был приглашен на чаепитие в Белый дом к Президенту США Франклину Д. Рузвельту, который сказал ему, что восхищен Муссолини в его борьбе за возрождение Италии и его ролью в международных делах. Рузвельт просил передать поздравления королю

[133] Резолюция «О фашизме» V конгресса Коминтерна // Пятый всемирный конгресс III Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г.: стенографический отчет. М.; Л., 1925. Ч. 2. С. 121, 122.

[134] *Димитров Г.М.* Избр. произв.: в 2 т. София, 1967–1968. Т. 1: 1906–1937 гг. С. 453–484.

[135] Там же.

Италии, а государственный секретарь направил такую же телеграмму Муссолини.

Путем пересмотра отдельных положений Версальского договора следовали меры по восстановлению Германии, и под нажимом США их поддерживала почти вся Европа: Бельгия, Великобритания, Греция, Италия, Польша, Португалия, Румыния, Франция, Чехословакия, Югославия и Япония.

В итоге работы с 5 по 16 октября 1925 г. Локарнской конференции были приняты следующие акты: 1) заключительный протокол конференции; 2) гарантийный пакт между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией (Рейнский пакт); 3) арбитражное соглашение между Германией и Бельгией; 4) арбитражное соглашение между Германией и Францией; 5) арбитражный договор между Германией и Польшей; 6) арбитражный договор между Германией и Чехословакией; 7) соглашение между Францией и Польшей; 8) соглашение между Францией и Чехословакией[136]. Их подписание состоялось 1 декабря 1925 г. в Лондоне, а вступление в действие – 10 сентября 1926 г., когда Германия стала членом Лиги Наций. Локарнские договоры разделили европейские границы на два сорта: западные границы, которые по Договору были незыблемыми, и германские восточные, в отношении которых никаких гарантий выдано не было. Попытка заключения в 1934 г. «Восточного пакта» провалилась.

Договор между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией содержал обязательства подписавших его держав соблюдать территориальное ***status quo***, установленное Версальским миром.

Германский империализм был удовлетворен результатами Локарно. В отличие от Версальского договора Локарнские соглашения были заключены с Германией как с равноправной стороной. Германия вводилась в Лигу Наций. Ей предоставлялось постоянное место в Совете Лиги Наций как одной из великих держав.

Локарно, по расчетам империалистов США, обеспечивало сохранность их капиталовложений в Европе и давало надежду на выплату им европейскими государствами колоссальной суммы военных долгов. Черчилль, занимавший в то время пост канцлера казначейства Великобритании, в своей речи в парламенте в марте 1926 г. сказал, что после консолидации всех долгов США получат в общей совокупности сумму, равную 60% всех германских репараций. «Репарации фактически,– говорил Черчилль,– будут оплачены европейскими нациями, истощенными и опустошенными войной, и этот поток золота будет непрерывно струиться через Атлантический океан к богатой благоденствующей великой американской республике»[137].

VI расширенный Пленум Исполкома Коминтерна в своих решениях отметил, что «главенствующее положение американского капитализма во всем мире стало бесспорным», что на Локарно лежит «неизгладимая печать гегемонии американского империализма»[138].

В 1929 г. на Гаагской конференции немцы добились ревизии германских выплат, которая воплотилась во втором плане репарационных выплат Германии, сменившем план Дауэса,– плане Юнга[139]. Последний предусматривал очередное сокращение ежегодных репарационных выплат на 20% и снижение общей суммы репарационных платежей. Англия и Франция отказались от контроля на местах за немецким разоружением. В 1931 г. по предложению американского Президента Г. Гувера был введен мораторий на репарационные выплаты до 1932 г. На Гаагской конференции также было принято решение о досрочном выводе всех оккупационных войск из Рейнской зоны – лето 1930 г.

11 ноября 1932 г. Правительство Франции выдвинуло план организации мира, т.н. «конструктивный план Эррио-Поль Бонкура». В своей основе этот проект предусматривал сохранение военного ***status quo*** в Европе с обеспечением гегемонии Франции, но не был поддержан.

Не нашел понимания и советский проект декларации об определении нападающей стороны, представленный 6 февраля 1933 г., включавший прежде всего определение, что нападающим государством в международном конфликте будет признано то, которое совершит первым одно из следующих действий: «a) Которое объявит войну другому государству; b) Вооруженные силы которого, хотя бы и без объявления войны, вторгнутся на территорию другого государства; c) Сухопутные, морские или воздушные силы которого бомбардируют территорию другого государства или сознательно атакуют суда или воздушные суда этого последнего; d) Сухопутные, морские или воздушные силы которого будут высажены или введены в пределы другого государства без разрешения правительства

[136] См.: История дипломатии: в 5 т. / под ред. А.А. Громыко, И.И. Земскова, В.А. Зорина и др. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1965. Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. С. 423.

[137] Цит. по: там же. С. 426, 427.

[138] Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М., 1933. С. 531.

[139] См.: История дипломатии: в 3 т. / под ред. В.П. Потемкина. М.; Л., 1945. Т. III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.). С. 383–388.

последнего или нарушат условия такового разрешения, в частности, в отношении времени или расширения района их пребывания; е) Которое установит морскую блокаду берегов или портов другого государства»[140].

Но в декабре 1932 г. Германия добилась от Англии, США, Франции и Италии признания своего «равноправия в рамках системы безопасности, одинаковой для всех стран» (Декларация от 11.12.1932 г.).

Англичане начали открыто искать пути соглашения с гитлеровской Германией и готовы были идти на сговор с ней на базе германского довооружения[141].

15 июля 1933 г. правительства Франции, Великобритании и Италии подписали с гитлеровской Германией Пакт согласия и сотрудничества, известный также как «Пакт четырех», предприняв попытку противопоставить Лиге Наций «директорию» четырёх держав, стремившихся подчинить своей гегемонии всю Европу и проводивших общую изоляционную политику игнорирования Советского Союза[142]. И хотя в силу он так и не вступил, тем не менее своей готовностью идти на уступки Германии западные столицы открыто подталкивали ее к военному походу на восток, а сам пакт открывал путь к «мюнхенскому сговору» 1938 г.

К 1934 г. У. Черчилль выступил с критикой угрозы, исходящей от нацистской Германии. В речи, которую транслировали по радио, он предупредил о «нации, состоящей из почти семидесяти миллионов самых образованных, трудолюбивых, грамотных, дисциплинированных людей в мире, которых с детства учат думать о войне как о славном упражнении и смерти в битве – как о благороднейшей судьбе для человека»[143]. Но его не интересовал британский фашизм, который демонстрировал себя событиями массового митинга 7 июня 1934 г. в лондонском зале «Олимпия», на котором присутствовало около 12 тыс. человек. Именно Черчиллю принадлежит идея предпочтения фашизма перед большевизмом во внешней политике, поскольку последний имел надежную теоретическую основу и составлял очевидную конкуренцию вырождающейся буржуазной идеологии, а фашизм рассматривался только как сиюминутный вызов в коротком историческом моменте времени, с возможной угрозой изменения состава элит. Известный поклонник У. Черчилля премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, следуя этой логике, увидела в А. Гитлере «с его устремлениями к европейскому господству... последователя Наполеона»[144]. Полагаем, что это сравнение некорректно не только для французов.

Таким образом, можно констатировать, что с ноября 1918 г. до 1931 г. в межвоенный период государства-победители, их союзники, побежденные и нейтральные страны предпринимали разновекторные попытки относительно исполнения Версальского и связанных с ним мирных договоров или уклонения от этого. Во всех случаях речь шла о правовых решениях, закрепляющих итоги Первой мировой войны, создания и становления новой системы международных отношений и закрепления новой расстановки сил на мировой арене. США и Великобритания оттеснили Францию от решения германского вопроса, пользуясь её финансовой зависимостью от них. При этом если в интересах стабильности политической системы и экономики Германии Великобритания, США и их союзники шли на беспрецедентные меры поддержки, в т.ч. пригласили ее в 1926 г. к участию в Лиге Наций сразу же в качестве постоянного члена Совета, к посредничеству в международных договорах и полагали допустимыми любые нарушения требований Версальских соглашений, то отношение к Советскому Союзу было агрессивным, ультимативным и непропорционально требовательным. Только 18 сентября 1934 г. Ассамблея Лиги Наций по инициативе французской дипломатии постановила принять Советский Союз в Лигу и предоставить ему постоянное место в Совете Лиги, когда Германия и Японская империя из нее уже вышли[145]. Три государства – Нидерланды,

---

[140] Внешняя политика СССР: сб. документов / отв. ред. С.А. Лозовский; ред. и авт. прим. Б.Е. Штейн; сост. А.С. Тисминец. М., 1945. Т. III (1925–1934 гг.). С. 582, 583 (далее – Внешняя политика СССР: сб. документов).

[141] См.: История дипломатии: в 5 т. / под ред. А.А. Громыко, И.И. Земскова, В.А. Зорина и др. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. С. 573.

[142] См.: Сборники документов по международной политике и международному праву / под ред. К.В. Антонова. Пакт четырех. Разоружение. Маньчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги Наций. М., 1934. Вып. VI. 1 января 1933 г. – 1 января 1934 г. С. 3–21.

[143] *Churchill W.S.* The Threat of Nazi Germany, November 16th 1934. URL: https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1930–1938-the-wilderness/the-threat-of-nazi-germany/

[144] *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / пер. с англ. М., 2003. С. 358.

[145] Совет Лиги Наций включал четырёх постоянных участников: Великобританию, Францию, Италию, Японию,– и четырёх непостоянных участников, которые были избраны Собранием в течение трёхлетнего периода. Первыми четырьмя непостоянными участниками были Бельгия, Бразилия, Греция и Испания. США должны были быть пятым постоянным членом, но американский Сенат проголосовал 19 марта 1920 г. против ратификации Версальского договора.

В 1937 г. деятельность в Лиге Наций прекратила Италия. В 1939 г. Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Таким образом, с 1939 г. и до роспуска Лиги Наций в Совете Лиги остались лишь два постоянных члена – Великобритания и Франция.

Португалия и Швейцария проголосовали против этого решения.

Германия приняла диктатуру со всеми ее террористическими методами и ее циничным и открытым отрицанием управления посредством законов. Считала необходимым добиться двух целей: Одной из этих целей, которая рассматривалась как самая важная, было уничтожение «позора» перемирия и ограничений Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров и создания Великой Германии в более широких границах, чем границы 1914 г.[146] Это с несомненностью означало захват чужих территорий. Война считалась неизбежным или по крайней мере весьма вероятным условием достижения этих целей. Поэтому германский народ и все его ресурсы должны были быть организованы в громадную военно-политическую армию, выученную беспрекословно повиноваться любому политическому курсу, объявленному правительством[147].

И в этот раз политика победила право. По утверждению Генри Киссинджера в его книге «Мировой порядок», Версальская система уделяла чрезмерное внимание легитимности и пропаганде общих ценностей, а игнорирование второго компонента – силы – спровоцировало германский ревизионизм[148].

Аналогичные аргументы приводил ранее Эдвард Карр в книге «Двадцать лет кризиса. 1919–1939»[149], который, с его точки зрения, подготовил почву для нового конфликта. Подобную проблему мы наблюдаем сегодня.

По мнению американского политолога Филиппа Куинси Райта ***(Philip Quincy Wright)***, война была возобновлена в 1931 г. и казалась бы изолированными боевыми действиями в Китае, Эфиопии, Испании, Чехословакии, Литве и Албании, но после нападения Германии на Польшу в сентябре 1939 г. Вторая мировая война проявила признаки того, что она стала всеобщей. Франция, Великобритания и доминионы, кроме Ирландии, вступили немедленно.

До конца 1940 г. Россия ответила на вызов, вторглась на территорию и заключила мир с Финляндией; Германия оккупировала Данию, Норвегию, Нидерланды, Бельгию, Люксембург и Румынию; Италия вступила в войну, напав на Египет и Грецию; а Япония, уже воюющая с Китаем, присоединилась к этой Оси и напала на Соединенные Штаты в Пёрл-Харборе в декабре 1941 г. После этого все, кроме шести из оставшихся государств мира, стали воюющими сторонами[150].

И по сегодняшний день не прекращаются споры о дате начала Второй мировой войны.

Целый ряд видных политических деятелей Запада отнюдь не относили начало Второй мировой войны к 1 сентября 1939 г.

Лауреат Нобелевской премии мира за 1959 г., британский министр иностранных дел в 1945–1946 гг., барон Филип Ноэль-Бейкер ***(Philip Noel-Baker, Baron)*** в своей Нобелевской лекции 11 декабря 1959 г. «Мир и гонка вооружений» вначале, подчеркнув схожесть оценок и угроз миру уже в 1920-е годы, процитировал другого Нобелевского лауреата – Ф. Нансена, который считал проблему того, как избавиться от войны, первым из всех вопросов не только в международной, но и в национальной политике: «Если мы не избавимся от войны, если мы не покончим с ней полностью, если мы не сократим и не ограничим вооружения, то... мы можем быть совершенно уверены, что в будущем, как и в прошлом, вооружения будут порождать контрвооружения; они будут порождать союзы и контрсоединения, подозрения и недоверие; <...> они вызовут международные кризисы, они приведут сначала, возможно, к небольшим локальным войнам, но в долгосрочной перспективе и неизбежно к большой мировой войне, подобной той, которую мы видели в наши дни и в нашем поколении. Если мы сохраним наши вооружения, если мы не проведем работу по разоружению, которую так успешно начала Лига Наций, война, безусловно, начнется»[151].

А затем сделал вывод о скоротечности сбывшихся прогнозов и распространении войны по многим континентам уже в начале 1930-х годов: «В 1926 году эти слова были произнесены, а в 1933 году произошел провал Конференции по разоружению, отказ от системы Пакта, возвращение к жесткой политике власти, печальная последовательность Маньчжурии, Чако, Абиссинии, Испании, Австрии, Мюнхена и Второй мировой войны, которую Нансен предвидел.

Пакт Лиги Наций включал признание необходимости разоружения, обеспечение выполнения международных обязательств совместными действиями и урегулирование международных споров мирными средствами. Япония напала на Китай в Маньчжурии в сентябре 1931 года. Боливия и Парагвай вели самую кровопролитную латиноамериканскую

---

[146] См.: Нюрнбергский процесс: сб. материалов. Т. II. С. 949.

[147] См.: там же. С. 959, 960.

[148] См.: *Kissinger H.* World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. Penguin. September 9, 2014.

[149] *Carr E.*H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939. London, 1946.

[150] См.: *Wright Q.* Op. cit. P. 58.

[151] Цит. по: *Noel-Baker Philip*. Nobel Lecture. Peace and the Arms Race. December 11, 1959.

войну XX века в Гран-Чако (1932–1935) из-за спорных границ. Италия вторглась в Абиссинию (Эфиопию) в 1935 году. Гражданская война в Испании (1936–1939), хотя и была внутренней борьбой, фактически стала полем битвы для России, с одной стороны, и Германии и Италии – с другой. Гитлеровская Германия объявила о союзе Австрии и Германии (аншлюс) в 1938 году. Мюнхенский пакт от сентября 1938 года, подписанный Германией, Англией, Францией и Италией, уступил территорию Чехословакии Германии и уничтожил чешскую военную мощь. Вторая мировая война (1939–1945) началась именно тем процессом, который предсказывал Нансен»[152].

Президент США Франклин Делано Рузвельт также в своем обращении к американцам от 9 декабря 1941 г. «О войне с Японией» перечислил с 1931 г. предшествующие нападению на США акты военной агрессии стран Оси и заявил: «Внезапные преступные нападения, совершенные японцами в Тихом океане, стали кульминацией десятилетия международной безнравственности. И ни один честный человек ни сегодня, ни через тысячу лет не сможет подавить чувство негодования и ужаса по поводу предательства, совершенного военными диктаторами Японии под тенью флага мира, который несут их специальные посланники в нашей стране.

Могущественные и находчивые гангстеры объединились, чтобы вести войну со всем человечеством. Курс, которым Япония следовала в течение последних десяти лет в Азии, аналогичен курсу Гитлера и Муссолини в Европе и Африке. В 1931 году, десять лет назад, Япония без предупреждения вторглась в Маньчжоу-Го»[153].

Профессор В.А. **Космач, приводя результаты своих исследований со ссылками на документы, в т.ч. политические[154], и многочисленные работы авторитетных отечественных и зарубежных ученых и политиков, полагает, что** «Вторая мировая война началась 7 июля 1937 года нападением Японии на Китай, хотя официально об этом никто не заявлял. Завершилась же Вторая мировая война 2 сентября 1945 года на Дальнем Востоке – там, где она и началась». По его данным, в Китае считают, что Вторая мировая война началась как минимум в 1937 году. С учётом этих лет потери Китая в человеческих жизнях превысили даже советские и составили, по-видимому, не менее 35 млн человек[155].

Вопрос о дате начала Второй мировой войны принципиально важный, в первую очередь для России, поскольку, настаивая на 1 сентября 1939 г., отдельные зарубежные ученые целенаправленно формируют научное мнение о том, что именно пакт Молотова-Риббентропа являлся спусковым крючком к мировой войне, а западные политики активно трансформируют эту точку зрения в общественное мнение, которое не только за пределами, но и внутри Союза ССР, а теперь и России, редко кто оспаривает. Эта позиция в корне неверная, а бездоказательное объявление России как правопреемницы СССР одной из виновниц в её развязывании не имеет никаких правовых оснований.

Последовательная ревизия Версальского договора, к которой всеми способами стремилась Германия и которая находила понимание и поддержку у западных держав, привела к тому, что соотношение сил в мире стремительно менялось в пользу агрессивных государств. Под влиянием нового расклада сил в правящих кругах ведущих европейских стран возобладала точка зрения, что «наилучшим способом отвести угрозу от собственной безопасности является политика умиротворения, целью которой являлось предотвращение большой войны посредством модернизации Версальской системы»[156]. Одним из шагов в этом направлении стало заключение двух сепаратных англо-германских морских соглашений в 1935 и 1937 гг. В частности, нотой от 18 июня 1935 г., известной как германо-британское военно-морское соглашение, британское правительство разрешило увеличение германского флота до 35% численности Королевского флота. Это соглашение, обошедшее британский парламент посредством дипломатического обмена нотами, де-факто заменило соответствующие положения Версальского договора.

В свою очередь, в 1935 г. Франция пошла навстречу требованиям Италии и уступила ей часть своих африканских территорий, обеспечив плацдарм для нападения на Эфиопию.

3 февраля 1935 г. было подписано франко-английское соглашение, что означало присоединение Великобритании к франко-итальянскому Договору, подписанному в Риме 7 января 1935 г. Указанный Договор помимо урегулирования франко-итальянских разногласий относительно Туниса,

[152] Ibid.

[153] December 9, 1941: Fireside Chat 19: On the War with Japan.

[154] См.: XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г.: стенографический отчет. М.; Л., 1939; *Сталин И.В.* Отчетный доклад на XVIII Съезде партии о работе ЦК ВКП (б) 10 марта 1939 г. М., 1952.

[155] См.: *Космач В.А.* Причины и начало Второй мировой войны: некоторые уточнения и переоценки // Метаморфозы истории. 2016. № 8. С. 211–230.

[156] *Наумов А.О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны: история кризиса Версальской системы. М., 2007. С. 147.

пограничных вопросов в Ливии и железной дороги Аддис-Абеба – Джибути разрешал ряд общих проблем.

В октябре 1935 г. Италия развязала войну против Эфиопии. 2 мая 1936 г. император Хайле Селассие был вынужден бежать из страны, в то время как итальянские войска, вступив в столицу страны Аддис-Абебу, объявили о том, что Эфиопия стала частью Итальянской Восточной Африки. В связи с победой в Эфиопии Муссолини провозгласил второе рождение Римской империи, а король Виктор Эммануил III принял титул Императора Эфиопии. Лига Наций раскритиковала Италию за использование горчичного газа и фосгена, но 4 июля 1936 г. капитулировала, отменив санкции против Италии.

В 1935 г. нацистское правительство решило, что оно может предпринять первые открытые шаги для снятия с себя обязательств по Версальскому договору. 10 марта 1935 г. Геринг объявил, что Германия приступила к строительству военно-воздушных сил. 16 марта 1935 г. был принят Закон, согласно которому вводилась обязательная воинская повинность и предусматривалось создание германской армии мирного времени численностью в 500 тыс. человек[157].

В Советском Союзе остро чувствовали опасность и предупреждали об этом англичан: «Никогда еще со времени мировой войны не было такой озабоченности и тревоги за судьбу мира, как в настоящий момент»[158].

2 мая 1935 г. в Париже состоялось подписание Договора взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой. Участники Договора обязались в случае нападения со стороны какого-либо европейского государства немедленно оказать друг другу помощь и поддержку. В протоколе, подписанном одновременно с Договором, подчеркивалось стремление обеих сторон и в дальнейшем добиваться заключения европейского соглашения по вопросам безопасности. В протоколе отмечалось также, что помощь, предусмотренная Договором, должна быть оказана в соответствии с рекомендациями Лиги Наций, однако если такой рекомендации не будет, то «обязательство помощи, тем не менее, будет выполнено»[159].

Вслед за Договором с Францией Советский Союз 16 мая 1935 г. подписал сходный по содержанию Договор о взаимной помощи с Чехословакией[160]. По этому Договору СССР обязан был прийти на помощь Чехословакии, если Франция выполнит свои обязательства по отношению к этой стране и придет ей на помощь. Был подписан соответствующий чехословацко-французский пакт.

7 марта 1936 г. 19 пехотных батальонов германской армии и несколько военных самолетов вопреки Версальскому договору вступили в демилитаризованную зону Рейнской области[161], о чем послам Франции, Великобритании, Италии и Бельгии в Берлине был вручен Меморандум германского правительства с уведомлением о расторжении Германией Локарнского договора 1925 г. Совет Лиги Наций осудил Германию за нарушение ею международных обязательств, однако реакции со стороны «великих европейских держав» не последовало. Вскоре премьер-министр Великобритании С. Болдуин заявил, что вступление германских войск в Рейнскую область «не содержит угрозы военного конфликта». При объявлении об этом в рейхстаге была сделана ссылка на только что заключенные договоры о союзе между Францией и Советским Союзом, а также между Чехословакией и Советским Союзом[162].

Тем самым в марте 1936 г. две западные державы – Великобритания и Франция – имели последний шанс, не развязывая большой войны, остановить милитаризацию и агрессивность тоталитарной Германии и привести к полному краху нацистский режим. Они этот шанс упустили.

Для Франции это явилось началом конца. Ее восточные союзники – Россия, Польша, Чехословакия, Румыния и Югославия были поставлены перед фактом: Франция не будет воевать против Германии в случае агрессии, не будет придерживаться системы безопасности, над созданием которой она так кропотливо трудилась. Экономика Франции была истощена, катастрофически не хватало денег. Война была ей не по карману.

---

[157] См.: Нюрнбергский процесс: сб. материалов. Т. II. С. 957.

[158] Речь М. Литвинова на приеме в честь английского министра лорда хранителя печати г. Идена 28 марта 1935 года // Внешняя политика СССР: сб. документов. М., 1946. Т. IV (1935 – июнь 1941 г.). С. 21.

[159] См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1936 г. Отд. II. № 7, ст. 72; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1938. Вып. IX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 года. № 330. С. 45–49.

[160] См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1936 г. Отд. II. № 14–15, ст. 130; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. IX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 года. № 331. С. 49–52.

[161] См.: *Bullock Alan Louis Charles.* Hitler, a Study in Tyranny. London: Odhams Press, 1952. P. 135: «Если бы французы вошли в Рейнскую область, нам пришлось бы ретироваться с поджатыми хвостами. Военные ресурсы, находившиеся в нашем распоряжении, были неадекватны даже для оказания умеренного сопротивления».

[162] См.: там же. С. 958.

16 июля 1936 г. генерал Франсиско Франко ***(Francisco Paulino Hermenegildo Teódulo Franco Bahamonde)*** поднял военный мятеж в Испании – началась гражданская война (***Guerra Civil Española***; 17 июля 1936–1 апреля 1939).

Хотя помощь Германии Франко не может сравниться с помощью Италии, которая направила в Испанию от 60 до 70 тыс. солдат и большое количество самолетов и оружия, она все же представляется значительной. Позднее немцы подсчитали, что на это предприятие они потратили полмиллиарда марок, не беря в расчет поставки самолетов, танков, отправку технического персонала и легиона «Кондор» – авиационного соединения, печально знаменитого тем, что оно разбомбило город Гернику. В результате на границах Франции появилось третье враждебно настроенное фашистское государство.

Заместитель государственного секретаря США (1937–1943) Самнер Уэллес ***(Sumner Welles)*** писал: «Большая часть американского народа, считает, что простое формулирование желания равносильно положительному действию. Наше собственное правительство было по крайней мере так же виновато, как и британское, в бездействии в отношении Маньчжурии, поскольку мы явно не желали участвовать ни в военных, ни в экономических санкциях; что наши симпатии к Эфиопии были "чисто платоническими", и, следовательно, все, что мог сделать Государственный департамент,– это поддерживать девиз "морального эмбарго" и рекомендовать нашим грузоотправителям сократить экспорт в Италию; что "из всей нашей слепой изоляционистской политики самым катастрофическим было наше отношение к гражданской войне в Испании"»[163].

25 ноября 1936 г. в Берлине был заключен «Антикоминтерновский пакт», или Соглашение против Коммунистического Интернационала – международно-правовой договор между Германией и Японской империей с главной целью борьбы с Коммунистическим интернационалом (Коминтерном)[164]. Его участники обязались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него совместную борьбу. Основное содержание пакта было изложено в подписанном одновременно германо-японском секретном соглашении, в котором указывалось, что в случае конфликта одного из участников пакта с СССР они «должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов». Участники соглашения обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения». 6 ноября 1937 г. к «Антикоминтерновскому пакту» присоединилась Италия, 24 февраля 1939 г.– Венгрия, 27 марта 1939 г.– Испания. После начала Великой Отечественной войны с 25 ноября 1941 г. к Договору присоединились несколько новых государств-членов: Румыния, Финляндия, Хорватия, Словакия, Болгария, оккупированная Дания, японское марионеточное правительство Нанкина – Китай. Турция имела в нем статус наблюдателя.

Присоединяясь к пакту, представлявшему военно-политический союз, направленный, в частности, против СССР, фашистская Италия нарушила Итало-советский пакт от 2 сентября 1933 г.[165]

Агрессивные державы – Германия, Италия и Япония, став на путь подготовки к войне за передел мира, считали необходимым превратить «Антикоминтерновский пакт» в прямой военный союз трех держав.

Не оспаривая дату начала Второй мировой войны, поскольку она установлена Приговором в Нюрнберге, акцентируем внимание на том, что «первым актом агрессии, который инкриминируется подсудимым, согласно Обвинительному заключению, является захват Австрии и Чехословакии, а первая агрессивная война, упомянутая в Обвинительном заключении,– это война против Польши, начатая 1 сентября 1939 года»[166].

В течение многих лет нацисты в Германии сотрудничали с национал-социалистами в Австрии для того, чтобы добиться конечной цели – включения Австрии в состав Германской империи.

На основе исследованных доказательств Трибунал пришел к безусловному выводу: «Вторжение в Австрию являлось преднамеренным агрессивным актом с целью содействовать дальнейшему осуществлению плана ведения агрессивных войн против других стран. 12 марта 1938 года германские войска вступили в Австрию, не встретив сопротивления. 13 марта 1938 г. был издан закон о воссоединении Австрии с Германской империей»[167]. Тем самым в событии аншлюса установлен факт продолжения нацистской Германией последующих агрессивных войн как часть плана.

---

[163] *Welles S.* The Time for Decisions. New York, 1944. P. 431.

[164] См.: Abkommen nebst Zusatzprotokoll zwischen dem Deutschen Reich und Japan gegen die Kommunistische Internationale, vom 25. November 1936. 1937, Max-Planck-Institut für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht.

[165] См.: Договор о дружбе, ненападении и нейтралитете [между СССР и Италией] от 2 сентября 1933 года // Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI. 1933 г. С. 494–496.

[166] Нюрнбергский процесс: сб. материалов. Т. II. С. 959.

[167] Там же. С. 964, 966.

Германия получила стратегический плацдарм для захвата новых источников сырья, людских ресурсов и военных производств в Чехословакии и для дальнейшего наступления в Юго-Восточной Европе и на Балканах. В результате аншлюса территория Германии увеличилась на 17%, население – на 10% (на 6.7 млн человек). В состав вермахта были включены шесть сформированных в Австрии дивизий.

Следует подчеркнуть, что в защиту независимости Австрии и против аншлюса выступил только Советский Союз, в очередной раз предупредив мировое сообщество: «Если случаи агрессии раньше имели место на более или менее отдаленных от Европы материках, или на окраине Европы, где, наряду с интересами жертвы агрессии, были задеты интересы лишь нескольких ближайших стран, то на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских»[168].

Нюрнбергский трибунал установил, что «оккупация Чехословакии планировалась детально, задолго до Мюнхенской конференции». Мюнхенское соглашение, подписанное в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г.,[169] надо считать кульминацией провальной британо-французской политики умиротворения агрессора и первым в межвоенном периоде мировых войн правовым документом, устанавливающим раздел территории европейского суверенного государства Чехословакии между поверженными союзниками в Первой мировой войне (Германией и Австрией) и воссозданной по ее итогам Польшей, с согласия гарантов Версальского договора – Великобритании, Франции и Италии.

И это не было случайностью. 16 апреля 1938 г. 60-й премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен ***(Arthur Neville Chamberlain)***, капитулируя перед Муссолини и идя навстречу агрессии, согласился признать господство фашистской Италии в Эфиопии. Во исполнение этого договора Правительство Великобритании внесло в мае 1938 г. предложение в Совет Лиги Наций о признании итальянского суверенитета над Абиссинией. Против признания итальянского суверенитета выступили делегаты СССР, Китая, Боливии и Новой Зеландии. Тогда была проведена резолюция Совета, которая разрешала членам Лиги поступать в этом вопросе по своему усмотрению, затем последовало немедленное признание Великобританией и Францией итальянского короля «императором Абиссинии».

Несколькими днями позже, 25 апреля того же года, он также пообещал покинуть британские военно-морские базы в Ирландии, что ослабляло обороноспособность Великобритании. В сентябре 1938 г. Чемберлен трижды приезжал в Германию, чтобы предотвратить начало общеевропейской войны из-за требования Гитлера о передаче Чехословакией Судетской области Германии. По Мюнхенскому соглашению он и премьер-министр Франции Эдуар Даладье ***(Édouard Daladier)*** удовлетворили почти все требования Гитлера и оставили Чехословакию беззащитной, объявив, что она может либо противостоять нацистской Германии в одиночку, либо подчиниться предписанным аннексиям. Свои территориальные претензии к Чехословакии одновременно с Германией выдвинула и Польша.

Тогда же 30 сентября 1938 г. между Германией и Великобританией по инициативе последней была подписана Декларация о взаимном ненападении. 3 октября 1938 г. У. Черчилль так охарактеризовал все свершившееся, обратившись к Невиллу Чемберлену: «Тебе был дан выбор между войной и бесчестьем. Ты выбрал бесчестье, и у тебя будет война»[170]. Его слова оказались пророческими.

Надо иметь мужество и бесспорные доказательства предательства и капитуляции Чемберлена, чтобы в Приговоре Нюрнбергского трибунала на все времена записать: «29 сентября 1938 года после конференции между Гитлером и Муссолини и британским и французским премьер-министрами в Мюнхене было подписано Мюнхенское соглашение, по которому Чехословакия должна была согласиться на передачу Судетской области Германии. “Клочок бумаги”, который британский премьер-министр привез с собой в Лондон, подписанный им самим и Гитлером, выражал надежду на то, что в будущем Великобритания и Германия смогут жить в мире»[171].

Даладье был рад, что избежал войны, но чувствовал, что соглашение, которое он подписал 30 сентября в Мюнхене, было позорным договором, который предал Чехословакию, самого верного союзника Франции в Восточной Европе[172]. В отношениях с Францией правительство фашистской Германии не было заинтересовано в заключении далеко идущих соглашений и тем не менее

[168] О точке зрения СССР относительно международной ситуации, сложившейся в результате новых актов агрессии в Европе. Заявление М. Литвинова представителям печати от 17 марта 1938 года // Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. IV. С. 343.

[169] См.: Agreement concluded at Munich, September 29, 1938, between Germany, Great Britain, France and Italy. Munich Pact. URL: https://avalon.law.yale.edu/imt/munich1.asp

[170] URL: https://www.britannica.com/event/Munich-Agreement

[171] Нюрнбергский процесс: сб. материалов. Т. II. С. 968, 969.

[172] См.: *Overy R., Wheatcroft A.* The Road to War. London, 1989. P. 175.

6 декабря 1938 г. подписало франко-германскую декларацию ***(Déclaration Bonnet-Ribbentrop)***, которая явилась своего рода пактом о ненападении, только потому, что ее содержание фактически перечеркивало Советско-французский договор о взаимной помощи 1935 г.[173]

Американский политолог, общепризнанный основатель и глава школы прагматизма и политического реализма, ведущий теоретик США по внешнеполитическим вопросам Ганс Моргентау ***(Hans Morgenthau)***, характеризуя внешнюю политику британских властей в межвоенный период, дал однозначную и твердую оценку: «Политика умиротворения Невилла Чемберлена.., помогла сделать Вторую мировую войну неизбежной и принести невыразимые страдания миллионам людей»[174].

Гитлер использовал Англию для усиления Германии, потом захватил практически всю континентальную Европу, установив контроль над 3 млн кв. км территории, населенной 290 млн человек. В экономике страны использовалось около 14 млн иностранных рабочих. Все это позволило немцам произвести беспрецедентную мобилизацию 21.1 млн человек и развязать войну против СССР.

Тем самым сегодня очевиден факт, что политическим и правовым прологом Второй мировой войны послужил мюнхенский сговор европейских держав, в первую очередь Великобритании и Франции, а также Италии, Венгрии и Польши с гитлеровской Германией. Именно действия и правовые решения полномочных руководителей названных государств, а не Пакт Молотова-Риббентропа дал нацистской Германии, ее союзникам и фашистам в других государствах свободу беспрепятственных военных действий.

Чехословакию поддержал только Советский Союз во исполнение Советско-чехословацкого договора от 16 мая 1935 г. Правительство СССР 19 марта 1939 г. заявило ноту Германии о своем непризнании немецкой оккупации территории Чехословакии[175].

Версальским договором она была освобождена от репараций, что позволило ей опередить в промышленном развитии Германию. В 1938 г. в Чехословакии проживало 15 млн человек, из них 3.5 млн этнических немцев, компактно проживающих в Судетской области, а также в Словакии и Закарпатской Украине (карпатские немцы). Промышленность Чехословакии, в т.ч. и военная, была одной из самых развитых в Европе. Заводы «Шкода» с момента оккупации Германией и до начала войны с Польшей произвели почти столько же военной продукции, сколько произвела за это же время вся военная промышленность Великобритании. Чехословакия была одним из ведущих мировых экспортеров оружия, ее армия была превосходно вооружена и опиралась на мощные укрепления в Судетской области. Аннексия Судетской области была осуществлена с 1 по 10 октября 1938 г. Польша одновременно с немецкими войсками ввела свою армию в Тешинскую область и аннексировала территорию площадью 801.5 кв. км с населением 227 399 человек. В это же время Венгрия оккупировала южные и восточные регионы Словакии, которая уступила ей 10 390 кв. км с населением 854 277 человек.

15 марта 1939 г. германские войска оккупировали Богемию и Моравию. 16 марта был издан германский декрет, включавший эти территории в империю в качестве протектората[176]. Чешская армия не оказала оккупантам заметного сопротивления. В распоряжение Германии перед нападением на СССР попали значительные запасы вооружения бывшей чехословацкой армии, позволившие вооружить девять пехотных дивизий и укомплектовать пять танковых дивизий танками чехословацкого производства.

Фактически не имея военного преимущества, Германия воспользовалась соглашательством Англии и Франции.

Что касается Польши, то еще в 1925 г. в Локарно был заключен Договор об арбитраже между Германией и Польшей, предусматривавший разрешение всех споров между этими двумя странами. 26 января 1934 г. была опубликована германо-польская Декларация о ненападении. 30 января 1934 г. и вновь 30 января 1937 г. Гитлер выступил с речами в рейхстаге, в которых высказал свою точку зрения относительно того, что Польша и Германия могут работать в согласии и мире.

---

[173] См.: Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937–1939: сб.: в 2 т. / ред. кол. А.П. Бондаренко и др. М., 1981. Т. 1: Ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. С. 334, 335.

[174] *Morgenthau H.J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. Fifth Edition, Revised. New York, 1978. P. 4–15.

[175] Во время Второй мировой войны британский премьер-министр У. Черчилль пришел к выводу, что условия соглашения не будут поддерживаться после войны и что Судетские территории должны быть возвращены послевоенной Чехословакии. 5 августа 1942 г. министр иностранных дел Энтони Иден направил Яну Масарику об этом ноту.

В сентябре 1942 г. французский Национальный комитет, возглавляемый Шарлем де Голлем, объявил Мюнхенское соглашение недействительным с самого начала. 17 августа 1944 г. французское правительство повторило свое заявление о недействительности Мюнхенского соглашения с самого начала.

После смены фашистского руководства Муссолини итальянское правительство с самого начала объявило Мюнхенское соглашение недействительным.

После победы союзников и капитуляции Третьего рейха в 1945 г.т.н. Судетская область была возвращена Чехословакии, а немецкоязычное большинство было изгнано.

[176] См.: Нюрнбергский процесс: сб. материалов. Т. II. С. 969.

Великобритания 31 марта 1939 г. заверила Польшу в том, что в случае любого действия, которое явно будет угрожать независимости Польши и которому польское правительство сочтет необходимым оказать сопротивление своими вооруженными силами, Великобритания будет считать себя обязанной немедленно оказать Польше всю возможную помощь. Французское правительство заняло аналогичную позицию.

23 мая 1939 г. было созвано совещание в Берлине. Гитлер объявил о своем решении напасть на Польшу. Он подчеркнул, что [возможная] война с Англией и Францией будет борьбой не на жизнь, а на смерть, которая может продлиться долгое время, и что поэтому следует подготовиться к ней соответствующим образом.

22 августа 1939 г. он заявил, что «ликвидация гегемонии Англии начата». Окончательное решение относительно даты начала уничтожения Польши, намеченной и обсужденной ранее в том же году, было принято Гитлером незадолго до 22 августа 1939 г.

События последних дней августа подтвердили это решение. 22 августа 1939 г. премьер-министр Великобритании обратился с письмом к Гитлеру, в котором писал: «Таким образом, выяснив наши позиции, я хочу повторить вам мое убеждение в том, что война между нашими народами будет величайшим из возможных бедствий».

23 августа Гитлер ответил: «Решение вопроса о разрешении европейских проблем на мирной основе не зависит от Германии, а главным образом от тех, кто с момента преступления, совершенного созданием Версальского диктата, упорно и настойчиво противился его мирному пересмотру. И только после изменения позиции несущих за это ответственность держав могут произойти изменения в отношениях между Англией и Германией».

Затем в адрес Гитлера последовал ряд обращений с тем, чтобы предотвратить превращение польского вопроса в войну, в частности, от президента Рузвельта – 24 и 25 августа, от его святейшества Папы римского – 24 и 31 августа и от Даладье, премьер-министра Франции,– 26 августа. Однако Гитлер остался глух к этим призывам.

25 августа Великобритания подписала Пакт о взаимопомощи с Польшей, подтвердивший обязательства, данные Англией Польше в начале года. Это вместе с известиями о нежелании Муссолини начать войну на стороне Германии заставило Гитлера некоторое время колебаться. Вторжение в Польшу, начало которого было запланировано на 26 августа, было отложено до следующей попытки убедить Великобританию не вмешиваться. Гитлер предложил Великобритании заключить пространное соглашение, как только вопрос будет разрешен.

1 сентября 1939 г. германские войска при поддержке небольшого словацкого контингента вероломно без объявления войны перешли в наступление на всей протяженности польско-германской границы, а также с территории Моравии и Словакии. Линия фронта составила около 1600 км. Их план предусматривал уничтожение всех польских вооруженных сил к западу от Вислы не позднее, чем через две недели после начала операции.

По мнению Трибунала, события в дни, предшествовавшие 1 сентября 1939 г., свидетельствуют о решимости Гитлера и его приспешников любой ценой осуществить объявленное им намерение захватить Польшу, несмотря на обращения к нему со всех концов света. Имея перед собой все новые и новые доказательства того, что это намерение также приведет к войне с Англией и Францией, Гитлер бесповоротно решил не отклоняться от взятого курса.

Трибунал считает полностью доказанным, что война, начатая Германией против Польши 1 сентября 1939 г., была явно агрессивной войной, которая не могла впоследствии не превратиться в войну, охватившую почти весь мир, и обусловила совершение бесчисленных преступлений как против законов и обычаев войны, так и против человечности[177].

Захват Гитлером Чехословакии, Польши и навязанное Румынии экономическое соглашение, превратившее Румынию в вассала гитлеровской Германии, привели к изменению позиций. Чемберлен и Даладье в середине апреля 1939 г. сделали Советскому правительству предложение начать переговоры о создании тройственного фронта мира. Эти переговоры продолжались до 23 августа 1939 г. и не дали никаких результатов.

В тот же день в Москве главами ведомств по иностранным делам был подписан Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, известный как пакт Молотова-Риббентропа. СССР был предпоследним государством, подписавшим подобный двусторонний документ с Германией после Польши, Великобритании, Франции, Литвы, Латвии и Эстонии и перед Турцией. До сегодняшнего дня ведется ожесточенная информационная полемика об обстоятельствах подписания этого Договора и возможном наличии секретных приложений к нему[178], что является юридически несостоятельным процессом, поскольку решение по

[177] См.: Нюрнбергский процесс: сб. материалов. Т. II. С. 970–975.

[178] См.: *Крашенинникова В.Ю.* (отв. ред.) Антигитлеровская коалиция 1939 – формула провала. М., 2019. С. 321–331.

этому вопросу принял Международный военный трибунал в Нюрнберге.

Германия и Италия 22 мая 1939 г. подписали Пакт о дружбе и союзе между Германией и Италией – двусторонний германо-итальянский договор о военном союзе («Стальной пакт»)[179].

3 сентября 1939 г. в ответ на нападение Германии на Польшу, которым началась Вторая мировая война, Великобритания и Франция объявили войну Германии. Во Франции, у укрепленной линии Мажино, расположилась франко-британская армия, а у линии Зигфрида сконцентрировалась немецкая армия. Но военные действия ограничивались лишь спорадическими операциями на море. Этот период войны (сентябрь 1939 г. – апрель 1940 г.) вошёл в историю как Странная война.

Все это время Соединенные Штаты находились в роли стороннего наблюдателя, уделяя внимание исключительно росту богатств: британский фунт традиционно составлял 4.86 долл. Но к концу Первой мировой войны инфляция в Великобритании снизила курс фунта примерно до 3.50 долл. на свободном валютном рынке. Аналогичным образом обесценились и другие валюты.

Разумная политика состояла бы в том, чтобы Британия вернулась к золоту примерно на уровне 3.50 долл., а другие развитые страны сделали бы то же самое. Вместо этого британцы приняли судьбоносное решение вернуться к золоту по старому номиналу в 4.86 долл. Это было сделано из соображений британского национального «престижа» и в тщетной попытке восстановить Лондон в качестве финансового центра мира с «твердыми деньгами».

В 1931 году произошел: провал процветающих банков по всей Европе, и попытка «твердой валюты» Франции обналичить свои фунтовые остатки на золото привели к тому, что Британия полностью отказалась от золотого стандарта. Вскоре за Британией последовали и другие страны Европы[180].

Соединенные Штаты оставались на золотом стандарте в течение двух лет, а затем, в 1933–1934 гг., отказались от классического золотого стандарта. Но после 1934 г. доллар грубо вытеснил британский фунт в качестве одной из «ключевых валют». «Теперь доллар, оцененный в 1/35 золотой унции, должен был стать единственной ключевой валютой». Денежный хаос в Европе привел к тому, что золото утекло в единственную относительно безопасную денежную гавань – Соединенные Штаты Америки, где к завершению войны накопился огромный запас золота – примерно в 25 миллиардов долларов.

С началом советско-финской войны 30 ноября 1939 г. в правительствах Великобритании и Франции стали разрабатываться планы помощи Финляндии и военных действий против СССР. Но окончание войны 12 марта 1940 г. остановило эту работу.

Переговоры о создании «оборонительного союза» между Финляндией, Швецией и Норвегией являлись попыткой создания нового антисоветского блока. В этой связи следует напомнить выступление Даладье от 11 марта 1940 г., который за день до подписания мирного договора между СССР и Финляндией в своей речи в Палате депутатов заявил, что «союзники не возьмут на себя ни малейшей ответственности за территорию Финляндии в конце войны, если финляндское правительство пойдет на соглашение с СССР». Однако неспособность Франции помочь Финляндии в борьбе с Советским Союзом во время «Зимней войны» привела к отставке Даладье 21 марта 1940 г.

Первые очаги пожара Второй мировой войны заполыхали неподалеку от советских границ много раньше общепринятой даты ее начала 1 сентября 1939 г.: с захватом Японией Маньчжурии в 1931–1932 гг., вторжением ее в северо-восточные провинции Китая в 1935 г. и развертыванием тотальной войны против этой страны в 1937 г. В 1938 г. Япония осуществила вооруженную провокацию против СССР у озера Хасан и в мае 1939 г. начала масштабную агрессию против Монголии и Советского Союза в районе реки Халха. Именно в разгар халхинголской войны гитлеровский вермахт и вторгся на территорию Польши.

После завершения Первой мировой войны на Парижской конференции японское государство добилось передачи ей германских владений в китайском государстве, но в 1922 г. в соответствии с решением Вашингтонской конференции вернула их обратно Китаю. Под давлением США началась ускоренная трансформация созданной системы, в основе которой – изменение политики держав-гарантов по отношению к Германии, что было отмечено в Японии.

Начало агрессиям было положено 90 лет назад, в премьерство Вакацуки Рэйдзиро (若槻 礼次郎), когда ночью 18 сентября 1931 г. произошел маньчжурский инцидент и японская армия, расположенная в Маньчжурии, использовала взрыв на железной дороге как повод для вторжения в Маньчжурию и быстро оккупировала ключевые маньчжурские города. Обращение китайского правительства к державам, подписавшим Вашингтонский договор девяти держав, никаких практических результатов не дало. Формальное обращение

[179] См.: Freundschafts- und Bündnispakt zwischen Deutschland und Italien“ vom 22. Mai 1939, in: ADAP, D-VI, Nr. 426, S. 466–468.

[180] См.: *Rothbard M.N.* What Has Government Done to Our Money? Ludwig von Mises Institute, fi fth ed. 2010. P. 95, 96.

Китая в Лигу Наций с требованием о применении к Японии санкций также не нашло поддержки.

Совет Лиги Наций при поддержке США стремился к мирному урегулированию конфликта путем переговоров и 24 октября 1931 г. вынес на голосование резолюцию, в которой предложил Японии в трехнедельный срок вывести войска из Маньчжурии. Япония проголосовала против, резолюция не была принята.

В начале 1932 г. Совет направил в Китай комиссию по расследованию под руководством британского дипломата графа Виктора Бульвер-Литтона (***Victor Alexander George Robert Bulwer-Lytton, 2nd Earl of Lytton***; 1876–1947). Помимо него в комиссию входили представители США (генерал Фрэнк Росс МакКой), Германии (доктор Хайнрих Шнее), Италии (граф Альдрованди-Маррескотти) и Франции (генерал Анри Клодель). В то время уже на оккупированной территории Маньчжурии японцы восстановили династию Цин в новообразованном под их полным протекторатом государстве Маньчжоу-Го. В сентябре того же года Япония заявила о его дипломатическом признании.

Официальное оглашение отчета Литтона было назначено на 2 октября 1932 г. В итоговом заключении комиссии было зафиксировано, что все японские действия были спланированной агрессией, а Маньчжурия признавалась территорией Китая. К тому же японское заявление о том, что Китай – это дезорганизованное государство, не было признано. Лиге Наций рекомендовалось не признавать Маньчжоу-Го, т.к. это государство было создано по воле Квантунской армии, а не в результате «движения за независимость народа Маньчжурии» и реализации «его права на самоопределение». Доклад, однако, не предлагал введения каких-либо санкций против Японии. Более того, в нем утверждалось, что конфликт не может быть разрешен простым восстановлением ***status quo*** и возвращением к власти свергнутого японцами Чжан Сюэляна. Последний весьма недоброжелательно относился к СССР и спровоцировал советско-китайский вооружённый конфликт, произошедший в 1929 г. после захвата им контроля над Китайско-Восточной железной дорогой, являвшейся совместным советско-китайским предприятием. В ходе последующих боевых действий Красная Армия разгромила противника.

В начале 1933 г. японские войска начали новые агрессивные акции в Китае: в январе захватили город Шаньхайгуань у восточной оконечности Великой китайской стены, открывавший ворота из Маньчжурии во Внутренний Китай. 20 февраля японское командование потребовало вывода китайских войск с территории провинции Жэхэ, расположенной между Маньчжоу-Го и Великой стеной к северо-востоку от нее. На следующий день японские войска начали наступление на эту провинцию.

В сложившейся ситуации Ассамблея Лиги Наций 24 февраля 1933 г. приняла резолюцию по докладу комиссии Литтона. Япония проголосовала против, хотя ее голос не учитывался в соответствии с п. 10 ст. 15 Пакта. Ассамблея Лиги одновременно учредила в соответствии с новой резолюцией Дальневосточный консультативный комитет для отслеживания событий и согласованных действий для сохранения непризнания существующего режима в Маньчжурии. 27 марта японское правительство телеграфировало Генеральному секретарю Лиги Наций, что «грубые ошибки» в Ассамблее свидетельствуют о неспособности понять реалии мира Дальнего Востока, продемонстрировали неправильное понимание «духа Японии» и то, что «вызов» признания Японией Маньчжоу-Го отрезал «почву для стабилизации ситуации на Дальнем Востоке». Поскольку японское правительство осознало, что существует «непримиримое расхождение во взглядах, разделяющее Японию и Лигу на политику мира», правительство, выполняя рескрипт императора, полагало, что «нет места для дальнейшего сотрудничества». По этим причинам Япония уведомила о своем намерении выйти из Лиги, которое вступило в силу 27 марта 1935 г.[181] Перестав быть гарантом вашингтонской системы, она сделала окончательный выбор в пользу проведения агрессивной внешней политики и разрушения послевоенного международного порядка. На Дальнем Востоке возник первый очаг будущей мировой войны.

Советское правительство, придерживавшееся строгого нейтралитета в этом вопросе, заявило о своем отказе присоединиться к указанной резолюции, в первую очередь потому, что 13 из 22 государств, входящих в Консультативный комитет, «не поддерживали отношений с Советским Союзом, и тем самым доказывали враждебное настроение по отношению к нему». В заявлении Правительства СССР по этому поводу говорилось: «С самого начала японо-китайского конфликта советское правительство, желая по мере своих сил воспрепятствовать дальнейшему расширению военного конфликта, могущему эвентуально превратиться в источник нового мирового пожара, стало на путь строгого нейтралитета. В соответствии с этим советское правительство, верное своей мирной политике, всегда будет солидаризироваться со всякими действиями и всякими предложениями международных органов и отдельных правительств,

[181] См.: Системная история международных отношений: 1918–1991: в 4 т. / под ред. А.Д. Богатурова. М., 2000. Т. 1. События 1918–1945.

направленными к скорейшему и справедливому разрешению конфликта и консолидации мира на Дальнем Востоке»[182].

В начале марта 1933 г. японские войска захватили всю провинцию Жэхэ. Затем они пересекли Великую китайскую стену и начали продвигаться в соседнюю провинцию Хэбэй, на территорию собственно Китая, в направлении Пекина и Тяньцзиня. Китайские войска терпели поражения и отступали. Чтобы предотвратить падение этих городов, Китайская республика 31 мая 1933 г. в г. Тангу[183] пошла на подписание перемирия с Японской империей, которое завершило боевые действия, начавшиеся с Маньчжурского инцидента. Перемирие Тангу дало возможность Чану Кайши сконцентрировать свои войска против коммунистов, хотя и ценою потери северного Китая.

Весной 1932 г. и зимой 1936 г. в Японии случились фашистские путчи. В этот период премьер-министр Хирота Коки (廣田 弘毅) способствовал сближению Японии с Третьим рейхом и фашистской Италией. 25 ноября 1936 г. в Берлине между недавними противниками Германией и Японией с целью борьбы против Коминтерна был подписан Антикоминтерновский пакт. После капитуляции Японии Хирота Коки был арестован как военный преступник класса А. Международный военный трибунал по Дальнему Востоку признал его виновным в подстрекательстве милитаризма и империализма, в нарушении международного законодательства; в планировании и ведении войны против Республики Китай; в игнорировании обязанности по предотвращению нарушений законов и обычаев войны, преступления против человечности. Хирота Коки был приговорен к смертной казни и 23 декабря 1948 г. повешен в тюрьме Сугамо.

Всего с 1936 г. до начала боевых действий у озера Хасан в июле 1938 г. японские и маньчжурские силы совершили 231 нарушение границы СССР, в 35 случаях они вылились в крупные боевые столкновения[184]. Из этого количества в период с начала 1938 г. до начала боев у озера Хасан было совершено 124 случая нарушения границы по суше и 40 случаев вторжения самолетов в воздушное пространство СССР[185].

Западные державы, Великобритания и США в первую очередь, были заинтересованы в эскалации вооруженного конфликта между СССР и Японией на Дальнем Востоке и перерастании напряженности в советско-японскую войну.

На том этапе войны в Китае никто из западных демократий не захотел идти дальше словесного порицания японских военных действий в Азии. Более того, проводя «политику Мюнхена» на Дальнем Востоке, Вашингтон, Лондон и Париж оказывали значительную помощь Японии, отказывая в этом Китаю. С 1937 г. до июля 1940 г. в Японию шли американские поставки самолетов, запчастей к ним, оптических приборов, станков, нефти, свинца, металлолома и других стратегически важных товаров, что составляло 70% всех их поставок этому откровенному агрессору. Не менее 17% стратегических материалов шло в Японию из Англии.

29 июля 1938 г. начался советско-японский конфликт в районе озера Хасан. Япония сопровождала вооруженное вторжение своих войск предложением советской стороне об изменениях границы, а также желала добиться оставления на ряде участков советской территории японских воинских подразделений. Предложение было отвергнуто.

Хасанские события лета 1938 г. явились первой серьезной проверкой возможностей Вооруженных Сил СССР, которые 9 августа 1938 г. полностью очистили советскую территорию от захватчиков.

11 августа в 12.00 военные действия у озера Хасан были прекращены. Пограничный конфликт в районе озера Хасан был скоротечен, однако потери сторон оказались значительными.

Решением Международного военного трибунала для Дальнего Востока 13 высокопоставленных лиц Японской империи были осуждены за развязывание конфликта у озера Хасан в 1938 г. Был сделан вывод о том, что нападение в районе озере Хасан, которое планировалось и было осуществлено с использованием значительных сил, нельзя рассматривать как простое столкновение между пограничными патрулями. Токийский трибунал считал также установленным, что военные действия были начаты японцами и носили явно агрессивный характер[186].

К 1939 г. Япония завершила оккупацию Центрального Китая и немедленно приступила к строительству железной дороги от Калгана на

[182] Телеграмма народного комиссара по иностранным делам Литвинова с сообщением ответа Правительства СССР по Маньчжурскому вопросу, направленная Генеральному секретарю Лиги Наций. 7 марта 1933 года // Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. III. С. 587, 588.

[183] См.:《塘沽协定》停战协定。于1933年5月31日签定

[184] См.: *Язов Д.Т.* Верны Отчизне. М., 1988. С. 164.

[185] См.: *Гребенник К.Е.* Хасанский дневник. Год 1938 / лит. запись С. Мурасова, Е. Хорунжего. Отпор провокаторам: очерки / А.Т. Ушев. Владивосток, 1978. С. 18–53.

[186] См.: Indictment from the International Military Tribunal for the Far East.

Для проведения процесса был сформирован специальный судебный орган, в состав которого вошли представители 11 государств: СССР, США, Китая, Великобритании, Австралии, Канады, Франции, Нидерландов, Новой Зеландии, Индии и Филиппин.

Халун-Аршан с перспективой выхода в Маньчжурии на Ганьчжур. Цель прежняя – закрепление на захваченных территориях и организация плацдарма для нападения на СССР и МНР. Усилилась напряженность на границе с Монголией, участились нападения японских войск на монгольских пограничников. Стал выдвигаться лозунг о расширении Японской империи «вплоть до Байкала». В то же время Япония обвиняла Монголию в преднамеренном нарушении границ Маньчжурии. По мнению советской стороны, начало конфликту положили требования японской стороны о признании реки Халхин-Гол границей между Маньчжоу-Го и МНР, хотя граница проходила на 20–25 км восточнее.

Ранее, 12 марта 1936 г., между СССР и МНР был подписан Протокол о взаимопомощи[187]. С 1937 г. в соответствии с этим Протоколом на территории Монголии были развернуты части 57-го Особого корпуса Красной Армии.

Политическая обстановка на Дальнем Востоке была в 1939 г. явно не в пользу СССР. Боевые действия на территории МНР совпали с переговорами японского министра иностранных дел Хатиро Ариты с английским послом в Токио Робертом Крейги. В июле 1939 г. между Англией и Японией было заключено соглашение, известное по лицам, его достигшим в результате обмена нотами,– британского посла Роберта Лесли Крейги и министра иностранных дел Японии Хатиро Ариты, по которому Великобритания пошла на уступку и признала японские захваты в Китае, тем самым оказав дипломатическую поддержку агрессии против МНР и ее союзника – СССР. Для Германии заключение «соглашения Арита-Крейги» оказалось дипломатическим поражением, ибо стало невозможным использовать Японию для отвлечения Великобритании от европейских событий и уменьшало шансы добиться международной изоляции Польши. На тот момент Германия и Япония были связаны союзническими обязательствами уже почти три года.

Для Советского Союза, который в тот момент уже воевал с Японией в Монголии, факт заключения Великобританией соглашения с членом «Антикоминтерновского пакта» стал свидетельством нежелания Лондона заключать соглашение с СССР и его готовности пойти на заключение аналога Мюнхенского соглашения.

В это же время Правительство США продлило на шесть месяцев денонсированный торговый договор с Японией, а затем полностью восстановило его. Товары и даже стратегическое сырье продолжали поступать в Японию вплоть до начала войны с США.

Советский историк, академик АН СССР, д-р ист. наук А.М. Самсонов писал о том, что претворение в жизнь агрессивного плана Японии происходило на фоне их переговоров с Германией и Италией о заключении трехстороннего военного пакта. Япония настаивала на том, чтобы в текст пакта была внесена оговорка о его исключительной направленности против СССР[188]. Поэтому нападением на МНР, а это означало автоматическое включение в конфликт СССР, японское руководство как бы «подталкивало» Германию к этому решению. Этой акцией Токио рассчитывал и реанимировать «Антикоминтерновский пакт», антисоветская направленность которого полностью подтвердилась, когда стало известно сопровождавшее его специальное секретное соглашение, статья первая которого прямо предусматривала совместные меры борьбы против СССР.

Вооруженный конфликт между советско-монгольскими войсками и войсками милитаристской Японии продолжался с весны по осень 1939 г. у реки Халхин-Гол на территории Монголии. Заключительное сражение произошло в конце августа и завершилось полным разгромом 23-й пехотной дивизии 6-й отдельной армии Японии. Японское правительство обратилось к Правительству СССР с просьбой о прекращении военных действий на монгольско-маньчжурской границе. 15 сентября 1939 г. было подписано соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол, которое вступило в силу на следующий день.

Однако де-юре конфликт закончился лишь в мае 1942 г. после подписания окончательного соглашения об урегулировании[189]. Причем это было компромиссное, во многом в пользу японцев урегулирование – на основе старой карты. Для Красной Армии, которая терпела поражения на советско-германском фронте, тогда сложилась достаточно сложная ситуация. Поэтому урегулирование было прояпонским. Эти обстоятельства заложили длительный и острый конфликт между СССР и Японией, в т.ч. ставший причиной объявления войны в 1945 г. Соглашение просуществовало до капитуляции Японии во Второй мировой войне в 1945 г.

В 1940 г. на пост премьер-министра Японии пришел князь Фумимаро Коноэ (近衛 文麿) – инициатор территориальной экспансии Японии в ходе Второй мировой войны, направленной,

[187] См.: Протокол о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой. Улан-Батор-Хото 12 марта 1936 года // Собрание законодательства. 1936. Отд. II. № 23, ст. 213.

[188] См.: Причины Второй мировой войны. Документы и комментарии / под ред. А. Самсонова. М., 1988. С. 169, 170.

[189] См.: Документы внешней политики СССР. Тула, 2010. Т. 25: 1942: в 2 кн. Кн. 1: 2 января – 30 декабря 1942 г.

в частности, на захват Китая и индокитайских колоний европейских держав. Сторонник укрепления союза Японии с фашистской Италией и нацистской Германией, направленного на передел мира. Под его руководством Япония подписала Пакт трёх держав 27 сентября 1940 г. Чтобы избежать суда Международного военного трибунала, покончил собой.

Международный военный трибунал по Дальнему Востоку (Токийский трибунал) рассматривал обвинения 28 обвиняемых в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности в период с 1 января 1928 г. по 2 сентября 1945 г., в т.ч. ведение Японией агрессивной войны против Китая, чтобы обеспечить полное господство над китайскими провинциями Ляонин, Кирин, Хэйлунцзян (Канчурия) и Джехол; ведение Японией агрессивной войны против Китая, чтобы обеспечить полное господство над Китаем; ведение Японией в одиночку или с другими странами агрессивной войны против Соединенных Штатов, Британского Содружества, Франции, Нидерландов, Китая, Португалии, Таиланда, Филиппин и Союза Советских Социалистических Республик, чтобы обеспечить полное господство в Восточной Азии, Тихом океане и Индийском океане, а также в прилегающих к ним странах и на соседних островах; в сговоре Японии с Германией и Италией, чтобы взаимно помогать друг другу в агрессивной войне против любой страны, которая может выступить против них, с целью получения этими тремя нациями полного господства над всем миром, где каждая из участниц имеет особое господство в своей собственной сфере, в частности для Японии,– Восточная Азия, Тихий и Индийский океаны[190].

Агрессия Японии в Китае ухудшила и без того напряженную международную обстановку. Соперничество и противоречия между США и Японией на Дальнем Востоке, между США и Англией, между Англией и Францией и Италией в Европе и в районах их колониальных владений, наконец, между Германией и государствами-победителями в Первой мировой войне обострялись, а гонка вооружений становилась все более интенсивной и опасной. Версальско-вашингтонская система договоров игнорировалась даже ее государствами-гарантами.

Триумфальным военным шествием фашистской Германии по Европе начался 1940 год. 8–9 апреля немецкие войска практически без сопротивления оккупировали Данию. Уже на следующий день, 9 апреля, Германия напала на Норвегию и к 16 июня полностью контролировала ее территорию.

После неудачи британской экспедиции в составе коалиционных сил Англии, Франции и Норвегии в серии боев при Нарвике (9 апреля – 8 июня 1940 г.) Чемберлен потерял поддержку консерваторов в палате общин. Он ушел в отставку 10 мая 1940 г. Новым премьер-министром Великобритании стал У. Черчилль, и в этот же день началось вторжение германских войск во Францию, Бельгию и Нидерланды.

14 мая 1940 г. сложила оружие голландская армия, 28 мая – бельгийская. К 4 июня 1940 г. Бельгия и Нидерланды оказались полностью оккупированы немцами.

Первым крупным поворотным моментом в войне в Европе стала победа Германии над Францией.

Патриархальное захолустье Франции накануне Второй мировой войны ярко и убедительно описал М. Блок в 1940 г. в своей работе «Странное поражение»: «Нас предупреждали. Ведь мы видели на киноэкранах разрушенные города Испании, нам рассказывали бесчисленное количество раз о жертвах в Польше». «В мае 1940 года еще были желающие участвовать в войне. Люди, сделавшие Марсельезу своим войсковым гимном, жаждали защищать Родину и уничтожать вражеские силы», несмотря на то что «наш народ не хотел этой войны.

Ни один француз в 1939 г. не стремился умереть за Данциг. Не хотели они умирать и в 1914 г. за Белград, и камарилья, плетущая свои сети вокруг Карагеоргиевича, была известна нашим крестьянам и рабочим не лучше, чем двадцать пять лет спустя коррумпированное правительство польских полковников; и так же она была не способна поднять и вдохновить народные массы на войну с врагом»[191].

16 июня 1940 г. французский премьер-министр маршал Петэн направил Гитлеру просьбу о перемирии, что означало падение Франции. 22 июня 1940 г. был подписан акт о капитуляции (Компьенское перемирие). Официально военные действия во Франции закончились 25 июня 1940 г.

Согласно условиям капитуляции 3/5 территории Франции были отданы под контроль Германии. Французские войска были разоружены, а содержать немецкие оккупационные войска должны были сами же французы. Италия получала территорию площадью в 832 кв. км. Северный регион Франции оказался под прямой немецкой

[190] См.: International Military Tribunal for the Far East. Judgment of 4 November 1948. The Tokyo War Crimes Trial, Vol. 22; The Tokyo judgment: the International Military Tribunal for the Far East (I.M.T.F.E.), 29 April 1946–12 November 1948; International Military Tribunal for the Far East / ed. by B.V.A. Röling, C.F. Rüter. Amsterdam, 1977.

[191] *Блок М.* Странное поражение. Свидетельство, записанное в 1940 году / пер. с франц. Е.В. Морозовой. М., 1999. С. 146, 152–154.

оккупацией, а на юге было создано марионеточное правительство Виши.

После поражения во Франции Великобритания, по сути, лишилась сухопутной армии. Главные потери были в утрате значительного количества тяжелого вооружения (2400 орудий, 700 танков, 50 тыс. автомашин)[192].

Эта победа означала, что почти весь европейский континент, за исключением нескольких нейтральных стран, перешел под власть Германии и ее союзников и квазисоюзников. Оказалось, что Германии удалось практически сформировать «новый порядок» в Европе. Этот переворот в международной ситуации в Европе оказал значительное влияние на китайско-японскую войну и международную ситуацию в Восточной Азии. Во-первых, в Японии усилилось стремление воспользоваться «новым порядком» Германии и продвинуться в Голландскую Ост-Индию и Французский Индокитай, которые находились в вакууме власти. 17 июня 1940 г. генерал-губернатор Французского Индокитая Жорж Катру уступил давлению Японии и полностью перекрыл путь поставок в Китай.

Впоследствии, 30 августа 1940 г., было подписано военное соглашение между Японией и правительством Виши во Французском Индокитае (известное как Пакт Мацуока-Генри «О продвижении в Северный Французский Индокитай»)[193]. Французские власти в Индокитае были обязаны согласиться на размещение японских вооруженных сил во Вьетнаме и аренда баз ВВС на севере Вьетнама.

«Сформировалась позиция Китая на июль 1940 года: Франция уже капитулировала, и Британия тоже может пасть. В случае падения Британии Соединенные Штаты потеряют способность сохранять бдительность в отношении ситуаций в других регионах, чтобы защитить Западное полушарие. Соответственно, Соединенные Штаты, вероятно, уйдут из Тихого океана и оставят Восточную Азию. На сегодняшний день дипломатический курс нашей страны был с Великобританией, Соединенными Штатами, Францией и Советским Союзом, однако Великобритания, Соединенные Штаты и Франция стали бессильными, и хотя Советский Союз является дружественной нацией, нашим отношениям не хватает близости. Соответственно, для целей будущей внешней политики нашей страны наши интересы должны заключаться в развитии дружбы не только с Советским Союзом и Германией, но и с Италией. В той мере, в какой Великобритания и Франция помогли Японии перекрыть пути снабжения Китая и воспрепятствовать нашей войне против Японии, в тот день, когда была закрыта Бирманская дорога[194], мы должны были отозвать наших послов в Великобритании и Франции и одновременно объявить наше решение выйти из Лиги Наций.

Германия готовилась к высадке на Британские острова. Основным условием к успеху операции немецкое командование считало завоевание господства в воздухе. 7 сентября 1940 г. Германия начала операцию «Блиц», что означало собою бомбардировки Великобритании авиацией нацистской Германии в период по 10 мая 1941 года и стало частью Битвы за Британию (10 июля – 30 октября 1940 года). Хотя «Блиц» был направлен на многие города по всей стране, он начался с бомбардировки Лондона в течение 57 ночей подряд. К концу мая 1941 года более 43 тыс. человек погибли и около 1,4 млн человек лишились жилья. Целью операции было уничтожение промышленности и выведение Англии из войны, поэтому помимо Лондона бомбардировке подверглись также такие важные военные и промышленные центры, как Белфаст, Бирмингем, Бристоль, Кардифф, Клайдбанк, Ковентри, Эксетер, Гринок, Шеффилд, Суонси, Ливерпуль, Кингстон-апон-Халл, Манчестер, Портсмут, Плимут, Ноттингем, Брайтон, Истборн, Сандерленд и Саутгемптон. В 1920-х и 1930-х годах западные военные теоретики поддержали идею того, что, имея мощные военно-воздушные силы, можно выиграть войну, не ведя боевые действия на суше или на море»[195]. В период между двумя мировыми войнами подобное мышление распространилось в ВВС Великобритании и США. В частности, ВВС Великобритании сами пытались добиться победы, разрушая заводы, центры связи и гражданский дух.

---

[192] См.: *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1994. С. 226.

[193] См.: Hokubu Futsuin Shinchu ni Kansuru Iwayuru ‘Matsuoka-Henry’ Kyotei” (“So-called ‘Matsuoka-Henry’ Pact Concerning Advance into Northern French Indochina,” August 30, 1940, in Gaimusho (Foreign Ministry) / ed. Nihon Gaiko Nenpyo Narabini Shuyo Bunsho (Chronology of Japanese Diplomacy and Important Documents), Vol. 2, Hara Shobo, 1965. P. 446–448.

[194] Дорога, соединяющая Мьянму с Китаем. В ходе Второй мировой войны Бирманская дорога являлась основным источником американской помощи блокированному Китаю. 18 июля 1940 г. Великобритания прекратила эксплуатацию дороги по желанию Японии. В апреле 1942 г. Япония захватила Бирму, заставив союзников перевозить грузы по воздуху через восточные отроги Гималаев и под командованием Джозефа Стилвелла построить дорогу Ледо от индийского города Ассам до Бирманской дороги. При перевозке грузов и воздушных боях над Бирманской дорогой союзными силами было потеряно более 600 самолетов и 1000 человек.

[195] См.: *James T.C.G.* The Battle of Britain [RAF Official Histories] / ed. by S. Cox. London, 2000. Эта рассекреченная работа, написанная более 75 лет назад и никогда не предназначавшаяся для публикации.

В эти дни Гитлер принял роковое для себя решение развернуть войска на Восток. 17 сентября 1940 г. он отложил, а 12 октября окончательно отменил операцию вторжения на территорию Великобритании. Немецкая авиация продолжала атаковать английские города. 14–19 ноября 1940 г. совершила разрушительные налеты на города Бирмингем и Ковентри. Бомбардировка последнего ознаменовала собой начало новой эры тотальных воздушных налетов. Немецкие военные летчики ввели новый термин – «ковентрийские налеты», что означало бомбардировки, приводившие к полному уничтожению объекта. Впоследствии американцы назовут подобные бомбардировки «ковровыми». 29 декабря 1940 г. был нанесен большой ущерб Лондону. Но эти атаки уже служили целью скрыть подготовку Германии к войне с СССР.

Германия также планировала операцию по высадке на материковую часть Великобритании – «Морской лев» ***(Operation Sea Lion)*** и операцию по нападению на Гибралтар – операция «Феликс» ***(Operation Felix)***, в которой предполагалось, что Испания присоединится к Тройственному пакту.

9 января 1941 г., после поражения в битве за Британию, был отдан приказ об отмене сухопутной операции. А вторжение на Гибралтар было отложено до завершения немецкого вторжения в Советский Союз. План под кодовым названием «Феликс – Генрих» был представлен 10 марта 1941 г. В нем предлагалось, что как только немецкие войска в Советском Союзе достигнут рубежа между Киевом и Смоленском – к 15 июля 1941 г., их части могли быть отведены для подготовки к операции на Гибралтаре, которая, как предполагалось, могла начаться 15 октября 1941 г. По известным причинам этим планам не суждено было сбыться.

Тем самым Германия обнаружила, что исчерпала свои военные возможности для завоевания Британии.

Надежды Великобритании возлагались на Россию и Америку. Германия ожидала вступления Соединенных Штатов в конфликт на Тихом океане, что могло чрезвычайно затруднить оказание помощи Великобритании. Идея Гитлера через свержение Советского Союза заключалась в том, чтобы использовать Японию в качестве сдерживающего фактора против Соединенных Штатов и тем самым попытаться победить Великобританию.

Понимали это и англичане, о чем откровенно высказывался У. Черчилль: «Сейчас не время рассуждать о безрассудстве стран и правительств, которые позволили уничтожить себя одно за другим, хотя совместными действиями они могли бы спасти себя и спасти мир от этой катастрофы.

[Германия] желает уничтожить российскую мощь, потому что надеется, что... сможет вернуть основные силы своей армии и авиации с Востока и бросить их на этот остров, который, как он знает, он должен завоевать или понести наказание за свои преступления. Его вторжение в Россию – не более чем прелюдия к попытке вторжения на Британские острова. Он [Гитлер], без сомнения, надеется, что все это будет сделано до наступления зимы и что он сможет сокрушить Великобританию до того, как вмешаются флот и авиация Соединенных Штатов. Он надеется, что... тогда сцена будет ясна для финального акта, без чего все его завоевания были бы напрасными, а именно подчинение Западного полушария своей воле и своей системе. Таким образом, опасность для России – это наша опасность и опасность для Соединенных Штатов»[196].

Для Германии Восточный фронт был стратегическим средством заставить Великобританию капитулировать. Однако, с другой стороны, он также имел стратегическую цель «создать Восточную империю под властью германских народов». Поэтому для Гитлера война с Советским Союзом отличалась по природе от «нормальных европейских войн», таких как войны с Францией или Великобританией. Война с Советами была для него «сакральной войной», сама его политическая жизнь зависела от войны. Соответственно, было неизбежно, что это должна быть война без мирного урегулирования. Варианты условного мира или сепаратного мира были исключены с самого начала[197].

5 марта 1941 г. была издана директива фюрера № 24 «О сотрудничестве с Японией» на имя Вильгельма Кейтеля, главнокомандующего вооруженными силами. В директиве говорилось: «Цель сотрудничества, основанного на Трехстороннем пакте, должна заключаться в том, чтобы побудить Японию как можно скорее принять меры на Дальнем Востоке насколько это возможно», был особо упомянут «захват Сингапура, ключевой позиции Великобритании в Восточной Азии». Ожидалось, что нападение Японии на Сингапур «свяжет сильные

[196] См.: *Churchill W.S.* Alliance with Russia, June 22nd 1941. URL: https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1941–1945-war-leader/the-fourth-climacteric/

[197] См.: *Hillgruber A.* Hitlers Strategie Politik und Kriegführung 1940–1941. Frankfurt a. M., 1965. S. 566, 567, S. 572. Андреас Хилльгрубер – неоднозначно воспринимаемый немецкий историк из-за попыток оправдать вермахт, специалист по военной, политической и дипломатической истории Германии 1871–1945 гг. Он утверждал, что операция «Барбаросса» была вызвана исключительно идеологической верой Гитлера в ***Lebensraum*** (жизненное пространство) в России, где планировались массированные усилия Германии по колонизации и сведения всего русского народа до рабского состояния. На его решения повлияли его расистские, антисемитские и социал-дарвинистские взгляды.

британские силы и отвлечет главную озабоченность Соединенных Штатов в Восточную Азию»[198].

Таким образом, суть стратегии Гитлера в отношении Японии заключалась в том, чтобы подстрекать ее к атаке и победе над британцами в Сингапуре и использовать как средство сдерживания Соединенных Штатов.

Реализации этой задачи должен был впрямую способствовать Берлинский пакт от 27 сентября 1940 г., или Тройственный пакт, который являлся международным договором, заключенным тремя державами Оси, представителями главных стран – участников «Антикоминтерновского пакта» – Германией, Италией и Японией, сроком на 10 лет, гарантировавшим взаимную политическую, экономическую и военную поддержку. К нему присоединились зависимые от Германии государства: в 1940 г.– Венгрия (20 ноября), Румыния (23 ноября) и Словакия (24 ноября); в 1941 г. – Болгария (1 марта), Югославия (25 марта, но 27 марта новое правительство не утвердило акт присоединения, однако в Договор вошла Хорватия, получившая самостоятельность после распада Югославии). В 1941 г. пакт был дополнен пунктом, обязывающим каждую из договаривающихся сторон в случае ведения войны заключать перемирие только с согласия всех других государств.

Во вступительной части пакта было сказано, что «предпосылкой длительного мира является то, чтобы каждая нация мира получила необходимое ей пространство». Таким образом, пакт носил явно захватнический характер. Пакт устанавливал, что «Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе» (ст. 1) и что «Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточно-азиатском пространстве» (ст. 2).

В момент заключения пакта из великих держав вне войны находились Соединенные Штаты Америки и Советский Союз.

Политическое значение пакта состояло в том, что он знаменовал собой окончательное оформление блока фашистских агрессоров.

Пакт официально ввел в обращение термин «новый порядок», под которым понимались притязания фашистских стран на насильственное подчинение чужих стран и народов. Предпринимая новые акты агрессии в Европе, гитлеровская Германия установила практику предъявления требования присоединиться к пакту тем государствам, на независимость которых она покушалась. Пакт был даже подписан: «Совершено в трех экземплярах в Берлине 27 сентября 1940 года, **в 19-й год фашистской эры**, что соответствует 27-му дню девятого месяца 15-го года Сева (правления императора Хирохито)»[199].

Германия продвигала предложение о союзе четырех держав между Японией, Германией, Италией и Советским Союзом. «Историческая миссия четырех держав – принять долгосрочную политику и направить будущее развитие своих народов в правильное русло путем определения границ их территорий и интересов в мировом масштабе»[200]. И Япония, и Германия стремились вовлечь Советский Союз в Тройственный пакт и усилить свое сдерживание против Соединенных Штатов на основе разделения сфер влияния.

Поскольку предложение было решительно отвергнуто, в Германии 18 декабря 1940 г. была издана директива «***Führer Directive 21 – Operation Barbarossa***», согласно которой вооруженные силы Германии должны были подготовиться к войне против Советского Союза.

Ввод германских войск в Болгарию имел место в самом начале 1941 г. вопреки заявлению болгарского правительства, сообщившего о том, что оно дало на это свое согласие лишь в марте 1941 г. Переброска германских войск в Болгарию имела своей задачей подготовку нападения на Югославию, что и произошло в апреле 1941 г.

Болгария, будучи союзницей Германии, предоставила свою территорию для размещения немецких войск и авиации, но не принимала участия во вторжении в Грецию и Югославию утром 6 апреля 1941 г. При этом в знак «благодарности» за помощь Третьему рейху получила территории в Македонии и Северной Греции. В результате в сентябре 1940 – апреле 1941 г. Болгария, не участвуя

[198] Weisung Nr. 24. Über Zusammenarbeit mit Japan, in: ADAP, D-XII, Teilband I, Nr. 182. S. 181, 182.

[199] Dreimächtepakt zwischen Deutschland, Italien und Japan vom 27 September 1940. “Artikel I. Japan anerkennt und respektiert die Führiiig Deutschlands und Italiens bei der Sbhaffung einer **neuen Ordnung in Europa**. Artikel 2. Deutschland und Italien anerkennen und respektieren die Führung Japans bei der Schaffung einer **neuen Ordnung im großostasiatischen Raum**”. 1940, Max-Planck-Institut für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. S. 872, 873; Three-Power Pact Between Germany, Italy, and Japan, Signed at Berlin, September 27, 1940.

[200] Телеграмма наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова Секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину из Берлина, 13.11.1940. АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 338. С. 2314. Лл. 11–18 // 1941-й год: в 2 кн. Кн. 1 / сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова; вступ. ст. А.Н. Яковлева. М., 1998 (Сер. «Россия. XX век. Документы» / под ред. А.Н. Яковлева); Беседа председателя Совнаркома, наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с министром иностранных дел Германии Й. Риббентропом в Берлине. 13.11.1940. АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. С. 675. Лл. 68–83, 92, 93. Машинопись. Заверенная копия // Там же; Ribbentrop an Stalin, 13. Oktober 1940, in: ADAP, D-XI, Teilband I, Nr. 176. S. 248–253.

в боевых действиях, увеличила свою территорию на 50%, а численность населения – на треть. Снова возникла Великая Болгария от Черного моря до Эгейского моря.

Во Вторую мировую войну Болгария официально выступила на стороне стран Оси 13 декабря 1941 г., объявив войну США и Великобритании, однако была единственной союзницей Германии, не воевавшей против СССР.

Договор о дружбе и ненападении между Югославией и СССР был заключен за сутки до нападения гитлеровской Германии на Югославию[201]. После того как попытка Муссолини проникнуть на Балканы путем нападения на Грецию в октябре 1940 г. самостоятельно, без Германии, потерпела неудачу, он обратился в марте 1941 г. за помощью. Германия эту помощь оказала. В апреле того же года Германия напала на Грецию и Югославию и начала этим осуществлять свой план захвата Балканского полуострова. Договор от 5 апреля 1941 г. между СССР и Югославией, подписанный накануне нападения Германии на Югославию и за два месяца до нападения на СССР, представлял собою попытку Советского правительства предотвратить распространение войны на Балканский полуостров.

Греция и Югославия были оккупированы частями вермахта в апреле 1941 г.

Пакт о нейтралитете между СССР и Японией (日ソ中立条約), подписанный в Москве 13 апреля 1941 г.,[202] означал новый этап советско-японских отношений. Эти отношения, начиная с 1917 г., прошли через ряд тяжелых испытаний. Вооруженная интервенция Японии на Советском Дальнем Востоке, начавшаяся 5 апреля 1918 г., затянулась дольше, чем какая бы то ни было иная – до ноября 1922 г. Оккупация Северного Сахалина японцами закончилась лишь в 1925 г. Японское правительство упорно отвергало предложения Правительства СССР о заключении пакта о ненападении. Именно исход столкновений у озера Хасан и у реки Халхин-Гол, в частности, способствовали заключению Договора 13 апреля 1941 г.

Пакт позволил СССР обезопасить свои восточные границы на случай конфликта с Германией. Япония, в свою очередь, развязала себе руки в разработке плана войны за Великую Восточную Азию против США, Голландии и Великобритании.

Этот Договор, принимая во внимание, что он был заключен накануне нападения на СССР, был встречен недоброжелательно в Берлине, поскольку Германия стремилась добиться одновременного нападения Японии на СССР. Нотой от 5 апреля 1945 г. Советское правительство, ссылаясь на ст. 3 Пакта, заявило о своем желании досрочно денонсировать его, поскольку срок действия Пакта истекал 13 апреля 1946 г.

22 июня 1941 г. нацистская Германия вероломно вторглась на территорию Советского Союза – началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Следует напомнить, что в тот же день Италия и Румыния объявили войну СССР. 23 июня 1941 г. в войну на стороне Германии вступила Словакия. 25 июня 1941 г.– Финляндия и Хорватия; Швеция разрешила транзит немецких войск из Норвегии в Финляндию, а Дания отозвала своего посла из Москвы. 26 июня 1941 г. Правительство Венгрии приняло решение о состоянии войны с Союзом ССР.

По состоянию на 22 июня 1941 г. около 20% армии агрессора составляли 29 дивизий и 16 бригад его союзников – Финляндии, Румынии, Венгрии. Финляндия для войны с СССР мобилизовала 560 тыс. человек, или 80% призывного контингента. Румынская армия была самой большой – к началу войны к границе были стянуты 600 тыс. военнослужащих в составе 11-й немецкой армии, частей 17-й немецкой армии, 3-й и 4-й румынских армий. По данным Румынии, в июле 1941 г. на Восточном фронте против СССР воевало 342 тыс. румынских солдат и офицеров, а к сентябрю 1942 г. против Красной Армии сражались 22 дивизии, пытаясь воплотить в жизнь бредовые фантазии клики Антонеску сделать Черное море румынским морем. Не менее 15 пехотных, одна кавалерийская дивизия и одна моторизованная бригада венгерских войск были организованы в два корпуса и армию гонведов. На стороне гитлеровской Германии также сражались: 10 итальянских дивизий («Равенна», «Челере» и др.); 47 тыс. испанских солдат и офицеров послало на войну с Советским Союзом Правительство Франко[203]; дивизии «Нидерланды», «Ландштурм Нидерланд», «Нордланд», «Лангермак», «Валлония», «Фландрия» и «Шарлемань»; дивизия чешских добровольцев «Богемия и Моравия»; дивизия албанцев «Сканденберг»; словацкая дивизия, а также отдельные батальоны бельгийцев, голландцев, норвежцев, датчан и хорват. Справедливости ради отметим, что при формировании некоторых национальных воинских частей фашистские захватчики не гнушались откровенного обмана, освобождали преступников из тюрем, использовали и другие «грязные» методы[204].

[201] См.: Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. IV. С. 548.

[202] См.: там же. С. 550, 551.

[203] См.: Известия. 1946. 7 дек.

[204] См.: *Урланис Б.Ц.* Указ. соч. С. 220; *Осипов Г.В.* Сколько наших солдат погибло в Великой Отечественной войне? // Комсомольская правда. 2010. 27 апр.

В истории народов войны и вооруженные конфликты различных масштабов и интенсивности практически не прекращаются. Известно немало примеров кровавых преступлений, неоправданной жестокости и откровенных расправ над побежденными. Но только в ходе Второй мировой войны человечество впервые познало ранее немыслимые зверства и злодеяния гитлеровских нацистов, возведенные в ранг государственной политики фашистской Германии.

С уверенностью можно сказать, что это была первая война, целью которой были не только захват территорий и порабощение населения других стран, а уничтожение людей по расовым, этническим, национально-культурным признакам для создания моноэтнического государства с «титульным» этносом арийцев, обладающих мировым господством. Ни одно государство, ни один политический режим никогда не заявляли о подобном, фактически открыто демонстрируя миру свою преступную сущность.

«Было подсчитано, что если в войнах 17-го века на европейском континенте погибло 3 миллиона человек, то в 18-м веке – 5,2 миллиона, а в 19-м веке – 5,5 миллиона, то в войнах 20-го века число погибших возросло многократно. Таким образом, Первая мировая война унесла 10 миллионов жизней, вторая – более 50 миллионов. Здесь только от воздушных бомбардировок погибло 2 миллиона мирных жителей. Относительно последствий ядерной войны, если она произойдет, известно достаточно: правдоподобные научные расчеты показывают, что в результате такой войны человеческая цивилизация погибнет»[205].

Небывалые зверства круглосуточно совершались в гитлеровских концентрационных лагерях, рассчитанных на ежедневное уничтожение: в Освенциме – 30 тыс. человек, Треблинке – 25 тыс., Собиборе – 22 тыс. А всего через этот конвейер смерти прошли почти 18 млн военнопленных, женщин, детей и стариков, более 11 млн из которых фашисты хладнокровно замучили, расстреляли, уничтожили в газовых камерах.

Нацистский режим возвел злодеяние в норму поведения. Чиновники, военнослужащие, банкиры, промышленники, партийные функционеры – все были охвачены единым замыслом, направленным против жизненных интересов человечества.

Так, в Приговоре Нюрнберга в конце подраздела «Агрессивная война против Союза Советских Социалистических Республик» подчеркивалось: «Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия»[206]. В подразделе «Убийство гражданского населения и жестокое обращение с ним» указывалось: «Из представленных доказательств явствует, что, во всяком случае, на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами...»[207].

Но Советский Союз выдержал все, мы победили!

Союз, заключенный между Великобританией и Советским Союзом во время Второй мировой войны, не похож ни на один из тех, что могли предсказать политики в начале 1930-х годов. Наши две страны враждовали друг с другом после Октябрьской революции 1917 г., свергнувшей трехвековую династию Романовых. Мы практиковали полярно противоположные экономические системы. РСФСР и СССР познали всю горечь лицемерия, предательства и ненависти со стороны Великобритании, сделавшей все – в экономике, политике и дипломатии,– чтобы эта война состоялась.

Вторая мировая война привела Советский Союз к маловероятному союзу с Великобританией и Соединенными Штатами, который со временем перерос в тесные политические и военные отношения в конфликте, не похожем ни на один из тех, что видел мир.

Вечером 22 июня 1941 г. Черчилль выступил по радио, где сказал: «Гитлер – чудовище зла, ненасытное в своей жажде крови и грабежа. Ужасная военная машина, которую мы и весь остальной цивилизованный мир так глупо, так вяло, так бессмысленно позволяла нацистским гангстерам строить год за годом почти из ничего, не может стоять без дела, чтобы не заржаветь или не развалиться на части. Она должна находиться в постоянном движении, уничтожая человеческие жизни и попирая дома и права сотен миллионов людей.

Я должен объявить о решении правительства Его Величества. У нас только одна цель и одна безвозвратная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все пережитки нацистского

[205] The Nuremberg Trial and International Law / ed. by G. Ginsburg (Law School, Rutgers University, Camden) and V.N. Kudryavtsev (U.S.S.R. Academy of Sciences). Dordrecht/Boston/London, 1990. P. 1, 2.

[206] Нюрнбергский процесс: сб. материалов. Т. II. С. 984.

[207] Там же. С. 1001–1006.

режима. От этого нас ничего не превратит – ничего. Мы никогда не будем вести переговоры с Гитлером или кем-либо из его банды. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока с Божьей помощью мы не избавим землю от его тени и не освободим ее народы от его ига. Любому человеку или государству, воюющим против нацизма, будет наша помощь. Любой человек или государство, которое идет с Гитлером,– наш враг. Из этого следует, что мы окажем всю помощь России и русскому народу»[208].

Атаковав 7 декабря 1941 г. Пёрл-Харбор, Япония начала войну не только с Соединенными Штатами Америки, но одновременно и с Британской империей, Францией, Нидерландами. Здесь она также была субъектом военных действий.

Президент США Рузвельт в своем обращении к американцам от 9 декабря 1941 г. «О войне с Японией» заявил: «Прошло полтора года после падения Франции, когда весь мир впервые осознал механизированную мощь, которую страны Оси наращивали в течение стольких лет. Наша политика основывалась на фундаментальной истине о том, что защита любой страны, сопротивляющейся Гитлеру или Японии, в конечном итоге является защитой нашей собственной страны. Эта политика была оправдана. Это дало нам время, бесценное время.

И вот что мы узнали: В мире, где правят принципы гангстеризма, нет такой вещи, как безопасность для какой-либо нации или отдельного человека. Мы можем признать, что наши враги совершили блестящий подвиг обмана, идеально рассчитанный и выполненный с большим мастерством. Это был совершенно бесчестный поступок, но мы должны признать тот факт, что современная война, ведущаяся по нацистской манере,– грязное дело. Нам это не нравится – мы не хотели ввязываться в это,– но мы участвуем в этом и собираемся бороться с этим, используя все, что у нас есть.

Всегда помните, что Германия и Италия, независимо от какого-либо официального объявления войны, считают себя в данный момент в состоянии войны с Соединенными Штатами точно так же, как они считают себя в состоянии войны с Великобританией или Россией. И Германия помещает все остальные республики Америки в ту же категорию врагов»[209].

И спустя два дня эти слова стали реальностью. 11 декабря 1941 г.: Послание Конгрессу с просьбой объявить войну Германии и Италии: «Утром одиннадцатого декабря правительство Германии, продолжая свой курс на завоевание мира, объявило войну Соединенным Штатам. Таким образом, произошло давно известное и давно ожидаемое. Силы, стремящиеся поработить весь мир, сейчас движутся к этому полушарию.

Никогда еще не было такого серьезного вызова жизни, свободе и цивилизации. Поэтому я прошу Конгресс признать состояние войны между Соединенными Штатами и Германией, а также между Соединенными Штатами и Италией»[210].

Как видно, разными путями и в разное время наши государства стали участниками Второй мировой войны, и только Советскому Союзу выпала доля сражаться с врагами на своей территории, а затем освобождать почти всю Европу от нацистских войск. Только советскому народу была уготовлена честь высшей справедливости – защищать Родину и громить немецко-фашистских захватчиков и их приспешников, вторгшихся в наш дом.

Было бы неверным не оценить существенную помощь и вклад союзников в Победу над германским нацизмом и японским милитаризмом.

Важно подчеркнуть, что в этой войне впервые в истории Антигитлеровская коалиция показала пример, когда политика и право были неразрывно вместе: политические решения принимали форму договоров, последние выполнялись всеми сторонами, отсутствовали сепаратные договоры и действия, сформировалось высокое чувство ответственности за взятые на страну обязательства.

Итогом небывалого и беспрецедентного уважения к праву стал процесс Международного военного трибунала по преследованию и наказанию главных военных преступников европейских стран, сражавшихся на стороне нацистской Германии, в Нюрнберге и его Приговор. Провозглашенные в нем нормы и принципы уже 75 лет оберегают мир от глобальной войны, служат делу борьбы с фашизмом, агрессией, национальной нетерпимостью и терроризмом, торжеству международного права и права человека на свободу и безопасность.

* * *

В период между мировыми войнами Россия пережила большевистскую революцию, иностранную интервенцию, Гражданскую войну, голод и разруху, международную изоляцию, ненависть и провокации коллективного Запада в союзе с милитаристской Японией, санкции в экономике и препятствия во внешней торговле; вынесла на своих плечах план ГОЭЛРО, коллективизацию, индустриализацию страны и все последствия

[208] *Churchill W.S.* Alliance with Russia, June 22nd 1941.

[209] December 9, 1941: Fireside Chat 19: On the War with Japan.

[210] December 11, 1941: Message to Congress Requesting War Declarations with Germany and Italy.

тоталитарного правления. И при этом сохранила свой суверенитет, восстановила территориальную целостность, пережила все внутренние невзгоды, создала эффективные и боеспособные Вооруженные Силы, прорвала внешнюю блокаду и антисоветский фронт, участвовала в международных организациях и движениях. Наша страна проявила себя как надежный и ответственный партнер в международных договорах и отношениях, чем смогла достичь главного – все ее недруги из числа великих держав в межвоенный период: Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Франция,– в самый тяжелый час для человечества обратились именно к Советскому Союзу за защитой и с надеждой на победу над гитлеровской Германией.

В этих строках несложно разглядеть современность: все тот же бег по кругу тех же самых участников в надежде догнать свое прошлое. А потому мы не будем забывать философское изречение К. Ясперса: «Тот, кто уверен в близости войны, самой своей уверенностью способствует тому, что она наступит. Тот, кто уверен в том, что мир будет сохранен, становится беспечен и непреднамеренно участвует в подготовке войны. Только тот, кто видит опасность и ни на минуту не забывает о ней, способен занять разумную позицию и делать все возможное для предотвращения войны»[211]. Мы будем беречь и отстаивать историческую память как важную часть правового суверенитета Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1941-й год: в 2 кн. Кн. 1 / сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова; вступ. ст. А.Н. Яковлева. М., 1998 (Сер. «Россия. XX век. Документы» / под ред. А.Н. Яковлева).
2. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г.: стенографический отчет. М.; Л., 1939.
3. Антониу Гуттереш: жертвы СССР во имя Победы никогда не должны быть забыты. URL: https://ria.ru/20200509/1571160884.html
4. *Антонов И.П., Селиверстов М.В.* Формирование и развитие теории государственного суверенитета в трудах немецких ученых XVII – XIX вв. // Право и политика. 2013. № 8 (164). DOI: 10.7256/1811–9018.2013.8.9128.
5. *Блок М.* Странное поражение. Свидетельство, записанное в 1940 году / пер. с франц. Е.В. Морозовой. М., 1999. С. 146, 152–154.
6. *Винклер Г.А.* Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии / пер. с нем. Е.Е. Земсковой, А.И. Савина. М., 2013. С. 5.
7. Внешняя политика СССР: сб. документов / отв. ред. С.А. Лозовский; ред. и авт. прим. Б.Е. Штейн; сост. А.С. Тисминец. М., 1945. Т. III (1925–1934 гг.). С. 582, 583, 587, 588; 1946. Т. IV (1935 – июнь 1941 г.). С. 21, 343, 548, 550, 551.
8. Второй Съезд народных депутатов СССР. 12–24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. IV. С. 377–404, 612–614.
9. *Гребенник К.Е.* Хасанский дневник. Год 1938 / лит. запись С. Мурасова, Е. Хорунжего. Отпор провокаторам: очерки / А.Т. Ушев. Владивосток, 1978. С. 18–53.
10. *Димитров Г.М.* Избр. произв.: в 2 т. София, 1967–1968. Т. 1: 1906–1937 гг. С. 453–484.
11. Документы внешней политики СССР / Комис. по изданию дипломатич. документов: А.А. Громыко (пред.) и др. М., 1957. Т. 1 (7 ноября 1917–31 декабря 1918) / ред. кол. И.Н. Земсков и др. С. 11–15, 119–205, 211–213, 437–453, 463–467, 469, 470, 593–595; 1958. Т. 2. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. / ред. кол. Г.К. Деев и др. С. 339–354; 1959. Т. 3 (1 июля 1920 г.– 18 марта 1921 г.) / ред. кол. Г.А. Белов и др. С. 28–42, 47–60, 101–116, 265–282, 536–544, 550–553, 597–604; 1960. Т. 4. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. / ред. кол. Л.С. Гапоненко и др. С. 445, 476–480, 679; 1961. Т. 5. 1 января – 19 ноября 1922 г. / ред. кол. А.Е. Богомолов и др. С. 58, 59; 1966. Т. 11. 1 января – 31 декабря 1928 г. / ред. кол. М.С. Капица и др. С. 436, 437, 503–506; 1970. Т. XVI. 1933 г. С. 494–496.
12. Документы внешней политики СССР. Тула, 2010. Т. 25: 1942: в 2 кн. Кн. 1: 2 января – 30 декабря 1942 г.
13. Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937–1939: сб.: в 2 т. / ред. кол. А.П. Бондаренко и др. М., 1981. Т. 1: Ноябрь 1937 г.– декабрь 1938 г. С. 334, 335.
14. История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918 / ред. кол.: Г.П. Куропятник (отв. ред.) и др. М., 1997. С. 38, 59.
15. История дипломатии: в 3 т. / под ред. В.П. Потемкина. М.; Л., 1945. Т. III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.). С. 383–388.
16. История дипломатии: в 5 т. / под ред. А.А. Громыко, И.И. Земскова, В.А. Зорина и др. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1965. Т. 3. Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. С. 423, 426, 427, 573.
17. *Ключников Ю.В.* Версальский мирный договор / полный пер. с франц. подлинника под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина; со вступ. ст. Ю.В. Ключникова и предметным указателем.

[211] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем. М., 1991. С. 164.

М., 1925. XXXI. С. III – V (Итоги Империалистической войны: серия мирных договоров; I).

18. *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны. М., 1925. С. 270, 271, 300, 301, 304–306, 321–325, 356–360, 363, 364.
19. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова: в 16 т. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 2: 1917–1922. С. 375; М., 1984. Т. 3: 1922–1925. С. 424–443.
20. Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М., 1933. С. 531.
21. *Космач В.А.* Причины и начало Второй мировой войны: некоторые уточнения и переоценки // Метаморфозы истории. 2016. № 8. С. 211–230.
22. *Крашенинникова В.Ю.* (отв. ред.) Антигитлеровская коалиция 1939 – формула провала. М., 2019. С. 321–331.
23. *Куропятник Г.П.* Захват Гавайских островов Соединенными Штатами. М., 1958.
24. *Ленин В.И.* Империализм и раскол социализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 163–165, 170.
25. *Ленин В.И.* О лозунге «разоружения» (работа написана в октябре 1916 г., напечатана в декабре в «Сборнике “социал-демократа”» (№ 2)) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 155, 156.
26. *Ленин В.И.* О сепаратном мире // Социал-Демократ. 1916. № 56; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 185, 186.
27. *Любин В.П.* О неготовности постимперского общества к демократии (*Винклер Г.А.* Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии / пер. с нем. Е.Е. Земсковой, А.И. Савина. М.: РОССПЭН, 2013.– 878 с.) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 4.
28. *Молчанов Р.В.* Государственный переворот Ю. Пилсудского 1926 года и позиция Великобритании // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2007. № 12. С. 57–61.
29. *Наумов А.О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны: история кризиса Версальской системы. М., 2007. С. 147.
30. Нюрнбергский процесс: сб. материалов. М., 1954. Т. II. С. 948, 949, 957, 959, 960, 964, 966, 968–975, 984, 988–990, 1001–1006.
31. *Осипов Г.В.* Сколько наших солдат погибло в Великой Отечественной войне? // Комсомольская правда. 2010. 27 апр.
32. Причины Второй мировой войны. Документы и комментарии / под ред. А. Самсонова. М., 1988. С. 169, 170.
33. Против России уже действуют 103 американских раунда санкций. Академик РАН А.А. Дынкин. Выступление на открытии научно-экспертного форума «Примаковские чтения – 2021» «Современные вызовы мировому порядку», 8 июня 2021 г.
34. Пятый всемирный конгресс III Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г.: стенографический отчет. М.; Л., 1925. Ч. 2. С. 121, 122.
35. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 448.
36. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1938. Вып. IX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 года. № 330. С. 45–52.
37. Сборники документов по международной политике и международному праву / под ред. К.В. Антонова. Пакт четырех. Разоружение. Маньчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги Наций. М., 1934. Вып. VI. 1 января 1933 г.– 1 января 1934 г. С. 3–21.
38. Системная история международных отношений: 1918–1991: в 4 т. / под ред. А.Д. Богатурова. М., 2000. Т. 1. События 1918–1945.
39. *Сорель А.* Европа и французская революция: соч., удостоен. Фр. акад. большой премии Gobert'a / пер. с франц. с предисл. проф. СПб. ун-та Н.И. Кареева. Т. 1–8. СПб., 1892–1908. Т. 8.
40. *Сталин И.В.* Отчетный доклад на XVIII Съезде партии о работе ЦК ВКП (б) 10 марта 1939 г. М., 1952.
41. *Токвиль А. де* Демократия в Америке / пер. В.Т. Олейника и др. М., 2000.
42. Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 408.
43. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / пер. с англ. М., 2003. С. 358.
44. *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1994. С. 220, 226.
45. *Язов Д.Т.* Верны Отчизне. М., 1988. С. 164.
46. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. с нем. М., 1991. С. 164.
47. *Bullock Alan Louis Charles.* Hitler, a Study in Tyranny. London: Odhams Press, 1952. P. 135, 958.

48. *Carr E.*H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939. London, 1946.

49. *Churchill W.S.* Alliance with Russia, June 22nd 1941. URL: https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1941–1945-war-leader/the-fourth-climacteric/

50. *Churchill W.*S. His Complete Speeches, 1897–1963. January 1, 1974. Vol. III: 2771.

51. *Churchill W.S.* The Threat of Nazi Germany, November 16th 1934. URL: https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1930–1938-the-wilderness/the-threat-of-nazi-germany/

52. *Dörr O.* Gewalt und Gewaltverbot im modernen Völkerrecht. October 2004. Universität Osnabrück.

53. *Fisk Harvey E.* The inter-ally debts: An analysis of war and post-war public finance, 1914–1923. New York. Bankers Trust Company. January 1, 1924. P. 365.

54. *Foch F.* De la conduite de la guerre; la manoeuvre pour la bataille. Berger-Levrault. Paris, 1909.

55. *Foch F.* Des principes de la guerre: conférences faites à l'École supérieure de guerre ([Reprod.]) / par le lieutenant-colonel d'artillerie F. Foch. Berger-Levrault. Paris, 1903.

56. *Fortier J.* L'Alsace dans la Grande Guerre – La chute de l'Empire – La journée des deux Républiques, Les Dernières Nouvelles d'Alsace.

57. *Frei N.* Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996. P. 464.

58. *Graf Ferdinand Czernin von und zu Chudenitz.* Versailles, 1919: The Forces, Events, and Personalities that Shaped the Treaty. Capricorn Books, 1965. P. 437.

59. *Hillgruber A.* Hitlers Strategie Politik und Kriegführung 1940–1941. Frankfurt a. M., 1965. S. 566, 567, S. 572.

60. Hokubu Futsuin Shinchu ni Kansuru Iwayuru 'Matsuoka-Henry' Kyotei" ("So-called 'Matsuoka-Henry' Pact Concerning Advance into Northern French Indochina," August 30, 1940, in Gaimusho (Foreign Ministry) / ed. Nihon Gaiko Nenpyo Narabini Shuyo Bunsho (Chronology of Japanese Diplomacy and Important Documents), Vol. 2, Hara Shobo, 1965. P. 446–448.

61. International Military Tribunal for the Far East / ed. by B.V.A. Röling, C.F. Rüter. Amsterdam, 1977.

62. *Jackson R.H.* Nuremberg in Retrospect: Legal Answer to International Lawlessness. URL: https://www.roberthjackson.org/speech-and-writing/nuremberg-in-retrospect-legal-answer-to-international-lawlessness/

63. *James T.C.G.* The Battle of Britain [RAF Official Histories] / ed. by S. Cox. London, 2000.

64. *James Robert R.* Churchill: a Study in Failure, 1900–1939. World Publishing Company, 1970. P. 400.

65. *Jaspers K.* Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Die gegenwärtige Situation der Welt. Herausgegeben von Kurt Salamun. Schwabe AG, Muttenz / Basel, Schweiz, 2017. S. 122.

66. *Kissinger H.* World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. Penguin. September 9, 2014.

67. L'arrangement relatif à l'indépendance et à l'intégrité de la Chine. Commission des archives diplomatiques, Ministère des Affaires étrangères et européennes, Documents diplomatiques français, 1940, tome II / ed. P.I.E. Peter Lang. Bruxelles, 2009. P. 28, note 1.

68. *Morgenthau H.J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. Fifth Edition, Revised. New York, 1978. P. 4–15.

69. *Noel-Baker Philip.* Nobel Lecture. Peace and the Arms Race. December 11, 1959.

70. *Overy R., Wheatcroft A.* The Road to War. London, 1989. P. 175.

71. *Pribram A.F.* The Secret Treaties of Austria-Hungary, 1879–1914. Cambridge, 1920. Vol. I. P. 27.

72. *Rothbard M.N.* What Has Government Done to Our Money? Ludwig von Mises Institute, fi fth ed. 2010. P. 95, 96.

73. *Schmitt Bernadotte E.* Triple Alliance and Triple Entente, 1902–1914 // The American Historical Review, Apr., 1924. Vol. 29. No. 3. Oxford University Press on behalf of the American Historical Association. P. 449–473. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/1836520.pdf

74. *Stegemanns H.* Geschichte des Krieges. Stuttgart und Berlin, 1917. S. 67, 69, 70.

75. *Tardieu A.* La Paix. Preface de Georges Clemenceau. Paris, 1921. P. XIX – XXIII.

76. The Nuremberg Trial and International Law / ed. by G. Ginsburg (Law School, Rutgers University, Camden) and V.N. Kudryavtsev (U.S.S.R. Academy of Sciences). Dordrecht/Boston/London, 1990. P. 1, 2.

77. Vergangenheitsbewältigung / by E. Jesse, K. Löw. Berlin, 1997.

78. *Welles S.* The Time for Decisions. New York, 1944. P. 431.

79. *Wright Q.* A Study of War. Chicago. Abridged by Louise Leonard Wright. University of Chicago Press. 2nd ed. November 15, 1983. P. 58.

REFERENCES

1. 1941th year: in 2 books. Book 1 / comp. L.E. Reshin et al.; ed. V.P. Naumov; intro. art. A.N. Yakovlev. M., 1998 (Ser. "Russia. XX century. Documents" / ed. by A.N. Yakovlev) (in Russ.).

2. XVIII Congress of the All-Union Communist Party (b). March 10–21, 1939: verbatim report. M.; L., 1939 (in Russ.).

3. *António Gutteres*: The sacrifices of the USSR in the name of Victory should never be forgotten. URL: https://ria.ru/20200509/1571160884.html (in Russ.)

4. *Antonov I.P., Seliverstov M.V.* Formation and development of the theory of state sovereignty in the works of German scientists of the XVII – XIX centuries. 2013. No. 8 (164). DOI: 10.7256/1811–9018.2013.8.9128 (in Russ.).

5. *Blok M.* Strange defeat. The testimony recorded in 1940 / transl. from French. E.V. Morozova. M., 1999. P. 146, 152–154 (in Russ.).

6. *Winkler G.A.* Weimar 1918–1933: the history of the first German democracy / transl. from German E.E. Zemskova, A.I. Savina. M., 2013. P. 5 (in Russ.).

7. Foreign policy of the USSR: collection of documents / ed. by S.A. Lozovsky; ed. and ed. approx. B.E. Shtein; comp. A.S. Tisminets. M., 1945. Vol. III (1925–1934). P. 582, 583, 587, 588; 1946. Vol. IV (1935 – June 1941). P. 21, 343, 548, 550, 551 (in Russ.).

8. The Second Congress of people's deputies of the USSR. December 12–24, 1989 Stenographic report. M., 1990. Vol. IV. P. 377–404, 612–614 (in Russ.).

9. *Grebennik K.E.* Khasansky diary. Year 1938 / lit. record of S. Murasov, E. Cornet. Repulse to provocateurs: essays / A.T. Ushev. Vladivostok, 1978. P. 18–53 (in Russ.).

10. *Dimitrov G.M.* Selected works: in 2 vols. Sofia, 1967–1968. Vol. 1: 1906–1937. P. 453–484 (in Russ.).

11. Documents of the foreign policy of the USSR / Komis. according to the publication diplomatic. documents: A.A. Gromyko (Chairman) and others M., 1957. Vol. 1 (November 7, 1917 – December 31, 1918) / editorial Board I.N. Zemskov et al. P. 11–15, 119–205, 211–213, 437–453, 463–467, 469, 470, 593–595; 1958. Vol. 2. January 1, 1919 – June 30, 1920 / editorial Board G.K. Deev et al. P. 339–354; 1959. Vol. 3 (July 1, 1920 – March 18, 1921) / editorial Board G.A. Belov et al. P. 28–42, 47–60, 101–116, 265–282, 536–544, 550–553, 597–604; 1960. Vol. 4. 19 March 1921–31 December 1921 / editorial Board L.S. Gaponenko et al. P. 445, 476–480, 679; 1961. Vol. 5. January 1 – November 19, 1922 / editorial Board A.E. Bogomolov et al. P. 58, 59; 1966. Vol. 11. 1 January – 31 December 1928 / editorial Board M.S. Kapitsa et al. P. 436, 437, 503–506; 1970. Vol. XVI. 1933. P. 494–496 (in Russ.).

12. Documents of the foreign policy of the USSR. Tula, 2010. Vol. 25: 1942: in 2 books. Book 1: January 2 – December 30, 1942 (in Russ.).

13. Documents and materials of the eve of the Second World War, 1937–1939: collection: in 2 vols. / editorial Board A.P. Bondarenko et al., 1981. Vol. 1: November 1937 – December 1938. P. 334, 335 (in Russ.).

14. History of foreign policy and diplomacy of the United States, 1867–1918 / editorial Board G.P. Kuropyatnik (ed.) et al. M., 1997. P. 38, 59 (in Russ.).

15. History of diplomacy: in 3 vols. / ed. V.P. Potemkin. M.; L., 1945. Vol. III. Diplomacy in the period of preparation for the Second World War (1919–1939). P. 383–388 (in Russ.).

16. History of diplomacy: in 5 vols. / ed. A.A. Gromyko, I.I. Zemskov, V.A. Zorin et al. 2nd ed., reprint. Vol. 3. Diplomacy at the first stage of the general crisis of the capitalist system. P. 423, 426, 427, 573 (in Russ.).

17. *Klyuchnikov Yu.V.* Versailles peace treaty / full transl. from French original ed. by Yu.V. Klyuchnikov and A. Sabanin; with an introduction by Yu.V. Klyuchnikov and a subject index. M., 1925. XXXI. P. III – V (Results of the Imperialist War: a series of Peace Treaties; I) (in Russ.).

18. *Klyuchnikov Yu. V., Sabanin A.* International politics of modern times in treaties, notes and declarations. Part 1. From the French Revolution to the imperialist war. M., 1925. P. 270, 271, 300, 301, 304–306, 321–325, 356–360, 363, 364 (in Russ.).

19. The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988) / under the general editorship of A.G. Egorov, K.M. Bogolyubov: in 16 vols. 9th ed., supplement. and rev. M., 1983. Vol. 2: 1917–1922. P. 375; M., 1984. Vol. 3: 1922–1925. P. 424–443 (in Russ.).

20. The Communist International in documents. Decisions, theses and proclamations of the congresses of the Comintern and the plenums of the ICCI. 1919–1932. M., 1933. P. 531 (in Russ.).

21. *Kosmach V.A.* Reasons and the beginning of the Second World War: some clarifications and reassessments // Metamorphoses of history. 2016. No. 8. P. 211–230 (in Russ.).

22. *Krasheninnikova V. Yu.* (resp. ed.). The anti-Hitler coalition 1939 – the formula for failure. M., 2019. P. 321–331 (in Russ.).

23. *Kuropyatnik G.P.* Seizure of the Hawaiian Islands by the United States. M., 1958 (in Russ.).

24. *Lenin V.I.* Imperialism and the split in socialism // Lenin V.I. The complete collection of works. Vol. 30. P. 163–165, 170 (in Russ.).

25. *Lenin V.I.* On the slogan of "disarmament" (a work written in October 1916, was published in December in the "Collection "social-Democrat"" (№ 2)) // Lenin V.I. The complete collection of works. Vol. 30. P. 155, 156 (in Russ.).

26. *Lenin V.I.* On the separate world // Social-Democrat. 1916. No. 56; Lenin V.I. The complete collection of works. Vol. 30. P. 185, 186 (in Russ.).

27. *Lyubin V.P.* On the unavailability of post-imperial society for democracy (Winkler G.A. Weimar 1918–1933: the history of the first German democracy / transl. from German E.E. Zemskova, A.I. Savina. M.: ROSSPEN, 2013.– 878 pp.) // Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics). 2013. No. 4 (in Russ.).

28. *Molchanov R.V.* The coup d'etat Yu. Pilsudsky 1926 and the position of Great Britain // Herald of Kant BFU. Ser.: Humanities and Social Sciences. 2007. No. 12. P. 57–61 (in Russ.).

29. *Naumov A.O.* Diplomatic struggle in Europe before the Second World War: history of the crisis of the Versailles system. M., 2007. P. 147 (in Russ.).

30. The Nuremberg trials: materials. M., 1954. Vol. II. P. 948, 949, 957, 959, 960, 964, 966, 968–975, 984, 988–990, 1001–1006 (in Russ.).

31. *Osipov G.V.* How many of our soldiers died in the great Patriotic war? // Komsomolskaya Pravda. 2010. 27 Apr. (in Russ.).

32. The causes of the Second World War. Documents and comments / ed. by A. Samsonov. M., 1988. P. 169, 170 (in Russ.).

33. 103 US rounds of sanctions are already in effect against Russia. Academician of the Russian Academy of Sciences A.A. Dynkin. Speech at the opening of the scientific and expert forum "Primakov Readings-2021" "Modern challenges to the world order", June 8, 2021 (in Russ.).

34. The Fifth World Congress of the Third Communist International. June 17 – July 8, 1924: stenographic report. M.; L., 1925. Part 2. P. 121, 122 (in Russ.).

35. *Savenkov A.N.* State and law during the crisis of modern civilization. M., 2020. P. 448 (in Russ.).

36. Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded with foreign states. M., 1938. Issue IX. Existing treaties, agreements and conventions that entered into force before January 1, 1937. No. 330. P. 45–52 (in Russ.).

37. Collections of documents on international politics and International Law / ed. by K.V. Antonov. The Pact of Four. Disarmament. The Manchurian conflict. Exit of Germany and Japan from the League of Nations. M., 1934. Issue VI. January 1, 1933 – January 1, 1934. P. 3–21 (in Russ.).

38. Systematic history of international relations: 1918–1991: in 4 vols. / ed. A.D. Bogaturov. M., 2000. Vol. 1. Events of 1918–1945 (in Russ.).

39. *Sorel A.* Europe and the French Revolution: op., awarded. Fr.akad. big prizes Gobert'a / transl, from French with a Foreword Professor SPb. University of N.I. Kareev. Vol. 1–8. SPb., 1892–1908. Vol. 8 (in Russ.).

40. *Stalin I.V.* Report at the XVIII Congress of the party on the work of the Central Committee of the CPSU (b) on March 10, 1939, M., 1952 (in Russ.).

41. *Tocqueville A. de* Democracy in America / transl. V.T. Oleynik et al. M., 2000 (in Russ.).

42. Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2019. P. 408 (in Russ.).

43. *Thatcher M.* The art of government. Strategies for a changing world / transl. from English. M., 2003. P. 358 (in Russ.).

44. *Urlanis B. Ts.* History of military losses. Wars and the population of Europe. Human losses of the armed forces of European countries in the wars of the XVII – XX centuries (historical and statistical study). SPb, 1994. P. 220, 226 (in Russ.).

45. *Yazov D.T.* Loyal to the Motherland. M., 1988. P. 164 (in Russ.).

46. *Jaspers K.* The meaning and purpose of history / transl. from German M., 1991. P. 164 (in Russ.).

47. *Bullock Alan Louis Charles.* Hitler, a Study in Tyranny. London: Odhams Press, 1952. P. 135, 958.

48. *Carr E.*H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939. London, 1946.

49. *Churchill W.S.* Alliance with Russia, June 22nd 1941. URL: https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1941–1945-war-leader/the-fourth-climacteric/

50. *Churchill W.*S. His Complete Speeches, 1897–1963. January 1, 1974. Vol. III: 2771.

51. *Churchill W.S.* The Threat of Nazi Germany, November 16th 1934. URL: https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1930–1938-the-wilderness/the-threat-of-nazi-germany/

52. *Dörr O.* Gewalt und Gewaltverbot im modernen Völkerrecht. October 2004. Universität Osnabrück.

53. *Fisk Harvey E.* The inter-ally debts: An analysis of war and post-war public finance, 1914–1923. New York. Bankers Trust Company. January 1, 1924. P. 365.

54. *Foch F.* De la conduite de la guerre; la manoeuvre pour la bataille. Berger-Levrault. Paris, 1909.

55. *Foch F.* Des principes de la guerre: conférences faites à l'École supérieure de guerre ([Reprod.]) / par le lieutenant-colonel d'artillerie F. Foch. Berger-Levrault. Paris, 1903.

56. *Fortier J.* L'Alsace dans la Grande Guerre – La chute de l'Empire – La journée des deux Républiques, Les Dernières Nouvelles d'Alsace.

57. *Frei N.* Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996. P. 464.

58. *Graf Ferdinand Czernin von und zu Chudenitz.* Versailles, 1919: The Forces, Events, and Personalities that Shaped the Treaty. Capricorn Books, 1965. P. 437.

59. *Hillgruber A.* Hitlers Strategie Politik und Kriegführung 1940–1941. Frankfurt a. M., 1965. S. 566, 567, S. 572.

60. Hokubu Futsuin Shinchu ni Kansuru Iwayuru 'Matsuoka-Henry' Kyotei" ("So-called 'Matsuoka-Henry' Pact Concerning Advance into Northern French Indochina," August 30, 1940, in Gaimusho (Foreign Ministry) / ed. Nihon Gaiko Nenpyo Narabini Shuyo Bunsho (Chronology of Japanese Diplomacy and Important Documents), Vol. 2, Hara Shobo, 1965. P. 446–448.

61. International Military Tribunal for the Far East / ed. by B.V.A. Röling, C.F. Rüter. Amsterdam, 1977.

62. *Jackson R.H.* Nuremberg in Retrospect: Legal Answer to International Lawlessness. URL: https://www.roberthjackson.org/speech-and-writing/nuremberg-in-retrospect-legal-answer-to-international-lawlessness/

63. *James T.C.G.* The Battle of Britain [RAF Official Histories] / ed. by S. Cox. London, 2000.

64. *James Robert R.* Churchill: a Study in Failure, 1900–1939. World Publishing Company, 1970. P. 400.

65. *Jaspers K.* Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Die gegenwärtige Situation der Welt. Herausgegeben von Kurt Salamun. Schwabe AG, Muttenz / Basel, Schweiz, 2017. S. 122.

66. *Kissinger H.* World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. Penguin. September 9, 2014.

67. L'arrangement relatif à l'indépendance et à l'intégrité de la Chine. Commission des archives diplomatiques, Ministère des Affaires étrangères et européennes, Documents diplomatiques français, 1940, tome II / ed. P.I.E. Peter Lang. Bruxelles, 2009. P. 28, note 1.

68. *Morgenthau H.J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. Fifth Edition, Revised. New York, 1978. P. 4–15.

69. *Noel-Baker Philip.* Nobel Lecture. Peace and the Arms Race. December 11, 1959.

70. *Overy R., Wheatcroft A.* The Road to War. London, 1989. P. 175.

71. *Pribram A.F.* The Secret Treaties of Austria-Hungary, 1879–1914. Cambridge, 1920. Vol. I. P. 27.

72. *Rothbard M.N.* What Has Government Done to Our Money? Ludwig von Mises Institute, fi fth ed. 2010. P. 95, 96.

73. *Schmitt Bernadotte E.* Triple Alliance and Triple Entente, 1902–1914 // The American Historical Review, Apr., 1924. Vol. 29. No. 3. Oxford University Press on behalf of the American Historical Association. P. 449–473. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/1836520.pdf

74. *Stegemanns H.* Geschichte des Krieges. Stuttgart und Berlin, 1917. S. 67, 69, 70.

75. *Tardieu A.* La Paix. Preface de Georges Clemenceau. Paris, 1921. P. XIX – XXIII.

76. The Nuremberg Trial and International Law / ed. by G. Ginsburg (Law School, Rutgers University, Camden) and V.N. Kudryavtsev (U.S.S.R. Academy of Sciences). Dordrecht/Boston/London, 1990. P. 1, 2.

77. Vergangenheitsbewältigung / by E. Jesse, K. Löw. Berlin, 1997.

78. *Welles S.* The Time for Decisions. New York, 1944. P. 431.

79. *Wright Q.* A Study of War. Chicago. Abridged by Louise Leonard Wright. University of Chicago Press. 2nd ed. November 15, 1983. P. 58.

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 63–72
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 63–72

ДОВЕРИЕ К ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ В РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2021 г. А. И. Экимов

Российский университет дружбы народов, г. Москва

E-mail: Rospravo@mail.ru

Поступила в редакцию 11.05.2021 г.

Аннотация. В статье исследуется проблема доверия к юридической науке в России в разные исторические эпохи. Уровень доверия к ней, как подчеркивает автор, напрямую связан с адекватным отражением в ее теоретических позициях и практических рекомендациях интересов и ценностных ориентаций народа, в т.ч. легитимной политической элиты. В современном мире, переживающем эпоху глобализма и турбулентности, получают поддержку представления о неизбежности утраты доверия к «национальному праву». Однако в России, для которой ее суверенитет является непререкаемой ценностью, в юридической науке укрепляется противоположная тенденция – к сбережению идеи гражданского общества, в котором возникающие конфликты разрешаются при строгом соблюдении прежде всего национальных правовых процедур. Роль юридической науки, освобожденной от псевдознаний и заблуждений, в этих условиях трудно переоценить.

Ключевые слова: доверие, интеллигенция, правовая идеология, правовой закон, правовые процедуры, революция, Россия, юридическая наука, юридическое образование, общественное мнение, юридические нормы, правовые ценности.

Цитирование: *Экимов А.И.* Доверие к юридической науке в России: методологические и праксеологические проблемы // Государство и право. 2021. № 6. С. 63–72.

DOI: 10.31857/S102694520015037-1

TRAST IN LEGAL SCIENCE IN RUSSIA: METHODOLOGICAL AND PRAXEOLOGICAL ISSUES

© 2021 A. I. Ekimov

RUDN University, Moscow

E-mail: Rospravo@mail.ru

Received 11.05.2021

Abstract. The article examines the problem of trust in legal science in different historical epochs in Russia. The level of trust in it is directly related to the adequate reflection in its theoretical positions and practical recommendations of the interests and value orientations of the people, including the legitimate political elite. In the modern world, going through the era of globalism and turbulence, the idea of the inevitability of the loss of confidence in "national law" is supported. However, in Russia, for which its sovereignty is an indisputable value, the opposite tendency is strengthening in legal science, aimed at preserving the idea of a civil society, in which emerging conflicts are resolved with strict adherence to national legal procedures. The role of legal science, freed from pseudo-knowledge and delusions, in these conditions can hardly be overestimated.

Key words: trust, intelligentsia, legal ideology, legal law, legal procedures, revolution, Russia, legal science, legal education, public opinion, legal norms, legal values.

For citation: *Ekimov, A.I. (2021).* Trust in legal science in Russia: methodological and praxeological issues // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 63–72.

Проблема доверия к юридической науке нечасто обсуждается правоведами, прежде всего потому, что сравнительно недолго существует и сама юридическая наука[1]. Вопрос о времени ее формирования до сих пор остается дискуссионным. Хотя если обратиться к Дигестам императора Юстиниана, то уже в них речь идет о тех, кто занимается законотворческой практикой, и об этапах получения юридического образования студентами в различные годы обучения[2]. Изучающему право, согласно Дигестам, надлежало знать, что право получило свое название от (слова) «справедливость», а итогом изучения права должно стать знание публичного права, относящегося к положению Римского государства, и частного права, имеющего в виду пользу отдельных лиц[3]. Около 1087 г. в Европе был открыт первый в ее истории университет (в г. Болонья), в котором изучались тексты, составленные императором Восточной Римской империи Юстинианом. Они преподавались как некий целостный свод знаний о праве, а юридические решения трактовались как своего рода правила, повелевающие даже волей правителей: монарх не мог творить законы иначе, как в порядке, предусмотренном законом. Известный шведский правовед Э. Аннерс подчеркивал, что уже в то время стали складываться правовые идеологемы, отступления от которых считались просто «безнравственными и бесплодными»[4]. Но все же профессия юриста появилась только тогда, когда, по мнению выдающегося американского юриста Г. Бермана, право стали изучать в университетах. Именно здесь юристы начали создавать науку права, вырабатывать общезначимое понимание ее принципов и аксиом. «Буквально все современные западные правовые системы, – писал Г. Берман, – родились прямо в середине... средних веков»[5]. Несмотря на то что многие элементы научного понимания права к тому времени уже имели место, но такие его имманентные черты, как обязывающий характер закона для всех без исключения, восприятие права как единого организма, автономность норм права по отношению к морали, политике и религии в системе социальных регуляторов, профессиональная подготовка юристов и научность в основе их деятельности, окончательно проявили себя лишь в XVI в. Следует отметить, что в Парижском университете, основанном в середине XII в., получили обоснование идеи светского государства и верховенства закона, блистательно аргументированные выдающимся средневековым ученым Марсилием Падуанским. Именно он ввел в научный оборот понятие разделения властей на законодательную и исполнительную[6]. В течение столетий, как указывал французский правовед Рене Давид, наука права была направлена на выявление принципов и положений справедливого права, соответствующего воле Бога, человеческой природе и разуму. Но она была оторвана от национального права. В университетах считали единственно благородным и нужным изучение и преподавание только «настоящей науки», метода, при помощи которого можно открыть основы общей для всех стран справедливости[7]. О создании юридической науки в полной мере стало возможным говорить, когда начался период теоретического осознания права. Отныне право уже представлялось не как непрерывная цепь случайностей в законотворческой деятельности, которая связана с прошлым лишь в виде воспроизведения каких-то его фрагментов, но и в подчинении всего законотворчества неким единым правилам, хотя бы в духе естественного права. Для того чтобы такое подчинение имело место, формировалась идея автономности права по отношению ко всем иным социальным явлениям, понимание того, что такое право должно быть уделом профессионалов – юристов. Именно это и произошло, по убеждению Г. Бермана, в XVI в. Только теперь получают свое развитие искусства формулировки правовых норм, способов их классификации, группировки.

Выдающийся германский правовед, один из предвестников социологической юриспруденции Р. Иеринг различал две ступени в эволюции юриспруденции, первую называл «низшей», или «юридической техникой», а вторую – «высшей». Только на высшей ступени, утверждал он, юриспруденция достигает «своего прямого назначения, только здесь задача и метода ее становятся специфически юридическими, и только здесь она

[1] См., напр.: *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31; *Жуков В.Н.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24; *Веденеев Ю.А.* Открытие юриспруденции: эпохи и стиль // Государство и право. 2020. № 11. С. 40–48. DOI: 10.31857/S102694520012535-9; 2021. № 1. С. 43–53. DOI: 10.31857/S102694520013227-0.

[2] См.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. Т. 1. С. 39–43.

[3] См.: там же. С. 83.

[4] *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1996. С. 160.

[5] *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 55.

[6] См.: *Марсилий Падуанский.* Защитник права. Defensok pacis / пер. с франц. Б.У. Есенова. М., 2014.

[7] См.: *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 25.

приобретает своеобразный научный характер, отличающий ее от всех прочих наук»[8].

Не вступая в дискуссию о времени появления юридической науки на Западе, остановимся на ее зарождении в России. Свой исторический путь она начала в Древней Руси в форме прикладной юриспруденции и долгие годы имела исключительно практический характер: знание законов, способов классификации правовых норм, умение формулировать их и толковать приобретались преимущественно при составлении различного рода деловых бумаг и в процессе осуществления правосудия[9]. Но это все еще не юридическая наука, а прикладная юриспруденция.

Ситуация начала изменяться только в XVIII в., когда о пользе университетов стали демонстративно рассуждать и российские правители. В 1725 г. по проекту Петра Великого было решено создать в Санкт-Петербурге по западному образцу Академию наук, а при ней университет и гимназию. В университете начали профессиональную подготовку юристов, хотя полностью отсутствовали национальные научные кадры, а занятия велись исключительно на латыни. Число обучавшихся было крайне незначительным. Поэтому в правление императрицы Екатерины II Академический университет трансформировался в духовную семинарию, а затем и вовсе был ликвидирован, «не оставив в документах точной даты своего конца»[10]. И тем не менее начала юридического образования и юридической науки в России были заложены именно в Академическом университете. Самостоятельный университет был создан в Санкт-Петербурге лишь в 1819 г. Нынешний Санкт-Петербургский университет, несмотря на длительный перерыв в его работе, считает датой своего основания 1725 г. и, таким образом, становится старше Московского университета, который был основан в 1755 г. Оценку значимости возникновения юридического образования в России дал Н.М. Коркунов в конце XIX в. «Русскому юристу, – подчеркивал он, – стыдно не знать своих предшественников. Много или мало они сделали, мы должны это знать. Да к тому же мы можем пожаловаться разве только на малое число людей, посвятивших себя научному изучению права, но никак не на их качество»[11].

Из числа студентов Академического университета был наиболее известен А.Я. Поленов как переводчик на русский язык сочинения Ш. Монтескьё «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка». В работе «О крепостном состоянии крестьян в России», написанной в 1767 г. и опубликованной из-за цензурных препятствий лишь в 1865 г., он резко выступил против крепостного права. «О сем, – писал А.Я. Поленов, – никто не будет сумневаться, что естественное право, от самого создателя в сердца наши влиянное, для совершенства своего причины подобных установлений в себе не заключает; чтоб люди сами от себя добровольно на то согласились и подвергнули бы себя столь жестокому жребию...»[12]. Отметим, что это говорилось в то время, когда даже такие известные его современники, как историк и философ М.М. Щербатов, философ-моралист А.Д. Болотов, поэт Г.Р. Державин идеализировали крепостной строй. А.Д. Болотов придумал даже собственную «методу сечения» крепостного: чтобы не доводить дело до его убийства, надобно было сечь «порциями, с интервалами в несколько дней, во время которых осужденный на сечение отдыхает на цепи»[13]. А полководец А.В. Суворов просил своего новгородского управителя прислать ему крестьянских девок и везти их на крестьянских подводах, «как возят кур, не очень сохранно»[14]. Сознание того, что крепостной такой же человек, было чуждо даже самой образованной части дворянства. Выдающийся отечественный историк С.М. Соловьев сожалел о том, как крайне медленно в России шел процесс пересмотра представлений о ценности крепостного права «в глазах даже лучших людей». Для этого понадобились оценки крепостничества как «печати зла»[15] и «представление научное о государстве»[16]. С позиции сегодняшнего дня нужно воздать должное гражданскому мужеству наших правоведов, которые, находясь под тяжестью господствующего общественного мнения, открыто призывали к отмене крепостного права еще за 100 лет до наступления этого славного события.

---

[8] Подробный анализ этой проблемы см.: *Горбань В.С.* Правовое учение Иеринга и его интерпретация. М., 2018. С. 217–219.

[9] См.: *Томсинов В.А.* История русской юриспруденции. X–XVII века: учеб. пособие. М., 2017.

[10] *Князев Г.А.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1945. С. 16.

[11] *Коркунов Н.М.* История философии права: пособие к лекциям. 6-е изд. (без перемен). СПб., 1915. С. 245.

[12] *Поленов А.Я.* О крепостном состоянии крестьян в России // Русская философия второй половины XVIII века: хрестоматия / сост. Б.В. Емельянов. Свердловск, 1990. С. 116.

[13] Цит. по: *Фирсов Н.Н.* Пугачевщина: опыт социолого-психологической характеристики. 2-е изд. М., 1921. С. 23, 24. О чудовищном положении крепостных см.: *Тарасов Б.Ю.* Россия крепостная. М., 2011.

[14] *Князьков С.А.* Как сложилось и как пало крепостное право: исторический очерк. СПб., 1900. С. 53.

[15] Там же.

[16] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 14. С. 98–100.

Систематическое юридическое образование в России на русском языке началось лишь с созданием в 1755 г. Московского университета. Появление в этом университете русских правоведов было весьма знаменательным фактом в истории отечественной юридической науки. Согласно Г. Берману, изучавшему вопрос о том, что представляет собой юридическая наука, она должна решать триединую задачу: интересоваться прикладными вопросами права, быть теоретической юриспруденцией и заниматься подготовкой юридических кадров[17]. Этим условиям со временем стало отвечать и наше правоведение.

В основу преподавания для первых студентов-юристов в России была положена теория естественного права, излагаемая на основе трудов западных юристов и философов и «юстинианових кодексов». И тем не менее постепенно накапливалось большое количество оригинальных материалов. Так, серьезной критике теория естественного права подверглась в трудах проф. С.Е. Десницкого «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» (1768). Основой власти при всех формах правления ученый считал богатство. Рассматривая прикладные вопросы права, он резко выступал против чрезмерно суровых мер наказания (колесование и проч.), против мести как цели наказания, подчеркивал воспитательное значение суда. «Так, уже первый представитель русской юридической кафедры, – напишет впоследствии Н.М. Коркунов, оценивая труды С.Е. Десницкого, – был проповедником идеалов жизненной правды и света гласности»[18].

Одним из знаменитых учеников С.Е. Десницкого был З.А. Горюшкин, человек высокого гражданского мужества. Он смело выступил против осуждения московских книгопродавцев, у которых была обнаружена запрещенная литература, изданная в Вольной типографии выдающегося русского просветителя И.Н. Новикова, основавшего первый в истории России философский журнал «Утренний свет» (1777–1780). Как и Десницкий, он был противником естественно-правового направления, к которому принадлежало большинство современных ему профессоров юридического факультета Московского университета. Основой его представлений о праве был не индивид, а общество. И даже частное право он выводил из понятия общества.

Так, вопреки имевшему хождение мнению, что русская юридическая наука – это только слепок с западноевропейской науки, у нее сразу проявились собственный характер и собственное видение права. На фоне взглядов упомянутых профессоров остается сказать, что даже сторонники естественного права, которых было немало в России в то время, вносили достойный вклад в юридическую науку. Особенно в этом плане привлекает фигура А.П. Куницына, чьи лекции в Царскосельском лицее вызывали восхищение будущего поэта А.С. Пушкина. Хотя они и были построены на основе талантливого изложения взглядов Руссо и Канта, но содержали радикальные политические выводы, которые привлекли внимание будущих декабристов.

«Золотой век» российской юридической науки начался позже, когда вернувшаяся из зарубежной командировки для подготовки к профессорскому званию группа отечественных правоведов приступила к преподаванию в императорских университетах. Вторая половина XIX столетия заполнена трудами правоведов, которыми может гордиться российская юридическая наука. Сформировавшиеся школы юристов – в Петербургском, Московском, Казанском и Харьковском университетах – постепенно накладывали свой отпечаток на правосознание образованной части российского общества. Особенно это стало заметно в последней четверти XIX – начале XX в. Утвердившиеся в юридической науке методы изучения права (исторический, сравнительно-правовой и критико-догматический) возвысили в глазах самих правоведов общесоциальный смысл их исследований. Юридические факультеты в дореволюционной России постепенно становились центрами обсуждения глубоких социальных перемен, в которых нуждалось общество. Н.М. Коркунов, один из самых ярких представителей отечественной юридической науки последней четверти XIX в., говоря о роли права в предстоящей перестройке в России (именно этот термин «перестройка» он использовал), писал: «Все право есть исторически сложившееся и исторически слагающееся. Каждый данный юридический порядок есть порождение своего времени и должен исчезнуть вместе с ним. Все юридические институты не только многократно изменялись, прежде чем достигли своей структуры, но и в будущем должны также изменяться и при том не только изменяться, но и заменяться один другими. Меняются не только формы юридических институтов, но и сами институты. Право подчиняется в своем развитии, как и все в мире, известным законам»[19]. Отечественные правоведы XIX – начала XX в. разделяют выводы о необходимости разделения властей, призывают к соблюдению законности, уточняют положения

[17] См.: *Берман Г.* Указ. соч. С. 51.

[18] *Коркунов Н.М.* С.Е. Десницкий – первый русский профессор права. СПб., 1894. С. 31.

[19] *Коркунов Н.М.* Сборник статей. СПб., 1898. С. 18.

о правовом государстве[20]. Но нельзя сказать, что вследствие этого юридическая наука обрела доверие большинства общества. В условиях тотальной безграмотности населения ее разработки повисали в воздухе. Единственное, что ощущали люди, – массовое беззаконие и произвол.

Показательно письмо гениального русского мыслителя Л.Н. Толстого к студенту-юристу Санкт-Петербургского университета Ис. Крутику по поводу учения о праве Л.И. Петражицкого. В своих лекциях Л.И. Петражицкий утверждал, что в каждой человеческой жизни существуют этические переживания двух типов: нравственные и правовые, и соответственно им формируется моральная, беспритязательная психика индивида и его притязательная, правовая психика. Без такого императивно-атрибутивного фундамента нет здоровой этики, а существует почва для разных, подчас отвратительных, уродливостей, указывал автор. Л.Н. Толстой с явным сарказмом комментировал учение Л.И. Петражицкого. Если рассуждать, писал он, «не по атрибутивно-императивным переживаниям, а по общему всем людям здравому смыслу определять то, что в действительности подразумевается под словом “право”, то ответ на вопрос о том, что такое право, будет очень простой и ясный: правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им – властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено. <...>. Большие миллионы простых людей, доверяя тому, что им внушают “ученые”, безропотно подчиняются той неестественной подавленной жизни, которая слагается для них вследствие этого проповедуемого и признаваемого “учеными” людьми обмана»[21]. Л.Н. Толстой поставил вопрос, который не потерял актуальности и ныне, об ответственности юридической науки перед обществом. Поскольку, как считал он, право – это обман, который более всего нравственно развращает людей, то совершенно недопустимо говорить и о воспитательном значении права. Л.Н. Толстой показал оторванность от жизни теоретических построений, навязываемых будущим служителям Фемиды.

Трудно не согласиться с изложенными взглядами мыслителя, если, конечно, не видеть в праве ничего, кроме зла, которое оно поддерживает в обществе. Но вопрос о социальной роли права куда сложнее, чем предполагал Л.Н. Толстой. В праве дореволюционной России действительно его главной качественной характеристикой было принуждение, редко согласовывавшееся с требованиями справедливости для большинства людей. Но, как подчеркивал известный советский правовед М.С. Строгович, даже рабовладельческое право было полезно для всех, поскольку включало и некоторые общечеловеческие начала, общепризнанные нравственные постулаты и тем самым позволяло выявить масштабы принуждения к угнетенным слоям населения[22]. В этой части дореволюционное право, безусловно, пользовалось в большей или меньшей степени доверием всего общества. Говоря о дореволюционном правоведении, не следует игнорировать и ту его особенность, что знатоки права повсеместно входили в состав провластных общественных слоев, которые монополизировали юриспруденцию, закрепили за собой этот род деятельности[23]. Они и призваны были толковать правовые нормы.

В моменты противоборства реакционных и прогрессивных социальных сил право становилось тормозом в развитии общества. Тогда оказывались скомпрометированными и прежние господствующие правовые теории, утрачивалось к ним доверие. Так произошло в нашей стране дважды в XX в. Главный недостаток правовых теорий проф. П.И. Новгородцев в начале нового столетия видел в отрыве интеллигенции от народа. Народу и интеллигенции, подчеркивал он, надо быть вместе в служении общему делу, стоящему выше народных желаний и интеллигентских теорий[24]. По существу, такая же оценка всей общественной науки эпохи царизма была дана профессором кафедры социологии Петербургского университета, юристом по образованию П.А. Сорокиным. На торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета 21 февраля 1922 г. ученый подчеркивал, что эпоха Петра, закрепостившая народ и погрузившая его на полтора столетия в бездну невежества и бесправия, стала причиной того, что страна оказалась на распутье, а «отцы» (прежние поколения ученых) не могли никому помочь, поскольку сами оказались банкротами: «их опыт в форме традиционного российского мировоззрения русской интеллигенции оказался недостаточным, иначе трагедии бы не было»[25]. П.А. Сорокин, намечая пути в будущее, предлагал не брать с собой в дорогу «суррогатов науки, тех ловко подделанных под нее псевдознаний, заблуждений, то “буржуазных”, то

[20] Об истории политико-правовых идей этого периода см.: *Жуков В.Н.* Государство, право, власть: философия и социология. М., 2015. С. 139–294.

[21] *Толстой Л.Н.* Письмо студенту о праве // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 38. С. 45–65.

[22] См.: *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 241.

[23] См.: *Томсинов В.*А. Указ. соч. С. 18, 19.

[24] См.: Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 436.

[25] *Сорокин П.* Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 244.

"пролетарских", которые в изобилии преподносят вам тьмы фальсификаторов»[26].

Как напишут наши современники, за то, что в России в 1917 г. произошла революция, ответственна и «российская элита, в том числе юридическая, которая чуть ли не в едином порыве призывала: пусть скорее грянет буря»[27]. Сохранилась к тому времени и главная беда отечественной юридической науки – оторванность от жизненных идеалов народа.

Непростым был для народа путь к доверию новым правовым теориям и после падения царизма: сначала после Октябрьской революции 1917 г., которую возглавили большевики, а затем после августовской революции 1991 г., которую возглавили либералы. В первом случае к рычагам государственной власти пришли социальные слои, которые приняли идею уничтожения эксплуатации человека человеком и отмирания (хотя и в далеком будущем) государства и права. После революции 1917 г. теоретики права боролись за чистоту малопонятной для большинства населения марксистской правовой идеологии[28]. Октябрьская революция проходила в ситуации, когда презрение к закону в стране достигло наивысшего уровня. Подверглись атакам такие атрибуты права, как научность его норм и профессионализм исполнителей законов, автономность правовых норм по отношению к политике. Все правовое было объявлено мерой политической, что также не укрепляло доверие к праву[29].

Известно, что каждый государственный переворот (а Октябрьская революция вначале и выглядела как переворот) ищет своей легитимации в каких-то событиях прошлого либо в неких фундаментальных закономерностях общественного развития, либо, наконец, просто в народной мечте о светлом будущем. Один из величайших мыслителей XIX столетия К. Маркс считал, что революция представляет собой глубочайшую социально-экономическую, политическую и идеологическую трансформацию общества и человека. Для того чтобы ей утвердиться, требуется не одно десятилетие, в т.ч. и для того, чтобы преодолеть свои неудачи и исправить свои промахи. Октябрьской революции не удалось, как хотелось ее вождям, одномоментно отменить старые законы. Более того, провозглашенное новое право раз за разом возрождало поспешно отвергнутые элементы прежней правовой идеологии. По существу, подтверждалось наблюдение естественно-правовой школы, что законы всех государств, существовавших и существующих в разное историческое время и на разных континентах, как бы взяты из одного иррационального источника.

После Октябрьской революции для того, чтобы не воспроизводились старые методы подготовки юристов, были на некоторое время даже ликвидированы юридические факультеты в университетах – в полном согласии с идеей Л.Н. Толстого, что старые профессора только и делают, что обманывают народ. На место прежних правовых теорий, провозглашавших абстрактную справедливость права и абстрактную законность, пришли теории о революционном правосознании и революционной законности с сильным налетом правового нигилизма. Но со временем пришлось перестроиться и сформировавшейся в таких условиях советской юридической науке: она фактически отказалась от понятий «революционная законность», «революционная целесообразность» и «революционное правосознание», предпочитая говорить о социалистическом правосознании и социалистической законности. Медленно идея революционной целесообразности применения норм права уступала свои позиции понятию законности. Прав был Гёте: «Во всем большом есть постепенность, а не внезапность и мгновенность»[30]. Лишь через полвека после Октября 1917 г. заметное место в советской юридической науке заняли понятия свободы, справедливости и моральных ценностей. Казалось бы, население в такой юридической науке обрело достойную мировоззренческую платформу. Но мощным оппонентом теоретическим воззрениям советских правоведов стала юридическая практика, которая во множестве случаев даже правильные правовые идеи совсем не волшебным способом превращала в нечто противоположное. Советские правоведы во имя защиты «светлого будущего» страны идеализировали действующее право, писали не о том, что есть, а о том, что должно быть, и при этом изображали будущее как уже наступившую реальность сегодняшнего дня. Так и следует понимать в наше время многие рассуждения советских специалистов о праве. Не отвергать их одним махом, а понимать хитрость тогдашней эпохи. Выдающийся правовед Д.А. Керимов одним из первых в советской литературе связал право с пониманием

[26] *Сорокин П.* Указ. соч.

[27] *Шахрай С.М.* Конституционные ловушки истории: была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 5. С. 17.

[28] Методологически выверенный обзор достижений и заблуждений советских юристов относительно проблем юридической науки содержится в: *Кроткова Н.В.* Журналу «Государство и право» – 85 лет // Государство и право. 2012. № 4. С. 11–28.

[29] См., напр.: *Кроткова Н.В.* Государство и революция. К 100-летию Великого Октября (Всероссийская научная конференция) // Государство и право. 2017. № 10. С. 27–54; № 11. С. 5–31; № 12. С. 5–27.

[30] *Гёте И.В.* Фауст: трагедия. М., 1982. С. 301.

свободы и законности[31]. Разумеется, речь, по существу, шла не о реальной свободе и реальной законности, а о той, которой в идеале должны отвечать правовые институты. Как не вспомнить слова акад. Б.В. Раушенбаха: «Наука всегда рассматривает “идеализированные” задачи, и в этом она всегда “неправа”»?![32] Тем более что она никогда не сможет взять в учет все факторы и обстоятельства, в рамках которых протекает жизнь права. Подлинная наука права всегда имеет дело с непознанным. Но приходит время, и люди становятся всерьез озабочены тем, как осуществить нереализуемые прежде идеи. И они реализуются. Тогда-то наступает новый день науки, хотя бы в части обсуждаемой проблемы. Поэтому, читая, как казалось в нашем советском прошлом, идеологизированные суждения правоведов царского периода, стоит задуматься, а что, если в них, чтобы избежать преследований со стороны властей, речь шла не о настоящем, а о том будущем, которое придет на смену несовершенному настоящему.

Понимание будущего всегда зависело от духовного мира людей, от их готовности увидеть в будущем то, чего нет и что, возможно, никогда не наступит. Может быть, правы те, кто считает, что наука открывает в конце концов только то, что «душа давно уже знает». Общество всегда чувствует провал между тем, что юридическая наука провозглашает как уже достигнутое, и тем, какова реальность. Это как раз и стало одной из причин краха Советского государства и советского права в той их форме, в которой они существовали. Но главная причина гибели советской правовой системы, как и иных правовых систем, видимо, в том, что она вовремя не смогла измениться. Важно тщательно разобраться в этой проблеме, обозначаемой словом «вовремя», чтобы не повторить прошлых ошибок.

Либеральная августовская революция 1991–1993 гг. обещала преодолеть разрыв между научными теориями и реальной государственно-правовой практикой. Были признаны в качестве «единого лекала» ценности, подходы (способы) к решению задач, выработанные в пределах западной цивилизации, объявившей себя победителем в «холодной войне»[33]. Либеральную демократию и рыночную экономику стали считать единственно правильной моделью будущего развития России. Самоограничение суверенитета, а не отстаивание национальных интересов в 90-е годы легло в основу внешней политики государства. Получила распространение теория правового государства, которая пыталась обрести авторитет еще в дореволюционной России. Появились специализированные институты защиты прав человека. Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.), провозгласила, что человек, его права и свободы являются основной ценностью. Правоведы с неподдельным пафосом писали об успехах новых правовых идеологем. Но, как известно, даже бочку меда нетрудно испортить ложкой дегтя. И этой ложкой стало применение права. Общество сравнительно скоро осознало, что суды, едва ли не главный несущий элемент конструкции правового государства, при отсутствии полноценного гражданского общества из независимых институтов способны легко трансформироваться в проводников интересов государственной номенклатуры или, что еще хуже, криминала. Кстати, кто же в нашей стране победившего либерализма способствовал такому развертыванию демократии? Как ни странно, этим общество обязано отечественным либералам, которые в революционном порыве уничтожали принципы формирования судов как коллективных органов. Суды превращались в институты единоличных судей. Забыта была старая истина, что и судье ничто человеческое не чуждо. Корыстолюбие, взяточничество и другие природные недостатки личности, если им не поставить заслон, становятся той ржавчиной, которая разъедает и суды, и всю политическую систему. Бесконечными, а теперь и скучными стали разговоры о реформировании судов. И здесь, отметим особо, допускается серьезная методологическая ошибка: упускается из виду, что суды – это лишь составная часть политико-правовой системы общества. Невозможно их реформировать, не реформируя соответствующие политико-правовые институты. Тем временем народное правосознание инстинктивно или на конкретных примерах осознает любую несправедливость, исходящую от судов, и перестает им доверять в той мере, в какой этого желали бы власти.

Ныне, как никогда прежде, становится ясным, что правовая наука должна быть вместе с теми, чьи взгляды она призвана выражать, формулировать, отливать в правовые формы. У доверия к правовой науке есть две особенности: трудно завоевать доверие народа к ней, но очень легко его потерять. Теперь, возможно, острее, чем когда-либо в прошлом, становится очевидно, что никакие правовые теории не будут значимыми для народа, если они трансформируются в непонятную для него юридическую практику. Конечно, абсолютного доверия к юридической науке в принципе быть не может, но зато может сложиться относительное доверие, доверие с оглядкой: «доверяй, но проверяй!».

---

[31] См.: *Керимов Д.А.* Свобода, право и законность. М., 1960.

[32] *Раушенбах Б.В.* Праздные мысли. Очерки. Статьи. Воспоминания. М., 2003. С. 239.

[33] *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S01320769000-4632-7.

Даже относительное доверие к науке права не устанавливается раз и навсегда. Ключевой вопрос юридической науки – формирование общественного мнения, которое доверяет ей. Но такова наша традиция, что по большей части общественное мнение в стране – это мнение тех, кого редко спрашивают и еще реже слышат. Между тем в гражданском обществе общественное мнение скрепляется общими идеями, общим пониманием интересов народа. В юридической науке, как и во всякой другой гуманитарной науке, огромную роль играют личностное знание и личностное отношение к полученным знаниям, к желанию и умению отстаивать юридическую истину в конкретных жизненных обстоятельствах. А это на практике может быть связано и с риском для ученого. Недаром в современной философской литературе появилось понятие «человек риска»[34]. В условиях антидемократических юристам вообще опасно проявлять гражданское мужество. Чего стоят в этом отношении преследования советских юристов в 20–30-е годы прошлого века, подозревавшихся в нарушении господствующей догмы?! Когда наступают времена единственно правильного мнения, это крайне негативно отзывается на биографии юриста, вверяющего свою судьбу делу служения правды и справедливости.

Хорошая юридическая наука должна благоприятно изменять юридическую практику. В последние годы стало ясно, что нужны не только хорошие нормы материального права, как на этом справедливо делали акцент либералы всех времен, но и процессуальные нормы, не допускающие толкования материальных норм в иных смыслах, чем те, которые предусмотрены Конституцией РФ, нужны знающие и честные исполнители правовых норм, а также авторитетные структуры гражданского общества, которые занимаются мониторингом качества исполнения норм. Нашему обществу еще предстоит осознать, что в праве процессуальный момент самый «доминантный». Если его возможности в этом отношении искусственно сужаются, то нет смысла ожидать, что правоприменение когда-либо будет справедливым не в частностях, а в его системном целом. Юридическая наука вбирает в себя опыт применения норм права – и положительный, и отрицательный. Разрыв между тем, что рассказывают от имени науки о состоянии права в стране, и тем, каким оно является в действительности, есть своего рода форма и этап воспитания правового нигилизма у населения.

И еще одна проблема – самоуважение отечественной юридической науки, выработка уважительного отношения к своим собственным оценкам. Известно, что в Российской Федерации (в отличие от советского периода) существует множество юридических журналов. Но сложилось мнение, что наши ученые для получения ученых степеней обязаны публиковать свои материалы в журналах под индексами Web of Science или Scopus. Можно понять это требование как желание познакомить зарубежную общественность с российскими проблемами и достижениями. Но нельзя не обратить внимание и на другую сторону этой ситуации. У общественности, видимо, не желая того, создается впечатление о какой-то второсортности отечественных публикаций. Но на деле не так уж и важно, в каком печатном издании опубликована данная работа. Питирим Сорокин с неподдельной иронией приводил пример, когда один выдающийся американский журнал отказался опубликовать его статью, а другой, не менее выдающийся журнал немедленно напечатал ее. А затем эта работа, пишет автор, «не раз была переведена и напечатана иностранными журналами. Вот и все об этом юмористическом инциденте»[35].

В целях выработки юридической наукой доверия к себе ей нужно адекватно воспринимать менталитет общества. Когда Россия входила в рыночную экономику, менталитет большинства наших сограждан был к этому еще не готов, он был выстроен для сотрудничества, но не для безжалостной конкуренции, пренебрежительного отношения к чужим интересам. Тогда и стало понятным, что у менталитета населения есть собственные закономерности, их невозможно автоматически изменить, даже изменив нормы права. Чтобы успешно управлять обществом с помощью права, необходимо принимать во внимание сознание, волю и настроения людей. Непрофессионализм и некомпетентность в рядах правотворческих и правоприменительных органов развращают общество, оставляют рядом с собой разочарование и безнадежность, потерю веры в лучшее будущее. Чтобы этого не случилось, сегодняшняя юридическая наука должна помогать политикам управлять государством. Ныне же наука и люди научного склада мышления не востребованы в той мере, как это необходимо. Настало время, чтобы высшие органы государственной власти и правовые учреждения в тесном единстве решали политические, экономические и социальные задачи. Управлять государством и не опираться на юридическую науку – значит умножать неудачи. Юридическая наука должна постоянно держать под своим прицелом действующие нормы права и их применение[36].

[34] *Керимова Т.В.* Человек риска. Социально-философские проблемы. М., 2009.

[35] *Сорокин П.* Указ. соч. С. 222.

[36] См.: *Сапун В.А., Турбова Я.В.* Уровень доверия к праву и современная российская Конституция // Мир политики

Но юридическая наука всегда идет дальше узкоправовых проблем. Потому что основа настоящего права – правовой закон, являющийся главным источником правовых прогнозов. Научные исследования в области права никогда не приводят к драматическим переменам в обществе, но они способны предупреждать ненужные социальные конфликты, снижать давление в «социальном котле» противоречий, выявлять надуманные ценности, которые бессмысленно защищать. Надежной гарантией повышения доверия к юридической науке может быть широкое общественное обсуждение ключевых правовых идей, выдвигаемых учеными-юристам. Речь идет не о тонкостях юридических формулировок, которые являются уделом юристов-профессионалов, а именно о правовых идеях, которые должны быть понятны любому образованному человеку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1996. С. 160.
2. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 51, 55.
3. *Веденеев Ю.А.* Открытие юриспруденции: эпохи и стиль // Государство и право. 2020. № 11. С. 40–48. DOI: 10.31857/S102694520012535-9; 2021. № 1. С. 43–53. DOI: 10.31857/S102694520013227-0.
4. Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 436.
5. *Гёте И.В.* Фауст: трагедия. М., 1982. С. 301.
6. *Горбань В.С.* Правовое учение Иеринга и его интерпретация. М., 2018. С. 217–219.
7. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 25.
8. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. Т. 1. С. 39–43, 83.
9. *Жуков В.Н.* Государство, право, власть: философия и социология. М., 2015. С. 139–294.
10. *Жуков В.Н.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24.
11. *Керимов Д.А.* Свобода, право и законность. М., 1960.
12. *Керимова Т.В.* Человек риска. Социально-философские проблемы. М., 2009.
13. *Князев Г.А.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1945. С. 16.
14. *Князьков С.А.* Как сложилось и как пало крепостное право: исторический очерк. СПб., 1900. С. 53.
15. *Коркунов Н.М.* История философии права: пособие к лекциям. 6-е изд. (без перемен). СПб., 1915. С. 245.
16. *Кроткова Н.В.* Государство и революция. К 100-летию Великого Октября (Всероссийская научная конференция) // Государство и право. 2017. № 10. С. 27–54; № 11. С. 5–31; № 12. С. 5–27.
17. *Кроткова Н.В.* Журналу «Государство и право» – 85 лет // Государство и право. 2012. № 4. С. 11–28.
18. *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.
19. *Коркунов Н.М.* С.Е. Десницкий – первый русский профессор права. СПб., 1894. С. 31.
20. *Коркунов Н.М.* Сборник статей. СПб., 1898. С. 18.
21. *Марсилий Падуанский.* Защитник права. Defensok pacis / пер. с франц. Б.У. Есенова. М., 2014.
22. *Поленов А.Я.* О крепостном состоянии крестьян в России // Русская философия второй половины XVIII века: хрестоматия / сост. Б.В. Емельянов. Свердловск, 1990. С. 116.
23. *Раушенбах Б.В.* Праздные мысли. Очерки. Статьи. Воспоминания. М., 2003. С. 239.
24. *Савенков А.Н.* Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5–19. DOI: 10.31857/S01320769000-4632-7.
25. *Сапун В.А., Турбова Я.В.* Уровень доверия к праву и современная российская Конституция // Мир политики и социологии. 2014. № 10.
26. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 14. С. 98–100.
27. *Сорокин П.* Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 222, 244.
28. *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 241.
29. *Тарасов Б.Ю.* Россия крепостная. М., 2011.
30. *Толстой Л.Н.* Письмо студенту о праве // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 38. С. 45–65.
31. *Томсинов В.А.* История русской юриспруденции. X–XVII века: учеб. пособие. М., 2017. С. 18, 19.
32. *Фирсов Н.Н.* Пугачевщина: опыт социолого-психологической характеристики. 2-е изд. М., 1921. С. 23, 24.
33. *Шахрай С.М.* Конституционные ловушки истории: была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 5. С. 17.

и социологии. 2014. № 10.

REFERENCES

1. *Anners E.* History of European law. M., 1996. P. 160 (in Russ.).
2. *Berman G.J.* The Western tradition of law: the epoch of formation. M., 1998. P. 51, 55 (in Russ.).
3. *Vedeneev Yu. A.* The Discovery of jurisprudence: epochs and style. 2020. No. 11. P. 40–48. DOI: 10.31857/S102694520012535-9; 2021. No. 1. P. 43–53. DOI: 10.31857/S102694520013227-0 (in Russ.).
4. Milestones. From the depths. M., 1991. P. 436 (in Russ.).
5. *Goethe I.V.* Faust: a tragedy. M., 1982. P. 301 (in Russ.).
6. *Gorban V.S.* Jeringa legal doctrine and its interpretation. M., 2018. P. 217–219 (in Russ.).
7. *David R.* Major legal systems of today. M., 1988. P. 25 (in Russ.).
8. Digest of Justinian / transl. from Latin; res. ed. L.L. Kofanov. M., 2002. Vol. 1. P. 39–43, 83 (in Russ.).
9. *Zhukov V.N.* The state, law, and power: the philosophy and sociology. M., 2015. P. 139–294 (in Russ.).
10. *Zhukov V.N.* Jurisprudence as a science: return to the forgotten truths of the // State and Law. 2017. No. 9. P. 5–24 (in Russ.).
11. *Kerimov D.A.* Freedom, law and legality. M., 1960 (in Russ.).
12. *Kerimova T.V.* Risk Man. Social and philosophical problems. M., 2009 (in Russ.).
13. *Knyazev G.A.* A brief outline of the history of the Academy of Sciences of the USSR. M; L., 1945. P. 16 (in Russ.).
14. *Knyaz'kov S.A.* How serfdom developed and how it fell: a historical essay. SPb., 1900. P. 53 (in Russ.).
15. *Korkunov N.M.* The history of the Philosophy of Law: a manual for lectures. 6th ed. (no changes). SPb., 1915. P. 245 (in Russ.).
16. *Krotkova N.V.* The state and the revolution. To the 100th anniversary of the Great October (All-Russian scientific conference) // State and Law. 2017. No. 10. P. 27–54; No. 11. P. 5–31; No. 12. P. 5–27 (in Russ.).
17. *Krotkova N.V.* Journal "State and Law" – 85 years // State and Law. 2012. No. 4. P. 11–28 (in Russ.).
18. *Krotkova N.V.* History and methodology of legal science (The "Round Table" of the Department of theory of state and law and political science of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow state University and the journal "State and Law") // State and Law. 2016. No. 4. P. 5–31 (in Russ.).
19. *Korkunov N.M.* S.E. Desnitsky – the first Russian Professor of law. SPb., 1894. P. 31 (in Russ.).
20. *Korkunov N.M.* Collection of articles. SPb., 1898. P. 18 (in Russ.).
21. *Marsilius of Padua.* Defender of the law. Defensopacis / transl. from French by B.U. Esenov. M., 2014 (in Russ.).
22. *Polenov A. Ya.* O serfdom of the peasants in Russia // Russian philosophy of the second half of the XVIII century: chrestomatiya / comp. B.V. Emelyanov. Sverdlovsk, 1990. P. 116 (in Russ.).
23. *Rauschenbach B.V.* Idle thoughts. Essays. Articles. Memoirs. M., 2003. P. 239 (in Russ.).
24. *Savenkov A.N.* Global crisis of modernity as a subject of Philosophy of Law // State and Law. 2019. No. 4. P. 5–19. DOI: 10.31857/S01320769000-4632-7 (in Russ.).
25. *Sapun V.A., Turbova Ya.V.* The level of trust in the law and the modern Russian Constitution // The world of politics and sociology. 2014. No. 10 (in Russ.).
26. *Solov'ev S.M.* History of Russia since ancient times. M., 1965. Book 14. P. 98–100 (in Russ.).
27. *Sorokin P.* Dalnyaya doroga. Autobiography. M., 1992. P. 222, 244 (in Russ.).
28. *Strogovich M.S.* Basic questions of Soviet socialist legality. M., 1966. P. 241 (in Russ.).
29. *Tarasov B. Yu.* Russia fortress. M., 2011 (in Russ.).
30. *Tolstoy L.N.* A letter to the student on the law // Tolstoy L.N. Complete works. M., 1936. Vol. 38. P. 45–65 (in Russ.).
31. *Tomsinov V.A.* History of Russian jurisprudence. X–XVII centuries: textbook. M., 2017. P. 18, 19 (in Russ.).
32. *Firsov N.N.* Pugachevshchina: the experience of socio-psychological characteristics. 2nd ed. M., 1921. P. 23, 24 (in Russ.).
33. *Shakhray S.M.* Constitutional traps of history: was the revolution of 1917 inevitable? // Legal science: history and modernity. 2017. No. 5. P. 17 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЭКИМОВ Анисим Иванович –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры теории права и государства
Российского университета дружбы народов;
117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Authors' information

EKIMOV Anisim I. –
Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of theory of law and state, Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 73–86
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 73–86

УДК 34.03;34.04;342.4

ПРЕДОТВРАТИТЬ ЭВТАНАЗИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: НРАВСТВЕННОСТЬ И ИНТЕГРАЦИОННЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

© 2021 г. С. Н. Бабурин

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: 1357343@mail.ru

Поступила в редакцию 08.04.2021 г.

Аннотация. В статье поставлена проблема необходимости трансформации современного права на принципах нравственности и интеграционного конституционализма.
Целью исследования является анализ развития современного права, влияния на него новых форм глобализации, необходимости строить межгосударственную интеграцию на духовно-нравственных началах. Решаются задачи как социальной оценки цивилизационного потенциала конституционной реформы 2020 г. в Российской Федерации, так и осмысления планетарного масштаба существующих проблем.
Использованы общенаучные и специальные методы исследования, включая диалектический и конкретно-исторический, методы формальной логики, анализа, синтеза, системный, сравнительно-правовой и метод толкования, что позволяет дать определения нравственному государству и интеграционному конституционализму.
В качестве выводов аргументируются укрепление конституционной реформой 2020 г. в Российской Федерации соответствующего культурно-историческим традициям нравственного каркаса Конституции РФ, что дает возможность приступить к формированию нравственного государства. Обосновывается значение разработки механизмов интеграционного конституционализма, необходимость закрепления его в Конституции РФ на следующем этапе реформы. Именно интеграционный конституционализм должен быть основой возрождения исторической России, добровольного и успешного собирания послесоветского пространства в новую единую государственную общность – союзное государство. Поскольку угроза существованию человечества порождена самим развитием производительных сил, достижениями науки и техники, то и её нейтрализация немыслима без дальнейшего развития этих составляющих процесса цивилизации. Человечество должно научиться жить в согласии с Природой, с ее законами, что требует укрепления моральных принципов совершенно на новом, уже конституционном и глобальном уровнях. Промедление с трансформацией современного права на основах нравственности и интеграционного конституционализма может иметь фатальные последствия, спровоцировать своего рода эвтаназию человечества в силу перерастания экологического кризиса в глобальную катастрофу. Всем цивилизациям необходимо безотлагательно создавать нравственные общества и нравственные государства.

Ключевые слова: конституция, государство, право, интеграционный конституционализм, межгосударственная интеграция, духовно-нравственные ценности, нравственное государство.

Цитирование: *Бабурин С.Н.* Предотвратить эвтаназию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права // Государство и право. 2021. № 6. С. 73–86.

DOI: 10.31857/S102694520015033-7

PREVENTING THE EUTHANASIA OF HUMANITY: MORALITY AND INTEGRATION CONSTITUTIONALISM AS THE BASIS FOR THE TRANSFORMATION OF MODERN LAW

© 2021 S. N. Baburin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: 1357343@mail.ru

Received 08.04.2021

Abstract. The article raises the problem of the need to transform the modern law on the principles of morality and integration constitutionalism.
The aim of the study is to analyze the development of modern law, the impact of new forms of globalization on it, the need to build interstate integration on spiritual and moral principles. The tasks of both the social assessment of the civilizational potential of the constitutional reform of 2020 in the Russian Federation and the understanding of the planetary scale of the existing problems are being solved.
General scientific and special methods of research, including dialectical and concrete-historical methods, methods of formal logic, analysis, synthesis, systemic, comparative-legal and interpretation method are used, which allows to give definitions to the moral state and the integration constitutionalism.
The conclusions are justified by strengthening the constitutional reform of 2020 in Russia in accordity with the cultural and historical traditions of Russia, the moral framework of the Constitution of the Russian Federation, which gives an opportunity to start the formation of a moral state. The importance of developing mechanisms of integration constitutionalism and the need to enshrine it in the Russian Constitution at the next stage of reform is substantiated. It is integration constitutionalism that should be the basis of the revival of historical Russia, the voluntary and successful gathering of the post-Soviet space into a new unified state community – the union state. Since the threat to the existence of mankind is caused by the very development of productive forces, the achievements of science and technology, and its neutralization is unthinkable without further development of these components of the process of civilization. Humanity must learn to live in harmony with Nature, with its laws, which requires the strengthening of moral principles at a completely new, already constitutional and global level. Procrastination with the transformation of the modern right to the basics of morality and integration constitutionalism can have fatal consequences, provoke a kind of euthanasia of mankind due to the escalating ecological crisis into a global catastrophe. All civilizations urgently need to establish moral societies and moral states.

Key words: constitution, state, law, integration constitutionalism, interstate integration, spiritual and moral values, moral state.

For citation: *Baburin, S.N. (2021).* Preventing the euthanasia of humanity: morality and integration constitutionalism as the basis for the transformation of modern law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 73–86.

Недавний юбилей выдающегося ученого, специалиста по теории права В.В. Лазарева позволяет через осмысление его идей об интегративном праве и понимания им конституционных ценностей, развития гражданского общества, правотворчества и правоприменения, выйти на злободневные вопросы современной межгосударственной интеграции как теоретико-правовой проблемы системной модернизации действующего российского законодательства. Предлагая проводить интеграцию идей на диалектической основе и подходить к вопросу конкретно-исторически, учитывая разное понимание права в разное время у разных народов[1], В.В. Лазарев образно и точно обозначил методологические принципы исследования вопросов современного конституционализма и государственного строительства.

Именно в столь любимой В.В. Лазаревым интегральной юриспруденции, успешно отвечающей на вызовы глобализации и провоцирующей тенденцию к интеграции права, следует искать корни интеграционного конституционализма, о котором ниже пойдёт речь. Целью настоящего исследования является анализ развития современного права, влияния на него новых форм глобализации и применимости духовно-нравственных начал к межгосударственной интеграции. Важно при этом определиться с правовой оценкой цивилизационного

[1] См.: *Лазарев В.В.* Интегративное восприятие права // Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. М., 2020. С. 98.

потенциала конституционной реформы 2020 г. в Российской Федерации и проекцией решений государства на планетарные масштабы общественных отношений. Именно на последнее нацеливает универсализм права, которое мы будем далее рассматривать, по определению В.В. Лазарева, как «совокупность признаваемых в данном обществе и обеспечиваемых официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных воль в их взаимоотношении друг с другом»[2].

Из логики глобальной правовой эволюции многоцивилизационной модели мирового устройства, характеризующейся неиерархическим сочетанием всечеловеческого, общечеловеческого и локального в праве[3], вытекает утверждение С.А. Авакьяна, что конституционализм как политико-правовое явление не только отражает общие цивилизационные закономерности национального общественно-политического развития, но и является общемировой ценностью[4]. Конституционализм включает в себя не только наличие конституции, но и практическую реализацию её норм[5], а также всю совокупность направленных на признание и уважение конституционной законности знаний и убеждений, существующих в обществе и в своём большинстве признающих конституцию социальной ценностью. Конституционализм предполагает и конституционализацию законодательства, т.е. процесс освоения законодательством и правоприменительной практикой конституционных ценностей и норм[6].

Интернационализация конституционного права, за последние десятилетия ставшая реальностью[7], лежит в русле того нового концепта соразмерности универсального и национального в праве, который юридическая доктрина ищет в системе координат всечеловеческого цивилизационного проекта[8].

Погрузившийся к 2021 г. в пучину цифрового трансграничного хаоса привычный нам мир нуждается в оздоровлении, которое может быть обеспечено только его реконструкцией на духовно-нравственных началах. Такой подход требует серьёзной модернизации конституционализма. Тем более, если рассматривать конституционализм как многогранное политико-правовое явление, отражающееся во взаимозависимом сочетании конституционной идеологии, конституционной теории и конституционной практики развития государственности[9].

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обоснованно подчеркивает, что перед Западом и Востоком стоит труднейшая задача совместного поиска баланса между прогрессом в сфере соблюдения прав личности и меньшинств, с одной стороны, и сохранением национально-культурной и религиозной идентичности отдельных народов – с другой[10]. Конституционная реформа 2020 г. установила российский национальный баланс ценностей, став важным шагом в верном направлении.

В 2020 г. в Российской Федерации произведены институциональные изменения Основного Закона, предусмотрены меры по «национализации» должностных лиц-носителей публичной власти в Российской Федерации, наполнены реальным содержанием уже имевшиеся в Конституции РФ характеристики социального государства, укреплён духовно-нравственный каркас Конституции РФ. В контексте развивающейся геополитической ситуации шаг был явно вынужденным, но исключительно своевременным. Уже в осеннюю сессию 2020 г. Федеральное Собрание РФ приняло 21 нормативный правовой акт, приводящий в соответствие с конституционными изменениями текущее

---

[2] Там же. С. 107.

[3] См.: *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. М., 2020. С. 14, 15.

[4] См.: *Авакьян С.А.* Роль Конституции Республики Казахстан в формировании и развитии современного конституционализма // Казахстанский тренд: от тоталитаризма к демократическому и правовому государству (взгляд со стороны): сб. ст. / отв. ред. И.И. Рогов. Астана, 2015. С. 129.

[5] См.: *Шульженко Ю.Л.* Советский конституционализм (периодизация) // 25 лет Конституции России: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: материалы Всеросс. конф. с междунар. участием, Москва, 10–11 декабря 2018 г. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, отв. ред. А.Б. Дидикин, Ю.Л. Шульженко. М., 2019. С. 52; см. также: *Шульженко Ю.Л., Виноградова Е.В., Кроткова Н.В., Данилевская И.Л.* Четверть века Конституции России: осмысление опыта (К итогам Всероссийской научной конференции «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества») // Государство и право. 2019. № 3. С. 17–26. DOI: 10.31857/S013207690004421-5.

[6] См.: *Хабриева Т.Я.* Конституционализация законодательства Республики Казахстан // Казахстанский тренд: от тоталитаризма к демократическому и правовому государству: сб. ст. / отв. ред. И.И. Рогов. С. 41; см. также: *Кроткова Н.В.* Ценность человека в евразийской модели конституционализма: от идей к реальности (К 25-летию Конституции Республики Казахстан) // Государство и право. 2020. № 11. С. 162–173. DOI: 10.31857/S102694520012584-3.

[7] См.: Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н.В. Варламовой, Т.А. Васильевой. М., 2017.

[8] См.: *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Указ. соч. С. 52.

[9] См.: *Мамитова Н.В.* Становление конституционализма в России: проблемы и решения // 25 лет Конституции России: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества. С. 47–51.

[10] См.: *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М., 2016. С. 26.

законодательство, четыре закона были одобрены в первом чтении[11]. Это, однако, стало лишь началом трансформации современного правового пространства. Изменения должны затронуть все отрасли права. Отмечая стабильность и одновременно динамизм принципов конституционного строя Российской Федерации, Б.С. Эбзеев обоснованно подчеркивает, что конституционные инициативы Президента РФ В.В. Путина в 2020 г. основываются на этих принципах, но одновременно оказывают влияние на их нормативное содержание, особенно в части разделения властей, социального и правового государства. Произошло существенное обновление организации публичной власти и баланса в полномочиях ее ветвей, конкретизирован принцип социального государства[12].

Глобальность модернизационного процесса означает универсализацию тех человеческих ценностей, которые детерминируют социальную трансформацию общества[13], переосмысление права как социального регулятора под влиянием технологических трансформаций общества. Но если политическим ценностям ещё можно придать универсальный общечеловеческий смысл, то они обречены на дисбаланс с ценностями социальными и нравственными, всегда складывающимися под влиянием культурно-исторического пути развития каждого общества. При этом следует согласиться с тем, что к глобализации правильнее подходить как к простой объективной реальности, которую следует оценивать и совершенствовать[14].

Современное право под влиянием духовно-ценностного перерождения гуманизма и многовекового доминирования позитивизма стало во многих государствах утрачивать своё историческое предназначение, разрушая их в угоду транснациональным корпорациям. Отсюда – выходящий далеко за национальные рамки смысл тех конституционных норм, что появились в Российской Федерации в 2020 г.

В своё время Т.Я. Хабриева справедливо отметила, что ценности мирового конституционализма в Конституцию РФ в 1993 г. вошли как цели, к которым надо стремиться, вошли в спешке, в обстановке противоборства политических сил и часто в неудачных формулировках[15]. Практика подтвердила точность этого вывода, ту истину, что мировой опыт требует в России адаптации к её культурно-национальным особенностям, что частично осуществлено только в ходе конституционной реформы 2020 г.

Оставляя в стороне институциональные новшества, отметим лишь основные конституционные положения, направленные отныне на сбережение культурно-исторических традиций многонационального народа Российской Федерации, на упрочение в обществе именно духовно-нравственных ценностей.

Уже в Преамбуле Конституции РФ указаны исторически сформировавшиеся гражданские и общественные ценности, которые являются безусловным основанием устройства демократического государства, более того, имеют непосредственно регулирующее значение[16]. Но они лишь отдалённо отражают духовно-нравственную сторону жизни общества. Возможно, именно поэтому В.В. Лазарев настойчиво возвращается в своих теоретико-правовых исследованиях к Посланию Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г., выделяя в Послании приоритетное внимание Президента РФ к ценностным смыслам, заложенным в Основной Закон, и патриотизму как консолидирующей основе российской политики. Он отмечает слова Президента РФ об утрате в обществе нравственных ориентиров. Вслед за Президентом РФ, сожалея о «явном дефиците духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, – дефиците того, что всегда, во все времена исторически делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились»[17], В.В. Лазарев повторяет традиционный позитивистский тезис о том, что закон может защитить нравственность и должен это делать, но нельзя законом нравственность установить[18]. Тезис неточен, а потому неверен.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл подчеркивает, что именно потеря органического единства между правом и нравственностью лежит в основе того морального кризиса, что затронул ныне

---

[11] См.: Выступление Председателя Государственной Думы В.В. Володина на Пленарном заседании 24.12.2020 г. URL: http://www.gosduma.net/analytics/tv/chairman-statements/3252343/ (дата обращения: 07.01.2021).

[12] См.: *Эбзеев Б.С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24.

[13] См.: *Вохмянин Д.В.* Универсализация в конституционном праве: авторская программа. Пермь, 2014. С. 38; *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.

[14] См.: *Лазарев В.В.* Интегративное восприятие права. С. 106; *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М., 2002. С. 6–11, 362–408; *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. М., 2003. С. 41.

[15] См.: *Хабриева Т.Я.* Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал росс. права. 2008. № 12. С. 22.

[16] См.: *Лазарев В.В.* Конституционные ограничения конституционных ценностей // Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. С. 189, 190.

[17] URL: http://www.amic.ru/news/202063 (дата обращения: 15.01.2021).

[18] См.: *Лазарев В.В.* Конституционные ограничения конституционных ценностей. С. 190.

весь мир[19]. Более уместно вслед за В.С. Соловьевым относиться к праву как к низшему пределу (оправданному минимуму) нравственности, когда право выступает требованием реализации этого минимума, т.е. осуществления определенного минимального добра или устранения известной доли зла[20]. В этом контексте оправданно рассматривать возникновение права как появление силы, способной упорядочить человеческое общение путем исключения из него, насколько это возможно, в принципе, индивидуальных произволов[21]. Не только возможно, но и жизненно необходимо конституционным путем поднять фиксируемый правом минимум нравственности на принципиально более значимую высоту[22].

Поправка 2020 г., изменившая ценностную ситуацию в Конституции РФ, основания для таких перемен дает.

Конечно же, нравственно значимо признание исторически сложившегося государственного единства России, построенного не только на общей тысячелетней истории, но и на сохранении памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также на преемственности в развитии Российского государства (ч. 2 ст. 67^1 Конституции РФ). Отныне конституирована защита государством самой памяти о защитниках Отечества и исторической правды, борьба против умаления значения подвига народа при защите Отечества (ч. 3 ст. 67^1 Конституции РФ). Исключительно важен принцип признания правопреемственности Российской Федерации от СССР, отрицавшейся Соглашением о создании СНГ от 8 декабря 1991 г. у всех государств, ранее входивших в состав СССР (ч. 1 ст. 67^1 Конституции РФ).

Не менее значима именно в духовно-нравственном контексте закрепленная в Конституции РФ защита государством традиционных семейных ценностей, обеспечение приоритета семейного воспитания, создание условий для всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития детей, воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4 ст. 67^1 Конституции РФ). Совместная защита Российской Федерацией и её субъектами семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях (п. «ж»[1] ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Как имеет важный духовно-нравственный смысл и объявление культуры в Российской Федерации уникальным наследием всего её многонационального народа, поддерживаемым и охраняемым государством (ч. 4 ст. 68 Конституции РФ), при одновременной защите государством культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации (ч. 2 ст. 69 Конституции РФ).

Далеко не только социальное значение, но и задачу укрепления в обществе нравственных начал имеет закрепленная в Конституции РФ гарантированность в Российской Федерации создания условий для взаимного доверия государства и общества, защиты достоинства граждан и уважения человека труда, социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75^1 Конституции РФ).

Это ключевые, хотя и далеко не все элементы нового нравственного каркаса или внутреннего стержня Конституции РФ, а через неё – всего действующего права. Лишь через укрепление нравственных основ социального государства можно строить социальное благополучие человека[23], безопасность и достойную жизнь. Кроме того, следует согласиться с А.Д. Керимовым, что велением времени на передний план социального развития выдвигается культурно-просветительская функция государства[24]. Будущее человечества либо будет строиться на обществе знания, либо будущего у людей не будет вообще.

Конституционная реформа 2020 г. расширила социальную опору власти, подведя под Конституцию РФ русскую духовную традицию. Даже просто потому, что опирающаяся на традиционные представления людей социальная поддержка власти и её легитимности неизменна в России на протяжении многих столетий. Хотя объективными факторами феномена легитимности власти и служат правила, нормы, институты и действия самой официальной власти[25].

---

[19] См.: *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Указ. соч. С. 261.

[20] См.: *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1966. Т. 8. С. 407, 408.

[21] См.: *Козлихин И.Ю.* Избр. труды. СПб., 2012. С. 14.

[22] См.: *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 14.

[23] См.: *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. 2-е изд., пересмотр. М., 2019; *Бабурин С.Н.* О социальных ценностях: влияние римского права на российский конституционализм // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2020. Т. 17. № 1. С. 5–14; *Комарова В.В.* Социальное благополучие человека: конституционная ценность // Социальное благополучие человека: правовые параметры: сб. ст. / отв. ред. В.В. Комарова. М., 2019. С. 32–49.

[24] См.: *Керимов А.Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2018. С. 163.

[25] См.: *Плигин В.Н.* Легитимность государства и права: теоретико-правовое исследование. М., 2021. С. 101.

Конституционализация законодательства предполагает переоценку многих правовых институтов и механизмов с позиций нового ценностного измерения Конституции РФ, но жизнь требует обратить пристальное внимание ещё на один аспект развивающегося конституционализма, важный для системного изменения права и правовых институтов: на необходимость признания роли интеграционного конституционализма и его закрепления в институтах всех отраслей российского права[26].

Интеграционный конституционализм как одна из форм наднационального права имеет не только международный, но и внутригосударственный характер[27], он особенно важен для послесоветского пространства, но актуален и для всего мирового устройства. Н.В. Варламова даже формулирует вывод о складывающемся глобальном единстве конституционного порядка, лежащего в основе совместных конституционных заимствований[28]. Однако, выступая как особая форма наднационального права, обладающая всеми его особенностями, указанными В.Е. Чиркиным[29], интеграционный конституционализм охватывает и вопросы конституционного права государств-членов.

Конституционная реформа 2020 г. обошла стороной проблему интеграционного конституционализма. Изменения, внесенные в 2020 г. в ст. 79 Конституции РФ, относятся к международно-правовой сфере, т.е. вопросам взаимодействия Российской Федерации с межгосударственными органами и к обязательствам России по международным договорам. Участие Российской Федерации в международной интеграции и вообще в международных объединениях строится на той части ст. 79, которая изменениям не подверглась, которая предполагает, что Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечёт за собой ограничение прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российского государства. Как можно видеть, с учётом содержания гл. 1 Конституции РФ эта конституционная норма не охватывает вопросов межгосударственного воссоединения, например, Республики Беларусь и Российской Федерации[30].

Межгосударственная интеграция, зародившаяся ещё столетие назад по линиям цивилизационных скреп государств и народов, лишь ускорилась с провалом планов глобализации в их североамериканском варианте[31]. Когда интеграция как международно-правовой метод сближения национальных правовых систем, применяющийся наряду с методами унификации и гармонизации[32], перерастает в простое совершенствование международно-правовых регуляторов, то нарастают процессы интернационализации конституционного права[33], рождаются новые правовые феномены, такие как интеграционный конституционализм. Даже обычная интеграция подразумевает правоприменение уже готовых правовых норм, которые не требуют дальнейшего нормотворчества. Если гармонизация законодательства предполагает использование государствами-участниками международно-правового сотрудничества схожих правовых норм, а унификация – единообразных, то при интеграции правовые нормы уже едины[34]. Интеграционный же конституционализм предусматривает, как правило, наличие уже конституционной опоры для таких норм и на общем (союзном), и на национальном уровне.

В Европейском Союзе, например, интеграционный конституционализм воплотился в конституционных нормах государств – участников ЕС, закрепивших правомочность европейской интеграции и статус общеевропейских правовых норм и институтов. Так, в Конституции ФРГ зафиксировано, что для осуществления идеи Объединенной Европы «Федеративная Республика Германия участвует в развитии Европейского союза, в обязанность которого входит гарантировать соблюдение принципов демократии, правового государства, социального и федеративного государства, а также соблюдение принципа субсидиарности, который гарантирует защиту основных прав, по существу совпадающих с основными правами, содержащимися в Основном законе. В этих целях

[26] См.: *Бабурин С.Н.* Интеграционный конституционализм. М., 2020.

[27] См.: *Чиркин В.Е.* Наднациональное право и государственный суверенитет (некоторые проблемы теории). М., 2015. С. 13, 14.

[28] См.: *Варламова Н.В.* Трансформация предмета конституционного права в условиях глобализации // Конституция России и отраслевое законодательство: материалы науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации / отв. ред. М.М. Славин, Е.В. Понизова. М., 2014. С. 82.

[29] См.: *Чиркин В.Е.* Указ. соч. С. 29, 30.

[30] См.: *Бабурин С.Н.* Конституционный акт Союзного государства: несостоятельность официального проекта и необходимость альтернативы // Государство и право. 2019. № 10. С. 7–25.

[31] См.: *Бабурин С.Н.* Интеграционный конституционализм. С. 62–89.

[32] См.: *Безбородов Ю.С.* Международно-правовые методы и формы правовой конвергенции. М., 2018. С. 78.

[33] См.: Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н.В. Варламовой, Т.А. Васильевой.

[34] См.: *Безбородов Ю.С.* Интеграционные и метаинтеграционные процессы в американском регионе: особенности реализации // Российское право. Образование. Практика. Право. 2019. № 1. С. 58.

Федерация может передавать свои суверенные права посредством издания закона, одобренного Бундесратом» (ст. 23 Конституции ФРГ). Предусмотрено, что норма Конституции ФРГ о порядке принятия законов, изменяющих или дополняющих текст Основного закона (согласие двух третей членов бундестага и двух третей голосов бундесрата (ст. 79), применяется к институтам Европейского Союза, а также к изменениям его договорных основ и другой сравнимой регламентации (ст. 23).

В Конституции Франции обеспечению европейской интеграции посвящен разд. XV. На конституционном уровне закреплено, что Франция участвует в ЕС в соответствии с условиями, предусмотренными Лиссабонским договором от 13 декабря 2007 г., изменившим договор о Европейском Союзе и договор об учреждении Европейского сообщества (ст. 88–1 Конституции Франции), а также то, что для учреждения Европейского экономического и валютного союза Франция соглашается на передачу его органам некоторых полномочий (ст. 88–2). При условии взаимности все граждане Союза, проживающие во Франции, имеют право избирать и быть избранными на муниципальных выборах (ст. 88–3). Регламентирована процедура работы с проектами и предложениями ЕС (ст. 88–4 – ст. 88–7).

Можно приводить и другие примеры. Так, аналогичная французскому подходу норма голосования для граждан Европейского Союза закреплена в ст. 8 Конституции Бельгии. Конституция этого государства фиксирует вопросы, связанные с наднациональными обязательствами Бельгии по членству в ЕС (ст. 168, 169).

Этого не скажешь о конституциях государств послесоветского пространства, как участвующих в Евразийском экономическом союзе, так и членах Союзного государства – Республике Беларусь и Российской Федерации. В их конституциях нет ни регламентации интеграции, ни даже упоминания о ней.

Хотя Российская Федерация и Республика Беларусь прямо в Договоре о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. подчеркнули, что это Союзное государство знаменует собой новый этап в процессе единения народов двух стран в демократическое правовое государство (ст. 1 Договора), среди целей Союзного государства указали создание единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития на основе объединения материального и интеллектуального потенциалов государств-участников и использования рыночных механизмов функционирования экономики; формирование единой правовой системы демократического государства; проведение согласованной социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 2). Ничего в этом направлении за минувшие 20 лет обоими государствами не сделано. А потому и Союзного государства реально нет, несмотря на существование союзных должностных лиц и даже высших органов государственной власти Союзного государства.

Причин много, но формально-юридическая одна: не запущен в работу механизм интеграционного конституционализма.

Конечно же, в основе европейской интеграции лежит Лиссабонский договор, подписанный членами ЕС в 2007 г., заменивший собою не вступившую в силу Конституцию Европейского Союза. Но он опирается на интеграционные конституционные нормы в государствах-участниках. Имеются и иные интеграционные центры и модели. Так, Ю.С. Безбородов обоснованно отмечает, что применение интеграционного метода сближения правовых систем позволило, например, осуществить метаинтеграцию в южной части американского континента, во многом напоминающую европейскую, хотя и заметно от неё отличающуюся[35].

В.Е. Чиркин, называя власть Европейского Союза не абсолютной и не суверенной, отмечал, тем не менее, наличие наднационального права и то, что в ЕС речь идет об уже существующей незавершенной публичной власти[36]. Такое фактическое противоречие может быть снято только концепцией консолидированного суверенитета.

С перерастанием межгосударственной интеграции в формирование новой государственной общности следует говорить о становлении интеграционного конституционализма, который с неизбежностью будет накладывать свой отпечаток на любую отрасль национального права государств – участников интеграционного процесса. Интеграционный конституционализм, модернизирующий в государственно-правовом отношении международное право, и до него практиковавшее унификацию и гармонизацию национального законодательства, – это происходящий в условиях легитимности процесс трансформации национальных конституций, направленный на создание единого государственного образования – федерации или союзного государства[37].

Для интеграционного конституционализма особо значим консолидированный суверенитет, без которого новая государственная общность

[35] См.: *Безбородов Ю.С.* Интеграционные и метаинтеграционные процессы в американском регионе: особенности реализации. С. 62.

[36] См.: *Чиркин В.Е.* Указ. соч. С. 13.

[37] См.: *Бабурин С.Н.* Интеграционный конституционализм. С. 128, 129.

немыслима. Консолидированный суверенитет означает совместное (объединенное) верховенство государственной власти соединившихся государств над объединенной территорией и её населением[38]. Он предполагает существование нового единого союзного суверенитета при признании сохраняющимися суверенитетов каждого из объединяющихся государств. Консолидированный суверенитет реализуется во всех отведённых ему отраслях национального права государств-участников. Сфера консолидированного суверенитета определяется учредительным актом соответствующего объединенного государства. На послесоветском пространстве таких актов нет.

Интеграционный конституционализм многогранен. Так, применительно к Абхазии он может иметь форму ассоциированных отношений, опыт которых у Пуэрто-Рико, например, как государства, свободно ассоциированного с США, может и должен быть осмыслен. Возможно, в отдаленном будущем Абхазии и станет комфортно войти в состав Российской Федерации на правах ее субъекта, но ныне это было бы губительно, в отличие от Южной Осетии, Приднестровья, ДНР и ЛНР. Российская Федерация не должна повторять ошибок Грузии.

Ассоциированные отношения предполагают их конституционное закрепление обеими сторонами. Российская Федерация и Абхазия давно переросли международно-правовой формат взаимодействия и в государственно-правовом плане уже два столетия существуют в симбиозе. Ассоциированные отношения призваны легализовать государственно-правовое единство и сделать публичными взаимные обязательства в фактически существующих отношениях. Они предполагают конституционное закрепление возможности для России принимать на себя внешнеполитическую функцию и функцию обороны других государств, согласовывать на уровне парламента бюджет ассоциированного государства в части выделения ему российских бюджетных средств и решение тех иных вопросов, что будут закреплены договором об ассоциированных отношениях. При этом ассоциированное государство сохраняет свой суверенитет, свою правовую и политическую системы.

Сказанное о роли межгосударственной интеграции и её формах относится не только к послесоветскому пространству и России, а имеет общепланетарный потенциал, поскольку среди целей интеграционного конституционализма всегда остается укрепление цивилизационной идентичности.

[38] См.: *Бабурин С.Н.* Интеграционный конституционализм. С. 45.

Промедление с трансформацией современного права на основах нравственности и интеграционного конституционализма может иметь фатальные последствия, спровоцировать своего рода эвтаназию человечества в силу перерастания экологического кризиса в глобальную катастрофу. В основе же экологического кризиса лежит не столько техногенный фактор, сколько деградация за последние века антропоцентрического мировоззрения, когда вслед за устранением из центра системы нравственных координат Бога был утрачен и смысл существования самого человека, мир превратился в противоборство животных эгоизмов.

Глобальная разбалансированность и разобщённость, порождённые объявлением в 2020 г. Всемирной организацией здравоохранения пандемии коронавируса (COVID-19), заставляют задуматься над предостережениями академика Н.Н. Моисеева, сделанными им на рубеже XX–XXI вв. Выдающийся отечественный учёный, повлиявший своими разработками математической модели экологических последствий ядерной войны на заключение договоров между СССР и США об ограничении гонки ядерных вооружений, предсказал и вероятные последствия развития микросистемы транснациональных корпораций, способных породить сценарии планетарного тоталитаризма, которому потребуются навыки манипулирования зомбированным населением[39]. Ведь монополии доминируют благодаря тому, что ликвидируют свободу и равенство в экономической, политической и культурной сферах, как с тревогой подчеркивает ныне И. Валлерстайн[40].

Не только наша страна, но и вся планета находится на пороге неизвестности и непредсказуемости[41]. Уже очевидно, что в результате человеческой деятельности нарушилось естественное равновесие природных циклов, восстановить которые известными людям методами невозможно. Деятельность человечества привела к деградации биосферы

[39] См.: *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М., 1998. С. 153–158; *Кьеза Джульетто.* Мир на пороге войны. Размышления европейца. М., 2015. С. 106–112.

[40] См.: *Валлерстайн И.* Капитализм: противник рынка? // Логос. 2006. № 5. С. 13.

[41] См.: *Залиханов М.Ч., Ивашов Л.Г., Степанов С.А.* Россия в системе государств XXI века (вместо введения) // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации / под общ. ред. М.Ч. Залиханова, С.А. Степанова; ред. и сост. Г.Р. Исакова. М., 2019. С. 7–14; *Бабурин С.Н.* Правовые и духовно-нравственные основы цифрового будущего человечества в эпоху нарастающей экологической катастрофы // Вестник Московского ун-та им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки. 2019. № 4. С. 6–12; *Исаев И.А.* «Очеловеченная» власть машин // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы X Междунар. науч. конф. / под ред. С.Н. Бабурина и А.М. Осавелюка. М., 2019. С. 24–31.

и неспособна гарантировать существование Человека в ее составе. Одно необдуманное движение – и биологический вид Homo Sapiens может исчезнуть с лица Земли[42]. Отдельная, не менее взрывоопасная проблема – изменение мерности правовой реальности и бытия человека, а следовательно, и всех общественных отношений, под воздействием цифровизации жизни и возникающего всё более независимого от человека виртуального пространства[43].

Пора, как и рекомендовал Н.Н. Моисеев, заглянуть в ожидающую нас бездну и увидеть реальность. Особенно неуютно нам должно быть от того, что глобальная экологическая катастрофа подкрадывается совсем незаметно, совершенно неожиданно и будет столь внезапна, что никакие действия людей ничего не смогут изменить. Произойти она должна, по прогнозам учёного, уже в середине XXI в.[44]

Поскольку нарастающий экологический кризис, грозящий перерасти в глобальную катастрофу, вызван развитием производительных сил, достижениями науки и техники, то и выход из него немыслим без дальнейшего развития этих составляющих процесса цивилизации. Для того чтобы найти такой выход, потребуется предельное напряжение творческого гения человечества, бесчисленное количество изобретений и открытий. Ради этого Н.Н. Моисеев призывал как можно скорее максимально раскрепостить личность, создать возможности для раскрытия своего творческого потенциала любому способному к этому человеку, что благотворно только на надёжной духовно-нравственной основе. В современных условиях полное раскрытие творческого потенциала личности становится жизненно важным для всей популяции Homo Sapiens. Новая цивилизация должна начаться, по его убеждению, не с новой экономики, а с новых научных знаний и с новых образовательных программ. Люди должны воспринимать себя не господами, а частью Природы. Новые моральные принципы должны войти в кровь и плоть Человека[45].

Н.Н. Моисеев предлагал искать новые дороги и на новом фундаменте построить новое здание, основание которому следовало бы разыскать. Представляется, что время такого строительства пришло. Человечество должно научиться жить в согласии с Природой, с ее законами, что требует укрепления нравственных норм совершенно на новом, уже конституционном и глобальном уровнях. Перед народами всего мира, к какой бы цивилизации они не принадлежали, стоит задача безотлагательно создавать нравственное общество и нравственное государство.

В противном случае даже ныне живущее поколение людей может стать свидетелем самоубийства человечества, либо следует ожидать природного катаклизма, который подвергнет человечество принудительной эвтаназии. Необходимые фактические манипуляции для этого уже произведены самими людьми, их массовым отказом от чистоты души, бесцеремонным уничтожением природной среды, ростом эгоистического потребления, нетерпимости и безнравственности[46].

Нормы права коренятся в этическом сознании человека, создающем оценки и определяющем должное и недолжное независимо от естественного хода вещей, утверждал Б.А. Кистяковский[47]. Если, например, отношение к наказанию и к процессу исполнения наказания – это слепок с нравственной характеристики общества, в котором применяется это наказание[48], то само соединение в современной реальности права и нравственности, государства и нравственности, для многих противоречит классической правовой теории. Ценности, как подчеркивает В.В. Лазарев, являются непременным атрибутом правовой нормы[49], но для абсолютного большинства правоведов духовно-нравственные ценности не входят в их число.

Даже если не принимать публично формулы Ф.М. Достоевского, что основанием нравственных начал является вера в Бога, но и не впадать в ситуацию западной неолиберальной вседозволенности, когда исчезают нравственные границы человеческого поведения и человек теряет самого себя, то в нравственных началах оправданно видят

---

[42] См.: *Моисеев Н.Н., академик*. Обращение, 23 февраля 2000 г. URL: http://www.ccas.ru/manbios/moistestam_r.html (дата обращения: 07.01.2021); *Грачев В.А.* Глобальные экологические проблемы в современной геополитической обстановке // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации / под общ. ред. М.Ч. Залиханова, С.А. Степанова; ред. и сост. Г.Р. Исакова. С. 35–48.

[43] См.: *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Указ. соч. С. 88–133.

[44] См.: *Моисеев Н.Н., академик*. Обращение, 23 февраля 2000 г. URL: http://www.ccas.ru/manbios/moistestam_r.html (дата обращения: 07.01.2021).

[45] См.: там же.

[46] См.: *Валлерстайн И.* Указ. соч. С. 9–13; *Грачев В.А.* Указ. соч. С. 35–48; *Катасонов В.Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». Кн. 1. Исторические и духовные корни «денежной цивилизации» // Катасонов В.Ю. Собр. соч.: в 15 т. / науч. ред. О.А. Платонов. М., 2019. Т. 3; *Гундаров И.А.* Демократическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М., 2001.

[47] См.: *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 211.

[48] См.: *Голик Ю.В.* Нравственность наказания как проблема общества // Преступность и наказание. Философия наказания. О нравственности наказания: материалы конф. в формате «круглого стола», посвященного презентации книг д-ра юрид. наук, проф. И.М.-о. Рагимова. Елец, 2016. С. 18.

[49] См.: *Лазарев В.В.* Интегративное восприятие права. С. 102.

выражение солидарных отношений людей. Вне таких отношений становится невозможным само социогенетическое развитие. Отсюда, как отмечает В.В. Чешев, именно нравственные отношения оказываются системными принципами организации общества, включая хозяйственную жизнь и экономические отношения в обществе[50].

* * *

Суммируя результаты исследования, можно сформулировать определенные политико-правовые выводы. Конституционная реформа 2020 г. создала соответствующий культурно-историческим традициям России нравственный каркас Конституции РФ, что дает возможность приступить к формированию нравственного государства, призванного обеспечить в обществе приоритет добродетелей и нравственных решений[51]. Не менее важно одновременно с процессом создания основ нравственного государства отлаживать механизмы интеграционного конституционализма, поскольку именно он призван быть основой возрождения исторической России, добровольного и успешного собирания послесоветского пространства в новую единую государственную общность – союзное государство.

Иерархия человеческих ценностей не может определяться принципом пользы и равнодушием к истине духовной, забвением потребности души в вечном спасении, утверждал на заре XXI в. Патриарх Алексий II: «Идеология неограниченного потребления, которая нашла благоприятную почву и в преуспевающей части нашего общества, может породить только грубый эгоизм и окончательно разрушить коренные основы взаимопонимания между народами»[52]. Только обращение к вечным и непреложным основам человеческой жизни способно распахнуть перед человечеством перспективы будущего развития.

Конституции, подчеркивает на примере конституционной реформы 2020 г. В.В. Лазарев, отражая реальное соотношение сил в обществе, всегда призваны выполнить роль стабилизирующего фактора общественного развития[53]. При этом решают задачу не только зафиксировать социально-экономическую и политико-правовую ситуацию в обществе, но закрепить возможность для его непротиворечивого развития. Создание нравственных начал конституционного регулирования дает благоприятную возможность и для укрепления нравственности в самом обществе.

Высокая нравственность предполагает любовь к людям независимо от их национальной и религиозной принадлежности, что заставляет строить законодательство на принципе справедливости[54]. Этому способствует либо искренняя религиозность того или иного общества, либо принятие обществом уходящей корнями в религиозную традицию духовно-нравственной системы социальных координат.

Духовно-нравственные ценности изначально выступают как социальная реальность. История многократно подтвердила, что человеческая культура всегда развивалась под воздействием высоких духовных ценностей и идеалов. Они лежат и ныне в основе становления и развития ценностей правовых и политических. Отсюда необходимость в эпоху всеобщего цивилизационного кризиса, переживаемого человечеством, вернуться к духовно-нравственным основаниям жизни и приступить к конституционному закреплению механизмов нравственного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Роль Конституции Республики Казахстан в формировании и развитии современного конституционализма // Казахстанский тренд: от тоталитаризма к демократическому и правовому государству (взгляд со стороны): сб. ст. / отв. ред. И.И. Рогов. Астана, 2015. С. 129.
2. *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси.* Церковь и современный мир на пороге нового тысячелетия: сб. докладов IX Междунар. Рождественских образовательных чтений. М., 2001. С. 5.
3. *Бабурин С.Н.* Интеграционный конституционализм. М., 2020. С. 45, 62–89, 128, 129.
4. *Бабурин С.Н.* Конституционный акт Союзного государства: несостоятельность официального проекта и необходимость альтернативы // Государство и право. 2019. № 10. С. 7–25.
5. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 14, 276, 279.
6. *Бабурин С.Н.* О социальных ценностях: влияние римского права на российский конституционализм // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2020. Т. 17. № 1. С. 5–14.

[50] См.: *Чешев В.В.* Действительно ли основание всему начала нравственные? // Идеи и Идеалы. 2017. Т. 1. № 2. С. 75.

[51] См.: *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. С. 276, 279.

[52] *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси.* Церковь и современный мир на пороге нового тысячелетия: сб. докладов IX Междунар. Рождественских образовательных чтений. М., 2001. С. 5.

[53] См.: *Лазарев В.В.* Конституция как стабилизирующий фактор развития общества // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 2. С. 316.

[54] См.: *Рагимов И.М.* О нравственности наказания. СПб., 2016. С. 60.

7. *Бабурин С.Н.* Правовые и духовно-нравственные основы цифрового будущего человечества в эпоху нарастающей экологической катастрофы // Вестник Московского ун-та им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки. 2019. № 4. С. 6–12.

8. *Безбородов Ю.С.* Интеграционные и метаинтеграционные процессы в американском регионе: особенности реализации // Российское право. Образование. Практика. Право. 2019. № 1. С. 58, 62.

9. *Безбородов Ю.С.* Международно-правовые методы и формы правовой конвергенции. М., 2018. С. 78.

10. *Валлерстайн И.* Капитализм: противник рынка? // Логос. 2006. № 5. С. 13.

11. *Варламова Н.В.* Трансформация предмета конституционного права в условиях глобализации // Конституция России и отраслевое законодательство: материалы науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации / отв. ред. М.М. Славин, Е.В. Понизова. М., 2014. С. 82.

12. *Вохмянин Д.В.* Универсализация в конституционном праве: авторская программа. Пермь, 2014. С. 38.

13. *Голик Ю.В.* Нравственность наказания как проблема общества // Преступность и наказание. Философия наказания. О нравственности наказания: материалы конф. в формате «круглого стола», посвященного презентации книг д-ра юрид. наук, проф. И.М.-о. Рагимова. Елец, 2016. С. 18.

14. *Грачев В.А.* Глобальные экологические проблемы в современной геополитической обстановке // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации / под общ. ред. М.Ч. Залиханова, С.А. Степанова; ред. и сост. Г.Р. Исакова. М., 2019. С. 35–48.

15. *Гундаров И.А.* Демократическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М., 2001.

16. *Залиханов М.Ч., Ивашов Л.Г., Степанов С.А.* Россия в системе государств XXI века (вместо введения) // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации / под общ. ред. М.Ч. Залиханова, С.А. Степанова; ред. и сост. Г.Р. Исакова. М., 2019. С. 7–14.

17. Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н.В. Варламовой, Т.А. Васильевой. М., 2017.

18. *Исаев И.А.* «Очеловеченная» власть машин // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы X Междунар. науч. конф. / под ред. С.Н. Бабурина и А.М. Осавелюка. М., 2019. С. 24–31.

19. *Катасонов В.Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». Кн. 1. Исторические и духовные корни «денежной цивилизации» // Катасонов В.Ю. Собр. соч.: в 15 т. / науч. ред. О.А. Платонов. М., 2019. Т. 3.

20. *Керимов А.Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2018. С. 163.

21. *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М., 2016. С. 26, 261.

22. *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 211.

23. *Козлихин И.Ю.* Избр. труды. СПб., 2012. С. 14.

24. *Комарова В.В.* Социальное благополучие человека: конституционная ценность // Социальное благополучие человека: правовые параметры: сб. ст. / отв. ред. В.В. Комарова. М., 2019. С. 32–49.

25. *Кроткова Н.В.* Ценность человека в евразийской модели конституционализма: от идей к реальности (К 25-летию Конституции Республики Казахстан) // Государство и право. 2020. № 11. С. 162–173. DOI: 10.31857/S102694520012584-3.

26. *Кьеза Джульетто.* Мир на пороге войны. Размышления европейца. М., 2015. С. 106–112.

27. *Лазарев В.В.* Интегративное восприятие права // Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. М., 2020. С. 98, 102, 106, 107.

28. *Лазарев В.В.* Конституционные ограничения конституционных ценностей // Лазарев В.В. Избранное последнего десятилетия. М., 2020. С. 189, 190.

29. *Лазарев В.В.* Конституция как стабилизирующий фактор развития общества // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 2. С. 316.

30. *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. 2-е изд., пересмотр. М., 2019.

31. *Мамитова Н.В.* Становление конституционализма в России: проблемы и решения // 25 лет Конституции России: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: материалы Всеросс. конф. с междунар. участием, Москва, 10–11 декабря 2018 г. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, отв. ред. А.Б. Дидикин, Ю.Л. Шульженко. М., 2019. С. 47–51.

32. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М., 1998. С. 153–158.

33. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М., 2002. С. 6–11, 362–408.

34. *Плигин В.Н.* Легитимность государства и права: теоретико-правовое исследование. М., 2021. С. 101.

35. *Рагимов И.М.* О нравственности наказания. СПб., 2016. С. 60.

36. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.

37. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1966. Т. 8. С. 407, 408.

38. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. М., 2003. С. 41.

39. *Хабриева Т.Я.* Конституционализация законодательства Республики Казахстан // Казахстанский тренд: от тоталитаризма к демократическому и правовому государству: сб. ст. / отв. ред. И.И. Рогов. Астана, 2015. С. 41.

40. *Хабриева Т.Я.* Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал росс. права. 2008. № 12. С. 22.

41. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. М., 2020. С. 14, 15, 52, 88–133.

42. *Чешев В.В.* Действительно ли основание всему начала нравственные? // Идеи и Идеалы. 2017. Т. 1. № 2. С. 75.

43. *Чиркин В.Е.* Наднациональное право и государственный суверенитет (некоторые проблемы теории). М., 2015. С. 13, 14, 29, 30.

44. *Шульженко Ю.Л.* Советский конституционализм (периодизация) // 25 лет Конституции России: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: материалы Всеросс. конф. с междунар. участием, Москва, 10–11 декабря 2018 г. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, отв. ред. А.Б. Дидикин, Ю.Л. Шульженко. М., 2019. С. 52.

45. *Шульженко Ю.Л., Виноградова Е.В., Кроткова Н.В., Данилевская И.Л.* Четверть века Конституции России: осмысление опыта (К итогам Всероссийской научной конференции «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества») // Государство и право. 2019. № 3. С. 17–26. DOI: 10.31857/S013207690004421-5.

46. *Эбзеев Б.С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* The role of the Constitution of the Republic of Kazakhstan in the formation and development of modern constitutionalism // Kazakhstan trend: from totalitarianism to a democratic and legal state (a view from the outside): collection of articles / ed. by I.I. Rogov. Astana, 2015. P. 129 (in Russ.).

2. *Alexy II, Patriarch of Moscow and All Russia*. The Church and the modern world on the threshold of the new Millennium: collection of reports of the IX International Christmas educational readings. M., 2001. P. 5 (in Russ.).

3. *Baburin S.N.* Integration constitutionalism. M., 2020. P. 45, 62–89, 128, 129 (in Russ.).

4. *Baburin S.N.* Constitutional act of the Union State: the failure of the official project and the need for an alternative // State and Law. 2019. No. 10. P. 7–25 (in Russ.).

5. *Baburin S.N.* The moral state. Russian view on the values of constitutionalism. M., 2020. P. 14, 276, 279 (in Russ.).

6. *Baburin S.N.* On social values: the influence of Roman law on Russian constitutionalism // Herald of the Omsk Univ. Ser. "Law". 2020. Vol. 17. No. 1. P. 5–14 (in Russ.).

7. *Baburin S.N.* Legal and spiritual and moral foundations of the digital future of humanity in the era of increasing ecological catastrophe // Herald of Witte Moscow Un-t. Ser. 2. Legal sciences. 2019. No. 4. P. 6–12 (in Russ.).

8. *Bezborodov Yu. S.* Integration and meta-integration processes in the American region: implementation features // Russian law. Education. Practice. Right. 2019. No. 1. P. 58, 62 (in Russ.).

9. *Bezborodov Yu. S.* International legal methods and forms of legal convergence. M., 2018. P. 78 (in Russ.).

10. *Wallerstein I.* Capitalism: the opponent of the market? // Logos. 2006. No. 5. P. 13 (in Russ.).

11. *Varlamova N.V.* The transformation of the subject of Constitutional Law in the context of globalization // the Russian Constitution and legislation: materials scientific and practical Conf. dedicated to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation / ed. by M.M. Slavin, E.V. Ponizova. M., 2014. P. 82 (in Russ.).

12. *Vokhmyanin D.V.* Universalization in Constitutional Law: the author's program. Perm, 2014. P. 38 (in Russ.).

13. *Golik Yu. V.* The morality of punishment as a problem of society // Crime and punishment. The philosophy of punishment. On the morality of punishment: materials of the conference in the format of the "Round Table" dedicated to the presentation of books by Doctor of Law, Professor I.M.-o. Ragimov. Yelets, 2016. P. 18 (in Russ.).

14. *Grachev V.A.* Global ecological problems in the modern geopolitical situation // Russia in the XXI century: global challenges, risks and solutions. Analysis. Expertise. Recommendations / under the general editorship of M. Ch. Zalikhanov, S.A. Stepanov; ed. and comp. G.R. Isakova. M., 2019. P. 35–48 (in Russ.).

15. *Gundarov I.A.* Democratic catastrophe in Russia: causes, mechanism, ways of overcoming. M., 2001 (in Russ.).

16. *Zalikhanov M. Ch., Ivashov L.G., Stepanov S.A.* Russia in the system of states of the XXI century (instead of introduction) // Russia in the XXI century: global challenges, risks and solutions. Analysis. Expertise. Recommendations / under the general editorship of M. Ch. Zalikhanov, S.A. Stepanov; ed. and comp. G.R. Isakova. M., 2019. P. 7–14 (in Russ.).

17. Internationalization of Constitutional Law: modern trends / ed. by N.V. Varlamova, T.A. Vasilyeva. M., 2017 (in Russ.).

18. *Isaev I.A.* "Humanized" power of machines // State, Church, law: constitutional-legal and theological problems: materials of the X International Scientific Conference / ed. by S.N. Baburin and A.M. Osavelyuk. M., 2019. P. 24–31 (in Russ.).

19. *Katasonov V. Yu.* Kapitalizm. The history and ideology of "civilization". Book 1. The historical and spiritual roots of "civilization" // Katasonov V. Yu. Collected works: in 15 vols / scientific ed. O.A. Platonov. M., 2019. Vol. 3 (in Russ.).

20. *Kerimov A.D.* The state organization of social life: the theory. M., 2018. P. 163 (in Russ.).

21. *Kirill, Patriarch of Moscow and All Russia.* Freedom and responsibility: in search of harmony. Human rights and the dignity of the individual. M., 2016. P. 26, 261 (in Russ.).

22. *Kistyakovsky B.A.* Philosophy and Sociology of Law. SPb., 1998. P. 211 (in Russ.).

23. *Kozlikhin I. Yu.* Selected works. SPb., 2012. P. 14 (in Russ.).

24. *Komarova V.V.* Social welfare of a person: constitutional value // Social welfare of a person: legal parameters: collection of articles / ed. by V.V. Komarova. M., 2019. P. 32–49 (in Russ.).

25. *Krotkova N.V.* The value of a person in the Eurasian model of constitutionalism: from ideas to reality (To the 25th anniversary of the Constitution of the Republic of Kazakhstan) // State and Law. 2020. No. 11. P. 162–173. DOI: 10.31857/S102694520012584-3 (in Russ.).

26. *Chiesa Giulietto.* The world is on the verge of war. Reflections of a European. M., 2015. P. 106–112 (in Russ.).

27. *Lazarev V.V.* Integrative perception of law // Lazarev Vladimir favorites of the last decade. M., 2020. P. 98, 102, 106, 107 (in Russ.).

28. *Lazarev V.V.* Constitutional limits on constitutional valu es // Lazarev V.V. Favorites of the last decade. M., 2020. P. 189, 190 (in Russ.).

29. *Lazarev V.V.* The Constitution as a stabilizing factor in the development of society // Actual problems of economics and law. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 316 (in Russ.).

30. *Maltsev G.V.* Moral foundations of law. 2nd ed., rev. M., 2019. (in Russ.).

31. *Mamitova N.V.* Formation of constitutionalism in Russia: problems and solutions // 25 years of the Constitution of Russia: transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: materials of the All-Russian Conference with international relations. Moscow, December 10–11, 2018 / under the general editorship of A.N. Savenkov, ed. by A.B. Didikin, Yu. L. Shulzhenko. M., 2019. P. 47–51 (in Russ.).

32. *Moiseev N.N.* The fate of civilization. The path of reason. M., 1998. P. 153–158 (in Russ.).

33. *Panarin A.S.* Temptation of globalism. M., 2002. P. 6–11, 362–408 (in Russ.).

34. *Pligin V.N.* The legitimacy of the state and law: theoretical and legal research. M., 2021. P. 101 (in Russ.).

35. *Ragimov I.M.* On the morality of punishment. SPb., 2016. P. 60 (in Russ.).

36. *Savenkov A.N.* State and law in the period of the crisis of modern civilization. M., 2020 (in Russ.).

37. *Solov'ev V.S.* Good Excuse. Moral philosophy // Solov'ev V.S. Coll. works. 2nd ed. SPb., 1966. Vol. 8. P. 407, 408 (in Russ.).

38. *Stiglitz J.* Globalization: disturbing trends / transl. from English. M., 2003. P. 41 (in Russ.).

39. *Khabrieva T. Ya.* Constitutionalization of the legislation of the Republic of Kazakhstan // Kazakhstan trend: from totalitarianism to a democratic and legal state: collection of articles / ed. by I.I. Rogov. Astana, 2015. P. 41 (in Russ.).

40. *Khabrieva T. Ya.* Theory of the modern basic law and the Russian Constitution // Journal of Russian law. 2008. No. 12. P. 22 (in Russ.).

41. *Khabrieva T. Ya., Chernogor N.N.* The future of law. The legacy of academician V.S. Stepin and legal science. M., 2020. P. 14, 15, 52, 88–133 (in Russ.).

42. *Cheshev V.V.* Is there really a moral foundation for everything? // Ideas and Ideals. 2017. Vol. 1. No. 2. P. 75 (in Russ.).

43. *Chirkin V.E.* Supranational law and state sovereignty (some problems of the theory). M., 2015. P. 13, 14, 29, 30 (in Russ.).

44. *Shulzhenko Yu. L.* Soviet constitutionalism (periodization) // 25 years of the Constitution of Russia: the transformation of the paradigm of law in civilization human development: proceedings of the Conf. with International participation. Moscow, December 10–11, 2018 / under the general editorship of A.N. Savenkov, ed. by A.B. Didikin, Yu. L. Shulzhenko. M., 2019. P. 52 (in Russ.).

45. *Shulzhenko Yu. L., Vinogradova E.V., Krotkova N.V., Danilevskaya I.L.* A quarter of a century of the Constitution of Russia: comprehension of experience (To the results of the All-Russian Scientific conference "XXV years of the Constitution of the Russian Federation: transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind") // State and Law. 2019. No. 3. P. 17–26. DOI: 10.31857/S013207690004421-5 (in Russ.).

46. *Ebzeev B.S.* Actualization of the Constitution of Russia: collective image of the amendments of President V.V. Putin and new meanings of the Basic Law // State and Law. 2020. No. 4. P. 7–24 (in Russ.).

Сведения об авторе

БАБУРИН Сергей Николаевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; профессор Московского университета им. С.Ю. Витте; 115432 г. Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1; профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; 644077 г. Омск, пр-т Мира, д. 55а; профессор Донецкого национального университета им.; 283001 г. Донецк, ДНР, ул. Университетская, д. 24
SPIN-код 1212-8135

Authors' information

BABURIN Sergey N. –
Doctor of Law, Professor, the honored worker of science of the Russian Federation, the chief researcher, Scientific Director of the Center for integration and civilization studies of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Professor of Witte Moscow University; 12, building 1, 2nd Kozhukhovsky proezd, 115432 Moscow, Russia; Professor of Omsk Dostoyevsky Omsk state University; 55a Mira ave., 644077 Omsk, Russia; Professor of Donetsk National University; 24 Universitetskaya str., 283001 Donetsk, DPR

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 87–98
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 87–98

КОРОНАВИРУС КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИОННОГО КРИЗИСА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2021 г. К Е. Сигалов[1, 2, *], П. Б. Салин[3, **], А. С. Чувальникова[1, *]**

[1]Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя
[2]Российский университет дружбы народов, г. Москва
[3]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

**E-mail: Sigalovconst@mail.ru*
***E-mail: salpavbor@mail.ru*
****E-mail: assolas88@gmail.com*

Поступила в редакцию 19.04.2021 г.

***Аннотация*. Введение.** В настоящей статье представлено междисциплинарное исследование достаточно сложного комплекса правовых аспектов и международно-правовых последствий трансформации политической и других подсистем современного общества в условиях пандемии коронавируса. Особо отмечается, что речь идет не столько о влиянии самой пандемии как медицинского явления, сколько о факторе коронавируса, который подразделяется на информационный (освещение проблемы властями) и административный (непосредственно нормативно-правовой с сопутствующими правоприменительными практиками). Авторы подходят к исследованию проблемы комплексно, в широком контексте, анализируя и саму природу кризиса, спровоцированного фактором коронавируса, и его социально-политические последствия, которые, в свою очередь, уже находят отражение в правовой реальности. При этом, по мнению авторов, сами тенденции, проявившиеся во время пандемии, не спровоцированы ей, они наметились давно, а сейчас лишь вышли в открытую фазу.

Материалы и методы. В основу исследования был положен междисциплинарный подход, позволивший установить экономическую природу глубинных детерминант наблюдаемых в настоящее время изменений в праве, политической сфере и других подсистемах современного общества. В свою очередь, анализ структуралистской экономической парадигмы позволил определить происходящие в обществе процессы как трансформационный кризис. Широко применявшиеся в исследовании методы аналогии и сравнения позволили обнаружить общие черты нынешнего кризиса с трансформацией 1914–1945 гг. и его отличия от экономического кризиса 2008 г. Анализ особенностей национальных юрисдикций в вопросах правового регулирования отношений в условиях пандемии коронавируса сопровождался сравнительно-правовым, а также политологическим анализом.

Результаты исследования. Проведенное исследование позволило усмотреть в факторе коронавируса лишь внешнюю оболочку наблюдаемого кризиса, затрагивающего в первую очередь экономическую и политико-правовую подсистемы современного общества. С позиции установленных в исследовании глубинных причин и давно наметившихся тенденций общественного развития, происходившие в период пандемии изменения в сфере государственного управления получили оценку в качестве открытой фазы трансформационного кризиса, затрагивающего не только экономику, но и политико-правовую, а также информационную сферу современного общества. В политико-правовой сфере фактор коронавируса спровоцировал ускоренную трансформацию правовых рамок, в которых функционировало большинство национальных государств, начиная со второй половины XX в.

Обсуждение и выводы. Авторы выдвигают и анализируют несколько гипотез. Согласно первой, широко распространенные выводы о том, что спровоцированный пандемией кризис и закрытие государственных границ означает конец глобализации, слишком упрощен и поэтому неверен. Анализ этой гипотезы позволил прийти к выводу о том, что в реальности под воздействием фактора коронавируса процессы глобализации лишь ускорились, но «физическая» глобализация начала заменяться цифровой. Это, в свою очередь, делает актуальным вопрос об изменении инструментария международно-правового регулирования, который ныне преимущественно «заточен» под офлайн-процессы.

В соответствии со второй гипотезой пандемия спровоцировала (но не стала причиной, а лишь поводом) серьезное смещение правовых рамок, в которых существовало общество большинства национальных государств во второй половине XX – начале XXI в. Установленное в исследовании заметное изменение соотношения между правами и обязанностями членов общества (в особенности представителей исчезающего, по мнению авторов статьи, среднего класса как основного носителя правовой культуры),

а также изменение соотношения между правами и коррелирующими им возможностями подтвердило выдвинутое предположение. При этом следует отметить, что такая трансформация прав и обязанностей во многом затронула как раз международные аспекты правового статуса человека и гражданина. В частности, право и коррелирующую ему возможность свободного перемещения через границы при отсутствии объективных исключительных ограничений (нахождение в международном розыске и т.п.). Исходя из третьей гипотезы, пандемия придала новый импульс цифровизации (в первую очередь форсированному внедрению способов цифрового контроля над обществом). Проверка этого предположения привела к выводу о том, что в действительности успешно эту практику пока удалось реализовать лишь в КНР, в остальных государствах (даже восточных) пока наблюдается больше издержек, чем результатов. Согласно еще одной гипотезе, международное нормативно-правовое регулирование, направленное на борьбу с пандемией, в целом не отличается эффективностью. Это обусловлено не столько его несовершенством, сколько двумя причинами. Во-первых, национальные государства, в т.ч. и относящиеся к континентально-европейской традиции (например, Россия), на уровне законодательства по борьбе с пандемией попросту игнорировали задаваемую международными документами систему координат. Во-вторых, эти государства копировали опыт стран Азиатско-Тихоокеанского региона (прежде всего Китая, и в первую очередь в области цифровизации), поскольку именно эти страны по факту продемонстрировали наибольшую эффективность в борьбе с эпидемией.

Ключевые слова: пандемия, фактор коронавируса, правовые рамки, тенденции развития, глобализация, цифровизация, трансформационный кризис, международно-правовые последствия.

Цитирование: *Сигалов К.Е., Салин П.Б., Чувальникова А.С.* Коронавирус как фактор трансформационного кризиса: правовой аспект и международно-правовые последствия // Государство и право. 2021. № 6. С. 87–98.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненным за счёт бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

DOI: 10.31857/S102694520015060-7

CORONAVIRUS AS A FACTOR OF THE TRANSFORMATIONAL CRISIS: LEGAL ASPECT AND INTERNATIONAL LEGAL CONSEQUENCES

© 2021 г. K. E. Sigalov[1, 2, *], P. B. Salin[3, **], A. S. Chuvalnikova[1, *]**

[1]Kikot' Moscow University of the Ministry of Interior of the Russian Federation
[2]Russian Peoples' Friendship University, Moscow
[3]Financial University the Government of the Russian Federation, Moscow

**E-mail: Sigalovconst@mail.ru*
***E-mail: salpavbor@mail.ru*
****E-mail: assolas88@gmail.com*

Received 19.04.2021

Abstract. **Introduction.** This article presents an interdisciplinary study of a rather complex set of legal aspects and international legal consequences of the transformation of the political and other subsystems of modern society in the context of the coronavirus pandemic. It is especially noted that this is not so much about the impact of the pandemic itself as a medical phenomenon, but rather a factor of coronavirus, which is divided into informational (coverage of the problem by the authorities) and administrative (directly regulatory and legal with accompanying law enforcement practices). The authors approach the study of the problem in a comprehensive manner, in a broad context, analyzing the very nature of the crisis provoked by the coronavirus factor, and its socio-political consequences, which, in turn, are reflected in legal reality. At the same time, according to the authors, the tendencies themselves that manifested themselves during the pandemic were not provoked by it, they were outlined a long time ago, and now they have only entered an open phase.
Materials and methods. The study was based on an interdisciplinary approach that allowed us to establish the economic nature of the underlying determinants of the currently observed changes in the law, the political sphere and other subsystems of modern society. Using the structuralist economic paradigm to define the ongoing processes as a transformational crisis. The study also makes extensive use of analogy and comparison methods to see the common

features of the current transformation crisis of 1914–1945 and its differences from the 2008 economic crisis. The analysis of national jurisdictions in matters of legal regulation of relations in the context of the coronavirus pandemic was accompanied by comparative legal and political analysis.
Research results. The study made it possible to see in the coronavirus factor only the outer shell of the observed crisis, which affects, first of all, the economic, political and legal subsystems of modern society. From the standpoint of the underlying causes and long-standing trends of social development identified in the study, changes in public administration that took place during the pandemic were assessed as an open phase of a transformational crisis affecting not only the economy, but also the political, legal, and informational sphere of modern society. In the political and legal sphere, the coronavirus factor provoked an accelerated transformation of the legal framework in which most nation states functioned since the second half of the 20th century.
Discussion and conclusions. The authors put forward and analyze several hypotheses. According to the first, the currently widespread conclusions that the crisis provoked by the pandemic and the closure of state borders means the end of globalization is oversimplified and therefore incorrect. The analysis of this hypothesis led to the conclusion that in reality, under the influence of the coronavirus factor, the processes of globalization only accelerated, but «physical» globalization began to be replaced by digital. This, in turn, makes it relevant to change the tools of international legal regulation, which is currently mostly "sharpened" for offline processes.
In accordance with the second hypothesis, the pandemic provoked (but did not become a cause, but only an excuse) a serious shift in the legal framework in which the society of most nation states existed in the second half of the 20th – early 21st centuries. The noticeable change in the relationship between the rights and obligations of members of society (in particular, representatives of the disappearing, according to the authors of the article, middle class as the main carrier of legal culture), as well as the change in the relationship between rights and their correlating capabilities, established in the study, confirmed this assumption.
Based on the third hypothesis, the pandemic has given a new impetus to digitalization (first of all, the accelerated introduction of methods of digital control over society). Verification of this assumption led to the conclusion that in reality only the Chinese authorities have successfully implemented this practice, while in other countries (even the eastern ones) there are still more costs than results.
According to another hypothesis, international legal regulation aimed at combating the pandemic is generally not very effective. This is due not so much to its imperfection, but to the following two reasons. First, national states, including those belonging to the continental European tradition (for example, Russia), at the level of legislation to combat the pandemic, simply ignored the coordinate system set by international documents. Secondly, these states copied the experience of the countries of the Asia-Pacific region (first of all China, and primarily in the field of digitalization), since these countries actually demonstrated the greatest effectiveness in combating the epidemic.

Key words: pandemic, coronavirus factor, legal framework, development trends, globalization, digitalization, transformational crisis, international legal consequences.

For citation: *Sigalov, K.E., Salin, P.B., Chuvalnikova, A.S. (2021).* Coronavirus as a factor of the transformational crisis: legal aspect and international legal consequences // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 87–98.

The article is based on the results of research, carried out at the expense of budget funds on the State task of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Введение. В последнее время широко распространенным стал тезис «после коронавируса будет совсем не так, как прежде». Он звучит в различных вариациях и обстоятельствах, на различных площадках постоянно и непрерывно[1]. Такая во многом эмоциональная точка зрения казалась близкой к истине в первые месяцы пандемии весной текущего года, когда контраст между происходящим и эпохой «до эпидемии» бросался в глаза, а контуры «мира после» в сознании формировались не столько благодаря действиям властей, сколько ожиданиям от начинавшихся процессов. Авторы подобных утверждений оказались подвержены психологическому явлению, известному как когнитивное искажение. Одно из наиболее распространенных искажений подобного рода заключается в том, что текущая ситуация без логических оснований проецируется в будущее на неопределенный срок. Этот часто встречающийся штамп в человеческой психологии в последние десятилетия стал одним из наиболее распространенных когнитивных искажений в политологии и воплотился в концепции «конца истории», получившей широкий резонанс[2].

[1] См.: *Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О. и др.* Пандемия COVID-19: конец привычного мира? // Вестник МГОУ (электронный журнал). 2020. № 2; *Волков Ю.Г., Курбатов В.И.* Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 17–31; *Шавырин Н.В.* Коронавирус и мировая экономика – на пороге глобальной катастрофы // Вестник научных конференций. 2020. № 2–2. С. 120–123; *Harari Y.N.* The world after coronavirus // Financial Times. URL: https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75 (accessed: 28.07.2020).

[2] См.: *Хоружий С.С., Фишман Л.Г., Комлева Н.А. и др.* Постчеловек и постчеловечество: будущее цивилизации или её конец? («круглый стол») // Вестник МГОУ (электронный журнал). 2016. № 3.

Сейчас можно уже немного дистанцироваться от происходившего в первую волну и подвести итоги, опираясь на уже имеющиеся факты и наблюдения, а не на эмоции от кардинальной смены привычного образа жизни и сформировавшиеся под воздействием пережитого шока ожидания. При этом особый акцент в настоящем исследовании сделан на влияние фактора коронавируса на процессы цифровизации на примере разных национальных юрисдикций, а также на смещение казавшихся ранее незыблемыми рамок правового регулирования, в т.ч. и в международном аспекте.

В данной статье для понимания логики изменений, затронувших правовую сферу в условиях пандемии коронавируса, сначала проанализированы фундаментальные причины, которые выступили детерминантами трансформации правового регулирования, а во второй части рассмотрены непосредственно сами изменения правовой сферы. Это необходимо для того, чтобы понять логические закономерности трансформации нормативно-правовой базы и правовой практики в этих сложных условиях.

Коронавирус или фактор коронавируса? Прежде всего следует остановиться на двух методологических оговорках, которые позволят четко структурировать и классифицировать происходящие изменения, а также сопоставить их и попытаться выявить взаимосвязь. Во-первых, в качестве движущей силы происходящих изменений выступает не сам коронавирус (или пандемия коронавируса) как медицинское явление глобального масштаба, а **фактор коронавируса** (реакция официальных властей и других субъектов на медицинское явление), который, в свою очередь, можно подразделить на две взаимосвязанные составляющие – информационную и административно-управленческую. Первая составляющая фактора коронавируса заключается в информационно-медийном освещении пандемии, ее позиционировании, а вторая – в действиях официальных властей (национального и регионального масштаба) и иных субъектов (как правило, наднационального и национального масштабов). При этом в содержание административно-управленческой составляющей фактора коронавируса в первую очередь вошли действия, выраженные в нормативно-правовом регулировании, сопровождаемом (что не менее важно) сопутствующими правоприменительными практиками.

Первая (информационная) составляющая фактора коронавируса неразрывно связана со второй (административно-управленческой), поскольку призвана легитимировать (обосновать перед гражданами, представляющими целевые группы) необходимость смещения правовых рамок вообще (кардинального изменения их прав и обязанностей) и нормативно-правового регулирования в конкретных сферах, в частности. Иными словами, упор в информационном освещении на опасность и летальность коронавируса служит, как правило, обоснованием уменьшения объема прав граждан и увеличения обязанностей, а в тех странах, которые не спешат менять фундаментальные правовые рамки (США, Швеция), опасность коронавируса при информационном освещении эпидемии микшируется.

Данное методологическое уточнение важно, поскольку если как медицинское явление пандемия действительно носит универсальный характер в силу универсальной физиологической природы человека (предположения о генной и прочей «специфике», которая обусловливает разное течение эпидемии в различных странах и регионах, пока носят характер ничем не доказанных гипотез), то информационные и административные (нормативно-правовые) шаги официальных властей и других субъектов действительно являются специфическими, что и приводит к национальным и прочим различиям в проявлениях пандемии в разных государствах. Например, информационное освещение в средствах массовой информации вместе с национальными «особенностями» статистики (учет случаев заболевания, публикация о них и т.п.) обусловливает разное восприятие хода пандемии как внешними по отношению к конкретному региону наблюдателями, так и «внутренними» (например, гражданами того или иного государства).

Вторая оговорка, которая больше касается структурирования непосредственно данной статьи, заключается в том, что сначала через призму политико-правового анализа в ней будут рассмотрены основные тенденции, проявившиеся в ходе пандемии, а потом будет предпринята попытка дать ответ на вопрос, какое влияние все эти тенденции оказали на процессы цифровизации.

«Обычный» структурный или трансформационный кризис? Для понимания обоснованности вывода о смещении пределов правовых рамок (форсирование процессов цифровизации является лишь следствием этой более фундаментальной тенденции) необходимо понять масштабность происходящей трансформации политико-правовой и других подсистем общественных отношений. Прежде всего следует отметить общее и особенное в происходящей сейчас трансформации по сравнению с предыдущими кризисами, имевшими экономическую природу, или, как нынешний «коронавирусный кризис», медицинскую оболочку, но доминирующую экономическую составляющую. С одной стороны, кажется, что нынешний кризис мало чем отличается от предыдущих – например, глобального экономического кризиса 2008 г. Тогда падение макроэкономических индексов в конце 2000-х годов

и их стагнация в первой половине 2010-х годов сменилась ростом последних нескольких лет (а в США и вообще рекордным по продолжительности ростом в течение более 10 лет – с 2009 г.). Наметившиеся после ослабления карантинных ограничений изменения и естественное желание большинства наблюдателей рассматривать эти изменения через оптимистичную призму позволяют делать предварительные выводы о том, что после короткого периода падения и, возможно, недолгого периода стагнации вновь последует экономический рост и, следовательно, возвращение к прежним практикам (не только экономическим, но и социально-правовым). Такая точка зрения может получить подтверждение, но ее сторонники попадают в логическую ловушку. Они проводят знак равенства между возвратом к экономическому росту и возвратом к докризисной реальности, хотя скорее всего ситуация будет выглядеть несколько иначе. Экономический рост рано или поздно возобновится, но он будет иметь совсем иные причины (по сравнению с предыдущими этапами), иную структуру, последствия и бенефициаров в широком смысле слова – от социальных слоев до конкретных субъектов внутри национальных государств и на международной арене. Иными словами, этот рост будет происходить в существенно иной институциональной среде, т.е. в другой реальности. С предыдущими этапами его будет объединять лишь увеличение универсальных экономических показателей (например, того же ВВП или потребления на душу населения, хотя и они наверняка изменятся структурно и содержательно, в частности, бóльшую долю в них может занять рост медицинского / цифрового сектора или потребления медицинских / цифровых услуг на душу населения).

Такой сдвиг обусловлен двумя основными причинами. Первая – в отличие от того же кризиса 2008 г., на момент наступления эпидемии коронавируса мир находился в «разобранном» состоянии, т.е. в нем преобладали разнонаправленные тенденции, отсутствовало целеполагание и наблюдалась эрозия лидерства. Сторонники теории сохранения статус-кво воспринимают такую ситуацию как хаос. Соответственно, фактор коронавируса спровоцировал «эффект бабочки», когда одни и те же события и реакция на них привели к принципиально разным последствиям. Например, если бы абсолютно аналогичная ситуация сложилась 30 или даже 20 лет назад, когда глобальный Запад находился на пике своего могущества, а его элиты – под воздействием концепции «конца истории», то она привела бы не к тому, что государства разойдутся по национальным нишам, а скорее к тому, что мир объединился бы под эгидой США в противостоянии этой угрозе, и она сыграла бы для удержания Западом доминирующего положения куда более позитивную роль, чем, например, масштабные военные «антитеррористические» кампании на Ближнем Востоке образца 2000-х годов. Как итог, существовавшие правовые рамки после незначительных флуктуаций восстановилась без существенных изменений.

Второе отличие от предыдущих кризисов начала XXI и второй половины XX в. заключается в том, что абсолютно для всех субъектов мировой политики (как национальных государств, так и других субъектов, например, транснациональных корпораций и социальных слоев – бенефициаров глобализации) нынешний кризис пришел извне (в силу своих медицинских причин). В этом его отличие, например, от финансового кризиса 2008 г., который для слаборазвитых стран носил внешний характер – они не могли повлиять на его предпосылки и течение, а для развитых государств (прежде всего США как основного мирового финансового центра) – внутренний. Соответственно, США (не столько как национальное государство, сколько как основная площадка для глобальных транснациональных субъектов) смогли выступить в качестве пусть и частичного, но все-таки бенефициара кризиса 2008 г. Подтверждением тому может стать хотя бы уже указанный выше беспрецедентный рост американской экономики на протяжении более чем 10 лет непрерывно.

Соответственно, в отличие от кризиса 2008 г. и аналогичных событий второй половины XX в., мы имеем дело не с циклическим (когда система испытывает флуктуации, но после них возвращается в целом на прежние рельсы, т.н. V- и U-образные кризисы), а трансформационным кризисом[3]. Предыдущий трансформационный кризис имел место в первой половине XX в., в широком временно́м диапазоне – примерно с 1914 до 1945 г., а его экономической квинтэссенцией стала Великая депрессия, которая способствовала трансформации экономических, а вслед за ними – и общественных отношений, формированию новых социальных слоев – бенефициаров трансформации, а также аналогичных бенефициаров – международных субъектов (на тот момент в качестве таковых выступали практически исключительно национальные государства). Тогда триггером изменений (но отнюдь не причинами, которые носили более фундаментальный характер) послужили две мировые войны, а сейчас – фактор коронавируса. В данном случае речь идет об уже предпринятых вовлеченными в кризис сторонами действиях и самое главное – о тех действиях, которые они будут

[3] См.: *Бродский Б.Е.* Трансформационные кризисы // Экономический журнал ВШЭ. 1998. № 3. С. 322–341; *Бродский Б.Е., Березняцкий А.Н.* Анализ структурных сдвигов в моделях российской инфляции // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56. № 2. С. 90–100.

предпринимать с учетом фактора коронавируса, в т.ч. и в первую очередь на мировой арене.

Кризис как переход в видимую фазу давно вызревавших тенденций смещения традиционных правовых рамок. Происходящий сейчас трансформационный кризис не отличается от своих предыдущих аналогов. Самое существенное содержание трансформационного кризиса, помимо того, что он приводит к формированию новой системы (внешнее и видимое для наблюдателей выражение приобретает в изменении правовых рамок, в т.ч. и в форсированном развитии юридических норм о цифровизации всех сфер жизни), – то, что он не формирует новые, а переводит в сферу массовых устоявшихся практик уже назревшие сформировавшиеся в «докризисную» эпоху тенденции. Можно выделить несколько таких системообразующих тенденций, которые вызревали и формировались в предыдущие годы и даже десятилетия, но благодаря «фактору коронавируса» вышли из латентной ниши и приобрели или приобретают форму массовых практик и «новой нормальности», формирующих новую правовую реальность.

Прежде всего следует отметить переход в новое качество основной тенденции предыдущих десятилетий. Значительная часть наблюдателей, ориентируясь на первые проявления фактора коронавируса в марте-апреле, поспешила заявить о том, что составляющий содержание этой тенденции процесс завершен или даже повернут вспять, хотя скорее речь идет о его переходе в новое качество (или новые формы, которые пока не слишком заметны привыкшему к прежнему оформлению глазу). Речь идет о пресловутой глобализации, о конце которой поспешили объявить весной 2020 г. Если судить по формальным признакам, то сторонники такой точки зрения правы – реакция на эпидемиологические вызовы носила подчеркнуто национальный характер (доходило до ярко выраженных проявлений национального эгоизма – «пиратства» при покупке партий масок, причем в качестве «флибустьера» выступал некогда основной адепт глобализации – США). Другой внешний признак глобализации – свобода перемещения по миру – также был фактически сведен на нет закрытием государственных границ.

Однако если детально проанализировать имеющийся опыт первых месяцев функционирования государственных систем и обществ в «новой нормальности», то вышеуказанные выводы выглядят поспешными и поверхностными.

Если же проанализировать события последних месяцев, то складывается впечатление, что мир стал не менее, а даже более глобальным, но эта глобальность носит несколько иные по сравнению с докризисными формы (хотя первые признаки таких форм начали проявляться задолго до кризиса, что соответствует вышеизложенной концепции нынешнего кризиса как трансформационного, легитимирующего уже назревшие тенденции), а социальные слои (бенефициары глобализации) не то чтобы поменялись, но существенно уменьшились в численности, тем самым изменив свою природу.

Дело в том, что впервые после Второй мировой войны мир оказался во власти единой информационной повестки – эпидемиологического вызова глобального масштаба, который затронул все без исключения страны. Таким образом, впервые за многие десятилетия в мировой повестке образовался общий «знаменатель» – эпидемиологический вызов, а «числитель» каждое государство предлагает свой. Вернее, большинство из них склоняется к одному из двух вариантов «числителей» (при явно выигрышной позиции одного из них), что вполне подходит под классические «лекала» глобализации.

Кроме того, мир оказался разделен физически, но при этом гораздо более интегрирован с информационной точки зрения – и в этом заключается роль фактора коронавируса как стимула цифровизации. Резкий рост международного общения с помощью цифровых каналов коммуникации (при этом платформ для этого всего несколько и они носят глобальный характер) стал общим моментом, и вряд ли здесь возможен откат назад[4].

Скорее можно говорить о том, что фактор коронавируса (курс национальных государств на уход процессов на рынке труда в «цифру» для того, чтобы избежать краха экономики) способствовал формированию критической массы населения, вовлеченной в цифровые, а значит, реально или потенциально глобальные практики. Значительную роль в этом сыграло и форсированное внедрение профильных юридических норм.

Таким образом, в видимую фазу перешел еще один процесс – превращение транснациональных цифровых гигантов в геополитических игроков, влияющих на развитие нормативно-правовой базы (как международной, так и национальной). В силу возросшей роли этих цифровых гигантов в экономике и общественных процессах, а также государственном администрировании[5] (к примеру, в контроле над населением в карантинных районах), встал вопрос о соотношении их «естественной сферы влияния» со сферой влияния

[4] См.: *Самойленко А.А.* Информационные технологии и их роль в минимизации негативных последствий от распространения коронавирусной инфекции COVID-19 // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 336–341.

[5] Этот процесс также начался как минимум 10 лет назад (если не больше), но фактор коронавируса позволил перейти ему в новое качество.

национального государства, что стало одним из аспектов смещения классических правовых рамок. Следует отметить, что пересечение сфер влияния этих двух субъектов (транснациональных цифровых гигантов и национальных государств) стало заметно давно, но исследователи и аналитики, описывавшие эти процессы, использовали эвфемизм, который скрывал эту интерференцию (наложение). Речь идет о термине «экосистема» применительно к корпорациям-адептам цифровизации, формирование и расширение которой на все большее количество потребителей в качестве цели провозглашает все большее число транснациональных экономических субъектов. Де-факто с точки зрения содержательного наполнения подобная «экосистема» является синонимом юридического термина «суверенитет», но в новой, цифровой реальности. И большой и открытый вопрос (который возник не сегодня, но благодаря фактору коронавируса вышел в публичное пространство) – каким образом национальное государство и корпорации (строители экосистем) будут «делить» граждан / потребителей?

Возникновение географических барьеров сделало явной (но отнюдь не сформировало еще одну, наметившуюся гораздо раньше) тенденцию, которая в литературе до этого получала различные определения, в частности «постдемократии». Ее основным выражением является переход от концепции «золотого миллиарда» (среднего класса), характерной для периода «классической» глобализации, к концепции «платиновых» ста миллионов. Этот процесс был описан исследователями задолго до наступления пандемии коронавируса, его основное содержание с социально-экономической точки зрения – размывание и постепенное исчезновение среднего класса – основного бенефициара уходящей системы, сформировавшейся к середине – второй трети XX в., в результате предыдущего трансформационного кризиса. Именно средний класс во второй половине XX в. являлся (и пока еще является) носителем и адептом традиционных правовых рамок, которые характеризуются устоявшимся соотношением прав и обязанностей, а также ролью государства как сервисного института (исходя из этого теоретического правового постулата, и выстраивается вся нормативно-правовая база большинства современных национальных государств) и недопущением (по крайней мере на доктринальном правовом уровне) разделения общества по сословному признаку.

В контексте закрытия государственных границ как одной из универсальных мер по противодействию распространению пандемии стал очевиден тот факт, что они оказались закрыты для среднего класса, но не для более высоких социальных слоев. Более низкие социальные слои не являлись адептами активного перемещения по миру даже в качестве отпускников-путешественников. В частности, в российских средствах массовой информации все чаще появляются упоминания о том, что, несмотря на закрытые государственные границы, частные джеты активно совершают международные перелеты[6]. Становится также известно о «полуподпольных» чартерных рейсах, замаскированных под грузовые. Они в отличие от рейсов на частных джетах доступны для покупателей билетов из числа обычных граждан, правда, цена этих билетов высока даже для представителей российского среднего класса. При этом речь идет не о контрабандном противозаконном пересечении государственной границы, а о юридически оформленных исключениях для тех, «кому это наиболее необходимо». Вышеописанные признаки и формы «латентного» пересечения границы при наличии официально декларируемых ограничений, вероятно, имеют место в различных вариациях и в других странах, а не только в России. Кроме того, после первой волны наиболее жестких ограничений, в первую очередь, они стали сниматься в отношении лиц, имеющих двойное и множественное гражданство, а такой правовой статус доступен скорее не «золотому миллиарду», а «платиновым» ста миллионам, т.к. сопряжен со значительными стартовыми (второе и последующее гражданство обычно приобретается в результате объемных инвестиций) и последующими «инфраструктурными» расходами (затраты на необходимое периодическое пребывание в течение года на территории государства второго гражданства).

Таким образом, следует отметить, что анализируемая трансформация прав и обязанностей во многом затронула как раз международные аспекты правового статуса человека и гражданина. В частности, право и кореллирующую ему возможность свободного перемещения через государственные границы при отсутствии объективных исключительных ограничений (нахождение в международном розыске и т.п.).

Вышеописанная ситуация – лишь один далеко не основной, но наиболее красноречивый в условиях эпидемиологических ограничений на трансграничное перемещение пример вычленения из «золотого миллиарда» «платиновых» ста миллионов и дальнейшей маргинализации среднего класса, сближения его бывших представителей по поведенческим паттернам с остальными, менее «продвинутыми» слоями населения. При этом с фундаментальной точки зрения бывших представителей уходящего среднего класса будут характеризовать

[6] См.: *Луткова О.* Как выбираются за границу во время эпидемии. URL: https://www.znak.com/2020-06-29/kak_oboyti_zapret_na_turpoezdki_iz_rossii_i_ otdohnut_na_pustynnyh _plyazhah_turcii (дата обращения: 28.07.2020).

(и уже характеризуют) две социально-экономические и психологические особенности, которые также оказались особенно ярко «подсвечены» кризисными факторами весны 2020 г.: 1) у них нет позитивного образа будущего в отличие от среднего класса второй половины XX в.; 2) их считавшиеся ранее неотъемлемыми права (и коррелирующие им возможности) все больше подвергаются эрозии, включая право на получение квалифицированной медицинской помощи, а также право на свободу перемещения по миру. Соответственно, речь идет о фундаментальном смещении (или коренном изменении) традиционных правовых рамок, характерных для любого национального государства второй половины XX – начала XXI в., которое с точки зрения правовой доктрины относит себя к демократическим.

Перечисленные выше тенденции, вышедшие на поверхность, но отнюдь не сформировавшиеся в кризис, являются одними из системообразующих, но далеко не единственными, которые будут определять «мир после коронавируса». К ним, например, еще можно отнести получившую новый импульс глокализацию (ее проявление в медицине – национализация средств производства защиты при глобализации охоты за талантами и идеями в этой сфере), обкатку и легитимацию под благовидным предлогом защиты населения от эпидемии новых форм цифрового контроля над обществом и т.д. Все эти тенденции проявили себя гораздо раньше 2020 г., но фактор коронавируса позволил им перейти из «тестовой» фазы в разряд массовых практик.

Практика «вирусной» цифровизации: первые промежуточные итоги и правовой аспект. Новизна и размытость угрозы в лице пандемии, с которой столкнулись национальные правительства, вынудила их к форсированным действиям, которые во многом были направлены на изменение нормативно-правового регулирования устоявшихся социальных практик, а также форсированную цифровизацию многих процессов.

Следует отметить, что реакция международных структур в виде нормативно-правового регулирования последовала достаточно оперативно. Соответствующие документы были приняты уже в марте-апреле, сразу после официального объявления пандемии. Однако принято считать, что начавшееся как эпидемия распространение коронавирусной инфекции привело к ренессансу национальных государств. Если рассматривать ситуацию с точки зрения правовых аспектов, то это широко распространенное мнение полностью подтверждается. В частности, принятые документы содержат достаточно серьезный методологический и координационный аппарат, однако большинством игроков он не используется или используется весьма условно. В национальных документах, посвященных борьбе с распространением коронавирусной инфекции, эти нормы не только не учитываются, но в них нет даже отсылок к ним.

Например, 14 апреля 2020 г. была одобрена Обновленная стратегия борьбы с COVID-19[7], разработанная Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Помимо аналитики она содержит предложения по глобальной стратегии реагирования на эти вызовы, которые практически не были учтены национальными государствами. То же самое касается и Руководства ВОЗ, ЮНИСЕФ и Международного Красного Креста от 17 марта 2020 г. «По разработке плана действий по информированию о рисках и вовлеченности населения COVID-19: готовность и ответные действия»[8].

При этом широкое пространство для маневра национальным правительствам оставляют формулировки вышеуказанных документов. Например, основными принципами реагирования на эпидемию, согласно Обновленной стратегии борьбы с COVID-19, должны быть скорость, масштаб и равенство, что оставляет широкое пространство для трактовок. Что касается тех документов, которые хотя и носят рекомендательный характер, невозможно игнорировать, то власти национальных государств не допустили юридической привязки правового режима, введенного в стране, с правовым режимом, который пытаются регламентировать данные документы.

В качестве примера можно привести доклад Совета Европы от 7 апреля 2020 г. «Уважение к демократии и правам человека, верховенство закона в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19»[9]. В частности, в нем даются рекомендации по соблюдению верховенства права и демократических принципов в условиях введения чрезвычайной ситуации. Однако если в большинстве европейских государств в качестве меры юридического обеспечения действительно вводился и вводится режим ЧС, то в России власти предпочли не оформлять юридически его введение. При этом предусмотренные весной в ряде субъектов Российской Федерации ограничительные нормы (прежде всего речь идет о г. Москве) – ограничение свободы передвижения, принудительное закрытие ряда предприятий и т.п. – по своему смыслу полностью соответствуют режиму ЧС.

---

[7] См.: URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid19-strategy-update-2020-ru.pdf?sfvrsn=29da3ba0_19 (дата обращения: 28.07.2020).

[8] См.: URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73728308/ (дата обращения: 28.07.2020).

[9] См.: URL: https://rm.coe.int/sg-inf-2020–11-toolkit-for-member-states-during-the-covid-19-sanitary-/16809e3992 (дата обращения: 28.07.2020).

Следует отметить, что причина сложившейся ситуации во многом заключается в том, что по результатам наиболее эффективные меры были предприняты в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), в котором существует своя специфическая правовая культура, отличная от континентально-европейской.

Как справедливо указывают в своей статье С.Ю. Кашкин, С.А. Тищенко, А.В. Алтухов[10], пионером в данной области предсказуемо выступила КНР, первой (согласно официальным данным) столкнувшейся с эпидемией в национальном масштабе. Внедренные и опробованные им цифровые практики[11] во многом были заимствованы и другими субъектами, в т.ч и властями Москвы.

В частности, власти КНР первыми внедрили цифровое приложение, активируемое с помощью QR-кода, которое отслеживало геолокацию и требовало, чтобы пользователь периодически подтверждал свое месторасположение с помощью кода. В классическом виде оно использовалось в Гонконге, а в материковом Китае – в более продвинутом. В частности, оно следило за перемещениями всех пользователей и предупреждало о потенциальных контактах с зараженными. Кроме того, местонахождение абонентов фиксировали сотовые операторы, а социальные сети призывали сообщать о потенциально инфицированных[12]. Система, аналогичная гонконгской, была введена во многих государствах, например, в Польше. Власти этой страны, легитимируя это юридическое нововведение, позиционировали его как альтернативу визитам полиции.

Однако европейский правовой контур не позволил внедрять столь жесткие практики цифрового контроля, как в Азии. В итоге во многих государствах Европы объектом становился не сам гражданин (неприкосновенность его частной жизни), а действия, которые он совершал. Например, власти Чехии предпочли т.н. «умный карантин»: в регионе Южная Моравия мониторинговая система с согласия пользователя отслеживала данные о банковских транзакциях и перемещениях. Департамент здравоохранения на основе этой информации определял вероятность их заражения и принимал решение о необходимости изоляции и тестирования на коронавирус. Данные мониторинга получала и армия. Утверждалось, что информация хранится только на протяжении шести часов, затем автоматически удаляется.

Однако в Европе не смогли обойтись без непосредственного контроля над гражданами, но предпочли это делать опосредованно, а не с помощью массированного внедрения социальных приложений. В частности, на улицах за людьми следили камеры наблюдения с функцией распознавания лиц, а также дроны. Они использовались в Испании и Италии. В последней полиция использовала их для поиска тех, кому был предписан режим изоляции на дому. Великобритания публиковала снятые с дрона подборки нарушителей, Испания и Франция ограничивались предупреждениями с квадрокоптера.

В США слежкой за пользователями занимаются преимущественно частные компании, используя данные, которыми пользователи смартфонов и так делятся с социальными сетями и сервисами. Одна из компаний, например, даже составила карту перемещений по стране людей, отдыхавших во Флориде[13]. Теперь данные частных компаний хотят использовать и власти, пока анонимно.

Однако практика «насильственной цифровизации» не прижилась в западных странах, где присутствует отличная от азиатской правовая культура. При этом речь идет не только о европейских государствах, но и о некоторых азиатских, которые в период модернизации заимствовали западные нормативно-правовые модели, трансформировавшие их традиционную правовую культуру.

В итоге эти технологии цифрового мониторинга с помощью приложений для смартфонов не оправдали ожиданий. Во Франции менее 3% населения загрузило “StopCovid”. В Великобритании дату запуска приложения пришлось перенести, в конечном счете решили использовать другую платформу. В США приложения для отслеживания контактов оказались втянуты в споры в соцсетях о том, является ли вирус выдумкой или нет. А в Австралии, несмотря на 6 млн загрузок, приложение “COVIDSafe” так и не отследило ни одного случая заболевания. В Сингапуре, где одними из первых запустили систему отслеживания контактов “TraceTogether”, власти были вынуждены в дополнение к приложению также раздать брелоки, которые позволяют узнать о перемещениях граждан. Единственным примером успешного использования подобного приложения стал Китай, но там

[10] См.: *Кашкин С.Ю., Тищенко С.А., Алтухов А.В.* Правовое регулирование применения искусственного интеллекта для борьбы с распространением COVID-19: проблемы и перспективы с учетом мирового опыта // Lex russica. 2020. № 7. С. 105–114.

[11] См.: *Kendall-Taylor A., Frantz E., Wright J.* 2020. The Digital Dictators. How Technology Strengthens Autocracy // Foreign Affairs. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020–02–06/digitaldictators?utm_med ium=newsletters&utm_source=weekend_read&utm_ (accessed: 28.07.2020).

[12] См.: *Wang X., Wu X. and Xu X.* 6 lessons from China’s Zhejiang Province and Hangzhou on how countries can prevent and rebound from an epidemic like COVID-19. URL: https://www.weforum.org/agenda/2020/03/coronavirus-covid-19-hangzhou-zhejiang-government-response/ (accessed: 28.07.2020).

[13] См.: Официальный Твиттер компании // https://twitter.com/TectonixGEO/status/1242628347 034767361?s=20 (accessed: 28.07.2020).

власти сделали технологию обязательной и поступились правом на частную жизнь, что было бы невозможно в других странах.

В сложившейся ситуации одна из главных проблем заключается в том, чтобы убедить граждан использовать соответствующую технологию. Приложения будут эффективны, только если их установит значительное количество людей. Учитывая, что установка в большинстве случаев добровольна, это не так-то просто. Опубликованное в апреле 2020 г. исследование Оксфордского университета (построено на симуляции с 1 млн жителей) показало, что для снижения уровня заболеваемости приложение должны загрузить 80% пользователей смартфонов, или 56% всех жителей[14]. Это очень большая доля. Даже в Сингапуре с его лояльным населением, которое с готовностью следует рекомендациям властей, приложение скачали только 35% жителей.

Российская Федерация в целом предпочла официально копировать практики азиатских государств, однако реально в этом направлении что-то было сделано лишь в г. Москве. Остальные субъекты Российской Федерации, судя по косвенным признакам, подошли к решению этой задачи формально. Однако, судя по многочисленным жалобам, цифровые приложения давали сбои, хотя статистика охваченных различными видами цифрового контроля в г. Москве выглядит внушительной. Косвенным индикатором количества охваченных мониторингом граждан является число выписанных штрафов. По данным начальника Главного контрольного управления Москвы Ев. Данчикова, сотрудники полиции в г. Москве выписали около 94 тыс. штрафов за нарушение самоизоляции во время пандемии, всего в приложении «Социальный мониторинг» для отслеживания больных коронавирусом было зарегистрировано около 447 тыс. человек[15].

Однако такие меры вызвали опасения правозащитников. По их мнению, применявшаяся столичными властями практика позволила проводить официальную правовую сегрегацию граждан. Кроме того, в отличие от властей большинства других государств (причем как западных, так и восточных)[16], с правовой точки зрения власти не ввели необходимый для этого режим чрезвычайной ситуации и / или чрезвычайного положения, предпочитая наполнить уже содержавшийся в законодательстве режим повышенной готовности новым юридическим содержанием. Они использовали следующие технологии сбора и проверки сведений о частной жизни граждан:

централизованный сбор информации о гражданах, прибывающих в страну, регион или населенный пункт;

система цифровых или аналоговых пропусков, позволяющих ограничивать виды транспорта и цели передвижения, а также дифференцировать граждан по объему прав;

видеонаблюдение, в т.ч. с функцией распознавания лиц;

отслеживание местонахождения граждан по геолокационным данным, передаваемым мобильными устройствами и следящими приложениями;

расширение возможностей слежки путем делегирования полицейских функций частным субъектам и представителям иных ведомств.

В итоге в будущем при «чрезвычайных» обстоятельствах, которыми отныне может быть объявлено все, что угодно – от новой эпидемии или техногенной катастрофы до массовых акций протеста – накопленный во время карантина опыт и ресурсы позволят быстро развернуть плотное наблюдение и дифференцировать граждан по объему прав и свобод.

Заключение. Основной вывод, как и позиция Российской Федерации перед приобретшим в 2020 г. видимые очертания глобальным вызовом, также раздвоен и представляет собой вариацию на тему единства и борьбы противоположностей. С одной стороны, мир действительно проходит через кардинальную трансформацию и уже не будет таким, как прежде. С другой – эта трансформация возникла не здесь и сейчас (в 2020 г.), ее предпосылки и связанные с ней тенденции появились и дали о себе знать задолго до пандемии, которая лишь ускорила их переход из латентной в открытую фазу, легитимировав новые практики. Поэтому «мир после коронавируса» действительно будет другим, но не таким уж незнакомым для тех, кто заранее выявил наметившиеся процессы трансформации и их закономерности и загодя начал к ним готовиться. Неожиданностью для него может стать не сам новый мир, а скорость перехода к нему и сопряженные с этим издержки, в т.ч. и политико-правовые.

Одно из основных последствий такого перехода – смещение устоявшихся во второй половине XX в. правовых рамок, под которыми в первую очередь понимается соотношение прав

[14] См.: *Ferretti L., Wymant C., Kendall M., etc.* 2020. Quantifying SARS-CoV-2 transmission suggests epidemic control with digital contact tracing // Science. *368*(6491). DOI: 10.1126/science.abb6936. URL: https://science. sciencemag.org/content/368/6491/eabb6936 (accessed: 28.07.2020).

[15] См.: Штрафы в период изоляции. URL: https://echo.msk.ru/programs/ razvorot-morning/2680235-echo/ (дата обращения: 28.07.2020).

[16] См.: *Oseghale O.* 2020. COVID-19 Emergency Laws and Law Enforcement in Nigeria, America and Britain // Journal of Law, Policy and Globalization. Vol. 99. P. 117–126. DOI: 10.7176/JLPG/*99*-13.

и обязанностей, а также прав и коррелирующих им возможностей граждан, и особенно тех из них, кто составляет ядро современного западного общества – среднего класса. Закрытие физических границ между государствами ускорили процессы цифровой глобализации, а необходимость контроля над распространением болезни – «вирусной» цифровизации, которая вводит новые практики контроля над населением. Однако российский и зарубежный опыт демонстрируют, что страны с западной правовой системой (не важно – романо-германской или англосаксонской) и соответствующей правовой культурой пока плохо поддаются практикам принудительной цифровизации. Единственное государство, которое успешно использовало технологии цифрового контроля для борьбы с эпидемией (а также для контроля над распространением информации), – Китайская Народная Республика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О. и др.* Пандемия COVID-19: конец привычного мира? // Вестник МГОУ (электронный журнал). 2020. № 2.
2. *Бродский Б.Е.* Трансформационные кризисы // Экономический журнал ВШЭ. 1998. № 3. С. 322–341.
3. *Бродский Б.Е., Березняцкий А.Н.* Анализ структурных сдвигов в моделях российской инфляции // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56. № 2. С. 90–100.
4. *Волков Ю.Г., Курбатов В.И.* Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 17–31.
5. *Кашкин С.Ю., Тищенко С.А., Алтухов А.В.* Правовое регулирование применения искусственного интеллекта для борьбы с распространением COVID-19: проблемы и перспективы с учетом мирового опыта // Lex russica. 2020. № 7. С. 105–114.
6. *Луткова О.* Как выбираются за границу во время эпидемии. URL: https://www.znak.com/2020-06-29/kak_oboyti_zapret_na_turpoezdki_iz_rossii_i_otdohnut_na_pustynnyh_plyaz hah_turcii (дата обращения: 28.07.2020).
7. *Самойленко А.А.* Информационные технологии и их роль в минимизации негативных последствий от распространения коронавирусной инфекции COVID-19 // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 336–341.
8. *Хоружий С.С., Фишман Л.Г., Комлева Н.А. и др.* Постчеловек и постчеловечество: будущее цивилизации или её конец? («круглый стол») // Вестник МГОУ (электронный журнал). 2016. № 3.
9. *Шавырин Н.В.* Коронавирус и мировая экономика – на пороге глобальной катастрофы // Вестник научных конференций. 2020. № 2–2. С. 120–123.
10. Штрафы в период изоляции. URL: https://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/2680235-echo/ (дата обращения: 28.07.2020).
11. *Ferretti L., Wymant C., Kendall M., etc.* 2020. Quantifying SARS-CoV-2 transmission suggests epidemic control with digital contact tracing // Science. 368(6491). DOI: 10.1126/science.abb6936. URL: https://science.sciencemag.org/content/368/6491/eabb6936 (accessed: 28.07.2020).
12. *Harari Y.N.* The world after coronavirus // Financial Times. URL: https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9–1fe6fedcca75 (accessed: 28.07.2020).
13. *Kendall-Taylor A., Frantz E., Wright J.* 2020. The Digital Dictators. How Technology Strengthens Autocracy // Foreign Affairs. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020–02–06/digitaldictators?utm_medium=newsletters&utm_source=weekend_read-&utm_ (accessed: 28.07.2020).
14. *Oseghale O.* 2020. COVID-19 Emergency Laws and Law Enforcement in Nigeria, America and Britain // Journal of Law, Policy and Globalization. Vol. 99. P. 117–126. DOI: 10.7176/JLPG/*99*-13.
15. *Wang X., Wu X. and Xu X.* 6 lessons from China's Zhejiang Province and Hangzhou on how countries can prevent and rebound from an epidemic like COVID-19. URL: https://www.weforum.org/agenda/2020/03/coronavirus-covid-19-hangzhou-zhejiang-government-response/ (accessed: 28.07.2020).

REFERENCES

1. *Abramov A.V., Bagdasaryan V.E., Byshok S.O., etc.* COVID-19 pandemic: the end of the familiar world? // Herald of the MGOU (electronic journal). 2020. No. 2 (in Russ.).
2. *Brodsky B.E.* Transformational crises // Economic Journal of the Higher School of Economics. 1998. No. 3. P. 322–341 (in Russ.).
3. *Brodsky B.E., Bereznyatsky A.N.* Analysis of structural shifts in models of Russian inflation // Economics and mathematical methods. 2020. Vol. 56. No. 2. P. 90–100 (in Russ.).
4. *Volkov Yu. G., Kurbatov V.I.* Global sociology of the pandemic: domestic and foreign scenarios and trends of the post-coronavirus world. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 17–31 (in Russ.).
5. *Kashkin S. Yu., Tishchenko S.A., Altukhov A.V.* Legal regulation of the use of artificial intelligence to combat the spread of COVID-19: challenges and prospects taking into account the international experience // Lex russica. 2020. No. 7. P. 105–114 (in Russ.).

6. *Lutkova O.* You go abroad during the epidemic. URL: https://www.znak.com/2020-06-29/kak_oboyti_zapret_na_turpoezdki_iz_rossii_i_ otdohnut_na_pustynnyh _plyaz hah_turcii (accessed: 28.07.2020) (in Russ.).
7. *Samoylenko A.A.* Information technologies and their role in minimizing the negative consequences of the spread of coronavirus infection COVID-19 // Post-Soviet studies. 2020. Vol. 3. No. 4. P. 336–341 (in Russ.).
8. *Khoruzhiy S.S., Fishman L.G., Komleva N.A., etc.* Posthuman and posthuman: the future of civilization or its end? ("Round Table") // Herald of the MSRU (electronic journal). 2016. No. 3 (in Russ.).
9. *Shavyrin N.V.* Coronavirus and the world economy – on the threshold of a global catastrophe // Herald of Scientific conferences. 2020. No. 2–2. P. 120–123 (in Russ.).
10. Fines during the isolation period. URL: https://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/2680235-echo/ (accessed: 28.07.2020) (in Russ.).
11. *Ferretti L., Wymant C., Kendall M., etc.* 2020. Quantifying SARS-CoV-2 transmission suggests epidemic control with digital contact tracing // Science. 368(6491). DOI: 10.1126/science.abb6936. URL: https://science.sciencemag.org/content/368/6491/eabb6936 (accessed: 28.07.2020).
12. *Harari Y.N.* The world after coronavirus // Financial Times. URL: https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75 (accessed: 28.07.2020).
13. *Kendall-Taylor A., Frantz E., Wright J.* 2020. The Digital Dictators. How Technology Strengthens Autocracy // Foreign Affairs. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-02-06/digitaldictators?utm_medium=newsletters&utm_source=weekend_read&utm_ (accessed: 28.07.2020).
14. *Oseghale O.* 2020. COVID-19 Emergency Laws and Law Enforcement in Nigeria, America and Britain // Journal of Law, Policy and Globalization. Vol. 99. P. 117–126. DOI: 10.7176/JLPG/*99*-13.
15. *Wang X., Wu X. and Xu X.* 6 lessons from China's Zhejiang Province and Hangzhou on how countries can prevent and rebound from an epidemic like COVID-19. URL: https://www.weforum.org/agenda/2020/03/coronavirus-covid-19-hangzhou-zhejiang-government-response/ (accessed: 28.07.2020).

Сведения об авторах

СИГАЛОВ Константин Елизарович –
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; 117997 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12; профессор кафедры истории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0002-6864-8570

САЛИН Павел Борисович –
кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; 125993 г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49
ORCID: 0000-0003-4039-2443

ЧУВАЛЬНИКОВА Анна Сергеевна –
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; 117997 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
ORCID: 0000-0002-5368-6697

Author's information

SIGALOV Konstantin E. –
Doctor of Law, associate Professor, Professor of the chair of theory of state and law, Kikot' Moscow University of the Ministry of Interior of the Russian Federation; 12 Akademika Volgina str., 117997 Moscow, Russia; Professor of the Department of history of law and state of the law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

SALIN Pavel B. –
PhD in Law, Director of the Center for political science studies, Financial University under the Government of the Russian Federation; 49 Leningradsky ave., 125993 Moscow, Russia

CHUVALNIKOVA Anna S. –
PhD in Law, associate Professor of the chair of theory of state and law, Kikot' Moscow University of the Ministry of Interior of the Russian Federation; 12 Akademika Volgina str., 117997 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 99–113
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 99–113

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

ИДЕЯ БЕЗУСЛОВНОГО БАЗОВОГО ДОХОДА И КОНЦЕПЦИЯ ЦИВИЛИЗМА: РАЗЛИЧИЯ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ

© 2021 г. В. В. Лапаева

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Поступила в редакцию 03.02.2021 г.

Аннотация. Теоретические концепции, обосновывающие идею безусловного базового дохода и близкие к ней идеи социального кредита, отрицательного подоходного налога, социального дивиденда и т.д., выстроены на той или иной трактовке феноменов права, свободы и справедливости в человеческих отношениях. Эти концепции в своей совокупности охватывают широкий спектр философских и политико-правовых идей, включая экономический неолиберализм Л. Милтона и Ф. Хайека с их верой в эффективность «невидимой руки рынка», коммунистические ориентиры Ф. ван Парайса, трактующего базовый доход как первый шаг на «капиталистическом пути к коммунизму», и представления Г. Стендинга о коллективном по своей сути характере общественного богатства, позволяющем рассматривать базовый доход в качестве «инструмента социальной справедливости». Эти крайние в своей мировоззренческой основе точки зрения на проблему базового дохода рассмотрены в статье под углом зрения концепции цивилизма В.С. Нерсесянца, в рамках которой дается философско-правовое обоснование права каждого на получение равной доли доходов от рыночного функционирования бывшей социалистической собственности. Вклад этой концепции в общемировую дискуссию о путях посткапиталистического развития обусловлен тем обстоятельством, что она сформулирована на базе философско-правового осмысления опыта социализма с позиций гегелевской диалектики всемирной истории и в ее основе лежит трактовка цивилизма как нового постсоциалистического общественного строя, являющегося диалектическим синтезом социализма и капитализма.

Ключевые слова: безусловный базовый доход, социальный кредит, отрицательный подоходный налог, социальный дивиденд, концепция цивилизма, философия права, диалектика всемирной истории, капитализм, социализм.

Цитирование: *Лапаева В.В.* Идея безусловного базового дохода и концепция цивилизма: различия в философско-правовых основаниях // Государство и право. 2021. № 6. С. 99–113.

DOI: 10.31857/S102694520015042-7

THE IDEA OF AN UNCONDITIONAL BASIC INCOME AND THE CONCEPT OF CIVILIZM: DIFFERENCES IN PHILOSOPHICAL AND LEGAL GROUNDS

© 2021 V. V. Lapaeva

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Received 03.02.2021

Abstract. Theoretical concepts that substantiate the idea of an unconditional basic income and similar ideas of social credit, negative income tax, social dividend, etc., are built on one or another interpretation of the phenomena of law, freedom and justice in human relations. These concepts in their totality cover an unusually wide range of

philosophical, political and law ideas, including economic neoliberalism by L. Milton and F. Hayek with their belief in the effectiveness of the “invisible hand of the market”, the communist guidelines of F. van Parais, who interprets basic income as the first step on the “capitalist path to communism”, and G. Standing's ideas about the intrinsically collective nature of social wealth, which makes it possible to consider basic income as a «tool of social justice». These extreme in their ideological basis points of view on the basic income are considered in the article from the V.S. Nersesyants's concept of civilism that justifies a philosophical and legal substantiation of every right to receive an equal share of income from the market functioning of the former socialist property. The contribution of this concept to the global discussion of the post-capitalist development is due to the fact that it is formulated on the basis of a philosophical and legal understanding of the socialist experience from the Hegel's dialectic of world history standpoint and is based on the interpretation of civilism as a new post-socialist social system, which is a dialectical synthesis of socialism and capitalism.

Key words: unconditional basic income, social credit, negative income tax, social dividend, the concept of civilism, Philosophy of Law, dialectics of world history, capitalism, socialism.

For citation: *Lapaeva, V.V. (2021).* The idea of an unconditional basic income and the concept of civilizm: differences in philosophical and legal grounds // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 99–113.

Идея о том, что государство должно гарантировать каждому человеку (независимо от возраста, благосостояния, социального статуса и т.д.) стабильный денежный доход, необходимый для его жизнеобеспечения на уровне, избавляющем от унижающей человеческое достоинство бедности, впервые была обнародована в 1516 г. в книге Т. Мора «Утопия». В конце XVIII в. она была развита в работах Т. Пейна и Н. де Кондросе. В начале XX в. эта идея получила широкое распространение в Западной Европе и Северной Америке (особенно в период экономической депрессии 1930-х годов) наряду с близкой по сути концепцией социального кредита, выдвинутой в 1920 г. британским инженером К. Дугласом. Аналогичные предложения о введении «социального дивиденда» или «отрицательного подоходного налога» высказывались позднее нобелевскими лауреатами по экономике Дж. Мидом и М. Фридманом[1]. Базовый доход как метод борьбы с бедностью поддерживал и другой нобелевский лауреат – Ф. Хайек. На какое-то время идея гарантированного дохода, не зависящего от трудового вклада, была вытеснена (хотя отнюдь не полностью) кейнсианской экономической теорией[2], но в конце XX в. интерес к ней вновь актуализировался под воздействием целого ряда социальных процессов.

Одним из драйверов такой актуализации стали качественные изменения в сфере трудовой занятости населения, приведшие к появлению новой социальной страты, за которой уже утвердился термин «прекариат». Данный термин, введенный в научный оборот социологами П. Бурдье и Р. Кастелем[3], приобрел широкую популярность после выхода в 2011 г. книги «Прекариат: новый опасный класс» британского экономиста Г. Стендинга, являвшегося одним из основателей созданной в 1986 г. международной общественной организации «Европейская сеть базового дохода» (Basic Income European Network – BIEN)[4]. Появление этого социального слоя (по мнению Г. Стендинга, социального класса, формирующегося из работников, которые не имеют постоянной работы и соответствующих социальных гарантий[5]) обусловлено потребностями современной экономики в гибком рынке труда и появившимися у транснациональных корпораций возможностями выйти из «общественного договора» между работниками и работодателями. К другим факторам актуализации идеи безусловного базового дохода (далее – ББД) или, как иногда говорят, «универсального базового дохода»[6], «гарантированного ос-

[1] См.: *Гонтмахер Е.Ш.* Базовый (безусловный) доход: политэкономический аспект // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 3. С. 70.

[2] См.: *Блохин К.В.* Безусловный основной доход и перспективы его реализации в России // Инновационная наука. 2017. № 3. С. 132.

[3] См.: *Кичкаев В.* Прекариат: небезопасный класс. URL: https://www.otdelkadrov.by›number/2015/9/09201514/ (дата обращения: 19.01.2021).

[4] В 2004 г. организация переименована во Всемирную сеть базового дохода (Basic Income Earth Network).

[5] Отечественные специалисты относят к прекариату всех, «кто занят неформальной, временной, эпизодической работой, вовлечен в теневой или «нелегитимизированный» сектор рынка труда, вследствие чего эти люди имеют урезанные социальные права и обладают ущемленным социальным статусом. В целом эти группы образуют достаточно значительный слой во многих странах мира, в т.ч. и России, достигая до 40–45% численности трудоспособного населения» (см.: Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020. С. 11).

[6] В англоязычной литературе, как правило, говорится об «универсальном базовом доходе» – UBI (Universal Basic Income). На русский язык эту аббревиатуру обычно расшифровывают как «безусловный базовый доход» (Unconditional Basic Income) (см.: *Ерофеева М.А., Кловайт Н.* Базовый доход: капиталистический путь к коммунизму? Рецензия на книгу: *Standing G.* Basic income. And how we can make it happen, London: Pelican-Penguin, 2017 // Социология власти. 2018. Т. 30. № 4. С. 160).

новного дохода» и т.п., обычно относят социальную поляризацию, вытеснение людей из производственного процесса в результате автоматизации, экологические пределы экономического роста и т.д.

Во многих государствах проведены эксперименты по внедрению базового дохода в социальную практику, организованные как на государственном уровне, так и с опорой на средства благотворительных организаций. При этом апробировались разные схемы ББД, включающие в себя полную замену действующих механизмов социальной поддержки, сохранение этих механизмов в неизменном виде при дополнении их базовым доходом, отказ от части существующих социальных программ при совмещении оставшихся с выплатами базового дохода и т.д. По мнению специалистов, базовый доход находится в фокусе западных социо-гуманитарных исследований: с 2012 г. под редакцией бельгийского политического философа Ф. Ван Парайса вышло уже около 20 томов из серии книг «Исследования базового дохода». Создан специализированный междисциплинарный журнал "Basic Income Studies". Многие известные социальные и политические теоретики начинают рассматривать базовый доход как чуть ли не главный способ решения социальных проблем и т.д.[7] Идея получает все большую поддержку среди широких слоев населения, политики активнее включают ее в свои предвыборные программы[8]. С началом т.н. «эпохи COVID-19» с ее «вертолетными деньгами», которые правительства многих государств вынуждены были ежемесячно отправлять для помощи всем гражданам без каких-либо условий и адресной дифференциации, обозначился новый всплеск актуализации идеи ББД.

Интерес к теме базового дохода в последние годы становится все более заметным и в Российской Федерации: в ноябре 2018 г. в Москве состоялась международная конференция «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века?», организованная Институтом социальной политики НИУ ВШЭ, Экспертной группой «Европейский диалог» и немецким Фондом им. Ф. Эберта, а в феврале 2019 г. этой теме было посвящено заседание Столыпинского клуба. Появляется все большее число публикаций, посвященных различным версиям базового дохода. В сентябре 2020 г. председатель партии «Единая Россия» Д.А. Медведев во время партийного онлайн-совещания высказал предложение обсудить с членами правительства и профсоюзами идею минимального гарантированного дохода граждан. Это предложение не было поддержано на официальном уровне и не получило широкого общественного резонанса, однако оно способствовало активизации экспертного и научного сообществ в обсуждении данного вопроса.

В отечественных научных кругах идея базового дохода рассматривается прежде всего как экономическая модель, разрабатываемая в рамках соответствующей социально-экономической концепции, и обсуждается преимущественно экономистами, делающими акцент на возможность и целесообразность введения ББД, и социологами, анализирующими отношение к ББД широких слоев населения[9]. Эти дискуссии распространяются также и на сферу политики, поскольку реалии современной России наглядно подтверждают правоту марксистского тезиса о том, что политика – это концентрированное выражение экономики. Так, предлагается развивать идею ББД применительно к Российской Федерации в русле возвращения к системе общественных фондов потребления, еще памятных многим из опыта социализма (в противном случае внедрение базового дохода в наших условиях скорее всего приведет к ухудшению положения беднейших слоев населения). Именно эти фонды, считает А.Л. Сафонов, «обеспечивали высокий уровень общественного здоровья и рост продолжительности жизни» и именно им «мы обязаны тем, что длительное время Российская Федерация сохраняла высокий квалификационный потенциал работников»[10]. Многими специалистами высказывается предложение использовать для реализации ББД рентный доход от добычи и продажи полезных ископаемых. В связи с этим обычно ссылаются на опыт штата Аляски в США, Саудовской Аравии, Ирана, а также на бразильскую программу «Большая семья», которая рассматривается как первый шаг государства в направлении к широкому введению ББД. Однако очевидно, что в России реализация подобных предложений имеет гораздо больший социально-политический потенциал с учетом социалистического прошлого страны,

[7] См.: *Павлов А.В.* Бесплатные деньги в мышеловке надзорного капитализма: базовый доход и социальная теория // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 201.

[8] Например, предложение о введении базового дохода (социального дивиденда) содержалось в предвыборной программе Э. Яна, кандидата в Президенты США от демократической партии, баллотировавшегося в 2018 г. В истории президентских выборов в США это уже второе обращение кандидата от демократической партии к идее базового дохода: первым был Дж. Макговерн в 1972 г. (см.: *Гонтмахер Е.Ш.* Указ. соч. С. 70).

[9] См.: *Кислицына О.А.* Введение системы безусловного базового дохода: что думают россияне? Кто «за», кто «против»? // Вестник ИЭ РАН. 2019. № 3. С. 32–47; *Андринкова А.В.* Сравнительный анализ отношения населения к идее безусловного базового дохода в России и в Европе // Соц. исследования. 2020. № 1. С. 18–30; и др.

[10] *Сафонов А.Л.* Базовый доход: новое звучание // Центральная профсоюзная газета «Солидарность». URL: https://www.solidarnost.org›...aleksandr-safonov/bazovyy-dohod... (дата обращения: 07.01.2021).

а также экспортно-сырьевой специфики национальной экономики. А некоторые авторы готовы назвать безусловный базовый доход национальной идеей России[11].

При этом значительно меньше внимания в научных дискуссиях вокруг базового дохода уделяется философской составляющей рассматриваемой проблемы и совсем не уделяется ее философско-правовым аспектам. Между тем все концепции такого дохода и близкие к ним идеи социального кредита, отрицательного подоходного налога, социального дивиденда и т.д. в конечном счете выстроены на той или иной трактовке ключевых для философии права феноменов права, свободы и справедливости в человеческих отношениях. Анализ дискуссий обнаруживает тот факт, что концепции базового дохода в своей совокупности охватывают широкий спектр философско-правовых и политико-правовых идей, включая экономический неолиберализм (либертаризм) Л. Милтона и Ф. Хайека с их верой в эффективность «невидимой руки рынка», коммунистические ориентиры Ф. ван Парайса, рассматривающего ББД как первый шаг на «капиталистическом пути к коммунизму»[12], и представления Г. Стендинга о коллективном по своей сути характере общественного богатства, позволяющем рассматривать базовый доход в качестве «инструмента социальной справедливости»[13]. В этот диапазон дискуссий укладываются все остальные подходы, не имеющие столь ярко выраженной идеологической окраски. В их числе концепции, обосновывающие экономическую эффективность борьбы с бедностью посредством ББД[14], и, напротив, опасения по поводу того, что базовый доход будет использован с целью замаскировать реальное снижение социальных льгот, получаемых беднейшими слоями населения, или что «новый приток потребительских денег просто приведет к увеличению повседневных расходов на жизнь»[15], многочисленные обоснования практической нереализуемости этой идеи и т.д.

Не претендуя на анализ всего этого обширного комплекса идей и концепций, рассмотрим в плоскости философско-правового подхода лишь некоторые крайние в своей мировоззренческой основе точки зрения на проблему базового дохода, ориентированные на принципиально разные трактовки свободы и справедливости. Эти подходы будут рассмотрены под углом зрения концепции цивилизма акад. В.С. Нерсесянца[16], в рамках которой дается философско-правовое обоснование права каждого на получение равной доли доходов от рыночного функционирования бывшей социалистической собственности. Вклад этой концепции в общемировую дискуссию о возможностях и путях посткапиталистического развития обусловлен тем обстоятельством, что она сформулирована на базе философско-правового осмысления опыта реального социализма с позиций гегелевской диалектики всемирной истории и в ее основе лежит трактовка цивилизма (от лат. *civis* – гражданин) как нового постсоциалистического общественного строя, являющегося диалектическим синтезом социализма и капитализма.

Но прежде чем рассматривать концепцию цивилизма, необходимо отметить и прокомментировать тот факт, что гегелевская диалектика истории, которую советская философия признавала лишь в ее марксистской интерпретации, ныне не пользуется широким признанием среди отечественных обществоведов. Показательно в этом плане выступление известного специалиста в области теории познания и методологии науки В.Н. Поруса на методологическом семинаре в Институте философии РАН[17], в ходе которого он отметил, что современная философия считает ненаучными представления о диалектической логике исторического развития, сославшись при этом на К. Поппера. Между тем даже К. Поппер, который увязывал идеи Г. Гегеля с прусской реакцией и гитлеровским тоталитаризмом[18] и характеризовал великого философа как «незаслуженно прославленного учителя» молодого К. Маркса, признавал, что «диалектическая интерпретация истории мышления... добавляет некоторые ценные моменты к интерпретации мышления в терминах проб и ошибок»[19], которую он и считал

[11] См.: *Оздемиров У.* Безусловный базовый доход как национальная идея. URL: https://www. pravda.ru›economics/1507915-income/ (дата обращения: 09.01.2020).

[12] *Van Parijs Ph.* Marxism Recycled. Cambridge, 1993. P. 155.

[13] *Standing G.* Basic income. And how we can make it happen. (Part 2) London, 2017. URL: https://www.goodreads.com/book/show/32887592-basic-income (дата обращения: 09.01.2020).

[14] См.: *Брегман Р.* Утопия для реалистов: как построить идеальный мир. М., 2018. С. 35.

[15] Basic instinct. Hannah Black and Philippe Van Parijs discuss Universal Basic Income. URL: https://www.artforum.com›...hannah...philippe...parijs...universal... (April 17, 2020) (дата обращения: 19.01.2021).

[16] См.: *Нерсесянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001.

[17] См.: *Порус В.Н.* Доклад на заседании проблемно-поискового семинара Ученого совета Института философии РАН «Современные проблемы философии истории» на тему «Два лика философии истории» 11 апреля 2019 г. // Сайт ИФ РАН // https://www.iphras.ru (Архив событий 2019 г.) (дата обращения: 17.01.2021).

[18] Иную трактовку данной проблемы см.: *Нерсесянц В.С.* Гегелевская диалектика права: этатизм против тоталитаризма // Вопросы философии. 1975. № 11. С. 145–150.

[19] *Поппер К.* Что такое диалектика? URL: https://www.libking.ru›...karl-popper-chto-takoe-dialektika.html (дата обращения: 09.01.2020).

главным методом познания. При этом его критика диалектики не учитывала того факта, что у Гегеля речь идет не об истории мышления, а значит, и не о методе познания, ориентированном на формальную логику, а о диалектической логике развития идеи (т.е. некоего абсолютного знания), выражающей сущностное развитие самого предмета познания[20]. Для гегелевской диалектики главное «не то, как фактически происходил процесс познания, а то, что в этом процессе правильного, необходимого, соответствующего истине. <...>. К. Поппер выступает против идеалистического представления, что тезис сам создает свое отрицание и, в конечном счете, образует с ним синтез. Он считает, что данную процедуру осуществляет человек. Для Гегеля же триада есть объективный процесс, который не создается субъектом. Субъект может только подключиться к истинному знанию, тогда его мысль будет идти в русле сущностного развития предмета»[21]. Таким образом, Гегель говорил об уже познанной абсолютным духом логике истории, а не о методе человеческого познания истории.

Негативное отношение ряда отечественных ученых к диалектике отчасти можно объяснить накопившейся за советский период усталостью от диктата догматического марксизма с его диалектическим материализмом. Но, пожалуй, главная причина – отказ от того исторического оптимизма, который имманентно присущ диалектике. Эту оптимистическую интенцию диалектики тонко подметил К. Поппер, который писал, что гегелевская диалектика истории в свое время воодушевила Маркса именно потому, что «прекрасно отвечала его потребности в теории, которая была бы не просто революционной, но и оптимистической – предсказывала бы прогресс на том основании, что каждый следующий шаг есть шаг вперед»[22]. Внутреннюю связь отказа от диалектики с отсутствием исторического оптимизма демонстрирует предложенный в рамках упомянутого доклада В.Н. Поруса образ движения человечества к будущему: человечество, отметил докладчик, движется спиной к будущему, уходя от катастроф прошлого, в которое оно с ужасом заглядывает как в пропасть[23]. Современные социальные науки, считает он, развиваются в русле контекстуализма, имея в виду, что представления об исторических явлениях и процессах в существенной степени определяются социокультурным контекстом, подняться над которым не может ни историк, ни даже философ истории.

Разумеется, было бы ошибочным отрицать неизбежную объективно-историческую ограниченность представлений людей о будущем. Поэтому, как писал В.С. Нерсесянц, К. Маркс и Г. Гегель, хотя и по-разному, абсолютизировали «относительное, выдавая конец видимого отрезка истории за конец истории вообще. Такой видимой частью истории для гегелевской концепции является капитализм, для марксизма – антикапитализм. И каждая из этих концепций трактовала невидимую ей часть истории как простое и прямое продолжение (до дурной бесконечности – до «конца истории») видимой части истории»[24]. Однако бывают времена, когда историческое развитие совершает крутой поворот (а крах социализма есть начало как раз такой эпохи), открывая возможность заглянуть за него и благодаря «новому видению будущего по-новому оценить прошлое и настоящее»[25]. Мы живем как раз в такое переломное время, когда можно разглядеть очертания будущего, опираясь на проверенный временем эвристический потенциал диалектической логики исторического развития. Вопрос, на который надо при этом ответить, звучит так: есть ли у социализма продолжение в будущем, или приходится согласиться с тем, что вместе с социализмом человечество лишилось альтернативного социального будущего? Академик А.А. Гусейнов уточняет вопрос следующим образом: «Захвачено ли будущее капитализмом навсегда или... будущее не может не быть антикапитализмом?» И отвечая на него, пишет: «Капитализм, по всему похоже, остался без внутренних или внешних сил, несущих в себе его отрицание. Победив в холодной войне, он захватил будущее, именно гарантированное будущее, как точно выразился Зиновьев, является его основным трофеем»[26]. Принципиально иная позиция у акад. В.С. Нерсесянца, считавшего, что диалектика исторического развития неминуемо приведет к смене капитализма новым общественным строем, который преодолеет основной порок капитализма, выражающий суть данного

[20] «В высшей степени важно уяснить себе,– писал Г. Гегель, – как следует понимать и познавать диалектическое. Оно является вообще принципом всякого движения, всякой жизни и всякой деятельности в сфере действительности. Диалектическое есть также душа всякого истинно научного познания» (*Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. Наука логики. С. 206).

[21] *Васильев С.Ф.* Кто такой Карл Поппер? (К вопросу о взаимоотношениях К. Поппера и диалектики). URL: https://www.edu.secna.ru›media/f/vasilev.pdf (дата обращения: 09.01.2020).

[22] *Поппер К.* Указ. соч.

[23] См.: там же.

[24] *Нерсесянц В.С.* Философия права Гегеля. М., 1998. С. 339; см. также: *Кроткова Н.В.* Научное творчество Г.В.Ф. Гегеля и перспективы развития современной философии права: к 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля и 200-летию его «Философии права» // Государство и право. 2020. № 12. С. 163–177. DOI: 10.31857/S102694520012823-6.

[25] *Нерсесянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. С. 13.

[26] *Гусейнов А.А.* От личности к обществу, или В каком обществе мы живем? // И вновь на перепутье. М., 2020. С. 179.

общественного строя, не перечеркивая при этом его главные достижения.

Оперируя термином «капитализм» применительно к современным реалиям, приходится обосновывать актуальность соответствующего понятия (его гносеологическую легитимность), поскольку, по мнению многих исследователей, оно не отражает специфики современной социально-экономической системы, находящейся на стадии перехода к постиндустриальному обществу знания, информационному обществу и т.п., где частный характер собственности уже не имеет решающего значения. Однако убедительные аргументы против такой позиции представлены, в частности, в книге Т. Пикетти «Капитал в XXI веке»[27], главный тезис которой, подкрепленный автором опорой на экономическую статистику, состоит в том, что доходность капитала систематически превышает темпы экономического роста. Отсюда следует, что не интеллектуальное творчество, а накопленный ранее капитал по-прежнему является главным источником богатства. С позиций проведенного Т. Пикетти анализа представляются неубедительными рассуждения о том, что в современных условиях частная собственность «не может не становиться все более абстрактным и трансцендентальным объектом, оторванным от реальности»[28]. А это значит, что на данном историческом этапе постиндустриальное общество остается капиталистическим. Именно в таком качестве оно и обсуждается многими ведущими специалистами[29].

В своей трактовке капитализма В.С. Нерсесянц не расходился с марксизмом: капитализм, считал он, – это общество, основанное на частной собственности на средства производства. При этом вслед за Г. Гегелем он исходил из того, что свобода и собственность «возможны лишь в правовой форме», «что исторический прогресс – это, по сути, правовой прогресс»[30], ведущий к расширению сферы свободы человека. Вклад капитализма в прогресс права связан с тем обстоятельством, что именно собственность (которая при капитализме существует в форме частной собственности и имеет всепроникающий характер), «является не просто одной из исходных и важных форм выражения прав и свобод людей, но и необходимой цивилизованной почвой для свободы и права вообще»[31].

Однако, несмотря на эти важнейшие достижения капитализма, идущая еще от раннего христианства идея преодоления частной собственности не только не утратила свой идеологический потенциал к началу XX в., но и породила попытку форсированного, а потому насильственного и кровавого преодоления частной собственности. В итоге сложился социалистический строй, оказавшийся, по сути, не чем иным, как антикапитализмом, т.е. строем, отрицавшим все то, что составляло суть капитализма – частную собственность и право как равную меру свободы от внешнего произвола. «Социализм, – писал В.С. Нерсесянц, – продемонстрировал мучительную диалектику исторического прогресса: общество, преодолев ценой огромных жертв предшествующее экономическое неравенство, стало пленником своих достижений (отрицания экономического неравенства) и в ожидании мифологического коммунизма окаменело в позе отрицания»[32]. По логике диалектического развития этот тотальный негативизм социализма может и должен быть преодолен через «отрицание отрицания» в рамках общественного строя, в котором каждый человек имеет прирожденное и неотчуждаемое право собственности на равную с другими долю общественного достояния. Цивилизм с его индивидуализированной (но не частной) собственностью, функционирующей в режиме прирожденного и неотчуждаемого права каждого гражданина, реализует в себе диалектический синтез капитализма как общества, основанного на частной собственности (которая по природе своей может быть лишь у некоторых, но не у всех), и социализма, отрицающего частную собственность. Важным моментом для понимания концепции цивилизма автор считал то обстоятельство, что речь в ней идет не о конвергенции капитализма и социализма, а об их диалектическом синтезе. С позиций такого подхода очевидна принципиальная невозможность того «капиталистического пути к коммунизму», о котором говорит Ф. ван Парайс.

В своей первой статье по данной теме, опубликованной в «Вестнике Академии наук СССР» в 1989 г., В.С. Нерсесянц, исходя из разработанной им либертарно-юридической теории, трактующей право как выражение сущностного правового принципа формального равенства, сформулировал тезис о том, что при решении ключевого вопроса политической повестки дня – выбора модели трансформации отношений собственности необходимо руководствоваться принципом формального

[27] *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М., 2015.

[28] *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004. С. 283.

[29] См.: *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010; Does Capitalism Have a Future? London, 2013; *Явлинский Г.А.* Рецессия капитализма – скрытые причины. Realeconomik. M., 2014; Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. New York, 2018; и др.

[30] *Нерсесянц В.С.* Философия права Гегеля. С. 340.

[31] Там же. С. 326.

[32] Там же.

равенства. Такая трансформация, считал он, должна осуществляться не в форме приватизации (т.е. передачи общенародного достояния в руки отдельных частных лиц), а путем равносправедливой десоциализации общенародного социалистического достояния. Любой иной подход будет иметь неправовой характер, поскольку у государства нет «права изменять по своему усмотрению статус общенародной собственности, превращая те или иные ее объекты в собственность какой-то одной части общества и нарушая тем самым интересы и права остальной»[33]. В этой работе он предложил, а в последующем развил и конкретизировал идею применения к процессам десоциализации общенародной собственности юридической конструкции общей долевой собственности, согласно которой каждый гражданин имеет право на равную с другими долю от рыночного использования социалистического наследства.

Данная конструкция предполагает наделение каждого гражданина «правом на то, чтобы не косвенно, не через государственные фонды и общесоциальную политику государства, а прямо и индивидуализированно... получать равную с другими долю от всех выплат за формы использования объектов общей собственности, т.е. общенародного достояния»[34]. Сверх этого допускались бы иные формы частной (личной и групповой) собственности, функционирующие в режиме рыночной экономики. Таким образом у тех, кто был бы готов взять на себя ответственность собственника десоциализированных средств производства, появлялась возможность проявить себя в таком качестве при условии, что часть получаемой при этом прибыли распределяется в равных долях между всеми гражданами. Каков размер отчуждаемой доли прибыли – это главный предмет общественного договора, который будет заключаться (и периодически перезаключаться) между новыми собственниками и остальной частью общества посредством механизмов парламентской демократии. В перспективе, полагал В.С. Нерсесянц, новые собственники, если они окажутся достаточно эффективными, смогут выплатить обществу долг и стать полноправными собственниками. Однако для сохранения цивилитарной экономической модели некоторая часть средств производства должна будет оставаться в общей долевой собственности.

Новой форме собственности – индивидуальной собственности каждого гражданина на средства производства – соответствует и новый тип прирожденного и неотчуждаемого права, согласно которому «индивиды равны не просто как свободные лица с абстрактной возможностью иметь (или не иметь) собственность, но и как действительные собственники с уже реально приобретенным правом собственности на средства производства»[35]. Такой тип собственности и права означает переход к новому общественному строю, поскольку есть принципиальная разница между обществом с частной собственностью, которой по определению обладает меньшинство, потому что развитие частной собственности ведет к ее концентрации по логике накопляемого преимущества, и обществом, где каждый имеет долю в собственности на производственные активы. Наделение всех граждан индивидуальной собственностью означает «действительное разрешение проблемы отчуждения от собственности и всеобщую гуманизацию отношений собственности»[36], преодолевает антагонизм между собственниками и несобственниками и снимает представленное в частной собственности противоречие между формальным равенством и экономическим подчинением, которое «является центральной проблемой всемирно-исторического прогресса равенства, свободы, справедливости»[37].

Радикальная в своей теоретической последовательности и бескомпромиссности концепция цивилизма не получила сколько-нибудь заметную поддержку в научном сообществе. Более популярной была высказанная позднее идея социального дивиденда в версии акад. Д.С. Львова, которая не претендовала на обоснование нового общественного строя. Показательно в этом плане, что социальный дивиденд мыслился им «не как дополнительный доход, получаемый всеми и каждым в качестве индивидуальных собственников природных ресурсов и расходуемый по личному усмотрению в частном порядке...»[38], а как главный источник государственных расходов, направленных на развитие человеческого потенциала. У В.С. Нерсесянца же, во-первых, речь идет о собственности на все социалистическое наследство (т.е. на доходы от рыночного использования всех объектов т.н. социалистической собственности), а не только на то, что дает природную ренту. Кроме того, теория цивилизма предполагает создание именно

[33] *Нерсесянц В.С.* Закономерности становления и развития социалистической собственности // Вестник Академии наук СССР. 1989. № 9. С. 8.

[34] *Нерсесянц В.С.* Философия права Гегеля. С. 10.

[35] *Нерсесянц В.С.* Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М., 1992. С. 314.

[36] *Нерсесянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. С. 30.

[37] *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2006. С. 180, 181.

[38] *Львов Д.С.* Перспективы долгосрочного социально-экономического развития России. Доклад, прочитанный в Президиуме РАН // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 8. URL: http://ivo-voco.astronet.ru›VV/JOURNAL/VRAN...ECONOM.HTM (дата обращения: 20.07.2017).

тех «индивидуальных собственников», против которых возражал акад. Д.С. Львов. Лишь в этом случае, считал В.С. Нерсесянц, общество наконец-то избавится не только от бюрократического нароста как неизбежного придатка социальной политики государства, но и в целом от государственного произвола в сфере экономики.

Концепция цивилизма показывает, что социализм не был трагической ошибкой истории. Россия в XX в. не сумела воспользоваться плодами своих колоссальных усилий, однако история государства и человечества в целом на этом не заканчивается. И хотя именно в России была проделана вся черновая работа всемирной истории по апробации общечеловеческой коммунистической идеи и были созданы предпосылки для цивилизма в результате тотального обобществления средств производства, тем не менее, как полагал В.С. Нерсесянц, идея равной долевой собственности каждого (пусть и не в такой последовательной форме) рано или поздно будет осуществлена на Западе. Скорее всего она будет реализована в форме права каждого иметь определенную долю собственности на общепланетарные ресурсы, когда факт ограниченности жизненно важных для ресурсов встанет перед человечеством со всей своей остротой. Что же касается Российской Федерации, то в нынешних социально-экономических условиях, порожденных неправовым характером приватизации социалистической собственности, концепция цивилизма может на очередном историческом повороте стать ориентиром при заключении «общественного договора» о собственности, отсутствие которого блокирует нормальное социально-экономическое и политико-правовое развитие страны[39]. Практическую значимость своей концепции В.С. Нерсесянц видел в том, что она закладывает теоретические основы такого общественного договора, который способен легитимировать постсоциалистическое общественное устройство на общезначимых началах справедливости.

Глубокое научное обоснование концепции цивилизма с позиций философско-правового подхода, опирающегося на современное ви́дение диалектики исторического развития и либертарно-юридическую философию права, позволяет использовать ее для осмысления иных теоретических моделей, направленных на преодоление кризиса современного капитализма, в т.ч. теорий безусловного базового дохода.

Если рассматривать под этим углом зрения популярные в политико-экономическом истеблишменте либертарианские философско-экономические концепции, то прежде всего следует обратиться к предложенной М. Фридманом идее негативного подоходного налога[40]. Суть идеи в том, чтобы граждане, имеющие доходы ниже того минимума, с которого уже не берутся налоги, получали бы дополнительные выплаты от государства. Как показывают расчеты, при определенных значениях минимального дохода схема негативного налога превращается в точную копию схемы базового дохода, хотя с содержательной точки зрения между этими подходами есть принципиально важные различия, главным из которых является то, что негативный налог не предполагает безусловность выплат (человек может рассчитывать на него только после проверки социальными службами информации о его заработках)[41]. Однако основной отрицательный момент идеи, по мнению М. Фридмана, связан с политическими аспектами: «Эта идея ведет к созданию системы, при которой одних принуждают платить налоги ради выплаты пособий другим»[42]. Но развитое капиталистическое общество, с его точки зрения, может позволить себе такую уступку социальным низам. Обосновывал он это весьма оригинальным для современного восприятия образом: даже после того, писал автор, как Англия ввела пенсии по старости, допустив при этом участие пенсионеров в выборах органов власти, она не утратила британские свободы и сохранила капиталистический строй[43].

Ф. Хайек пошел немного дальше в направлении идеи гарантированного дохода, признавая целесообразность ее реализации для снижения административной нагрузки на бизнес и для создания некоторой всеобщей и равной страховки каждого человека от наиболее трудных превратностей судьбы. Так, например, указывал он, «есть важный вопрос о безопасности, о защите от общих для всех рисков, где государство часто способно либо уменьшить эти риски, либо помочь людям принять соответствующие меры самостоятельно. Однако нужно провести различие между двумя концепциями защищенности: ограниченной защищенности, которую можно обеспечить всем и которая поэтому не является привилегией, и абсолютной защищенностью, которую в свободном обществе всем предоставить невозможно. Следовательно, здесь речь идет о различии между гарантированностью равного минимума дохода для каждого

[39] См.: *Лапаева В.В.* Право и правовое государство в постсоциалистической России: состояние и перспективы развития // Социс. 2016. № 7. С. 66–77; *Ее же.* Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсесянца // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 44–56.

[40] См.: *Фридман М.* Капитализм и свобода / пер. с англ. М., 2006. С. 220–224.

[41] См.: *Капелюшников Р.И.* Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? (препринт WP3/2020/04). М., 2020. С. 15.

[42] *Фридман М.* Указ. соч. С. 223.

[43] См.: там же.

и гарантированностью конкретного уровня дохода, которого человек, по его мнению, заслуживает»[44].

Полемизируя со своими оппонентами, Ф. Хайек явно упрощает и искажает их позицию, утверждая, что они говорят о некой «абсолютной защищенности», невозможной в свободном обществе. Аналогичным образом подменяет предмет дискуссии и М. Фридман, когда сетует на то, что в рамках современного либерализма сложилось неверное понимание равенства, которое «стало интерпретироваться как равенство конечных результатов. Все должны жить на одном уровне, иметь одинаковые доходы, все должны заканчивать состязание с одинаковыми результатами»[45]. Однако их оппоненты (за очень редкими исключениями) имеют в виду не абсолютную защищенность и равенство конечных результатов, а весьма ограниченную в своих целях и средствах компенсацию незаслуженной социобиологической слабости представителей отдельных социальных групп. По мнению В.С. Нерсесянца, правонарушающей привилегией является не сама компенсация, направленная на создание максимально возможного в данных конкретно-исторических условиях равенства шансов людей в достижении ими социальных благ, а «выход в процессе пропорционально-распределяющего уравнивания за границы правовой компенсации»[46], которые в демократическом государстве определяются в рамках парламентских процедур.

В основе теоретических построений идеологов данного направления философской мысли лежит спорный тезис, который Ф. Хайек сформулировал так: люди, сказал он, согласны «принуждать к единообразному соблюдению тех правил, которые значительно увеличили шансы всех и каждого на удовлетворение своих нужд, но платить за это приходится риском незаслуженной неудачи для отдельных людей и групп»[47]. С этим тезисом вряд ли согласятся не только те, кто потерпел «незаслуженную неудачу», но и многие из числа более успешных членов общества. Современная нейрофизиология, изучающая когнитивные реакции человека, на экспериментальном уровне выявила тот факт, что решение этических дилемм, связанных с выбором между справедливостью и утилитарной эффективностью, ориентированной на общую пользу, осуществляется отделами мозга, отвечающими за эмоции[48], и что на этом уровне любая форма несправедливого неравенства оценивается как нарушение нормы (хотя, конечно, в случае выгодного неравенства реакция на такое нарушение выражена значительно слабее)[49]. Подобные исследования подтверждают выводы нейробиологов[50] и эволюционных психологов[51] о том, что представления человека о справедливости как взаимности и соразмерности были заложены в его эмоциональную сферу на генетическом уровне в ходе биосоциальной эволюции человечества.

Это имманентное природе человека стремление к справедливости в социальной жизни породило хорошо просматриваемый в исторической ретроспективе тренд на расширение сфер приложения принципа формального равенства ко все большему числу различных групповых субъектов права. Плюрализация субъектов права, писал В.С. Нерсесянц, отнюдь не противоречит тенденции к унификации права, т.е. его универсализации в глобальном масштабе: «это не противоположные тенденции, т.к. любая плюрализация (и разнообразие различий) протекает в рамках определенного единообразия, одного определенного эгалитарного принципа»[52]. В этом контексте важно подчеркнуть, что цель цивилитарной теоретической конструкции – не замена социальной политики государства, а обеспечение правового равенства в процессе преобразования отношений собственности и предотвращение возможности для небольшой части общества обогатиться за счет всех остальных в результате приватизации. С позиций данного подхода отказ от плюрализации субъектов, претендующих на правовую компенсацию своей социобиологической слабости, в пользу единого для всех безусловного базового дохода может быть оправдан лишь в том случае, если величина этого дохода будет обеспечивать каждому человеку (только потому, что он – человек)

---

[44] *Хайек Ф.* Конституция свободы. М., 2018. С. 338.

[45] *Фридман М.* Свобода, равенство и эгалитаризм (гл. 5) // Фридман М., Фридман Р. Хозяева своей судьбы / пер. с англ. А. Бабича. New York, 1980. С. 70.

[46] *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. С. 509.

[47] *Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 239.

[48] См.: *Ming H., Cédric A., Steven Q.* The Right and the Good: Distributive Justice and Neural Encoding of Equity and Efficiency // Science. 2008. V. 320. P. 1092–1095.

[49] См.: *Fliessbach K., Phillipps C., Trautner P., etc.* Neural responses to advantageous and disadvantageous inequity. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3370647 (дата обращения: 15.02.2020).

[50] Этологи, изучающие зачатки чувства справедливости у животных, приходят к выводу, что «человеческая нравственность старше культурных институтов, древнее законов и проповедей» (см.: *De Waal F., Macedo S.* Primates and Philosophies: How Morality Evolved. Princeton, 2009 (цит. по: *Сапольски Р.* Биология добра и зла. М., 2020. С. 435)).

[51] См.: *Wright R.* The Moral Animal. Why We Are The Way We Are: The New Science of Evolutionary Psychology. L., 1995.

[52] *Нерсесянц В.С.* Фрагменты философских эссе (из неопубликованного) // *Лапаева В.В.* Владик Сумбатович Нерсесянц. Ереван, 2009. С. 107.

уровень жизни, соответствующий современным представлениям о человеческом достоинстве.

Однако для сторонников экономического неолиберализма борьба с унижающей человеческое достоинство бедностью является скорее побочным результатом сокращения административных функций социального государства путем введения базового дохода. И можно, по-видимому, сказать, что в основе их поддержки идеи ББД лежит намерение спасти капитализм от недовольства социальных низов, подкупив наиболее успешных их них и маргинализировав остальных. Данный подход имеет мало общего с идеями правовой свободы и справедливости в их современном понимании, которое уже давно не сводится к представлениям о свободе как отсутствии внешнего произвола и о справедливости как равенстве всех людей (независимо от их социобиологических особенностей) перед общей нормой закона.

Показательно, что среди современных приверженцев базового дохода из лагеря либертарианцев сложилось своего рода «левое направление», представители которого стремятся уйти от подобной логики рассуждений. Так, один из наиболее известных «либертарианских защитников» ББД профессор философии из Университета Сан-Диего М. Зволински[53] обращает внимание на историю зарождения частной собственности на землю и другие природные ресурсы, подчеркивая при этом, что «бóльшая часть частной собственности возникла в результате насилия и воровства, а не мирного присвоения»[54]. Интересно отметить, что этот аргумент, который сам автор называет деонтологическим, как-то уж слишком хорошо перекликается с известными словами К. Маркса об экспроприации непосредственных производителей в ходе первоначального накопления капитала, которая совершалась «с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей»[55]. Другой аргумент, который М. Зволински обозначает как консеквенциалистский, состоит в том, что усилия по защите свободы некоторых уязвимых групп за счет введения дополнительных налогов, нарушающих свободу других групп населения, оправданы, поскольку в конечном счете речь идет о поиске баланса свободы в обществе: «мы жертвуем, – говорит автор, – свободой одних в обмен на свободу других». «Некоторым либертарианцам, – добавляет он, – это может показаться пугающим, но... в конце концов полицейские службы, финансируемые за счет налогов, защищают свободу личности, но финансируются за счет принудительного налогообложения»[56].

Такая аргументация, по существу, полностью совпадает с основными доводами Ф. ван Парайса, который, как замечает А.В. Павлов, ранее позиционировал себя в качестве «левого либертарианца», однако в недавней совместной работе с Я. Вандерборхтом не стал акцентировать на этом внимание[57], возможно, учтя критику тех, кто справедливо считает подобную позицию нелибертарианской по своей сути[58]. В отличие от классических либертарианцев Ф. ван Парайс и Я. Вандерборхт не настаивают на отказе от иных форм поддержки социально незащищенных слоев населения при введении базового дохода. Смысл такого дохода, пишут они, «не в том, чтобы заменить все услуги, предоставляемые или финансируемые государством. Необходимость мягкого патернализма, существование положительных и отрицательных внешних эффектов и забота о формировании гражданской позиции в сумме могут давать достаточно сильный аргумент, чтобы отказаться от денежной формы предоставления некоторых благ, таких как базовое страхование здоровья и образование в дошкольных и школьных учреждениях»[59]. Главное в том, что базовый доход выплачивается на индивидуальной основе и является безусловным «в смысле всеобщности, т.е. не зависит от соответствия человека критериям нуждаемости. <...>. А кроме того, он безусловен, поскольку не предполагает никаких обязательств и не требует, чтобы человек доказал свое желание найти работу»[60]. В таком виде базовый доход, по мнению авторов, предстает как «орудие свободы», как «главный столп свободного общества, в котором реальная свобода процветать как благодаря работе, так и за пределами работы будет справедливо распределена. Это, – подчеркивают они, – важнейшая составляющая радикальной альтернативы как старому социализму, так и неолиберализму»[61].

Другой авторитетный сторонник ББД из этого же политического лагеря, Г. Стендинг, делает основной акцент на справедливость. Фундаментальное утверждение по поводу базового

[53] Критический анализ позиции М. Зволински как несоответствующей сути либертарианства см., в частности: *Rallo J.* Libertarianism and Basic-Income Guarantee: Friends or Foes? // Journal of Business Ethics. 2019.

[54] *Prochazka T.* Zwolinski: Basic income helps 'protect freedom'. URL: https://www.basicincome.org›news...zwolinski...protect-freedom/ (Aug 24, 2016) (дата обращения: 09.01.2020).

[55] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 772.

[56] *Prochazka T.* Op. cit.

[57] См.: *Павлов А.В.* Указ. соч. С. 207.

[58] См., напр.: *Rallo J.* Op. cit.

[59] Ibid. P. 25.

[60] Ibid. P. 32.

[61] *Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я.* Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М., 2020. С. 8.

дохода, пишет он, «состоит в том, что это инструмент социальной справедливости, который отражает социальный или коллективный по своей сути (intrinsically) характер общественного богатства»[62]. По его мнению, социальная справедливость есть наиболее важное обоснование перехода к базовому доходу как экономическому праву, который дополняется двумя другими основными обоснованиями, а именно свободой и экономической безопасностью.

Еще один ключевой момент концепции Г. Стендинга – это увязка идеи базового дохода с соответствующей трактовкой собственности на общественное богатство, которое, как он полагает, в значительной степени основано на использовании унаследованных ресурсов. Именно это представление Г. Стендинга о собственности лежит, как отмечают М.А. Ерофеева и Н. Кловайт, в основе его концепции ББД, «понимаемой как механизм перераспределения: богатство, сосредоточенное в руках немногих, необходимо вернуть единому политическому сообществу и снова превратить в коллективное богатство – и тем самым достичь социальной справедливости»[63]. Для реализации этой идеи он предлагает пересмотреть распределение не только природной ренты, но и рентных доходов от интеллектуальной собственности (патентов, авторских прав, брендов и т.п.), экономические доходы от естественного или надуманного дефицита, позволяющие компаниям и частным лицам получать прибыль просто в силу владения, и т.п. По сути, речь идет о довольно существенных изменениях в сложившейся системе собственности. Как верно замечено, логическим развитием такого подхода может стать политическая программа, направленная на экспроприацию какой-то части доходов собственников с целью финансирования базового дохода[64]. Но возможно ли подобное изменение системы собственности без насилия?

Именно этот вопрос, хотя и не с такой очевидностью, вытекает также из предложений Ф. ван Парайса и Я. Вандерборхта. Можно, конечно, согласиться с их тезисом о том, что для обретения веры в будущее людям «нужны дерзкие идеи и отказ от устоявшейся точки зрения во многих областях.., богатство воображения и энтузиазм»[65]. Однако, как весьма уместно вспомнил в связи с анализом проблемы базового дохода Е.Ш. Гонтмахер[66], рассуждения идеологов ББД о свободе, по сути, совпадают с тем, что когда-то говорил К. Маркс: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью»[67]. Но К. Маркс связывал приход к этому коммунистическому «царству свободы» с экспроприацией собственности в результате революции, которая свершается с применением насилия. А на что рассчитывают сторонники такой модели ББД, которая предполагает серьезный передел собственности, остается не ясным.

Во всяком случае не менее дерзкая, но более обоснованная теоретически концепция цивилизма В.С. Нерсесянца, которая в свое время выглядела намного реалистичнее проектов базового дохода (ведь речь шла о справедливом распределении доходов от уже экспроприированной собственности, составляющей общенародное достояние нескольких поколений советских людей), не только не была реализована, но и не была востребована ни одной политической силой. А между тем ее политический потенциал и практическое значение подтвержден российским опытом последних десятилетий. По мнению В.Д. Зорькина, «именно приватизация, откровенно несправедливый (а значит, и неправовой) характер которой признается даже ее бенефициарами, стала одной из главных причин чрезмерного социального расслоения и крайне неравномерного распределения бремени осуществляемых в стране экономических реформ»[68]. Проблему легитимации собственности, сложившейся по итогам приватизации, пишет он, «так или иначе придется решать, причем решать не кулуарно, а в рамках широкого демократического обсуждения, точнее, в рамках такой модели поиска решения, которую В.С. Нерсесянц в свое время обозначил как своего рода «общественный договор о собственности»[69].

В конце XX в. у России был исторический шанс достойно завершить грандиозный социалистический эксперимент и дать миру вдохновляющий пример опыта функционирования принципиально нового института собственности и соответствующего ему нового прирожденного права каждого на равную долю собственности, сложившейся по итогам этого эксперимента. Однако коммунистическая идеология, как писал В.С. Нерсесянц, не справилась со своими проблемами и не поняла «реального смысла своей практики и подлинных тенденций ее эволюции. Большие идеологии... эгоистичны: они пренебрегают всем, включая и будущность своей практики, во имя самосохранения даже в виде устаревшего и разоблаченного мифа,

[62] *Standing G.* Op. cit.

[63] *Ерофеева М.А., Кловайт Н.* Указ. соч. С. 261.

[64] См.: там же. С. 285.

[65] *Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я.* Указ. соч. С. 8.

[66] См.: *Гонтмахер Е.Ш.* Указ. соч. С. 76.

[67] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1962. С. 386.

[68] *Зорькин В.Д.* Десять лекций о праве. М., 2021. С. 153.

[69] Там же. С. 163.

ставшего уже сказкой»[70]. Общество эпохи перестройки оказалось политически и идейно неподготовленным к переменам в силу предшествовавшего идеологического и политического прессинга со стороны административно-командной системы. Цивилизм не был воспринят в качестве национальной идеи, в которой «национально-историческое начало имеет не только узконациональное значение, но включает в себя и выражает также общечеловеческие, всемирно-исторические ценности»[71].

Пока что выход из кризиса капитализма западные интеллектуалы ищут главным образом с опорой на те идеи, которые вытекают из продолжения логики развития социального государства, не затрагивая при этом проблему собственности. Однако государство всеобщего благосостояния, которое было когда-то связующим звеном в общественном договоре между трудом и капиталом, с развитием финансово-экономической глобализации утрачивает прежние позиции. В этих условиях (если они сохранятся на обозримую перспективу) базовый доход, так страстно отстаиваемый романтиками-идеалистами, скорее всего будет-таки введен в качестве удобного инструмента построения нового миропорядка, контуры которого обозначены в книге «COVID-19: великая перезагрузка», вышедшей летом 2020 г. (т.е. в разгар пандемии) с участием известного идеолога глобализма, основателя Всемирного экономического форума К. Шваба. Возможно, такой доход и окажется безусловным в том смысле, что он не будет зависеть от соответствия человека критериям нуждаемости, от его стремления найти работу и т.п., но те миллионы людей, которых «подсадят» на эти гарантированные минимальные выплаты, легко могут стать заложниками ситуации в рамках управленческой модели, предлагающей иные ограничения на получение жизненно важного для них «безусловного» дохода. Поэтому без переосмысления проблемы собственности и переустройства отношений собственности на новой правовой основе (о чем писал акад. В.С. Нерсесянц, и к чему и призывает сейчас Г. Стендинг) идея базового дохода может оказаться ловушкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреенкова А.В.* Сравнительный анализ отношения населения к идее безусловного базового дохода в России и в Европе // Соц. исследования. 2020. № 1. С. 18–30.
2. *Блохин К.В.* Безусловный основной доход и перспективы его реализации в России // Инновационная наука. 2017. № 3. С. 132.
3. *Брегман Р.* Утопия для реалистов: как построить идеальный мир. М., 2018. С. 35.
4. *Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я.* Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М., 2020. С. 8.
5. *Васильев С.Ф.* Кто такой Карл Поппер? (К вопросу о взаимоотношениях К. Поппера и диалектики). URL: https://www.edu.secna.ru›media/f/vasilev.pdf (дата обращения: 09.01.2020).
6. *Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. Наука логики. С. 206.
7. *Гонтмахер Е.Ш.* Базовый (безусловный) доход: политэкономический аспект // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 3. С. 70, 76.
8. *Гусейнов А.А.* От личности к обществу, или В каком обществе мы живем? // И вновь на перепутье. М., 2020. С. 179.
9. *Ерофеева М.А., Кловайт Н.* Базовый доход: капиталистический путь к коммунизму? Рецензия на книгу: *Standing G.* Basic income. And how we can make it happen, London: Pelican-Penguin, 2017 // Социология власти. 2018. Т. 30. № 4. С. 160, 261, 285.
10. *Зорькин В.Д.* Десять лекций о праве. М., 2021. С. 153, 163.
11. *Капелюшников Р.И.* Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? (препринт WP3/2020/04). М., 2020. С. 15.
12. *Кислицына О.А.* Введение системы безусловного базового дохода: что думают россияне? Кто «за», кто «против»? // Вестник ИЭ РАН. 2019. № 3. С. 32–47.
13. *Кичкаев В.* Прекариат: небезопасный класс. URL: https://www.otdelkadrov.by›number/2015/9/09201514/ (дата обращения: 19.01.2021).
14. *Кроткова Н.В.* Научное творчество Г.В.Ф. Гегеля и перспективы развития современной философии права: к 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля и 200-летию его «Философии права» // Государство и право. 2020. № 12. С. 163–177. DOI: 10.31857/S102694520012823-6.
15. *Лапаева В.В.* Право и правовое государство в постсоциалистической России: состояние и перспективы развития // Социс. 2016. № 7. С. 66–77.
16. *Лапаева В.В.* Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсесянца // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 44–56.
17. *Львов Д.С.* Перспективы долгосрочного социально-экономического развития России. Доклад, прочитанный в Президиуме РАН // Вестник

[70] *Нерсесянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. С. 41.

[71] Там же. С. 43.

РАН. 2003. Т. 73. № 8. URL: http://ivovoco.astronet.ru›VV/JOURNAL/VRAN...ECONOM.HTM (дата обращения: 20.07.2017).

18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1962. С. 386.
19. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 772.
20. *Нерсесянц В.С.* Гегелевская диалектика права: этатизм против тоталитаризма // Вопросы философии. 1975. № 11. С. 145–150.
21. *Нерсесянц В.С.* Закономерности становления и развития социалистической собственности // Вестник АН СССР. 1989. № 9. С. 8.
22. *Нерсесянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001. С. 13, 30, 41, 43.
23. *Нерсесянц В.С.* Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М., 1992. С. 314.
24. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2006. С. 180, 181, 509.
25. *Нерсесянц В.С.* Философия права Гегеля. М., 1998. С. 10, 326, 339, 340.
26. *Нерсесянц В.С.* Фрагменты философских эссе (из неопубликованного) // *Лапаева В.В.* Владик Сумбатович Нерсесянц. Ереван, 2009. С. 107.
27. *Оздемиров У.* Безусловный базовый доход как национальная идея. URL: https://www. pravda.ru›economics/1507915-income/ (дата обращения: 09.01.2020).
28. *Павлов А.В.* Бесплатные деньги в мышеловке надзорного капитализма: базовый доход и социальная теория // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 201, 207.
29. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М., 2015.
30. *Поппер К.* Что такое диалектика? URL: https://www.libking.ru›...karl-popper-chto-takoe-dialektika.html (дата обращения: 09.01.2020).
31. *Порус В.Н.* Доклад на заседании проблемно-поискового семинара Ученого совета Института философии РАН «Современные проблемы философии истории» на тему «Два лика философии истории» 11 апреля 2019 г. // Сайт ИФ РАН // https://www.iphras.ru (Архив событий 2019 г.) (дата обращения: 17.01.2021).
32. Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020. С. 11.
33. *Сапольски Р.* Биология добра и зла. М., 2020. С. 435.
34. *Сафонов А.Л.* Базовый доход: новое звучание // Центральная профсоюзная газета «Солидарность». URL: https://www.solidarnost.org›...aleksandr-safonov/bazovyy-dohod... (дата обращения: 07.01.2021).
35. *Фридман М.* Капитализм и свобода / пер. с англ. М., 2006. С. 220–224.
36. *Фридман М.* Свобода, равенство и эгалитаризм (гл. 5) // Фридман М., Фридман Р. Хозяева своей судьбы / пер. с англ. А. Бабича. New York, 1980. С. 70.
37. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010.
38. *Хайек Ф.* Конституция свободы. М., 2018. С. 338.
39. *Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 239.
40. *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004. С. 283.
41. *Явлинский Г.А.* Рецессия капитализма – скрытые причины. Realeconomik. М., 2014.
42. Basic instinct. Hannah Black and Philippe Van Parijs discuss Universal Basic Income. URL: https://www.artforum.com›...hannah...philippe...parijs...universal... (April 17, 2020) (дата обращения: 19.01.2021).
43. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. New York, 2018.
44. *De Waal F., Macedo S.* Primates and Philosophies: How Morality Evolved. Princeton, 2009.
45. Does Capitalism Have a Future? London, 2013.
46. *Fliessbach K., Phillipps C., Trautner P., etc.* Neural responses to advantageous and disadvantageous inequity. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3370647 (дата обращения: 15.02.2020).
47. *Ming H., Cédric A., Steven Q.* The Right and the Good: Distributive Justice and Neural Encoding of Equity and Efficiency // Science. 2008. V. 320. P. 1092–1095.
48. *Prochazka T.* Zwolinski: Basic income helps 'protect freedom'. URL: https://www.basicincome.org›news...zwolinski...protect-freedom/ (Aug 24, 2016) (дата обращения: 09.01.2020).
49. *Rallo J.* Libertarianism and Basic-Income Guarantee: Friends or Foes? // Journal of Business Ethics. 2019. P. 25, 32.
50. *Standing G.* Basic income. And how we can make it happen. London, 2017. Part 2. URL: https://www.goodreads.com/book/show/32887592-basic-income (дата обращения: 09.01.2020).
51. *Van Parijs Ph.* Marxism Recycled. Cambridge, 1993. P. 155.
52. *Wright R.* The Moral Animal. Why We Are The Way We Are: The New Science of Evolutionary Psychology. L., 1995.

REFERENCES

1. *Andreenkova A.V.* Comparative analysis of the population's attitude to the idea of unconditional basic

income in Russia and in Europe // Sociological research. 2020. No. 1. P. 18–30 (in Russ.).

2. *Blokhin K.V.* Unconditional basic income and prospects for its implementation in Russia // Innovative Science. 2017. No. 3. P. 132 (in Russ.).
3. *Bregman R.* Utopia for realists: how to build an ideal world. M., 2018. P. 35 (in Russ.).
4. *Van Parays F., Vanderborcht J.* Basic income. A radical project for a free society and a healthy economy. M., 2020. P. 8 (in Russ.).
5. *Vasiliev S.F.* Who is Karl Popper? (On the question of the relationship between K. Popper and dialectics). URL: https://www.edu.secna.ru>media/f/vasiliev.pdf (accessed: 09.01.2020) (in Russ.).
6. *Hegel G.* Encyclopedia of Philosophical Sciences. M., 1974. Vol. 1. The Science of logic. P. 206 (in Russ.).
7. *Gontmacher E. Sh.* Basic (unconditional) income: political economic aspect // Economic policy. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 70, 76 (in Russ.).
8. *Guseynov A.A.* From the individual to the society, or what kind of society do we live in? // And again at the crossroads. M., 2020. P. 179 (in Russ.).
9. *Erofeeva M.A., Klovayt N.* Basic income: the capitalist path to communism? Book review: *Standing G.* Basic income. And how we can make it happen, London: Pelican-Penguin, 2017 // Sociology of Power. 2018. Vol. 30. No. 4. P. 160, 261, 285 (in Russ.).
10. *Zorkin V.D.* Ten lectures on law. M., 2021. P. 153, 163 (in Russ.).
11. *Kapelyushnikov R.I.* Universal basic income: does it have a future? (preprint WP3/2020/04). M., 2020. P. 15 (in Russ.).
12. *Kislitsyna O.A.* Introduction of the system of unconditional basic income: what do Russians think? Who is "for", who is "against"? // Herald of the IE of the RAS. 2019. No. 3. P. 32–47 (in Russ.).
13. *Kichkaev V.* Precariat: unsafe class. URL: https://www.otdelkadrov.by"number/2015/9/09201514/ (accessed: 19.01.2021) (in Russ.).
14. *Krotkova N.V.* The scientific work of G.W.F. Hegel and prospects of development of modern philosophy of law: to the 250th anniversary of the birth of G.W.F. Hegel and the 200th anniversary of his "Philosophy of Law" // State and Law. 2020. No. 12. P. 163–177. DOI: 10.31857/S102694520012823-6 (in Russ.).
15. *Lapaeva V.V.* Law and the rule of law in post-socialist Russia: current state and prospects of development // Socis. 2016. No. 7. P. 66–77 (in Russ.).
16. *Lapaeva V.V.* Socialism as a natural stage of the world-historical process: from the standpoint of the concept of civilization by V.S. Nersesyants // Questions of philosophy. 2018. No. 7. P. 44–56 (in Russ.).
17. *Lvov D.S.* Prospects of long-term socio-economic development of Russia. The report read in the Presidium of the RAS // Herald of the RAS. 2003. Vol. 73. No. 8. URL: http://ivovoco.astronet.ru"VV/JOURNAL/VRAN...ECONOM.HTM (accessed: 20.07.2017) (in Russ.).
18. *Marx K., Engels F.* Essays. M., 1962. P. 386 (in Russ.).
19. *Marx K., Engels F.* Essays. 2nd ed. M., 1955. Vol. 4. P. 772 (in Russ.).
20. *Nersesyants V.S.* The Hegelian dialectic of law: statism versus totalitarianism // Questions of philosophy. 1975. No. 11. P. 145–150 (in Russ.).
21. *Nersesyants V.S.* Regularities of the formation and development of socialist property // Herald of the AS of the USSR. 1989. No. 9. P. 8 (in Russ.).
22. *Nersesyants V.S.* The national idea of Russia in the world-historical progress of equality, freedom and justice. Manifesto about civilization. M., 2001. P. 13, 30, 41, 43 (in Russ.).
23. *Nersesyants V.S.* Our path to Law. From socialism to civilization. M., 1992. P. 314 (in Russ.).
24. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: textbook for universities. M., 2006. P. 180, 181, 509 (in Russ.).
25. *Nersesyants V.S.* Hegel's Philosophy of Law. M., 1998. P. 10, 326, 339, 340 (in Russ.).
26. *Nersesyants V.S.* Fragments of philosophical essays (from unpublished) // *Lapaeva V.V.* Vladik Sumbatovich Nersesyants. Erevan, 2009. P. 107 (in Russ.).
27. *Ozdemirov U.* Unconditional basic income as a national idea. URL: https://www.pravda.ru" economics/1507915-income/ (accessed: 09.01.2020) (in Russ.).
28. *Pavlov A.V.* Free money in the mousetrap of supervisory capitalism: basic income and social theory // Sociological review. 2020. Vol. 19. No. 2. P. 201, 207 (in Russ.).
29. *Piketty T.* Capital in the XXI century. M., 2015 (in Russ.).
30. *Popper K.* What is dialectics? URL: https://www.libking.ru"...karl-popper-chto-takoe-dialektika.html (accessed: 09.01.2020) (in Russ.).
31. *Porus V.N.* Paper presented at the meeting of problem-search seminar of the scientific Council of the Institute of philosophy "Modern problems of philosophy of history" on "The two faces of the Philosophy of History," April 11, 2019 // Website of the IPh of the RAS // https://www.iphras.ru (Archives event 2019) (accessed: 17.01.2021) (in Russ.).
32. The precariat: the rise of the new class / ed. by Zh.T. Toshchenko. M., 2020. P. 11 (in Russ.).
33. *Sapolsky R.* Biology of good and evil. M., 2020. P. 435 (in Russ.).
34. *Safonov A.L.* Basic income: a new sound // Central trade union newspaper "Solidarity". URL: https://www.soli-

darnost.org"...aleksandr-safonov/bazovyy-dohod... (accessed: 07.01.2021) (in Russ.).

35. *Friedman M.* Capitalism and freedom / transl. from the English. M., 2006. P. 220–224 (in Russ.).
36. *Friedman M.* Freedom, equality and egalitarianism (Chapter 5) // Friedman M., Friedman R. The masters of our own fate / transl. from the English A. Babich. New York, 1980. P. 70 (in Russ.).
37. *Habermas Yu.* The problem of legitimation of late capitalism. M., 2010 (in Russ.).
38. *Hayek F.* Constitution of Freedom. M., 2018. P. 338 (in Russ.).
39. *Hayek F.* Law, legislation and freedom. M., 2006. P. 239 (in Russ.).
40. *Hardt M., Negri A.* Imperia. M., 2004. P. 283 (in Russ.).
41. *Yavlinsky G.A.* The recession of capitalism-hidden causes. Realeconomik. M., 2014 (in Russ.).
42. Basic instinct. Hannah Black and Philippe Van Parijs discuss Universal Basic Income. URL: https://www.artforum.com›...hannah...philippe...parijs...universal... (April 17, 2020) (accessed: 19.01.2021).
43. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. New York, 2018.
44. *De Waal F., Macedo S.* Primates and Philosophies: How Morality Evolved. Princeton, 2009.
45. Does Capitalism Have a Future? London, 2013.
46. *Fliessbach K., Phillipps C., Trautner P., etc.* Neural responses to advantageous and disadvantageous inequity. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3370647 (accessed: 15.02.2020).
47. *Ming H., Cédric A., Steven Q.* The Right and the Good: Distributive Justice and Neural Encoding of Equity and Efficiency // Science. 2008. V. 320. P. 1092–1095.
48. *Prochazka T.* Zwolinski: Basic income helps 'protect freedom'. URL: https://www.basicincome.org›news...zwolinski...protect-freedom/ (Aug 24, 2016) (accessed: 09.01.2020).
49. *Rallo J.* Libertarianism and Basic-Income Guarantee: Friends or Foes? // Journal of Business Ethics. 2019. P. 25, 32.
50. *Standing G.* Basic income. And how we can make it happen. London, 2017. Part 2. URL: https://www.goodreads.com/book/show/32887592-basic-income (accessed: 09.01.2020).
51. *Van Parijs Ph.* Marxism Recycled. Cambridge, 1993. P. 155.
52. *Wright R.* The Moral Animal. Why We Are The Way We Are: The New Science of Evolutionary Psychology. L., 1995.

Сведения об авторе

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна –
доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, теории и истории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

LAPAEVA Valentina V. –
Doctor of Law, Chief Researcher, sector of Philosophy of Law, theory and history of the state and law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 114–123
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 114–123

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА

УДК 343.112

ОТВОД СУДЬИ КАК ГАРАНТИЯ ЕГО НЕЗАВИСИМОСТИ ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ

© 2021 г. Т. К. Рябинина

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

E-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.02.2020 г.

Аннотация. Рассмотрены вопросы совершенствования процедуры заявления и рассмотрения отвода судье, обеспечивающего независимость и непредвзятость судьи при рассмотрении уголовного дела по существу. Автором подчеркивается важность существования такого института не только с позиции правовых требований, но и моральных. В статье обращается внимание на правовые новеллы, введенные в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, исключающие проявление заинтересованности у судьи и повышающие доверие к судье как носителю судебной власти.

Ключевые слова: правосудие, уголовное судопроизводство, справедливость, независимость, беспристрастность судьи, отводы, предварительное слушание.

Цитирование: *Рябинина Т.К.* Отвод судьи как гарантия его независимости при отправлении справедливого правосудия // Государство и право. 2021. № 6. С. 114–123.

Публикация подготовлена в рамках государственного задания на 2020 год по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

DOI: 10.31857/S102694520015125-8

RECUSAL OF A JUDGE AS A GUARANTEE OF HIS INDEPENDENCE IN THE ADMINISTRATION OF FAIR JUSTICE

© 2021 T. K. Ryabinina

South-Western State University, Kursk

E-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru

Received 28.02.2020

Abstract. The issues of improving the application procedure and consideration of the challenge to the judge, which ensures the independence and impartiality of the judge when considering a criminal case on the merits, are considered. The author emphasizes the importance of the existence of such an institution not only from the point of view of legal requirements, but also moral ones. The article draws attention to the legal novelties introduced in the criminal procedure law in recent years, which exclude the manifestation of interest and subjectivity in the judge, and increase confidence in the judge as the bearer of judicial power.

Key words: justice, criminal proceedings, justice, independence, impartiality of the judge, challenges, preliminary hearing.

For citation: *Ryabinina, T.K. (2021).* Recusal of a judge as a guarantee of his independence in the administration of fair justice // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 114–123.

The publication was prepared as part of the state task for 2020 on the topic "Transformation of private and public law in the context of evolving individuals, society and the state" (No. 0851-2020-0033).

Традиционно уголовное судопроизводство рассматривается как деятельность уполномоченных государственных органов по расследованию и разрешению уголовного дела в порядке, установленном законом, с возможностью применения ими мер процессуального принуждения и принятием решений, содержащих волеизъявление, обязательное для исполнения теми участниками судопроизводства, к которым оно обращено. Более того, уголовное судопроизводство – наиболее конфликтная сфера деятельности, в которой, с одной стороны, осуществляется уголовное преследование лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а с другой – обеспечивается защита лиц, пострадавших от этих преступлений. И эта деятельность, за редким исключением, чаще всего протекает в острой обстановке, т.к. вовлеченные в производство по уголовному делу лица, как правило, преследуют разные цели и, оспаривая доводы противоположной стороны, применяют нередко незаконные и безнравственные средства достижения своих интересов, не соблюдая установленные законом правила, препятствуя производству по уголовному делу.

Поэтому так важно в сфере уголовного судопроизводства опираться не только на нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, но и на нравственные нормы. Особую значимость нравственные начала приобретают в судебной деятельности, поэтому правовые нормы, регулирующие ее, наполнены глубоким нравственным содержанием. Закон и нравственность – основа правосудия[1]. Высокие нравственные требования предъявляются как к закону, применяемому органами, осуществляющими производство по уголовному делу, так и к лицам, принимающим решения на его основе, в первую очередь к судьям. Осуществлять правосудие может только тот, кто отвечает высоким моральным требованиям, предъявляемым к тем, кто наделен правом судить о поступках другого человека. Авторитет судебной власти зависит от того, насколько полно в судебной деятельности заключен нравственный смысл и как он реализуется на практике.

Важно также, что сама концепция разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную имеет не только политическое, правовое, философское, но и нравственное значение, поскольку ее реализация позволяет суду быть в действительности независимой властью, а судьям как единственным носителям этой власти – осознать свое высокое предназначение в обществе[2].

Провозглашенные в Конституции РФ вслед за такими важнейшими международными актами, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, принципы судебной деятельности: справедливость суда; гласное рассмотрение дела в суде; равенство граждан перед законом и судом; независимость судей, их беспристрастность, объективность в своих решениях и действиях; высокая профессиональная подготовка судей, их компетентность – одновременно являются и нравственными принципами. Такое глубокое взаимопроникновение они приобрели в результате многовековой общественной практики[3].

Правосудие всегда отождествлялось со справедливостью. Более того, эти понятия имеют общее происхождение – от слова «право». Требование справедливости характеризует все содержание деятельности по отправлению правосудия. В сфере уголовного судопроизводства, где межличностные конфликты порой бывают обострены до предела, когда одна сторона – пострадавшая от преступления – ждет от суда восстановления своих нарушенных прав, а другая – подвергнувшаяся со стороны государства уголовному преследованию, принудительным мерам воздействия, – надеется на справедливое решение вопроса о виновности (или невиновности) и гуманное назначение наказания в случае признания вины доказанной, справедливость приобретает особое значение, находя свое выражение для обеих сторон в разрешении уголовно-правового конфликта посредством свершения правосудия.

Понятие «справедливое правосудие» весьма емкое и всеобъемлющее. Оно включает в себя разрешение конкретного дела независимым, компетентным судом, в соответствии с полно и объективно исследованными обстоятельствами, с соблюдением предусмотренной процедуры, согласно внутреннему убеждению судей, выразившемуся в признании лица, совершившего преступление, виновным и назначении ему заслуженного наказания, и оправдании невиновного и полной его реабилитации.

Право на справедливое судебное разбирательство гарантируется п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, который гласит: «Каждый в случае спора

[1] См.: *Ryabinina T.K.* The moral content of legal norms regulating the status of a person in criminal proceedings // International Multidisciplinary Scientific Conferences. Book 2. Social sciences & arts SGEM 2015 SGEM conference on political sciences, law, finance, economics and tourism. VOLUME 1. ISBN978-619-7105-46-9 / ISSN2367–5659. DOI: 10.5593/sgemsocial2015B21. Section: Political Sciences. Section: Law. Bulgaria, Albena, 2015. P. 753–760.

[2] См.: *Kozyavin A.A., Chistilina D.O.* Criminal proceedings and the civil society's institutions in Russia: the cooperation system and the social factors influencing its efficiency // SGEM Conference Social science and Arts. Bulgarian Academy of Sciences. 26 August – 1 September, 2015, Albena, Bulguria. P. 529–536.

[3] См. подр.: *Рябинина Т.К.* Нравственные начала уголовного процесса: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Курск, 2007. С. 288.

о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»[4], развивается ст. 120 Конституции РФ, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации», Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации», Уголовно-процессуальным кодексом РФ, установившими целый комплекс социальных, политических, экономических и юридических гарантий независимости судей.

Среди гарантий справедливого правосудия следует выделить независимость судей, их беспристрастность, непредубежденность. Если бы не существовало независимости судей, если бы решения суда выражали не выводы и убеждения судей, рассматривающих дело, а были бы навязаны извне чьим-либо незаконным вмешательством, то ни о подлинном правосудии, ни о его справедливости не могло быть и речи[5].

Высоко оценивая правовые гарантии независимости судей, нельзя не заметить, что существенную роль в ее обеспечении играют и нравственные гарантии осуществления правосудия. Так, один из основателей юридической этики Л.Д. Кокорев писал: «Основная гарантия независимости судей – это их нравственное сознание. Какими бы совершенными ни были правовые и организационные гарантии, они окажутся ничтожными, если нравственные устои судьи позволяют ему принимать решение не на основании закона и своего убеждения, а в угоду тому или иному влиянию»[6].

Важность реализации данной гарантии обусловила включение Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 166-ФЗ в систему принципов уголовного судопроизводства требования о независимости судей в качестве самостоятельного принципа, что нашло отражение во введении в УПК РФ статьи 8[1]. В теории уголовного процесса он и раньше отмечался учеными не только как принцип правосудия и судоустройства, но и как уголовно-процессуальный принцип. По мнению отдельных авторов, данный принцип наравне с другими подобными принципами, связанными с судоотправлением как одним из главных направлений судебной деятельности (принципы законности, публичности, равенства всех перед законом и судом, национального языка судопроизводства и др.), одновременно относится к принципам судебной деятельности, которыми охватываются принципы правосудия[7]. Тесная взаимосвязь прослеживается между принципами осуществления правосудия только судом и независимости судей, что обусловлено тем, что осуществлять истинное правосудие, т.е. разрешение любого правового спора или конфликта по закону и справедливости, и тем более признать лицо виновным и назначить ему наказание, может только независимый и беспристрастный орган, обеспечивающий защиту прав и свобод человека и гражданина.

Понятие «независимость судей» следует рассматривать в двух аспектах – в институциональном аспекте, означающем самостоятельность, автономность суда (судебной власти) по отношению к другим государственным органам (другим ветвям государственной власти), и независимость носителей судебной власти – судей в содержательном значении этого термина, сводящегося к конституционно-правовому статусу судей, характеризующемуся в т.ч. беспристрастностью судей и подчинением их только закону. И если первый аспект напрямую связан с реализацией принципа разделения властей, то второй аспект подразумевает существование определенных объективных и субъективных гарантий, обеспечивающих независимость и беспристрастность судей, отсутствие предубеждений или тенденциозности при рассмотрении ими конкретных дел[8].

Объективные гарантии независимости судей сводятся к средствам, обеспечивающим формирование судейского корпуса, который не вызывал бы сомнений в его беспристрастности: ответственность государства за судебные ошибки; неприкосновенность судей; финансирование судебной системы из федерального бюджета; материально-техническое обеспечение судов и социальное обеспечение судей и проч. Субъективный критерий обеспечения независимости судей в большей степени связан с правилом об исключении

---

[4] См. комментарий к этому положению: *Лукайдес Лукис Г.* Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Росс. юстиция. 2004. № 2. С. 8–20; *Chebotareva I., Pashutina O., Revina I.* The Concept of "Fair Trial": The Ratio Of Russian And International Standards // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. SCTCMG 2019. Vol. LXXVI. P. 583–589. doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.79; и др.

[5] См.: *Цыпкин А.Л.* Очерки советского уголовного судопроизводства. Саратов, 1975. С. 76.

[6] *Кокорев Л.Д.* Суд в механизме государственной власти // Юридические записки. Вып. 3: Проблемы государственной власти. Воронеж, 1995. С. 62.

[7] См.: *Безнасюк А.С., Рустамов Х.У.* Судебная власть: учеб. для вузов. М., 2002. С. 51.

[8] См.: *Стецовский Ю.И.* Судебная власть: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2000. С. 85–114; *Астафьев А.Ю.* Процессуальные гарантии эффективности правосудия по уголовным делам: проблемы теории и практики. М., 2014. С. 89–111; *Газдинов Н.И.* Самостоятельность и независимость судебной власти // Росс. юстиция. 2015. № 12. С. 34–37; *Бурмагин С.В.* Статус и деятельность суда в уголовном процессе: учеб. пособие. М., 2016. С. 55–62.

возможности оказывать давление, воздействие на судей при осуществлении ими полномочий по отправлению правосудия со стороны кого бы то ни было; принимать решение под влиянием каких-либо политических, общественных интересов, личных эмоций, симпатий или антипатий к отдельным участникам процесса.

Такие гарантии независимости судей находят свое развитие и конкретизацию в уголовно-процессуальном законодательстве[9]. Так, Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит ряд правовых положений, обеспечивающих невмешательство в судебную деятельность сторонних лиц и ограждающих судей от принятия ими решений под влиянием каких-либо субъективных факторов. Это и правила об отводах и самоотводах судей, и правила оценки доказательств по внутреннему убеждению судей, и запрет на проведение некоторых процессуальных действий без получения на то согласия сторон, и строгая процедура при принятии определенных решений, в т.ч. особый порядок принятия решения при коллегиальном составе судей, и судебный надзор со стороны вышестоящих судов за законностью решений нижестоящих судов, и введенное правило о запрете внепроцессуальных обращений, поступивших судьям, по уголовным делам, находящимся в их производстве, и предании гласности таких фактов, т.е. все, что исключает или по крайней мере минимизирует субъективный, пристрастный подход к разрешению конкретного уголовного дела, правового спора или вопроса, отнесенных к компетенции данного суда.

Одной из существенных правовых гарантий независимости судей является институт отвода и самоотвода судей, заключающийся в исключении участия в деле судей, находящихся в родственных, дружеских или других отношениях с участниками процесса, заинтересованных прямо или косвенно в исходе рассмотрения дела, запрете повторного участия судьи в рассмотрении дела.

Нравственный аспект правил об отводе судей очевиден. Но, тем не менее, надо признать, что отсутствие у судей личной заинтересованности в исходе дела предполагает возложение на них моральной ответственности в надлежащем рассмотрении дела, основанной на чувстве профессиональной ответственности в связи с осуществлением ими столь высокой миссии вершителя правосудия.

В целях обеспечения независимости судей в Уголовно-процессуальном кодексе РФ предусматриваются основания исключения участия судьи в рассмотрении дела, процедура разрешения заявленных отводов судье или всему составу суда в случае, если дело рассматривается коллегией судей (ст. 61–65).

Вместе с тем следует согласиться с авторами, считающими, что практика рассмотрения заявляемых судье отводов, носящая малораспространенный, а порой единичный характер, обусловлена и рядом теоретических проблем, связанных с механизмом определения обстоятельств, исключающих участие судьи в уголовном процессе, это: 1) вопрос о понятии и сущности института отвода судьи; 2) проблема оснований отвода; 3) вопрос о надлежащей процедуре рассмотрения ходатайства об отводе[10].

Несомненно, вопрос о понятии отвода, причем не только судьи, но и любого другого участника судопроизводства независимо от правовой сферы, в которой он участвует (гражданской процессуальной, административной и проч.), заслуживает самостоятельного изучения, что невозможно осуществить в рамках данной статьи в силу акцентирования внимания в ней на несколько иных аспектах. Однако нельзя не заметить при этом, что в юридической литературе наметилась тенденция рассматривать понятие отвода судей с двух позиций: в объективном смысле (как неспособность осуществлять судейские полномочия в целом) и субъективном смысле (невозможность обеспечить беспристрастное рассмотрение спора)[11], что расширяет возможности теоретического исследования сущности и значения института отвода судьи.

Перечень оснований отвода судьи, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 61 и ст. 63 УПК РФ, позволяет сформировать единообразную судебную практику при разрешении заявленных отводов. И все же в этом вопросе правоприменительная практика обнажила ряд проблем, нуждающихся в разрешении. Остается неурегулированным вопрос о том, что судья подлежит отводу не только в том случае, когда он является близким родственником или родственником кого-либо из участников производства по делу, но также и в тех ситуациях, когда среди этих участников имеются близкие судье лица – в смысле, придаваемом этому термину п. 3 ст. 5 УПК РФ[12], например, свойственники[13]. Предлагается включить в этот перечень и факт предыдущего участия судьи в качестве дознавателя,

[9] См.: *Вилкова Т.* Процессуальные гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2014. № 2. С. 100–106.

[10] См.: *Деришев Ю.В., Краснов В.Е.* Отвод судьи как гарантия справедливого уголовного правосудия // Вестник Омской юрид. академии. 2016. № 4 (33). С. 86.

[11] См.: *Науменков А.В.* Отвод судей в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 25.

[12] См.: *Деришев Ю.В., Краснов В.Е.* Указ. соч. С. 87.

[13] См.: *Тетюев С.В.* Возможность отвода судьи – гарантия беспристрастности состава суда // Росс. юстиция. 2012. № 12. С. 43.

следователя, прокурора, судьи и т.д. в рамках иного судопроизводства в одном деле с заявителем или сторонами[14].

Наибольшие сложности в правоприменении возникают при установлении у судьи личной, прямой или косвенной заинтересованности судьи в исходе дела либо иных обстоятельств, вызывающих сомнение в его объективности и беспристрастности. Как справедливо отметил М.И. Клеандров, «никакой нормой права невозможно формализовать и зафиксировать субъективное ощущение судьи, опасающегося, что в данном конкретном процессе он может оказаться недостаточно беспристрастным, полностью нетенденциозным к определенному участнику процесса, к оценке конкретных доказательств, к тем или иным обстоятельствам дела, к последствиям собственного решения по делу, если оно им будет принято, и т.д.»[15], поэтому в каждом конкретном случае подобные отводы необходимо разрешать индивидуально.

О предвзятости и необъективности судей могут свидетельствовать какие-либо связи с участником процесса (финансовые, деловые, дружеские), публичные высказывания по существу дел, находящихся в их производстве, до вступления в законную силу принятых по ним судебных решений, проявление предубеждения расового, полового, религиозного или национального характера, разного рода обстоятельства, относящиеся к поведению судьи в ходе судопроизводства по делу и во внеслужебное время, умаляющие их честь, достоинство и репутацию[16]. Подорвать доверие к судье могут и факты из прошлой его жизни – личной, семейной, общественной. Например, довольно часто участники процесса заявляют отвод судье по мотиву его знакомства с кем-то из других участников процесса, например, с обвиняемым или потерпевшим. Понятно, если дело рассматривается в небольшом населенном пункте, где все друг друга знают, вопрос о недопустимости участия судьи в рассмотрении дела не корректен. Другое дело, если будет установлено, что отношения судьи с кем-либо из участников судебного разбирательства выходят за рамки обыденных и носят характер или дружеских, или, напротив, конфликтных, возникших, например, на месте прежней работы (учебы, проживания и пр.) судьи, задолго до его судейской деятельности.

Несовершенна и процедура разрешения заявленных отводов судье. Так, заявленный судье, нескольким судьям или всему составу судей отвод должен быть в установленном порядке разрешен судом в совещательной комнате (ст. 65 УПК РФ). Таким же образом разрешается и отвод, заявленный судье, рассматривающему дело единолично, хотя процедура, когда судья в совещательной комнате разрешает отвод в отношении самого себя, выглядит формальностью и неубедительна.

Нельзя обойти стороной существенную новеллу (по сравнению с УПК РСФСР) в регламентации института отвода. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 62 УПК РФ судья, обнаружив наличие оснований для отвода, предусмотренных законом, обязан устраниться от участия в производстве по делу, не дожидаясь того, что отвод ему будет заявлен кем-либо из участников процесса. В противном случае умолчание судьи об имеющихся основаниях для самоустранения может дать серьезный повод для предположения, что судья намеревался остаться в составе суда, и породить сомнение в беспристрастности такого судьи.

Отмечая глубокий моральный смысл в возможности судье самоустраниться от участия в рассмотрении уголовного дела, следует обратить внимание на то, что такой порядок может породить другую проблему, также носящую нравственный характер. Казалось бы, судья, сам сомневающийся в том, в состоянии ли он обеспечить объективное, беспристрастное, непредубежденное рассмотрение дела, должен быть освобожден от участия в деле. Но не повлечет ли возможность безграничного самоустранения судей от участия в деле, а также их необоснованные самоотводы уклонение от исполнения долга судьи, и не свидетельствуют ли такие факты об отсутствии у судей чувства ответственности перед обществом за возложенную на них миссию?[17] На наш взгляд, высокий статус судьи означает наличие у него твердых нравственно-психологических, волевых установок на принятие справедливого решения в любых, даже экстремальных, условиях, и только личная заинтересованность должна стать препятствием для отправления судьей правосудия.

Имеется в уголовном судопроизводстве и проблема процедурного свойства. Так, законодатель не установил порядок самоустранения судьи, как, впрочем, и других лиц от участия в производстве по делу. В законодательстве следует предусмотреть положение, регламентирующее обязательность вынесения в данном случае судьей постановления и направления копии этого постановления сторонам.

---

[14] См.: *Багаутдинов Ф.Н.* Актуальные проблемы отвода судьи в современных условиях // Журнал росс. права. 2009. № 5. С. 96.

[15] *Клеандров М.И.* Судейское сообщество: структура, организационно-правовое развитие. М., 2014. С. 305.

[16] См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 199.

[17] См.: *Рябинина Т.К.* Нравственные начала уголовного процесса. С. 292, 293.

Такое же замечание можно высказать и в отношении процедуры заявления и рассмотрения отводов судей в стадии назначения и подготовки судебного заседания. Исключением следует признать положение о том, что отводы, заявленные судье на предварительном слушании, рассматриваются в порядке, предусмотренном для стадии судебного разбирательства (ст. 65, 266 УПК РФ). Не ясно, какое решение должен принять судья, установивший при изучении материалов поступившего в суд уголовного дела наличие обстоятельств на самоустранение из процесса, поскольку, во-первых, не предусматривается возможность принятия судьей решения о рассмотрении заявления о его отводе или самоотводе на данном этапе, и, во-вторых, принятие такого решения возможно только в судебном заседании (ст. 65 УПК РФ).

Учитывая, что заявление об отводе судьи, как, впрочем, и других участников уголовного процесса может поступить от любой из сторон как вместе с материалами дела, так и самостоятельно (главное, чтобы до принятия решения о назначении судебного заседания), судья в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 228 УПК РФ обязан разрешить его наряду с другими ходатайствами. Такой порядок рассмотрения отводов будет способствовать исключению создания ситуаций, когда при положительном разрешении заявленного в подготовительной части судебного разбирательства отвода всему составу суда, нескольким судьям или судье, рассматривающему уголовное дело единолично, дело подлежит передаче другому судье или другому составу суда, что повлечет ненужную волокиту и осложнения при повторном вызове участников процесса, поэтому следовало бы предусмотреть возможность разрешения заявленных отводов и самоотводов в стадии назначения и подготовки судебного заседания. Логично, что такие отводы необходимо рассматривать на предварительном слушании, поскольку общие правила порядка рассмотрения заявлений об отводах в судебном разбирательстве предусматривают проведение судебного заседания с участием заинтересованных лиц, с обсуждением мотивов и оснований этих отводов, а также выслушиванием объяснений или возражений по поводу их заявления (ст. 64, 65 УПК РФ). Более того, заявление такого ходатайства, на наш взгляд, должно стать основанием проведения предварительного слушания (для чего следует дополнить ч. 2 ст. 229 УПК РФ соответствующей нормой). Причем предлагаемый порядок целесообразно применить не только к судьям, но и к другим лицам, если имеются обстоятельства, исключающие возможность их участия в судопроизводстве[18].

Полагаем, что не в полной мере законодатель урегулировал проблему недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела. Как известно, имеется запрет повторно участвовать в рассмотрении дела судье, ранее принимавшему участие в рассмотрении того же уголовного дела в суде любой инстанции (ст. 63 УПК РФ). При этом законодатель не принял во внимание существенное расширение судебных полномочий в досудебном производстве и не предусмотрел невозможность судьи, принимавшего решения в ходе досудебного производства о производстве процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, в т.ч. о заключении обвиняемого под стражу, или рассматривавшего жалобы на действия и решения прокурора, следователя, дознавателя, принимать участие в рассмотрении уголовного дела по существу в случае его поступления в суд[19]. Тем самым, по мнению законодателя, деятельность судьи на ранних стадиях уголовного процесса никоим образом не может повлиять на его объективность и беспристрастность при рассмотрении дела по существу, и принятые им ранее решения не будут связывать его в последующих выводах по этому же делу. При этом установлен запрет возложения на одного и того же судью на постоянной основе полномочий, связанных с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу и продлением сроков содержания под стражей (ч. 13 ст. 108 УПК), гарантируя хотя бы по этому вопросу непредубежденность судьи.

Подобный подход к урегулированию столь существенного вопроса вряд ли обоснован, и, думается, что, закрепив такие правила, законодатель преследовал в большей степени не цель повышения эффективности правосудия, которая немыслима без подлинной реализации беспристрастности и независимости судей, а цель экономии материальных и кадровых ресурсов, поскольку понятно, что иное решение этого вопроса повлекло бы непосильные для нашего государства затраты на расширение судейского корпуса. Однако за годы действия Уголовно-процессуального кодекса РФ судейский корпус существенно расширился, поэтому считаем, что запрет на рассмотрение судьей уголовного дела, по которому он уже принимал решение в досудебном производстве, вполне может быть реализован.

Требует законодательного закрепления и правило о запрете участия судьи в рассмотрении дела в суде первой инстанции, если он принимал решение о возвращении уголовного дела прокурору

[18] См.: *Рябинина Т.К.* Предварительное слушание как средство соблюдения разумности срока уголовного судопроизводства // Государство и право. 2013. № 2. С. 55.

[19] См.: *Каретников А.С., Каретников С.А.* Проблемы участия судьи в рассмотрении уголовного дела, по которому он принимал решения в процессе предварительного расследования // Росс. судья. 2016. № 11. С. 56–60.

на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Судебная практика исходит из того, что «осуществление проверки наличия препятствий рассмотрению уголовного дела по существу при условии, указанном в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, связано с оценкой судом фактических обстоятельств, изложенных в обвинительном заключении, и, таким образом, свидетельствует о возникновении в данных условиях обоснованных сомнений в объективности и беспристрастности судьи при разрешении дела по существу и является препятствием для участия судьи в рассмотрении данного дела»[20]. Поэтому при поступлении уголовного дела в суд повторно судье следует тщательным образом проверить, по какому основанию было возвращено уголовное дело прокурору, прежде чем принять решение о назначении судебного заседания. С учетом уже устоявшейся судебной практики, богатой примерами, когда вышестоящие суды отменяют приговоры судов первой инстанции в связи с выявленными нарушениями правил о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела (ст. 63 УПК РФ), во избежание подобных ситуаций в будущем также следует установить запрет на рассмотрение дела судьей в случаях: если судья принимал участие в рассмотрении уголовного дела в отношении соучастников преступления, в совершении которого обвиняется лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, то он не может участвовать в рассмотрении уголовного дела в отношении такого лица[21]; если судья принимал участие в рассмотрении уголовного дела, из которого было выделено другое уголовное дело, то он не вправе рассматривать выделенное дело[22]; если ранее судьей было разрешено гражданское дело, и исследовавшиеся в нем доказательства послужили основой для доказательственной базы уголовного дела[23]; если рассмотрен материал о привлечении лица к административной ответственности по обстоятельствам, которые впоследствии легли в основу обвинительного приговора[24].

Судебной практике известен и такой случай. *Как следует из материалов дела по обвинению М. по ч. 1 ст. 105 УК РФ, председательствующий судья Зейского районного суда Амурской области «...», постановивший в отношении М. обвинительный приговор, на стадии предварительного следствия рассмотрел и удовлетворил ходатайства следователя об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания её под стражей.*

При этом в соответствующих постановлениях от 19 сентября, 16 ноября 2017 г. и 16 февраля 2018 г. председательствующий судья «...» пришёл к выводу и указал о том, что М. после совершения преступления предприняла попытки скрыть труп, замыть следы крови, – тем самым предрешил вывод о виновности М. в совершении преступления до рассмотрения уголовного дела по существу.

Таким образом, судьей в ходе досудебного производства по делу высказано суждение о том, что преступление, по факту которого возбуждено уголовное дело, совершено именно М., что ставит под сомнение беспристрастность и объективность судьи при рассмотрении уголовного дела по существу и указывает на наличие оснований для его отвода. Несмотря на это, уголовное дело в отношении М. рассмотрено судьёй Зейского районного суда «...».

Рассмотрение уголовного дела незаконным составом суда относится к нарушению, неустранимому судом апелляционной инстанции.

На основании изложенного, приговор в соответствии с п. 2 ст. 389[15], ст. 389[17], ч. 1 ст. 389[22] УПК РФ отменён с передачей уголовного дела в тот же суд на новое судебное разбирательство, иным составом суда[25].

Такие выводы обусловлены правовой позицией Конституционного Суда РФ о том, что судья, ранее выразивший свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участие в производстве по делу, чтобы не ставить под сомнение законность и обоснованность принимаемого решения. Тем более не должен участвовать в рассмотрении

---

[20] См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 19-АПУ18-5 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. № 2 (2018). URL: http://www.vsrf.ru (дата обращения: 10.02.2020).

[21] См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 60-АПУ17-3сс // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. № 1 (2018). URL: http://www.vsrf.ru (дата обращения: 10.02.2020).

[22] См.: Постановление президиума Волгоградского областного суда № 44у-53/2015 // Обзор апелляционной и кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда за 2 полугодие 2015 года. URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=249 (дата обращения: 10.02.2020).

[23] См.: Апелляционное постановление от 06.10.2015 г. № 22-3805/2015 // Там же.

[24] См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 15 февраля 2016 г. № 22-670/2016 // Обзор апелляционной и кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда за 1 полугодие 2016 года. URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=249 (дата обращения: 10.02.2020).

[25] См.: Апелляционное определение № 22-1375/18 от 28.08.2018 г. // Обобщение апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда за 2018 год. URL: http://oblsud.amr.sudrf.ru (дата обращения: 10.02.2020).

уголовного дела судья, ранее принимавший решение по вопросам, вновь ставших предметом судебного заседания и послуживших основанием для постановления приговора[26].

В ряду гарантий обеспечения принципа независимости судей следует отметить наличие нормы о возможности изменения территориальной подсудности уголовного дела по ходатайству стороны или инициативе председателя суда, в который поступило уголовное дело, в случае, если имеются обстоятельства, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда при принятии решения по делу (п. 2 «в» ч. 1 ст. 35 УПК РФ)[27], что было обусловлено сложившейся судебной практикой.

Еще одна проблема практического свойства, влияющая на непредубежденность судей, была разрешена, хотя и неокончательно, законодателем. Долгое время обсуждался вопрос, каким образом принимается решение о том, какой конкретно судья будет рассматривать уголовное дело, причем как в первой инстанции, так и во второй, кассационной, надзорной инстанциях. Что касается правил подсудности, направленных на установление, какой суд правомочен рассматривать дело, то Уголовно-процессуальный кодекс РФ в соответствии с ч. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ч. 1 ст. 47 Конституции РФ точно их определяет, в связи с чем обвиняемый, потерпевший и другие участники судебного разбирательства заранее могут знать, какой суд будет рассматривать конкретное уголовное дело. Но какой именно судья будет рассматривать дело, закон не определял, поскольку считалось, что этот вопрос находится не в процессуальной, а организационно-управленческой плоскости, поэтому решал его председатель районного или областного (краевого, республиканского) суда. Только подсудность дел мировым судьям была четко установлена законом, исходя из судебных участников. Поэтому, конечно, было не ясно, по какому принципу председатель суда распределял поступавшие в суд дела среди судей, не кроилась ли здесь опасность подбора судей по личному усмотрению председателя, например, в зависимости от общественной значимости уголовного дела, его резонансности или известности лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, их статусов? В связи с этим, безусловно, дополнение ч. 1 ст. 30 УПК РФ правилом о том, что состав суда для рассмотрения каждого уголовного дела формируется с учетом нагрузки и специализации судей путем использования автоматизированной информационной системы[28], должно исключить ситуации, порождающие сомнения в беспристрастности и объективности судей. Вместе с тем оговорка, содержащаяся в измененном варианте данной нормы о том, что в случае невозможности использования в суде автоматизированной информационной системы допускается формирование состава суда в ином порядке, исключающем влияние на его формирование лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства[29], выглядит неконкретной, что может негативным образом повлиять на практику разрешения этого вопроса. Не случайно и сами судьи неоднозначно относятся к данной норме[30].

С учетом того, что обстоятельства, исключающие участие как судьи, так и других лиц в производстве по уголовному делу, могут выявиться непосредственно при изучении материалов поступившего в суд уголовного дела, представляется необходимым дополнить перечень вопросов, подлежащих выяснению перед тем, как принять судье решение о дальнейшем движении уголовного дела (ч. 1 ст. 228 УПК РФ), пунктом: имеются ли обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу судьи, которому передано уголовное дело для принятия решения в порядке, установленном ст. 227 УПК РФ, а также иных лиц, указанных в ст. 61 и 62 УПК РФ.

* * *

Таким образом, изучение института отводов и самоотводов в российском уголовном судопроизводстве как гарантии независимости судей, имеющей не только правовое, но и нравственное значение в деле отправления правосудия, позволяет сформулировать вывод о необходимости его совершенствования в сторону создания реальных условий, исключающих возможность рассмотрения и разрешения уголовного дела судьей, имеющим личную заинтересованность или предвзятость в исходе его разрешения.

---

[26] См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан: постановления Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 г. № 20-П и 23.03.1999 г. № 5-П; определения Конституционного Суда РФ от 01.11.2007 г. № 799-О-О, от 17.06.2008 г. № 733-О-П, от 01.03.2012 г. № 425-О-О и № 426-О-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2020).

[27] См.: Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 509-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I), ст. 8435.

[28] См.: Федеральный закон от 14.06.2011 г. № 140-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 25, ст. 3533.

[29] См.: Федеральный закон от 29.07.2018 г. № 228-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2020).

[30] Так, только 33.1% опрошенных автором по данному вопросу судей считают, что введенный порядок формирования состава суда с использованием автоматизированной информационной системы используется в полной мере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Астафьев А.Ю.* Процессуальные гарантии эффективности правосудия по уголовным делам: проблемы теории и практики. М., 2014. С. 89–111.
2. *Вилкова Т.* Процессуальные гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2014. № 2. С. 100–106.
3. *Багаутдинов Ф.Н.* Актуальные проблемы отвода судьи в современных условиях // Журнал росс. права. 2009. № 5. С. 96.
4. *Безнасюк А.С., Рустамов Х.У.* Судебная власть: учеб. для вузов. М., 2002. С. 51.
5. *Бурмагин С.В.* Статус и деятельность суда в уголовном процессе: учеб. пособие. М., 2016. С. 55–62.
6. *Газетдинов Н.И.* Самостоятельность и независимость судебной власти // Росс. юстиция. 2015. № 12. С. 34–37.
7. *Дершиев Ю.В., Краснов В.Е.* Отвод судьи как гарантия справедливого уголовного правосудия // Вестник Омской юрид. академии. 2016. № 4 (33). С. 86, 87.
8. *Каретников А.С., Каретников С.А.* Проблемы участия судьи в рассмотрении уголовного дела, по которому он принимал решения в процессе предварительного расследования // Росс. судья. 2016. № 11. С. 56–60.
9. *Клеандров М.И.* Судейское сообщество: структура, организационно-правовое развитие. М., 2014. С. 305.
10. *Кокорев Л.Д.* Суд в механизме государственной власти // Юридические записки. Вып. 3: Проблемы государственной власти. Воронеж, 1995. С. 62.
11. *Лукайдес Лукис Г.* Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Росс. юстиция. 2004. № 2. С. 8–20.
12. *Науменков А.В.* Отвод судей в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 25.
13. *Рябинина Т.К.* Нравственные начала уголовного процесса: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Курск, 2007. С. 288, 292, 293.
14. *Рябинина Т.К.* Предварительное слушание как средство соблюдения разумности срока уголовного судопроизводства // Государство и право. 2013. № 2. С. 55.
15. *Стецовский Ю.И.* Судебная власть: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2000. С. 85–114.
16. *Тетюев С.В.* Возможность отвода судьи – гарантия беспристрастности состава суда // Росс. юстиция. 2012. № 12. С. 43.
17. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 199.
18. *Цыпкин А.Л.* Очерки советского уголовного судопроизводства. Саратов, 1975. С. 76.
19. *Chebotareva I., Pashutina O., Revina I.* The Concept of "Fair Trial": The Ratio of Russian And International Standards // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. SCTCMG 2019. Vol. LXXVI. P. 583–589. doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.79.
20. *Kozyavin A.A., Chistilina D.O.* Criminal proceedings and the civil society's institutions in Russia: the cooperation system and the social factors influencing its efficiency // SGEM Conference Social science and Arts. Bulgarian Academy of Sciences. 26 August – 1 September, 2015, Albena, Bulguria. P. 529–536.
21. *Ryabinina T.K.* The moral content of legal norms regulating the status of a person in criminal proceedings // International Multidisciplinary Scientific Conferences. Book 2. Social sciences & arts SGEM 2015 SGEM conference on political sciences, law, finance, economics and tourism. VOLUME 1. ISBN 978-619-7105-46-9 / ISSN 2367-5659. DOI: 10.5593/sgemsocial2015B21. Section: Political Sciences. Section: Law. Bulgaria, Albena, 2015. P. 753–760.

REFERENCES

1. *Astafyev A. Yu.* Procedural guarantees of the effectiveness of justice in criminal cases: problems of theory and practice. M., 2014. P. 89–111 (in Russ.).
2. *Vilkova T.* Procedural guarantees of the independence of judges in criminal proceedings // Criminal Law. 2014. No. 2. P. 100–106 (in Russ.).
3. *Bagautdinov F.N.* Actual problems of recusal of a judge in modern conditions // Journal of Russian law. 2009. No. 5. P. 96 (in Russ.).
4. *Beznasyuk A.S., Rustamov Kh.U.* The judiciary: textbook for universities. M., 2002. P. 51 (in Russ.).
5. *Burmagin S.V.* The status and activity of the court in the criminal process: textbook. M., 2016. P. 55–62 (in Russ.).
6. *Gazetdinov N.I.* Independence and independence of the judiciary // Russian justice. 2015. No. 12. P. 34–37 (in Russ.).
7. *Derishev Yu. V., Krasnov V.E.* Judge's recusal as a guarantee of fair criminal justice // Herald of the Omsk juridical academies. 2016. No. 4 (33). P. 86, 87 (in Russ.).
8. *Karetnikov A.S., Karetnikov S.A.* Problems of participation of a judge in the consideration of a criminal case, on which he made decisions in the process of preliminary investigation // Russian judge. 2016. No. 11. P. 56–60 (in Russ.).
9. *Kleandrov M.I.* The judicial community: structure, organizational and legal development. M., 2014. P. 305 (in Russ.).

10. *Kokorev L.D.* The court in the mechanism of state power // Legal notes. Issue 3: Problems of state power. Voronezh, 1995. P. 62 (in Russ.).

11. *Lukaides Lukis G.* Fair trial (commentary to paragraph 1 of Article 6 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms) // Russian justice. 2004. No. 2. P. 8–20 (in Russ.).

12. *Naumenkov A.V.* Recusal of judges in the arbitration process: dis. ... PhD in Law. M., 2002. P. 25 (in Russ.).

13. *Ryabinina T.K.* Moral principles of the criminal process: textbook. 2nd ed., reprint. and add. Kursk, 2007. P. 288, 292, 293 (in Russ.).

14. *Ryabinina T.K.* Preliminary hearing as a means of observing the reasonableness of the term of criminal proceedings // State and Law. 2013. No. 2. P. 55 (in Russ.).

15. *Stetsovsky Yu. I.* The judiciary: textbook. 2nd ed. M., 2000. P. 85–114 (in Russ.).

16. *Tetyuev S.V.* The possibility of recusal of a judge – a guarantee of impartiality of the composition of the court // Russian justice. 2012. No. 12. P. 43 (in Russ.).

17. Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook / ed. by P.A. Lupinskaya, L.A. Voskobitova. 3rd ed., reprint. and additional. M., 2013. P. 199 (in Russ.).

18. *Tsypkin A.L.* Essays of the Soviet criminal justice. Saratov, 1975. P. 76 (in Russ.).

19. *Chebotareva I., Pashutina O., Revina I.* The Concept of "Fair Trial": The Ratio of Russian And International Standards // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. SCTCMG 2019. Vol. LXXVI. P. 583–589. doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.79.

20. *Kozyavin A.A., Chistilina D.O.* Criminal proceedings and the civil society's institutions in Russia: the cooperation system and the social factors influencing its efficiency // SGEM Conference Social science and Arts. Bulgarian Academy of Sciences. 26 August – 1 September, 2015, Albena, Bulguria. P. 529–536.

21. *Ryabinina T.K.* The moral content of legal norms regulating the status of a person in criminal proceedings // International Multidisciplinary Scientific Conferences. Book 2. Social sciences & arts SGEM 2015 SGEM conference on political sciences, law, finance, economics and tourism. VOLUME 1. ISBN 978-619-7105-46-9 / ISSN 2367-5659. DOI: 10.5593/sgemsocial2015B21. Section: Political Sciences. Section: Law. Bulgaria, Albena, 2015. P. 753–760.

Сведения об авторе

РЯБИНИНА Татьяна Кимовна –
кандидат юридических, наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета; 305040 г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Authors' information

RYABININA Tatyana K. –
PhD in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, head of the Department of criminal procedure and criminalistics, Southwest state University; 94, 50 let Oktyabrya str., 305040 Kursk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 124–135
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 124–135

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

УДК 342.4

НОВЕЛЛЫ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ. РАБОТА НАД ОШИБКАМИ... ИЛИ НА РЕЗУЛЬТАТ?

© 2021 г. Н. М. Добрынин

Институт государства и права Тюменского государственного университета;
Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук»

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Поступила в редакцию 17.03.2021 г.

Аннотация. Работа представляет собой аналитический обзор поправок, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., с целью оценки их содержания и возможных эффектов с позиций философии права, мировоззренческих оснований российской модели конституционализма, сложившихся к настоящему времени реальных общественно-политических практик в России. С опорой на различные точки зрения и событийную фактологию автор делает вывод о том, что изменение качества российского конституционализма сегодня не может быть само по себе связано с какой бы то ни было ревизией норм Основного Закона страны. Напротив, формирование аксиологически насыщенного фона социальной жизни и конституционализация общественно-политической сферы должны основываться на нравственных устоях российского общества, которые способны стать источником достижения социальной солидарности, возрождения доверия между личностью, обществом и властью, заложить надежный фундамент для полноценной реализации конституционных положений и послужить необходимым импульсом в целом для правовой модернизации России.

Ключевые слова: конституционализм, Конституция, сбережение народа, государственное устройство, нравственность, достоинство личности, правосудие, бюрократизация, публичная власть, права человека.

Цитирование: *Добрынин Н.М.* Новеллы Конституции России: настоящее и будущее. Работа над ошибками... или на результат? // Государство и право. 2021. № 6. С. 124–135.

DOI: 10.31857/S102694520015035-9

THE INNOVATIONS OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: PRESENT AND FUTURE. A REFLECTION ON FAULTS... OR RESULTS?

© 2021 N. M. Dobrynin

Institute of state and law of the Tyumen state University;
Tyumen Scientific Centre SB RAS

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Received 17.03.2021

Abstract. The paper is an analytical overview focused on the amendments, which were included to the Constitution of the Russian Federation in 2020, in order to estimate their meaning and probable effects from the perspectives of the Philosophy of Law and ontological grounds of the Russian model of constitutionalism, as well as from the point of presently formed and actual social and political practices. Relying upon the different views and public eventful circumstances, author makes the conclusion that all the needed improvements of the contemporary Russian constitutionalism cannot be reached merely by revising the 1993 Russian Constitution, whatever revisions could be. Contrarily, the process of formation of value-enriched fundamentals of social transactions and the

constitutionality of socio-political sphere are to be founded on the ground of moral basics of the Russian people which are able to become a source of achieving of the social solidarity, revival of a trust between people and government, maintain a firm basis for a complete implementation of the constitutional provisions and serve as a starting point for the whole legal modernization of Russia.

Key words: constitutionalism, the Constitution, caretaking on people, arrangement of state, morality, human dignity, justice, bureaucratization, public authority, human rights.

For citation: *Dobrynin, N.M. (2021).* The innovations of the Constitution of the Russian Federation: present and future. A reflection on faults... or results? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 124–135.

Новеллы Конституции России и «вечные» конституционные идеалы: постановка проблемы современной интерпретации содержания и пределов обновленческой функции Основного Закона государства

Нет сомнений в том, что 2020 год войдет в новейшую историю Российского государства как год довольно обширного обновления и конституционного текста, и широчайшего спектра общественно-политических практик.

Речь, конечно же, идет о поправках, внесенных в Конституцию России по инициативе Президента РФ В.В. Путина, одобренных по итогам общероссийского голосования и вступивших в силу 4 июля 2020 г.

В некотором смысле эти поправки прежде всего подводят определенный итог достаточно длительного этапа конституционно-правового развития государства, имевшего продолжительность более четверти века[1]: многие из внесенных поправок, в сущности, направлены на формализацию, закрепление в Основном Законе страны идей, подходов и принципов, которые уже последовательно внедрялись и реализовывались в общественной жизни на протяжении предшествующих двух десятилетий, с той лишь разницей, что ранее нахождение и стабилизация соответствующих балансов в практической плоскости осуществлялись посредством подконституционных нормативных актов, а также благодаря механизму судебного истолкования как положений законодательства, так и норм самой Конституции РФ.

В то же время последние конституционные поправки намечают контуры, тенденции дальнейших общественно-политических преобразований в современной России.

Какими будут в конечном счете эти преобразования? Насколько они укрепят, пользуясь выражением проф. Н.С. Бондаря, «*вечные*» конституционные идеалы и ценности[2] или, напротив, их трансформируют?

Поиск ответов на эти нетривиальные вопросы, на наш взгляд, составляет одну из приоритетных задач отечественной науки конституционного права на современном этапе.

Вместе с тем, полагаем, что как на стадии обсуждения и принятия в прошлом году конституционных поправок, так и сегодня, ни для кого не являлось и не является секретом то, что внесенные в Конституцию РФ поправки не станут некоей «*волшебной таблеткой*», которая в состоянии исцелить все имеющиеся в России социальные недуги, искоренить все копившиеся годами проблемы в системе публичной власти, исцелить по-прежнему во многом «*хворую*» российскую экономику.

Собственно, разработчики этих поправок никогда и не анонсировали решение с их помощью отмеченных выше задач: миссия внесенных в 2020 г. конституционных поправок состоит (и изначально состояла) скорее в фиксации, *с одной стороны*, тех принципов и подходов к организации и деятельности публичной власти, которые уже сложились к текущему моменту, а *с другой* – в углублении соответствующих тенденций.

Примером здесь может служить, в частности, усиление властной вертикали вследствие включения на конституционном уровне в единую систему публичной власти такого института, как местное самоуправление, которое в изначальной редакции Конституции РФ моделировалось как относительно автономный от государственной власти механизм осуществления публичной власти в целях решения локальных вопросов жизни населения.

Сегодня многие, в т.ч. и авторитетные коллеги-конституционалисты, подчеркивают, что последние внесенные в Конституцию России поправки усиливают конституционные гарантии личности в аспекте провозглашения особой заботы государства

[1] См., напр.: *Шульженко Ю.Л., Виноградова Е.В., Кроткова Н.В., Данилевская И.Л.* Четверть века Конституции России: осмысление опыта (К итогам Всероссийской научной конференции «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества») // Государство и право. 2019. № 3. С. 17–26. DOI: 10.31857/S013207690004421-5.

[2] См.: *Бондарь Н.С.* «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34. DOI: 10.31857/S013207690009933-8.

о детях, семье, традиционных ценностях, развитии сферы социального обеспечения граждан и т.д.

Но не меньшее (а возможно, и большее) число сограждан задаются вопросом: а прежний текст Конституции РФ разве не позволял проводить соответствующую государственную политику, закреплять и обеспечивать требуемые гарантии личности, развивать социальную сферу и повышать уровень социального обеспечения нуждающихся?

Или иначе: не являются ли все эти поправки только камуфляжем лишь для одной из них – той, о которой официальные власти не очень стремятся говорить вслух?

Бесспорно, что для исследований сугубо юридического профиля прямая оценка подобных тезисов и аргументов представляется неприемлемой, ведь с формальной точки зрения всё в этом вопросе (имея в виду смысл последних конституционных поправок и процедуру их внесения) в целом выглядит отвечающим *букве российских законов* (да и Конституционный Суд РФ авторитетно подтвердил данное соответствие в своем Заключении № 1-З[3]).

Но справедливо также и другое: *современное правоведение вбирает в себя и такое направление, как юридическая социология*. Это означает – не более того, но и не менее, – что скепсис, сомнения наших сограждан, сходные с обозначенными выше риторическими вопросами, в обществе имеют под собой вполне очевидные основания как в общесоциальном, так и в *правовом контекстах* (если отталкиваться от давно уже дискутируемых в отечественной юридической науке отличий между правовым и неправовым законами); причем эти основания очевидны именно с обывательской, общегражданской точки зрения, а не с позиций строгих юридических догм и канонов.

Все они (эти основания), по сути, коренятся в коллективном травматичном опыте российского общества, который в ретроспективе по меньшей мере последних трех десятилетий всегда был связан с несбывшимися ожиданиями людей; завуалированным, а подчас и неприкрытым невыполнением обещаний со стороны властей; вопиющими фактами незаконного обогащения отдельных лиц; попрания базовых правовых принципов и откровенными нарушениями основных прав личности.

Весьма неприглядная картина сохраняющегося по сей день онтологического разрыва между конституционным должным и реалиями общественно-политической жизни даёт поводы вполне резонно утверждать: все существующие в России социальные проблемы, как, впрочем, и отдельные людские беды, проистекают вовсе не из текста Конституции и чаще всего не из текста законов, а коренятся в ответе на вопрос о том, ***кто, во имя чего и каким образом отправляет публичную власть*** *– реализует Конституцию страны и законы, формируя тем самым подлинную картину социального бытия*.

Нельзя в этом контексте не обратиться к весьма глубокому замечанию проф. С.А. Авакьяна: «Какие бы прекрасные ни были идеи конституции, пришедшие к власти депутаты и чиновники создадут свой “конституционализм”. Его основные проявления будут состоять в том, чтобы законодательный орган власти наполнить депутатами, которых быстро могут сделать послушными, “карманными”, чтобы аппарат исполнительных органов пополнялся себе подобными, претендент на должность уже на стадии приема на работу был готов стать частью корпоративного сообщества, чьи интересы выше чаяний простых людей.., для двух этих категорий будет совсем неплохо, если в судьи придут слабые профессионально люди...»[4].

Узкое понимание Конституции страны – в качестве Основного закона государства, т.е. именно в качестве формально выраженного акта конституционного законотворчества, конечно, даёт массу поводов как для критики внесенных в нее в прошлом году поправок, так и для громогласного «*ликования*» по поводу различных идей и «*духовных скреп*», наконец(!) нашедших своё закрепление в тексте Конституции России.

Однако не в тексте дело. Широкий, если уместно так выразиться, ***государственнический взгляд на Конституцию страны,*** ориентирующий на экзистенциально-онтологическое понимание в качестве таковой именно всего наличного государственного устроения[5], ***побуждает к оценке последних внесенных в Конституцию РФ поправок и соответствующих конституционных новелл не в частностях (по отдельности), а в их совокупном значении и соотношении*** *с позиций влияния их на целостную картину реального конституционализма в современной России*.

Заявленный выше подход, основанный на совокупной оценке последних конституционных

[3] См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12, ст. 1855.

[4] *Авакьян С.А.* Конституционализм и бюрократизация публичной власти // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2014. № 1. С. 64.

[5] Понятие о конституции, как известно, тесно связано своей семантикой с латинским словом “constitutio”, которое в основном своем значении переводится на русский язык как «устроение», «уклад».

поправок в их соотношении с реально сложившимся в моменте российским конституционализмом, методологически предполагает анализ широкого круга социально-политических факторов (не ограничиваясь сугубо правовыми явлениями).

В обоснование правомерности такой методологии считаем необходимым опереться на авторитетное мнение проф. Н.С. Бондаря, который отмечает, что «традиционный для научной литературы подход к конституционализму как исключительно юридической, политико-правовой проблеме явно недостаточен. Перефразировав известное выражение, можно отметить, что *конституционализм – слишком сложное понятие, чтобы отдавать его на откуп одним юристам*. <...>. Категория "конституционализм" настолько многогранна и универсальна, что способна охватывать своим содержанием явления как собственно правовые, так и неюридические (в том числе пред- и постюридические), равно как и метаюридические феномены социального, экономического, политического, культурного характера в той мере, в какой они выступают социокультурной предпосылкой формирования конституционализма и одновременно средой его существования и развития...»[6].

Таким образом, «господствующие в общественном сознании оценки конституции, уровень конституционной культуры в обществе и государстве, действенность идей конституционализма определяются в своей основе не самим по себе фактом наличия или отсутствия в государстве юридической конституции (основного закона) и даже не ее "возрастом" – есть значительно более важные, глубинные – социокультурные – истоки конституционализма»[7].

Стало быть, если сейчас в нашей стране по-прежнему, – спустя более чем четверть века после принятия действующей Конституции и несмотря на внесенные в 2020 г. значимые поправки, – определенные конституционные положения так и остаются нереализованными, то главные причины подобной ситуации следует искать отнюдь не в тексте Основного Закона, а смотреть на данную проблему намного шире, прежде всего с позиций дискурса реальной имплементации «*вечных*» конституционных идеалов: «сама постановка вопроса о "вечных", неизменных конституционных идеалах, ценностях подразумевает прежде всего уяснение глубинных философско-правовых, мировоззренческих начал современного конституционализма... <...> специфическое, не только формально-юридическое, но и социально-политическое, социокультурное значение приобретает учет контекста реализации, охраны и, в особенности, развития фундаментальных конституционных идеалов, причем как на законодательном уровне, так и в практике конституционного судопроизводства»[8].

Думается, что ныне наша главная задача по-прежнему состоит в том, чтобы глубоко и продуманно, с учетом исторической судьбы и культурно-цивилизационных особенностей российского общества, в достаточной степени развить те базовые ценности, нашедшие закрепление в Конституции РФ, которые образуют прочный и неприкосновенный фундамент общественного согласия и социальной солидаризации (принцип приоритета прав человека, принцип разделения властей, равенство всех перед законом и судом и т.д.).

Важно при этом обратить внимание на то, что ст. 2 Конституции РФ содержит ключевое суждение о правовых ценностях современной России: имеющими высшее значение ценностями признаны человек, его права и свободы. И это обстоятельство решительно предопределяет человекоцентричную идею, лежащую как в основании правовой системы страны, так и вообще парадигмы любых прямых и обратных взаимодействий по линии «*государство – общество – личность*».

Накануне выхода в свет статьи у нас состоялся конструктивный диалог с известным ученым-конституционалистом, общественным и государственным деятелем, проф. Б.С. Эбзеевым, который в т.ч. поведал, что предпринимает реальные шаги для включения в образовательные школьные программы и аттестаты зрелости такого предмета, как ***Конституция России***. Нами полностью разделяется и всецело поддерживается данная позиция, тем более что, как известно из истории нашего государства, в Советском Союзе подобная практика была закреплена законодательно!

Однако после якобы «*хрущевской оттепели*» из школьных программ постепенно исключали один из важных предметов, на основе которого формировалась (и далее будет формироваться!) правовая культура отдельно, вне сомнения, взятого гражданина и российского общества в целом, если все мы, в т.ч. и первые лица страны, задумаемся в очередной раз о дальнейшей судьбе России, сохранении и преумножении базовых ценностей, отраженных в Конституции, укреплении патриотизма и фундамента общественного согласия и социальной солидаризации, что в конечном виде и являет собой современную государственную идеологию, о чем почти перестали говорить и редко вслух упоминать.

[6] *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2016. С. 25.

[7] Там же. С. 44.

[8] *Бондарь Н.С.* «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? С. 21, 23.

Профессор Б.С. Эбзеев, в свою очередь, с должным вниманием выслушал и оценил наш более чем пятилетний опыт организации в Тюменской области правового просвещения учащихся школ как в столице региона, так и во всех городах и районах.

Инициатор Программы – организация выпускников Тюменского государственного университета; партнеры – Департамент науки и образования области, Тюменская областная Дума, Уполномоченный по правам ребенка, Прокуратура области, Тюменский областной суд общей юрисдикции, Арбитражный суд...

За указанный период нами проведено 276 открытых уроков права в разном формате: и непосредственно в школах, и в городских и районных администрациях, и территориальные – на базе нескольких муниципальных образований (от 3 до 8), – в итоге в них приняли участие свыше 16 тыс. школьников!

У нас есть оправданное стремление к тому, чтобы эта Программа приобрела статус государственной. К сожалению, обращения к руководителям Совета Федерации, Государственной Думы, Уполномоченному по правам ребенка в Российской Федерации оставлены без внимания...

В этом смысле комплексная оценка феноменологических характеристик конституционализма (в любой стране и в любой исторический промежуток времени) *не может состояться в отрыве от взаимосвязанных аспектов философии современного права*: проблематики нравственных оснований правовой жизни, общих гуманистических представлений о правах и свободах личности, ее обязанностях и долге, оценки правовой культуры общества и бытующего в нем массового правосознания.

Собственно, все эти непростые моменты и формируют в целом структуру и соотношение реальных общественных практик, предопределяют актуальные векторы правовой модернизации нашей страны на текущем этапе ее государственно-правовой эволюции: «вне зависимости от тех или иных подходов все мы знаем, что означают отсутствие в обществе и государстве конституционализма и, соответственно, конституционной законности, конституционного правопорядка... И это не случайно: *слишком высок в понятии конституционализма удельный вес того, что проявляется не столько на уровне юридических знаний, сколько на уровне веры, убеждений, обычаев, традиций, нравственных и этических представлений о справедливости и правде*» (курсив наш. – *Н.Д.*), – отмечает проф. Н.С. Бондарь[9].

Вот почему, по нашему глубокому убеждению, оценка конституционных новелл, нашедших отражение в тексте Конституции России в силу принятых в 2020 г. конституционных поправок, должна быть «*очищена*» от всякого рода частностей.

Особо подчеркнем, что Конституция, напротив, должна быть целостной и иметь комплексный характер, в т.ч. и прежде всего в контексте сопоставления этих новелл с фундаментальными конституционными ценностями – «*вечными*» конституционными идеалами: в отечественной науке конституционного права подавляющим большинством ученых уже давно разделяется мнение о том, что полноценная реализация правового потенциала Конституции РФ 1993 г. «во многом зависит от того, насколько верно будет определен *баланс между стабилизационной и обновленческой функциями Конституции*. В конечном счете это вопрос о разумных и эффективных пределах, формах и способах адаптации высоких образцов современного конституционализма к очень сложным реалиям нашей российской жизни»[10].

Конституционные новеллы социальной направленности: несколько тезисов о социальном государстве, социализме, доверии граждан к действующей власти и общественной нравственности

Ныне ни для кого в нашей стране не откровение утверждение о том, что современный российский конституционализм по ряду ключевых параметров в полном смысле конституционализмом пока не является. И хотя проблемы укрепления конституционализма довольно активно ставятся и обсуждаются как учеными, так и политиками, практической пользы от таких обсуждений не особо видно. Однако смысл в таких обсуждениях, конечно, имеется: он состоит прежде всего в адекватной оценке «*узких мест*» в реализации аксиологических доминант Конституции РФ.

Одна из таких аксиологических доминант – конституционное провозглашение России социальным государством. Содержание данного конституционного принципа, безусловно, весьма многогранно, поскольку *социальность государства,* точнее, *качество этой социальности*, проступает в самых разнообразных (если не во всех!) срезах общественной жизни. И речь здесь, по нашему убеждению, идет не только об уровне и наборе социальных гарантий

[9] См.: *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. С. 25.

[10] *Зорькин В.Д.* Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации) // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2014. С. 6–8.

для граждан, но и, что немаловажно, о характере отношения государства (в лице своих институтов и отдельных представителей) к людям, о том, какой окрас имеет общий фон восприятия властью нужд и чаяний простого человека.

Многое в проблематике социальности государства становится интуитивно понятным, если подступаться к ней, условно говоря, *ab ovo*: здесь ключевым ориентиром на протяжении по меньшей мере трех последних десятилетий выступала и продолжает выступать ***идея сбережения народа***, которую в свое время обозначил в одной из своих работ А.И. Солженицын[11]. Для нас – полагаем, как и для подавляющего большинства наших сограждан, – очевидно, что возрождение России возможно только посредством беспрестанной работы страны над своей собственной, внутренней повесткой. А для заинтересованного читателя лишь укажем, что 2020 год, по официальным статистическим данным, стал для Российской Федерации еще и годом рекордной за последние 15 лет убыли населения (на уровне более 688 тыс. человек)[12]. При этом невозможно такие результаты всецело «*списать*» только на последствия пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19): увы, даже масштабные общегосударственные программы демографического развития, включающие в т.ч. меры финансовой и материальной поддержки рождаемости, в текущих условиях оказываются не способны переломить эту наиболее отрицательную в плане сбережения народа тенденцию (для справки: по итогам 2019 г. естественная убыль населения в России также составила внушительные 316 тыс. человек). Это, безусловно, побуждает задуматься.

Можем ли мы сегодня считать три десятилетия реформ, прошедшие с момента распада Советского Союза, успешными в плане преодоления видимых и латентных социальных недугов? Есть ли у нас основания сейчас сказать, что в общем и целом Российская Федерация может считаться социальным государством?

Думается, ответ здесь известен. А в свете этого – известного – ответа необходимо самое пристальное внимание обратить на то, что у довольно обширной части населения на протяжении ряда лет ощутимо уменьшается уровень доверия к власти.

И не случайно то, что риторика обсуждений проблемы доверия к действующей власти в последнее время лишь нарастает: доходит уже до того, что даже в рамках, казалось бы, совершенно рядового совещания глава государства, поручая министрам дать населению прозрачные и понятные разъяснения по одному из вопросов, говорит, что тогда «и доверие к власти будет несоизмеримо больше, чем сегодня. Хотя, надеюсь, что и сегодня в целом всё в порядке...»[13].

К примеру, прошедшее в 2020 г. общероссийское голосование по вопросу об одобрении конституционных поправок с учетом его результатов получило в словах пресс-секретаря главы государства официальную оценку не иную, как де-факто «триумфальный референдум о доверии президенту Путину»[14]. Иными словами, действующая власть в последнее время весьма проникнута проблематикой доверия к ней со стороны населения.

Возможно, ответственной власти так и надлежит относиться к этой стороне своих взаимодействий с социумом; однако применительно к нашей стране, где «*опростоволосившимся*» чиновникам по-прежнему зачастую и в голову не придёт добровольно уйти в отставку при малейших сомнениях в их политической и главное – правовой чистоплотности; едва ли пока имеет смысл говорить о том, что пристальное внимание власти к проблеме доверия к ней со стороны граждан является устойчивым нововведением, трендом в работе всего государственного механизма на современном этапе.

Скорее причина такого внимания кроется в беспокойстве действующей власти по поводу медленного, но стабильного нарастания социального напряжения в разных областях общественно-политической жизни.

И хотя, по нашему глубокому убеждению, наличие такого социального напряжения в формате, не переходящем рациональные и конституционно провозглашенные *правовые границы*, есть непременное условие социального прогресса, всё же о постепенном снижении доверия населения к действующей власти и проводимой ею политике свидетельствует значительное число индикаторов, что отмечают многие ученые и политики.

Почему же происходит это снижение доверия к власти? Например, проф. С.А. Авакьян называет здесь ряд причин, с которыми едва ли возможно не согласиться:

---

[11] См.: *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Комсомольская правда. Спец. вып. Брошюра к газ. 1990. 18 сент.

[12] Подробнее см.: Официальный сайт Росстата // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/TwbjciZH/edn12-2020.html; 08.02.2021 (дата обращения: 15.03.2021).

[13] Цит. по: Путин выразил надежду на доверие россиян к власти // Официальный Интернет-портал АО «Росбизнесконсалтинг» // https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6023e9ab9a794765fbad7fb3; 10.02.2021 (дата обращения: 15.03.2021).

[14] *Химшиашвили П., Анисимова Н.* Песков назвал итоги голосования «триумфальным референдумом Путину» // Официальный Интернет-портал АО «Росбизнесконсалтинг» // https://www.rbc.ru/politics/02/07/2020/5efda9689a7947087fa661c0; 02.07.2020 (дата обращения: 15.03.2021).

во-первых, государство в лице своих органов не вполне удовлетворительно выполняет свои задачи. «Годы потери мощи государства, откровенная ориентация на ввоз товаров из-за рубежа вместо своего производства, концентрация экспорта на вывозе энергоресурсов, вложение заработанных на этом денег в зарубежные ценные бумаги.., существенная утрата под влиянием западных "ценностей" патриотической составляющей в нашей государственности привели к печальным результатам... К тому же и социальные задачи государство реализует не лучшим способом. Процветает коррупция. У граждан нет уверенности, что их личная жизнь находится в безопасности, а персональные данные составляют тайну, правоохранительным органам мало кто верит»[15];

во-вторых, возрастает бюрократизация государства и его систем. Профессиональное чиновничество «неуклонно заменяется в России формированием касты управляющих – не всегда (мягко говоря) компетентных, но неуклонно остающихся у власти, только лишь перемещающихся из одного кресла на другое. Реально вновь возрождено то, что в советский период называли *номенклатурой*, иначе говоря, одни и те же люди беспрестанно крутятся в карусели, именуемой властью»[16];

в-третьих, т.н. «*приватизация*» государства, сводящаяся к весьма линейной «*философии*»: «долго пользоваться благами власти и отдавать в частные руки то, что по праву, через государство, принадлежит всему народу»[17].

Увы, результаты анализа практики современного российского конституционализма неутешительны: текущая ситуация в конституционно-правовой сфере характеризуется лишь фрагментарным воплощением конституционных ценностей и идей, что отнюдь не может являться поводом для самоуспокоения и, тем более, для эйфории по поводу включенных в 2020 г. в текст Конституции РФ новелл.

Как же в этой связи не обратиться к еще одному тезису проф. С.А. Авакьяна: «все разглагольствования о том, что "нам не надо ни революций, ни контрреволюций", разбиваются о простую истину: не справился, дискредитировал себя – уходи сам, не доводи народ до гнева»?[18]

Никоим образом не предвосхищая те или иные суждения заинтересованного читателя по поводу приведенного выше тезиса, лишь зададимся еще одним риторическим вопросом: возможно, если бы в современной России должностные лица на всех уровнях публичного управления руководствовались этой, как отметил С.А. Авакьян, простой истиной, то и не потребовалось бы проводить какие бы то ни было нетривиальные параллели между двумя юридически принципиально отличными процедурами – *голосованием* (по вопросу об одобрении конституционных поправок) и *референдумом*? Тем более что в условиях российской правовой системы проведение референдумов о доверии или недоверии тем или иным должностным лицам вообще законодательно не установлено: для этого в ряде случаев предусматривается использование процедуры отзыва выборного должностного лица избирателями.

Далее, еще одним сложнейшим вызовом, с которым наша страна столкнулась в период перехода к рыночной системе хозяйствования и капиталистическому (в своей основе) укладу, стала ***проблема социального одиночества***, разобщения людей, их отчуждения друг от друга. Видимо, отсюда проистекает и разрастающееся год от года недоверие людей к власти и вообще ***всеобщее социальное недоверие.*** Хотим мы это признавать или нет, но при советской власти социального одиночества в таких масштабах, как сейчас, не наблюдалось, в т.ч. и потому, что граждан, испытывающих сложности в плане социализации, как правило, не «*бросали*».

Сегодня можно сколько угодно потешаться над «*совковой*» (и в чем-то даже наивной, идеологически гротескной) практикой различных товарищеских комитетов, товарищеских судов, домовых комитетов и тому подобных институций, которые в эпоху «перестройки» в одночасье были объявлены ущемляющими персональную свободу личности и подлежащими искоренению, однако главный результат их работы в том, что социальных трагедий в те времена было на порядок меньше, чем в последние три десятилетия. И это, пожалуй, то хорошее, что вполне можно «*заимствовать*» из нашей же собственной истории в попытке реанимировать и адаптировать к современным реалиям систему институтов социальной солидаризации.

Да, безусловно, есть за прошедшие десятилетия и позитивные изменения, и т.н. «*новые ростки*», но являются ли эти изменения принципиальными, витальными? *Достаточно ли их*, чтобы кардинально переломить текущую ситуацию и сформировать устойчивый импульс для подлинного возрождения России?

Чтобы задаться этим вопросом резонно и с полным моральным основанием, следует вспомнить хотя бы официальную статистику по уровню бедности, медианному заработку, количеству безработных (даже без учета его роста на фоне коронавирусной инфекции), а также людей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, по степени изношенности основных фондов в жилищно-коммунальном хозяйстве и доле аварийных и ветхих домов, уровню

[15] *Авакьян С.А.* Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юрид. мир. 2015. № 2. С. 23.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 24.

[18] *Авакьян С.А.* Конституционализм и бюрократизация публичной власти. С. 63.

обеспеченности населения элементарным – качественной питьевой водой(!).

Отдельная тема для разговора – организация деятельности по сбору и утилизации разного рода отходов, их переработке: масштаб этой проблемы таков, что промедление в ее решении грозит обернуться экологическим бедствием национального масштаба (и этот факт уже признан в стране официально, на самом высоком уровне).

Особого упоминания заслуживают также доступность (даже территориальная) и качество бесплатной медицины, организационно-правовые, финансовые и материальные условия получения образования.

И, конечно же, нельзя не указать ничтожно малый размер пенсий подавляющего большинства наших стариков, как, впрочем, и о поднятии планки возраста для выхода граждан на трудовую пенсию.

Это дает нам основание ещё раз задаться вопросом: если социальное государство в России понимать, по сути, как ***государство нового российского социализма***[19], то, что хорошее, позитивное мы могли бы (в отличие от подавляющего большинства других стран мира) почерпнуть и, если уместно так выразиться, возродить в современных условиях из своего собственного социалистического прошлого?

Думается, в первую очередь *это должно быть отношение власти к людям* – не той власти, которую регулярно видим выражающей официальные позиции в медиа-пространстве, а той, с которой в повседневных заботах и тяготах сталкиваются простые люди. Почему в последнее время всё чаще звучат сравнения с советскими временами (причем сравнения не в пользу нынешней ситуации)? Потому что в советское время (особенно явственно это ощущалось в послевоенные годы) представители власти и в самом деле стремились помогать людям, заботиться о них, даже просто хотя бы их замечать.

Разумеется, что в этой плоскости речь идет прежде всего об изменении существующих в обществе (и не только у чиновников) соответствующих нравственных, этических установок, ибо в отсутствие прочной опоры в нравственности правовое (а значит, и социальное) государство в России будет невозможно. Стремясь достичь идеалов *социального и правового государства*, мы в первую очередь должны решать проблему нравственного воспитания общества. И делать это нужно было вчера безотносительно к принятым в 2020 г. конституционным поправкам), а также нужно делать не только сегодня, но, вне всяких сомнений, и в будущем.

«А скажем и так: государственное устройство – второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве – допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве – невыносима и самая разливистая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности – то это проявится при любом строе», – писал А.И. Солженицын[20]. Важно в этой связи уяснить еще одну крайне глубокую, но весьма лаконично сформулированную им истину: «Среди всех возможных свобод – на первое место всё равно выйдет свобода бессовестности: её-то не запретишь, не предусмотришь никакими законами. *Чистая* атмосфера общества, увы, не может быть создана юридическими законами»[21].

В этом тезисе, на наш взгляд, и весь результат конституционно-правового развития страны за прошедшие три десятилетия, и вся логика дальнейшей конституционно-правовой модернизации России: *не на разработку и принятие конституционных поправок (каковы бы они ни были) нужно тратить сейчас свои силы, не на бесконечное «совершенствование» принимаемых в развитие Конституции РФ законов и подзаконных актов расходовать энергию (ибо чаще всего это приводит лишь к кратному разрастанию нормативно-правовой базы со всеми вытекающими из такой «мутации» последствиями), а на созидание и укрепление, выражаясь словами А.И. Солженицына,* ***чистой атмосферы общества, атмосферы жизни людей в согласии друг с другом и с непреложными человеческими истинами,*** *нашедшими свою ценностно-правовую фиксацию в положениях гл. 1, 2 Конституции РФ об основах конституционного строя.*

Иными словами: ***нам сейчас человека бы окончательно не потерять*****(!)**. Только таким путем Российская Федерация может стать по-настоящему социальным правовым государством – «*страной для жизни*» и, стало быть, совершить столь настоятельно диктуемый современными вызовами прорыв.

Конституционные новации в сфере публичного управления: посильные размышления о бюрократизации публичной власти и соблюдении конституционного принципа разделения властей

В предшествующем изложении со ссылкой на мнение проф. С.А. Авакьяна мы уже упоминали о проблеме бюрократизации публичной власти. Прежде всего в том смысле, что публичная власть (и государственная власть как важнейшая ее

[19] Подробно об этом мы уже писали в одной из своих более ранних работ: *Добрынин Н.М.* Социализм, социальность и социальное государство: к вопросу о соотношении понятий и смыслов на современном этапе конституционного обустройства России // Государство и право. 2018. № 5. С. 18–29. DOI: 10.7868/S0132076918050025.

[20] См.: *Солженицын А.И.* Указ. соч.

[21] Там же.

разновидность) подвержена подобной эрозии имманентно, в силу самой своей сути.

Чем острее в обществе кризис доверия, тем более сложные процедуры функционирования публичной власти требуются в попытке предотвратить возможный рост личностного начала в осуществлении властных полномочий, минимизировать, а то и вовсе устранить проявление субъективного при осуществлении государственных функций.

Однако давно известно, что подобная ситуация – тупиковая по своей сути: ведь одним из механизмов, гарантирующих надлежащее отправление публичной власти, является контроль, но при этом очевидно, что за «*первым*» контролёром можно тоже устанавливать контроль, как и за «*вторым*» контролёром, и за «*третьим*»... Всё это в конечном счете превращает механизм осуществления публичной власти в бег по замкнутому кругу, выхолащивает саму суть реализации властных полномочий с позиций их взаимосвязи с правовыми ценностями, а в крайнем проявлении – и вовсе приводит к параличу публичного управления.

В этой связи в области государственно-правовых наук давно уже доказана и стала аксиомой истина о том, что устроение государства в целях наилучшего обеспечения общего блага должно быть таким, чтобы оно эффективно исключало *излишнюю бюрократизацию публичной власти*. Ведь очевидным является то, что бюрократизация публичной власти не только сама по себе имеет больше «*минусов*», нежели «*плюсов*», но и в крайнем своем проявлении открывает путь к узурпации власти одним лицом (или немногими) – как показано выше, власть объективно не может осуществлять эффективный контроль в отношении себя самой.

Самостоятельными проблемами для анализа в этом контексте выступают такие явления, как *сращивание власти с крупным капиталом* (что неизбежно ведет к олигархизации публичного управления), а также *т.н. «приватизация государства»* (о ней говорят, когда имеют в виду ситуацию монетизации властных полномочий должностным лицом в собственных корыстных интересах или в интересах своего окружения).

Поскольку в предшествующем изложении обсуждались вопросы социальности государства – *в аспекте выработки понятия о новом российском социализме,* – не лишним в свете сказанного выше будет обратиться к одной весьма глубокой мысли, сформулированной А. Эйнштейном, который, хотя и известен прежде всего как гениальный физик, тем не менее не чужд был и широкого взгляда на актуальные социально-политические проблемы современности.

А. Эйнштейн, опираясь на наблюдаемый уже в его время (более столетия назад!) феномен социального одиночества личности и рассуждая о проблемах соотношения социализма и капитализма, в частности, писал: «Как никогда раньше человек осознает свою зависимость от общества. Но эту зависимость он ощущает не как благо, не как органическую связь, не как защищающую его силу, а скорее как угрозу его естественным правам или даже его экономическому существованию. <...>. Более того, его положение в обществе таково, что заложенные в нем эгоистические инстинкты постоянно акцентируются, в то время как социальные, более слабые по своей природе, все больше деградируют. ***Все человеческие существа, какое бы место в обществе они ни занимали, страдают от этого процесса деградации***. <...>. Действительным источником этого зла, по моему мнению, ***является экономическая анархия капиталистического общества***. Мы видим перед собой огромное производительное сообщество, чьи члены ***все больше стремятся лишить друг друга плодов своего коллективного труда***. И не силой, а по большей части ***соблюдая законом установленные правила***. <...>. Частному капиталу свойственна тенденция к концентрации в руках немногих. Это связано отчасти с конкуренцией между капиталистами, отчасти потому, что техническое развитие и углубляющееся разделение труда способствует формированию все более крупных производственных единиц за счет меньших. В результате этих процессов ***появляется капиталистическая олигархия, чью чудовищную власть демократически организованное общество не может эффективно ограничивать*** (выделено мною. – *Н.Д.*)»[22].

Не менее взвешенным в этом контексте выглядит и мнение проф. Г.Г. Арутюняна: «"*Корпоративная демократия*" (олигархизация всех ветвей власти) более опасна для общественной системы, чем тоталитарная система, которая имеет свои определенные правила, несмотря на то что по своей сути также носит иррациональный характер. Однако последняя не построена на искаженных в общественной практике конституционных ценностях. Основная угроза корпоративной демократии заключается именно в том, что демократические ценности последовательно деформируются и впоследствии мутируют, теряют значение, становятся для общества не только неприемлемыми, но и опасными»[23]. В таких условиях индивид выступает не как «договорной субъект со своими естественными правами, а как зависящее от воли и подаяния работодателя средство производства»[24]. Далее ученый справедливо подчеркивает: «Это качество, характерное

[22] *Эйнштейн А.* Почему социализм? URL: http://www.economicdemocracy.ru/common/why_socialism.php (дата обращения: 15.03.2021).

[23] *Арутюнян Г.Г.* Современный конституционализм: парадигмы реальности и вызовы // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. С. 33.

[24] Там же.

для феодальных общественных отношений, ***приобретает новую форму и окраску в демократической упаковке*** (выделено мною. – *Н.Д.*) в условиях квазиконституционализма»[25].

Одной из наибольших опасностей «*корпоративной демократии*» является также то, что ценности, попавшие под воздействие мутации, становятся воспроизводимыми и по мере постепенного прогрессирования этой ситуации исключают восстановление жизнеспособности системы естественным путем, а истинные ценности становятся невостребованными. «Тотальная олигархизация властей приводит к тотальной криминализации социальной системы, особенно в тех случаях, когда самыми богатыми людьми в государстве становятся высшие государственные чины и политическая элита посредством теневых отношений с бизнес-средой»[26].

Недопущение олигархизации легче, чем ее преодоление. Последнее требует огромных усилий, времени и серьезной реставрации деградировавших реалий. Для избежания и устранения олигархизации необходима последовательность в конституционализации общественных отношений, в т.ч. и путем преодоления коллизий между Конституцией и правоприменительной практикой в целом.

Основной путь здесь один, и он известен: обеспечение реального разделения властей, исключение слияния политических, экономических и административных сил в обществе, создание необходимых предпосылок для естественного становления и развития политических структур гражданского общества. Кроме того, необходимы единообразное понимание конституционных идей, принципов конституционного порядка, действенная система защиты Конституции страны от «вольных» интерпретаций или, что бывает чаще всего, полного пренебрежения.

В состоянии ли обеспечить решение перечисленных задач поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г.? Думается, что наши комментарии по данному поводу окажутся излишни, поскольку заинтересованный читатель, конечно же, сможет для себя ответить на указанный вопрос самостоятельно, в чем мы очень стараемся не сомневаться...

В продолжение дискуссии отметим: не секрет, что в последние несколько десятилетий *многие главные понятия, лежащие в основании конституционного порядка,* такие *как «демократия», «права человека», «правовое государство» и др., подверглись существенной смысловой дисторсии и даже компрометации. Крайне сложно теперь установить их истинный смысл*.

Обращаем внимание наших коллег – исследователей и читателей, что похожая ситуация лишь несколько лет спустя после Октябрьской революции 1917 г. была довольно точно описана М.А. Рейснером, являвшегося, как ни парадоксально в контексте нижеследующего суждения, одним из первых идеологов советского государствоведения: «Конституции во время войны за полной своей ненадобностью настолько основательно были сданы на хранение, что и теперь по ее окончании никак не могут прийти в силу. Военное положение заменило их с большим успехом и после войны. ***Закон уступил место приказам и распоряжениям*** бесчисленных диктаторов, установленных законом же, так что закон отменил самого себя. ***Из пресловутого разделения властей вылупилась одна всемогущая исполнительная власть, которая поработила все прочее****... И нельзя в достаточной мере оценить тот моральный и юридический переворот, который произошел благодаря такому полному разрушению старых фикций и верований*. ***Все, что было освящено длительной привычкой и твердым обычаем, во что верили, как нерушимую норму и правило, все полетело вверх ногами, все оказалось вздорной выдумкой и ненужным стеснением*** (выделено мною. – *Н.Д.*)»[27].

Давайте согласимся и признаем как сложившуюся и реально действующую истину, что ведь и сейчас мы наблюдаем во многом схожую картину... Двойные стандарты, опирающиеся в необходимых случаях на формально закрепленные законодательным путем правила, зачастую преподносятся как непреложные истины, а в итоге как пеленой укрывают суть происходящих в обществе процессов; в стремительном круговороте событий неискушенному в юридических науках и политических практиках обывателю крайне затруднительно понять, является ли тот или иной закон правовым или неправовым – простому человеку остается оперировать лишь *категориями справедливости-несправедливости* или в конечном счете *правды-кривды*. Но правда, как издревле знают на Руси, у всякого своя.

Мы твердо убеждены и надеемся, что для всех нас архиважно не допустить превращения конституционных ценностей в пустые декорации, за которыми вовсе отсутствует смысл или присутствует логика совершенно иная, нежели изначально заложенная. Насущность данной задачи – в контексте внесения в 2020 г. обширных поправок в Конституцию РФ, нацеленных на совершенствование сферы организации и функционирования публичной власти, – отнюдь не уменьшилась: ***промедление в ее решении грозит для российского общества необратимыми последствиями****...*

Вот как, для примера, характеризует проф. В.Д. Зорькин общественно-политическую

[25] *Арутюнян Г.Г.* Указ. соч.

[26] Там же.

[27] *Рейснер М.А.* Государство буржуазии и РСФСР. М.; Пг., 1923. С. 221, 222.

обстановку в Веймарской Республике, сложившуюся накануне прихода к власти национал-социалистов: «В этой Республике формально все отвечало демократическому идеалу политического устройства. ***Но именно формально***. Республика была учреждена по итогам поражения Германии в Первой мировой войне. Она испила горькую чашу аннексий и контрибуций. Национальное унижение было огромно. Экономическое поражение – чудовищно. ***Возник колоссальный разрыв между идеальной демократической формой и тем реальным содержанием, которое эта форма должна была в себе разместить***. Спекуляция, безработица, отсутствие реального опыта политической демократии, разгул преступности, тяга определенных групп к охаиванию всего немецкого исторического опыта... Все это вместе и есть Веймарская Республика. Именно специфика ее устройства, специфика несовпадений между юридической формой и реальным социальным, культурным, экономическим и политическим содержанием породила нацизм... ***Конституционные нормы не должны вступать в жесткое противоречие с реальностью – вот в чем опыт Веймарской Германии*** (выделено мною. – *Н.Д.*)»[28].

Полагаем, что на фоне приведенных выше авторитетных суждений было бы излишне уже каким-либо иным образом аргументировать опасность склонения в пучину конституционного сюрреализма: для нашей многострадальной страны с ее многовековой традицией жить «*по правде, а не по закону*» *создание пригожего фасада* для реально происходящих в обществе социокультурных, экономических и политических процессов по нынешним «*просвещённым*» временам является роскошью и видится не иначе, как очередной исторический тупик. Наиболее вероятный способ исхода из таких исторических тупиков тоже всем хорошо известен.

* * *

Как представляется, ***в значительной степени решение подавляющего большинства проблем,*** обозначенных в настоящей статье и обусловленных объективно сохраняющимся в России *экзистенциальным разрывом между конституционным должным и общественно-политическими реалиями*, ***может быть достигнуто лишь посредством обеспечения действительного разделения властей***, и прежде всего ***при условии наличия в стране подлинно авторитетного, независимого и беспристрастного правосудия***.

Однако проблематика обеспечения действительного авторитета и независимости судебной власти весьма многогранна и требует самостоятельного, более детального рассмотрения.

Анализу этих вопросов (как и ряду других – не менее, а возможно, и более значимых) будет посвящена заключительная часть настоящей работы.

(Окончание в следующем номере)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституционализм и бюрократизация публичной власти // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 2014. № 1. С. 63, 64.
2. *Авакьян С.А.* Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юрид. мир. 2015. № 2. С. 23, 24.
3. *Арутюнян Г.Г.* Современный конституционализм: парадигмы реальности и вызовы // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2014. С. 33.
4. *Бондарь Н.С.* «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34. DOI: 10.31857/S013207690009933-8.
5. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М., 2016. С. 25, 44.
6. *Добрынин Н.М.* Социализм, социальность и социальное государство: к вопросу о соотношении понятий и смыслов на современном этапе конституционного обустройства России // Государство и право. 2018. № 5. С. 18–29. DOI: 10.7868/S0132076918050025.
7. *Зорькин В.*Д. Кризис доверия и государство // Росс. газ. 2009. 10 апр.
8. *Зорькин В.Д.* Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации) // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2014. С. 6–8.
9. Путин выразил надежду на доверие россиян к власти // Официальный Интернет-портал АО «Росбизнесконсалтинг» // https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6023e9ab9a794765fbad7fb3; 10.02.2021 (дата обращения: 15.03.2021).
10. *Рейснер М.А.* Государство буржуазии и РСФСР. М.; Пг., 1923. С. 221, 222.
11. *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Комсомольская правда. Спец. вып. Брошюра к газ. 1990. 18 сент.
12. *Химшиашвили П., Анисимова Н.* Песков назвал итоги голосования «триумфальным референдумом Путину» // Официальный Интернет-портал АО «Росбиз-

[28] *Зорькин В.*Д. Кризис доверия и государство // Росс. газ. 2009. 10 апр.

несконсалтинг» // https://www.rbc.ru/politics/02/07/2020/5efda9689a7947087fa661c0; 02.07.2020 (дата обращения: 15.03.2021).

13. *Шульженко Ю.Л., Виноградова Е.В., Кроткова Н.В., Данилевская И.Л.* Четверть века Конституции России: осмысление опыта (К итогам Всероссийской научной конференции «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества») // Государство и право. 2019. № 3. С. 17–26. DOI: 10.31857/S013207690004421-5.
14. *Эйнштейн А.* Почему социализм? URL: http://www.economicdemocracy.ru/common/why_socialism.php (дата обращения: 15.03.2021).

REFERENCES

1. *Avakyan S.*A. Constitutionalism and bureaucratization of public power // Herald of the Moscow Univ. Ser. 11 "Law". 2014. No. 1. P. 63, 64 (in Russ.).
2. *Avakyan S.A.* Russian constitutionalism: several theses on urgent tasks // Legal world. 2015. No. 2. P. 23, 24 (in Russ.).
3. *Arutyunyan G.G.* Modern constitutionalism: paradigms of reality and challenges // Modern constitutionalism: challenges and rospects: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (St. Petersburg, November 14–15, 2013) / ed. by V.D. Zorkin, M., 2014. P. 33 (in Russ.).
4. *Bondar N.S.* "Eternal" constitutional ideals: how unchangeable are they in a changing world? // State and Law. 2020. No. 6. P. 20–34. DOI: 10.31857/S013207690009933-8 (in Russ.).
5. *Bondar N.S.* Judicial constitutionalism: doctrine and practice. 2nd ed., rev. M., 2016. P. 25, 44 (in Russ.).
6. *Dobrynin N.M.* Socialism, sociality and the social state: on the question of the correlation of concepts and meanings at the present stage of the constitutional arrangement of Russia // State and Law. 2018. No. 5. P. 18–29. DOI: 10.7868/S0132076918050025 (in Russ.).
7. *Zorkin V.D.* Crisis of trust and the state // Russian newspaper. 2009. 10 Apr. (in Russ.).
8. *Zorkin V.D.* Problems of constitutional and legal development of Russia (To the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation) // Modern constitutionalism: challenges and prospects: materials of the International scientific and practical conf. dedicated to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (Saint Petersburg, 14–15 November 2013) / ed. by V.D. Zorkin. M., 2014. P. 6–8 (in Russ.).
9. Putin expressed hope that the confidence of the Russians to power // Official Internet portal of JSC "Rosbusinessconsulting" // https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6023e9ab9a794765fbad7fb3; 10.02.2021 (accessed: 15.03.2021) (in Russ.).
10. *Reisner M.A.* The state of the bourgeoisie and the RSFSR. M.; Pg., 1923. P. 221, 222 (in Russ.).
11. *Solzhenitsyn A.I.* How do we equip Russia? Feasible considerations // Komsomolskaya Pravda. Special issue. Brochure for newspaper. 1990. 18 Sept. (in Russ.).
12. *Khimshiashvili P., Anisimova N.* Peskov called the results of the vote "a triumphal referendum to Putin" // Official Internet portal of JSC "Rosbusinessconsulting" // https://www.rbc.ru/politics/02/07/2020/5efda9689a7947087fa661c0; 02.07.2020 (accessed: 15.03.2021) (in Russ.).
13. *Shulzhenko Yu. L., Vinogradova E.V., Krotkova N.V., Danilevskaya I.L.* A quarter of a century of the Constitution of Russia: comprehension of experience (To the results of the All-Russian scientific Conference "XXV years of the Constitution of the Russian Federation: transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind") // State and Law. 2019. No. 3. P. 17–26. DOI: 10.31857/S013207690004421-5 (in Russ.).
14. *Einstein A.* Why socialism? URL: http://www.economicdemocracy.ru/common/why_socialism.php (accessed: 15.03.2021) (in Russ.).

Сведения об авторе

ДОБРЫНИН Николай Михайлович –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник науки и образования Тюменской области, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета; 625003 г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»; 625026 г. Тюмень, ул. Малыгина, д. 86

Authors' information

DOBRYNIN Nikolay M. –
Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, honorary graduate of science and education of the Tyumen region, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of state and law of the Tyumen state University; 6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen, Russia; chief researcher of the Tyumen Scientific Centre SB RAS; 86 Malygina str., 625026 Tyumen, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 136–146
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 136–146

ИГРА И ЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ В ПРАВОСУДИИ: ОТ ЦАРЯ СОЛОМОНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

© 2021 г. Ю. А. Цветков

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

E-mail: Yutsvet@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.06.2020 г.

Аннотация. В статье неизбежность в правосудии логических парадоксов и неразрешимых казусов обосновывается неполнотой формальных систем, в том числе таких, как право и закон. Выводы иллюстрируются ссылками на библейские и литературные сюжеты, а также реальные ситуации, возникающие в судебной деятельности. В качестве методов оптимизации принятия судебных решений по сложным делам предлагаются элементы теории игр и коммуникативного кодекса Грайса, моделируются конкретные ситуации их применения. Формулируется вывод о наличии особого типа мышления, которым должен обладать судья, и условиях, способных блокировать либо стимулировать его проявление.

Ключевые слова: правосудие, судебное решение, судья, суд, теория игр, коммуникация, принцип кооперации, логический парадокс, теорема о неполноте.

Цитирование: *Цветков Ю.А.* Игра и логические парадоксы в правосудии: от царя Соломона до наших дней // Государство и право. 2021. № 6. С. 136–146.

DOI: 10.31857/S102694520015061-8

THE GAME AND THE LOGICAL PARADOXES OF JUSTICE: FROM KING SOLOMON TO THE PRESENT DAY

© 2021 Yu. A. Tsvetkov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

E-mail: Yutsvet@yandex.ru

Received 17.06.2020

Аннотация. In the article, the inevitability of logical paradoxes and unsolvable incidents in justice is justified by the incompleteness of formal systems, including such as law and law. The conclusions are illustrated by references to biblical and literary stories, as well as real situations that arise in judicial activity. Elements of game theory and the Gries code of communication are proposed as methods for optimizing judicial decision-making in complex cases, and specific situations of their application are modeled. It is concluded that there is a special type of thinking that a judge should have, and conditions that can block or stimulate its manifestation.

Ключевые слова: justice, judicial decision, judge, court, game theory, communication, cooperation principle, logical paradox, incompleteness theorem.

Ключевые слова: *Tsvetkov, Yu. A. (2021).* The game and the logical paradoxes of justice: from king Solomon to the present day // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 136–146.

Культовый современный мыслитель, в прошлом биржевой трейдер Н.Н. Талеб уверен, что «людям, выживание которых зависит от качественной “оценки работы” начальством, нельзя доверять важные решения»[1]. Смысл высказывания автор не раскрывает, но из контекста становится понятно, что он имеет в виду. Тот, кто вынужден действовать с оглядкой на руководителя, стремится принять такое решение, которое в первую очередь отвечает критериям оценки, установленным начальником, а отнюдь не такое, которое стало бы объективно наилучшим. Какие-то решения могут достигать одновременно обеих целей. Но даже если бы интересы организации совпадали с требованиями руководителя, то и в этом случае работник далеко не всегда будет принимать решение, способное принести максимальную выгоду как организации, так и ее руководителю. Подчиненный поступит, скорее, таким образом, который минимизирует риски неблагоприятной оценки его деятельности, а это далеко не то, что выгодно организации.

Судья принимает решения, держа в уме то, как его оценят председатель суда и судьи вышестоящей инстанции, поэтому на ситуацию он смотрит не только своими глазами, но и глазами судей вышестоящей инстанции. Иногда это может сдерживать судью от принятия явно несправедливого решения, сведéния личных счетов с подсудимым или стороной, которые вызвали его гнев в процессе. Но зачастую это сдерживает от смелых прорывных постановлений, которые либо позволяют находить справедливый выход в нетипичных ситуациях, либо носят характер прецедента, прокладывающего дорогу новой, отвечающей вызовам времени практике. Именно поэтому суд исторически был одной из функций царей. В принятии решения царю оглядываться не на кого. Трудно представить, чтобы в наши дни кто-либо из профессиональных судей предложил разрубить ребенка пополам,– что бы стало с этим судьей? Его имя «полоскали» бы в СМИ и социальных сетях, вызвали на заседание квалификационной коллегии и скорее всего прекратили полномочия.

Говоря о способности судей к принятию прорывных решений, необходимо иметь в виду, что такого рода решения судьи принимают не так часто. Известный юрист, в прошлом председатель Верховного суда Израиля А. Барак признаёт, что судейское усмотрение как проявление высшего предназначения судьи проявляется только при разрешении трудных дел, в то время как в легких и средней трудности делах у судьи нет ни простора, ни права на усмотрение. К категории трудных судья относит такие дела, которые не имеют одного законного решения[2].

Предметом данной статьи является правосудие именно по трудным делам.

Царь Соломон стал символом мудрости, но до него (а точнее, до первого израильского царя Саула) верховная власть у евреев принадлежала судьям. Первым великим судьей стал преемник Моисея – полководец Иисус Навин, последним – пророк Самуил. Среди них была и одна женщина – судья Девора, которая по преданию обладала еще и даром пророчества. Период правления судей продолжался, по разным данным, от 200 до 450 лет. Впоследствии высшая судебная власть перешла к царям, и как выдающийся судья в Библии прославляется царь Соломон. Разберем самый знаменитый пример из его судейской практики с точки зрения теории игр, приведя для начала краткую предысторию.

В X в. до Р.Х. вторым израильским царем стал победитель Голиафа Давид. Поскольку старшие его сыновья вступили в заговор против отца, он завещал престол своему младшему сыну Соломону. Сколько было лет Соломону, когда его по смерти Давида помазали на царство, с точностью определить невозможно. Сам он называет себя «отроком малым», хотя уже был женат на дочери египетского фараона. В силу своей молодости он обладал ограниченным запасом знаний и тем более не разбирался в управлении. Поэтому когда во сне ему явился Бог и спросил о самых заветных желаниях, Соломон не стал просить ни долголетия, ни славы, ни богатства, а попросил даровать ему только «сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло». Всевышний, оценив зрелость его выбора, даровал Соломону такой ум, которого не имел никто прежде и не будет иметь никогда потом, т.е. в иудейской традиции, сделал его самым умным человеком всех временем и народов. К этому Он также добавил ему и того, чего тот не просил: богатство и славу. И будучи еще очень молодым человеком, практически юношей, Соломон сразу же смог явить свою мудрость народу Израиля.

В первый же день царствования к Соломону обратились две женщины-блудницы, чтобы он рассудил их. Одна женщина (истец) просила передать ей грудного ребенка, который находился у другой женщины (ответчика). В обоснование своего требования она сказала, что обе они живут в одном доме и с разницей в три дня родили каждая по ребенку. У ответчика ребенок ночью умер, «ибо она заспала его». Тогда же ночью ответчик подменила детей, себе взяв живого ребенка, а ей подложив

[1] *Талеб Н.Н.* Рискуя собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни / пер. с англ. Н. Караева. М., 2018. С. 160.

[2] См.: *Барак А.* Судейское усмотрение / пер. с англ. М., 1999. С. 47–61.

мертвого. Ответчик иск не признала и утверждала, что ребенок умер именно у истца, в то время как живое дитя, которое она держит сейчас у своей груди, – это ее родной сын. Соломон велел подать ему меч и приказал рассечь ребенка надвое, чтобы разделить его пополам между обеими сторонами. Истец взмолилась присудить его ответчику, лишь бы он остался жив. Ответчик же настаивала: пусть не будет ни мне, ни тебе, рубите. Соломон велел отдать ребенка истцу, определив, что именно она его мать. «И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость Божия в нем, чтобы производить суд»[3].

Специалисты по теории игр А. Диксит и Б. Нейлбафф считают, что Соломон оказался скорее удачливым, чем мудрым судьей. Он воспользовался стратегической ошибкой, которую совершила ответчик. Ей следовало повторить слова настоящей матери, попросив присудить ребенка истцу. При такой позиции сторон судья попадает в ситуацию, в которой, как утверждает судья Конституционного Суда РФ в отставке М.И. Клеандров, логически невозможно принять решение в пользу той или иной стороны[4]. Каким образом при одинаковых ответах сторон царь установил бы истину? С точки зрения теории игр Соломону следовало бы, не подвергая опасности жизнь младенца, создать угрозу того, что ложь слишком дорого обойдется обеим женщинам. Поскольку обе они были проститутками и работали в одном публичном доме, уровень их платежеспособности можно считать примерно одинаковым. Царь не знает, кто настоящая мать – истец или ответчик. Он назначает пошлину в 10 шекелей, которую должна будет заплатить одна из сторон, если на первом этапе ни одна из них не откажется от иска или, соответственно, не признает его. Если истец отказывается от иска, ребенок присуждается ответчику, и никто пошлины не платит. Если она поддерживает иск, начинается второй этап разбирательства. На втором этапе ответчик вправе признать иск, тогда он не платит пошлины,– ребенок присуждается истцу, который и заплатит царю эти 10 шекелей. Если ответчик иск не признаёт, то назначает свою сумму выкупа, например, 40 шекелей, а пошлину царю все равно платит истец. Начинается третий этап, в ходе которого истец или отказывается от иска, и ребенок достается ответчику, который платит царю 40 шекелей, или поддерживает иск и назначает уже свою сумму выкупа, например, 50 шекелей. Так может продолжаться до бесконечности, с тем условием, что стороны постоянно меняются с активной на пассивную, и каждый раз сторона, настаивающая на продолжении разбирательства, платит пошлину[5].

Предложенная учеными стратегия напоминает аукцион, но имеет от него одно принципиальное отличие. Она рассчитана на то, что субъективная ценность ребенка для настоящей матери выше, чем для фальшивой, а значит, первая будет готова к постоянному повышению ставок. В то же время каждый последующий этап рассмотрения дела увеличивает издержки для каждой из сторон. Поэтому такой тип аукциона подталкивает женщину, не являющейся матерью, к тому, чтобы отказаться от своих притязаний на более ранней стадии рассмотрения дела.

В опровержение устоявшегося стереотипа судьи-царя Сервантес создал образ судьи-простолюдина. Вообразивший себя странствующим рыцарем Дон Кихот вместе со своим верным оруженосцем Санчо Пансой попадают в замок к одному знатному герцогу. Хозяин замка решает позабавиться и подыграть их фантазиям. Он исполняет обещание Дон Кихота и за верную службу своему господину жалует его оруженосца островом, назначая его туда губернатором. Своим наместникам на этом «острове» он велит вести себя так, как будто Санчо Панса – настоящий губернатор. В этой должности ему принадлежит и высшая судебная власть, поэтому за непродолжительный период «губернаторства» ему предстоит разрешить шесть дел. Наместники убеждены, что простолюдин не справится с этой задачей и выставит себя на посмешище, однако его крестьянская смётка позволяет ему найти остроумное решение даже в таких случаях, которые кажутся принципиально неразрешимыми. В двух случаях он установил истину, а в четырех – правильно определил меру ответственности.

Одно из этих шести дел, которое блестяще разрешил Санчо Панса, установив истину, основано на том, что А. Диксит и Б. Нейлбафф назвали правилом царя Соломона. Игрок, у которого меньше информации, стремится создать такие условия, при которых те, кто знает правду, вынуждены будут ее обнаружить. Принцип заключается в следующем: поступки – более надежные «свидетели», чем слова[6]. Вот как он был реализован в следующем деле.

Женщина привела в судебную палату мужчину и обвинила в изнасиловании. Чтобы подчеркнуть размер морального вреда, она прибегла к такой метафоре, что обвиняемый «похитил у нее сокровище, которое она берегла двадцать три года,

[3] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. [Канонические. В рус. переводе] / Третья книга Царств 4: 5–28. М., 2008. С. 361, 362.

[4] См.: *Клеандров М.И.* Обвинительный приговор? Оправдательный? Или что-то третье? // Государство и право. 2019. № 12. С. 7–15.

[5] См.: *Диксит А., Нейлбафф Б.* Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни / пер. с англ. Н. Яцюк. М., 2015. С. 239, 421–423.

[6] См.: Там же. С. 240.

всегда оставаясь непоколебимой». Обвиняемый виновным себя не признал и показал, что является скотоводом. Продав трех свиней, он возвращался домой через поле. Там он повстречал эту девушку, которая предложила ему близость за деньги. Он поддался искушению, после чего заплатил ей «сколько полагается», но девушке этого показалось мало, и вот она с того момента как вцепилась в него, так и не отпускала.

Санчо Панса спросил скотовода, имеются ли у него при себе деньги. Обвиняемый ответил, что у него есть кошелек с двадцатью серебряными дукатами. Губернатор потребовал отдать кошелек женщине, и скотовод нехотя исполнил это распоряжение. Женщина взяла кошелек, пересчитала деньги и, поблагодарив судью за его мудрость, быстро удалились из зала суда. Тогда Санчо Панса поручил подсудимому догнать женщину, отобрать у нее кошелек и привести ее обратно. Вскоре он возвратился вместе с женщиной, но признал, что кошелька отобрать у нее так и не смог. Она изо всех сил удерживала его при себе и, когда скотовод пытался вырвать кошелек, яростно защищалась и при этом кричала, что скорее расстанется с жизнью, чем с деньгами. Губернатор велел ей передать ему кошелек и возвратил обвиняемому. Он пояснил, что если бы женщина при защите своей чести выказала хотя бы половину той воинственности, с которой защищала кошелек, то сам Геркулес не смог бы ее изнасиловать.

Практикующий судья ограничен в возможностях постановки таких экспериментов, однако существуют отдельные категории дел, в которых он может прибегнуть к «правилу Соломона», например, дела о расторжении брака. Когда одна из сторон просит расторгнуть брак, а другая сторона с этим не согласна, суд вправе отложить рассмотрение дела и установить сторонам срок для примирения. В одном из таких дел (из судебной практики автора) молодая женщина просила расторгнуть брак на том основании, что муж мало времени проводит в семье. Ответчик, молодой корпоративный юрист, упреки супруги объяснял своей большой загруженностью по работе. Через месяц, по истечении первого предоставленного судом срока для примирения, ситуация в их семье не изменилась. Истец продолжала настаивать на расторжении брака, а ответчик категорически против этого возражал, уверяя суд, что очень любит свою жену и что семья представляет для него высшую ценность. Председательствующий спросил истца, какие действия в ходе следующего срока для примирения ответчик должен совершить, чтобы доказать на деле свои заверения. Девушка ответила, что последние три года муж ни разу не брал отпуска, поэтому убедить ее в искренности ответчика и отказаться от иска сможет только одно: если он возьмет отпуск и целый месяц проведет вместе с ней. Ответчик охотно согласился на такое условие. Через месяц стороны вновь явились в суд, и девушка продолжала настаивать на иске. Председательствующий спросил у нее, выполнил ли ответчик свое обещание. Она рассказала, что ее муж действительно взял отпуск, провел вместе с ней три дня, после чего вновь уехал по своим делам. Ответчик объяснения супруги не оспаривал, хотя против удовлетворения иска по-прежнему возражал. Суд принял решение брак расторгнуть.

Несмотря на удивительную находчивость, проявленную Санчо Пансой в деле о мнимом изнасиловании, славу нового Соломона принесло ему другое дело. К губернатору явились два старика, один из которых опирался на посох. Первый старик (истец) заявил, что дал взаймы второму (ответчику) 10 золотых эскудо. Однако ни свидетелей, ни документов, подтверждающих этот факт, у него нет. Прошло много времени, но ответчик даже вида не показывал, что собирается долг возвращать. Он напомнил ответчику о долге, но тот заявил, что такого случая не помнит, а если и было что-то подобное, то давно уже этот долг возвратил. И вот истец просит привести ответчика к присяге и если тот и под присягой подтвердит свои слова, то простит ему этот долг. На вопрос Санчо Пансы готов ли тот подтвердить свои слова под присягой, старик попросил ответчика подержать свой посох, затем возложил руки на крест и поклялся, что истец действительно ссудил ему 10 эскудо, но он (ответчик) передал ему их из рук в руки. Истец, возвратив ответчику посох, признал, что, вероятно, запамятовал, и на этом предложил разбирательство завершить. Когда старики уже выходили из здания суда, Санчо Панса окликнул их обоих, и они вернулись обратно. Новоявленный губернатор взял у ответчика посох, передал его истцу и объявил, что теперь-то долг ему действительно возвращен сполна. Поскольку все застыли в изумлении, не понимания рассуждений судьи, тот взял посох и разломил его пополам. Из образовавшейся полости выпали 10 золотых монет.

В этом деле Санчо Пансу выручил его недостаток: характерный для примитивных людей конкретный тип мышления. Он истолковал присягу ответчика буквально, в то время как все остальные поняли ее в переносном смысле, на чем и строился расчет ответчика – обмануть с помощью правды. В другом случае этот же тип мышления подвел губернатора, хотя ситуация по своей сути оказалась аналогичной и строилась на игре слов.

Когда Санчо Панса совершал ночной обход своего «острова», полицейский подвел к нему молодого человека. В чем состояла его вина, полицейский пояснить не смог, но задержание объяснил

следующим образом. Молодой человек шел ему навстречу, но, завидев стража порядка, пустился наутек. А поскольку так, по мнению полицейского, поступают только преступники, он догнал молодого человека и привел его к губернатору. Санчо Панса стал расспрашивать задержанного о цели его прогулки и бегства от полиции, но молодой человек лишь отшучивался. Тогда губернатор велел отвести его в тюрьму, сказав, что эту ночь он поспит в тюрьме. Молодой человек возразил, что нет такой власти, которая заставит его спать в тюрьме. Это заявление произвело впечатление неслыханной наглости, и губернатор стал допытываться, почему юноша так уверен в своей безнаказанности. После долгих препирательств он пояснил, что во власти губернатора лишь запереть его в тюрьме, но никто не сможет против его собственной воли заставить его в ней *спать*. Санчо Панса оценил остроумие юноши и отпустил его домой.

Для того чтобы разобраться в природе затруднений, возникающих при разрешении такого рода противоречий, когда формально истинные высказывания используются как средство обмана, нам необходимо использовать сравнительно новые открытия в области коммуникации, которые сделал Г.П. Грайс[7]. До этих открытий общим местом теоретической логики было мнение об ущербности естественных языков по сравнению с искусственными языками, такими, как языки логики и математики, из-за недостаточной определенности используемых в них символов и значений слов. Грайс выявил более глубокий уровень коммуникации, который, в отличие от искусственных языков, образуется естественными языками. Данный уровень он обозначил термином *коммуникативные импликатуры*. Однако достигается этот глубокий уровень коммуникации только при соблюдении сформулированного им *принципа кооперации*. Ученый исходит из того, что участники диалога преследуют какую-то общую для них цель, например, установить истину или договориться о совместных действиях и т.п. Диалог поэтому строится таким образом, чтобы каждое высказывание сторон тем или иным образом приближало их к достижению общей цели. Именно в этом и состоит принцип кооперации. Он выполняется только при соблюдении постулатов, основанных на четырех категориях: *количества, качества, относимости* и *способа* коммуникации.

Постулат категории *количества* предписывает, чтобы высказывание содержало не больше и не меньше информации, чем требуется для достижения целей диалога. Постулат нарушается в случае предоставления как недостаточной, так и избыточной информации. Например, на вопрос суда о том, в каких отношениях свидетель находится с подсудимым, свидетель отвечает: «В родственных». Представленной информации явно недостаточно, поскольку необходимо установить степень родства, а это требует дополнительных вопросов. Обратная ситуация, когда свидетель предоставляет избыточную информацию: «Подсудимый приходится мне двоюродным братом, наши матери были родными сестрами, и они были очень дружны, практически все выходные проводили вместе, ходили в лес собирать грибы и ягоды». Такие подробности, за исключением особых ситуаций, никакого значения для достижения целей диалога не имеют. Они лишь приводят к расходованию времени судьи и участников разбирательства, либо даже отвлекают их внимание от предмета доказывания, направляя их по ложному следу.

Постулат категории *качества* требует от участников диалога, чтобы их высказывания были истинными. Они, соответственно, не должны говорить того, что, во-первых, считают ложным, а во-вторых, того, для чего у них нет достаточных оснований. В судопроизводстве требования к качеству так высоки, что законом предусмотрена уголовная ответственность за их нарушение (дачу заведомо ложных показаний), а также введены некоторые специальные правила, в частности, требование ссылаться на источник осведомленности, если какие-либо сведения стали известны свидетелю с чужих слов.

Категория *относимости* ограничивает участников диалога рамками темы. Они нарушают постулат «не отступать от темы» в том случае, когда отвечают не на тот вопрос, который был задан. Например, на прямой вопрос судьи, выплачивает ли ответчик алименты на содержание своих детей, последний отвечает: «Я много думаю и постоянно забочусь о своих детях. Я их регулярно навещаю, мы вместе гуляем и на прогулке я покупаю им игрушки и мороженое».

Грайс признаёт, что вопросы, связанные с исполнением этого постулата, довольно трудные. В частности, отдельной разработки требует проблема допустимости смещения в диалоге фокуса релевантности. В судебном заседании это весьма актуальная проблема, поскольку свидетель может отклониться от темы и при этом сообщить сведения о каких-то новых эпизодах преступления. В то же время одна из сторон, не заинтересованная в их выявлении, высказывает свои возражения, ссылаясь как раз на то, что нарушено правило относимости.

Четвертая категория – *способ* – указывает не на то, что говорится, а на то, как это говорится. Этой

[7] Здесь и далее его концепция излагается по: *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 217–237.

последней категории соответствует постулат: «Выражайся ясно». Он требует избегать непонятных или неоднозначных выражений, неорганизованности, непоследовательности и путанности в изложении фактов. Наверное, это как раз тот постулат, который чаще всего нарушают непрофессиональные участники судебного процесса. Свидетель рассказывает о событии не с самого начала, называет его участников не полными именами или местоимениями, нарушает последовательность событий, использует неточные и неясные выражения («ткнул» или «пнул» вместо «ударил» и т.п.).

Ощущение неопределенности в судебном заседании возникает в таких ситуациях, когда трудно с точностью установить, какой постулат принципа кооперации нарушен. Например, на два обязательных первых вопроса суда стороны и свидетели могут отвечать неясно. Так, на вопрос о том, знаком ли подсудимый свидетелю, последний отвечает отрицательно. При этом из контекста ясно, что свидетель был очевидцем нападения подсудимого на потерпевшего, а значит, подсудимый ему знаком, но он вкладывает в это другой смысл, что ранее, до события преступления, знаком с ним не был. Или на вопрос о том, в каких отношениях находится с подсудимым, отвечает, что никаких отношений с ним не имеет и иметь не желает, хотя из контекста известно, что между ними произошел конфликт, в результате которого подсудимый причинил потерпевшему телесные повреждения. Возникает ощущение, что они нарушают одновременно и постулат качества, и постулат ясности. Это те самые ситуации, которые, как это может показаться, говорят в пользу аргумента об ущербности естественных языков. Именно для их разрешения Грайс ввел понятие *коммуникативной импликатуры*, которую в обобщенном виде можно определить следующим образом: «Пусть некто, сказав (или сделав вид, что он сказал), что *p,* тем самым имплицировал, что *q,* обоснованно ожидая от слушающего, что тот понимает *q* и осознает необходимость замены *q* на *p*».

Смысл импликатуры нам поможет понять следующий пример. Сталин принял в Москве группу американских журналистов. Один из них, пытаясь провести различие между СССР и США, заявил: «У нас в Америке настоящая демократия, потому что каждый американец может выйти на улицу и, не опасаясь наказания, крикнуть: “Долой президента Трумэна!”». Сталин ответил журналисту: «Подумаешь, демократия. У нас в стране каждый советский гражданин тоже может выйти на улицу и, не опасаясь наказания, крикнуть: “Долой президента Трумэна!”»[8]. Считается, что таким остроумным способом Сталин вышел из затруднительного положения. На самом деле, личность Гарри Трумэна в данном высказывании незначима, оба участника диалога имплицировали следующее:

Журналист: «В США каждый гражданин безнаказанно может публично выступать против главы ***своего*** государства».

Сталин: «В СССР каждый гражданин безнаказанно может публично выступать против главы ***чужого*** государства».

В данном случае Сталин нарушил один из постулатов Грайса: относимость. Его высказывание не релевантно реплике журналиста, поскольку не отвечает на имплицитный вопрос о том, может ли советский гражданин безнаказанно выступить против Сталина, так же как американский – против Трумэна или любого другого президента. Однако, поскольку для обеих сторон дискуссии понятно ее имплицитное содержание, фактически они использовали коммуникативную импликатуру в целях создания бесконфликтной ситуации общения. Таким образом, она выполняет важные социальные функции: снижать либо обострять конфликтность, экономить время и речевые транзакции собеседников и т.д. «Вычисление коммуникативных импликатур, – подчеркивает Грайс, – это вычисление тех компонентов смысла, существование которых следует предположить, чтобы сохранить презумпцию соблюдения принципа кооперации»[9]. Если же такие импликатуры используются в целях обмана, значит, принцип кооперации нарушается. Именно это нарушение имело место в обоих делах: о старике с посохом и о сбежавшем юноше. В первом случае ответчик, сказав, что передал истцу сумму долга из рук в руки, использовал «обобщенную» коммуникативную импликатуру. При отсутствии специальных указаний на обратное, она всегда считывается строго определенным образом, в этом конкретном деле: «ответчик уплатил истцу долг». Во втором случае «обобщенную» импликатуру использовал сам Санчо Панса, когда сказал, что юноша поспит в тюрьме. Он имел в виду, что задержанный проведет в тюрьме ночь, а ночью все, как правило, спят. На этом же феномене основано и самое первое дело, которое разрешил новоявленный губернатор.

В суд явились двое: портной и крестьянин. Портной пояснил, что крестьянин принес ему кусок сукна и спросил, можно ли из него сшить колпак. Он (портной) ответил положительно. Крестьянин, наверняка подумав, что отрезок ткани слишком велик и он (портной) собирается присвоить себе оставшуюся часть, спросил, не выйдет ли из него двух колпаков. Он (портной), будучи оскорблен таким скрытым (мы скажем: имплицируемым)

[8] *Суходеев В.В.* Сталин умел шутить. М., 2014.

[9] *Грайс Г.П.* Указ. соч. С. 236.

в вопросе оскорблением, что вновь ответил положительно. Так они увеличили объем заказа до пяти колпаков. И вот он (портной) выполнил заказ в полном объеме, сшив ему все пять колпаков, но ответчик отказывается платить, да еще и требует возвратить сукно обратно. Санчо Панса спросил крестьянина, подтверждает ли он то, что рассказал портной. Ответчик слова портного подтвердил, но предложил ему предъявить изготовленные колпаки суду. Истец высвободил руку из-под плаща и показал суду все пять колпачков, надетых на пальцы. Такая развязка вызвала всеобщий смех. Санчо Панса принял решение: портному за работу не платить, а крестьянину сукна не возвращать.

Ситуация стала результатом наложения двух импликатур: «обобщенной» (заказывая изготовление колпака, заказчик подразумевает не любой предмет, имеющий форму колпака, а только тот, который пригоден для ношения в качестве головного убора) и «индивидуализированной» (своими уточняющими вопросами о возможном количестве колпаков он на самом деле высказывает, что не доверяет портным). Сегодня с позиции судебной практики мы наверняка приняли бы решение о возмещении крестьянину ущерба, поскольку исполнитель обязан представить потребителю исчерпывающую информацию о свойствах производимого товара. Следовательно, портной сознательно нарушил количественный постулат принципа кооперации, и поэтому цель коммуникации не была достигнута.

Самое сложное дело Санчо Пансе довелось рассмотреть уже под конец своего «губернаторства». В этом деле Сервантес еще в начале XVII столетия обозначил такую проблему логики, к разрешению которой удалось приблизиться только в XX в. Впрочем, созданный им герой-простолюдин в своем решении интуитивно тоже двигался в правильном направлении.

К Санчо Пансе прибыл посланник из соседнего губернаторства и, воздав хвалу мудрости губернатора, о которой стало известно за пределами его владения, обратился с просьбой разрешить дело, в котором оказались бессильны их местные судьи. Губернаторство пересекает пополам глубокая река. Через нее переброшен мост. По краям моста стоит по виселице. Каждый, кто проходит по мосту, должен под присягой сообщить, зачем идет на другой берег. Тот, кто скажет правду, проходит беспрепятственно, а тот, кто солжет, должен быть повешен. Четверо судей оценивают показания путников и, если они правдивы, пропускают, а если ложны, отправляют на виселицу. Но вот один из прохожих был приведен к присяге и поклялся, что пришел затем, чтобы быть повешенным. Если позволить ему беспрепятственно пройти по мосту, то он нарушит присягу, а значит, по закону должен быть повешен. Если же его повесить, то значит, что он сказал правду, а по закону это основание, чтобы беспрепятственно пройти через реку. Как бы судьи ни поступили с этим путником, закон будет нарушен в любом случае. Какой совет может дать губернатор, чтобы судьи правильно разрешили данное дело?

Санчо Панса столкнулся с логическим парадоксом, который кратко можно свести к формуле: «Я лгу». В рамках формально-логической системы он не имеет решения. Это понял и сам «губернатор» после того, как предложил первый вариант решения по делу. Он рассудил так, что если путник наполовину лжет, а наполовину говорит правду, то следует одну его половину повесить, а другую – пропустить на противоположный берег. На это ему резонно возразили, что в таком случае путника придется разрубить надвое (здесь снова возникает соломоновский мотив), а значит, он умрет и не сможет пройти на другой берег. Поразмыслив, Санчо Панса смог выйти из этого затруднения, однако, чтобы по достоинству оценить научную глубину его решения, следует вкратце охарактеризовать проблему логических парадоксов.

Проблема неразрешимости логических парадоксов как серьезный вызов пригодности логико-математического метода познания стала одной из основных тем работы английского логика, в последующем лауреата Нобелевской премии по литературе (чем не парадокс?) Б. Рассела. Для данного парадокса он предложил свою шутливую формулировку: «Брадобрей бреет в городе всех, кто не бреется сам. Бреет ли себя брадобрей?» Если брадобрей не бреет себя сам, значит, он подпадает под ту категорию людей, которых он бреет. А если он бреет себя сам, то значит, исключен из той категории, которых он бреет. Вот как сформулировал этот же парадокс финский логик Я. Хинтикка в отношении самого Рассела: «Берти любит тех и только тех людей, которые не любят самих себя»[10]. Вопрос: любит ли Берти самого себя? Любой ответ, как и в случае с брадобреем, будет неверным – в этом и состоит парадокс.

Парадокс брадобрея является проблемой не только логики, но и теории множеств, которая лежит в основании математики. В рамках этой теории его сформулировал Э. Цермело (поэтому он называется парадоксом Рассела–Цермело). Пусть M – множество всех множеств, которые не содержат себя в качестве своего элемента. Содержит ли M само себя в качестве элемента? Если предположить, что содержит, то получается противоречие с «***Не*** содержат себя в качестве своего элемента».

[10] *Хинтикка Я.* О Гёделе / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева, при участии К.А. Родина. Статьи / К. Гёдель / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева. М., 2014. С. 23 (Библиотека аналитической философии).

Если предположить, что не содержит, то получается противоречие с тем, что это множество ***всех*** множеств, которые не содержат себя в качестве своего элемента.

Рассел попытался разрешить проблему парадоксов с помощью созданной им радикальной «некласс теории». Согласно этой теории классы не существуют в качестве реальных объектов, значимы только в манере разговора о других вещах и не применимы к самим себе[11]. Цермело в рамках теории множеств предложил другое решение. Он разделил множества на уровни и ввел правило, согласно которому только множества меньших уровней могут быть элементами множеств более высоких уровней[12]. Однако дело в том, что «запретительные» концепции, хотя и показывают механизм образования парадоксов и способы их устранения в формальных языках, не помогут Санчо Пансе разрешить дело о проходе по мосту. Согласно этим концепциям, ему следовало ограничиться разъяснением, что с такими делами в суд обращаться запрещено.

Но и сам закон как формально-логическая система полон такими парадоксами, на что при весьма курьезных обстоятельствах указал один из крупнейших логиков в истории человечества – К. Гёдель. После аншлюса Австрии он эмигрировал в США и для получения американского гражданства должен был сдать экзамен на знание конституции. На экзамене он обратил внимание судьи, которому надлежало принять решение о гражданстве, на неразрешимые противоречия в американском основном законе. Так, если билль о правах гарантирует свободу слова всем и каждому, то гарантирует ли он свободу тому, кто выступает против свободы слова или лишает его такой свободы? Должно ли общество, выступающее за терпимость ко всем категориям граждан, быть (не) терпимым к той их категории, которая нетерпима к каким-либо категориям граждан? Наконец, могут ли граждане в рамках демократических процедур выбрать политическую партию, программа которой предусматривает отмену демократии и введение диктатуры? Показав эти противоречия, Гёдель на гипотетическом уровне построил безупречную законодательную модель превращения США из демократии в диктатуру. Получение им американского гражданства попало под угрозу. Спасло заступничество Эйнштейна, который выступал поручителем Гёделя, а также чувство юмора судьи, который счел все это отличной шуткой[13]. Аналогичные парадоксы содержатся и в уголовно-процессуальном законодательстве[14].

Проблемы логических парадоксов Гёдель затрагивал косвенно. Основной сферой его деятельности и открытий стала проблема полноты формально-логических систем. Под полнотой системы понимается то, что все содержащиеся в ней материально истинные утверждения логически доказуемы средствами самой этой системы. Другими словами, если в основе арифметики лежит исчерпывающий перечень аксиом и точных правил вывода, то каждое последующее истинное суждение должно иметь доказательства, опирающиеся на эти аксиомы, а также на теоремы, выведенные из этих аксиом. Однако это не так. Гёдель доказал, что даже в такой простой формально-логической системе, как арифметика, встречаются истинные, но недоказуемые суждения. В этом заключается первая теорема о неполноте[15]. Применительно к отдельным отраслям права ее можно изложить в той формулировке, которую предложил А.В. Смирнов: «Как истина не всегда варится в котле доказательств, так и доказанность (как это на первый взгляд ни покажется абсурдным) порой может иметь место и при недостаточности доказательств»[16]. Вторая теорема о неполноте разрушает уже саму идею непротиворечивости формально-логической системы. Она состоит в том, что невозможно в рамках системы доказать непротиворечивость этой системы, т.е. то, что при соблюдении аксиом и правил вывода всегда будут получаться только истинные и никогда – ложные суждения[17].

Теоремы о неполноте, хотя и были сформулированы применительно к арифметике, по сути, являются фундаментальными идеями всей теории познания. Какие общие гносеологические выводы делает сам Гёдель? Первый вывод заключается в том, что высказывание, которое невозможно доказать в рамках данной системы, может быть доказано внутри системы более высокого уровня (метасистемы). Данный вывод влечет за собой другой, более глобальный,– о принципиальной незавершенности (бесконечности) математики. На время, однако, отложим эту мысль и возвратимся на шаг назад – к метасистемам.

---

[11] См.: *Гёдель К.* Расселовская математическая логика / пер. с нем. В.В. Целищева // Там же. С. 137.

[12] См.: там же. С. 148.

[13] См.: *Хинтикка Я.* Указ. соч. С. 17, 18.

[14] См.: *Цветков Ю.А.* «Улыбка без кота» или Что останется от предварительного следствия? // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 18–23.

[15] См.: *Гёдель К.* Некоторые основные теоремы в основаниях математики и их следствия / пер. с нем. В.В. Целищева // *Хинтикка Я.* Указ. соч. С. 166–200.

[16] *Смирнов А.В.* Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2018. С. 27.

[17] См.: *Гёдель К.* Некоторые основные теоремы в основаниях математики и их следствия / пер. с нем. В.В. Целищева. С. 166–200.

Дело о прохождении через мост не имело решений с точки зрения закона или, как мы теперь скажем, в рамках формально-логической системы. Чтобы его решить, требовалось построить систему более высокого порядка, в которой возникли бы способы его разрешения. Именно так и поступает Санчо Панса: он переходит из системы «закон», в которой это дело неразрешимо, в систему «мораль», в которой существует критерий разрешения противоречий, возникающих на более низком уровне. Когда Санчо Пансе разъяснили невозможность приведения в исполнение его первого решения, он сформулировал второй его вариант. Губернатор рассуждал следующим образом. Коль скоро у судей оснований для осуждения и для оправдания прохожего поровну, то им следует его пропустить, так как делать добро всегда правильнее, чем зло. По его признанию, этому правилу его научил не кто иной, как хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Давая своему оруженосцу перед отъездом на остров наставление, странствующий рыцарь открыл ему правило, как следует поступать в сомнительных случаях: всегда исходить из того, какое решение в большей мере отвечает голосу милосердия. Поэтому современное право как формально-логическая система усиливает себя путем инкорпорации (механической, но, разумеется, не органической) этических руководящих начал. Примерами могут служить принцип гуманизма в уголовном праве или правило уголовного процесса, согласно которому судья, принимая решения, должен руководствоваться законом и (если этого недостаточно) еще и совестью. В таких случаях этика выступает по отношению к праву на основе комплементарности. Однако и эта метасистема неустойчива и не застрахована от парадоксов. Как показал акад. А.А. Гусейнов, мораль и право в конечном счете тоже вступают в противоречие. В подтверждение ученый привел спор между Г. Хартом (Оксфорд) и Л. Фуллером (Гарвард) о том, должен ли был законопослушный немец исполнять расовые законы нацистской Германии[18].

В своих поздних работах Гёдель делает более важные выводы о том, что если человеческий ум конечен (поскольку он определен размерами мозга, количеством нейронов и межнейронных связей), а математика бесконечна, то значит, математика не является изобретением человеческого ума (человека). Следовательно, математические истины (и истина в целом) имеют свое автономное существование, свой отдельный мир, и человек не создает, а лишь открывает для себя эти истины. Признавая платоновский взгляд (о мире идей, отделенном от мира вещей) единственно возможной альтернативой, Гёдель пишет: «Тем самым, я утверждаю, что математика описывает нечувственную реальность, которая существует независимо от действий и диспозиций человеческого ума и воспринимается лишь, вероятно, весьма неполным образом человеческим умом»[19].

Исходя из этой теории, работа судьи, по крайне мере по сложным делам, направлена на отыскание вечных истин для конкретных ситуаций – истин, существующих не в уме человека и не как продукт его мышления, а как объекты сверхчувственного мира. Такой род деятельности предполагает, что заниматься ею может отнюдь не каждый, а лишь те, кто обладает особыми качествами, которые сложно или даже невозможно выявить при отборе кандидатов на должности судей.

Квалификационный экзамен на должность судьи направлен, прежде всего, на то, чтобы определить уровень знания претендентом действующего законодательства и умения применять его при решении стандартных юридических казусов. Ограниченность такого подхода подверг заслуженной критике судья Конституционного Суда РФ в отставке М.И. Клеандров[20]. Испытание должно выявлять наличие или отсутствие способностей совсем иного рода, как это практикуется, например, в компании Google. Поскольку стратегия этой компании основана на инновациях и создании чего-либо доселе невозможного, она не может определить заранее, какие знания и навыки могут понадобиться ее сотрудникам. Поэтому на собеседовании ее представители задают вопросы, ответ на которые не знает никто, например: «Сколько весит Эмпайр-стейт-билдинг?». Тест сразу отсеивает тех, кто считает, что существуют нерешаемые задачи и не пытается предложить никакого варианта решения. На втором этапе уже выявляются те, кто может предложить алгоритм решения такой задачи, разбив ее на сегменты, и дать хотя бы приблизительный, но убедительный ответ[21]. Именно таким типом мышления, который человечество ассоциирует с мудростью царя Соломона или народной смёткой Санчо Пансы, и должен обладать судья.

Основные научно-практические выводы

1. Успешное разрешение дела в рамках судебной коммуникации – результат соблюдения принципа кооперации: если он не соблюдается, возникают

[18] См.: *Гусейнов А.А.* Мораль и право: линия разграничения // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 113–137.

[19] *Гёдель К.* Некоторые основные теоремы в основаниях математики и их следствия. С. 199, 200.

[20] См.: *Клеандров М.И.* О необходимости психодиагностирования кандидатов на должности судей // Государство и право. 2019. № 6. С. 5–17.

[21] См.: *Левитин Д.* Организованный ум. Как мыслить и принимать решения в эпоху информационной перегрузки / пер. с англ. Н. Брагиной, Т. Землеруб. М., 2019. С. 414–425.

коммуникативные трудности и парадоксальные ситуации.

2. Возникшие в судебном процессе коммуникативные трудности и парадоксы разрешаются путем установления, какой постулат кооперации (количества, качества, относимости или способа) нарушен, и устранения нарушения.

3. Поскольку участники судебной коммуникации зачастую являются игроками со своими стратегическими интересами, они могут нарушать принцип кооперации сознательно. Поэтому в ситуации, когда противоречащие требования опираются на взаимоисключающие доказательства, методом оптимизации судебных решений является метод теории игр – «Правило царя Соломона»: поступки – более надежные свидетели, чем слова.

4. Вследствие неполноты формальных систем, в т.ч. таких, как право и закон, возникновение логических парадоксов и трудноразрешимых казусов в правосудии неизбежно. Для их разрешения необходимо конструирование метасистемы, которой по отношению к праву является, в частности, система этики. Такая возможность судье, если закона ему для принятия справедливого решения недостаточно, предоставлена легально: он наряду с законом вправе руководствоваться еще и совестью.

5. Рассмотрение сложных дел, в которых не существует одного законного решения, предполагает наличие у судьи особого (судейского) типа мышления, для выявления которого требуются принципиально новые подходы к проведению квалификационного экзамена на должность судьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барак А.* Судейское усмотрение / пер. с англ. М., 1999. С. 47–61.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. [Канонические. В рус. переводе] / Третья книга Царств 4: 5–28. М., 2008. С. 361, 362.
3. *Гёдель К.* Некоторые основные теоремы в основаниях математики и их следствия / пер. с нем. В.В. Целищева // *Хинтикка Я.* О Гёделе / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева, при участии К.А. Родина. Статьи / К. Гёдель / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева. М., 2014. С. 23 (Библиотека аналитической философии). С. 166–200.
4. *Гёдель К.* Расселовская математическая логика / пер. с нем. В.В. Целищева // *Хинтикка Я.* О Гёделе / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева, при участии К.А. Родина. Статьи / К. Гёдель / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева. М., 2014. С. 23 (Библиотека аналитической философии). С. 137, 148.
5. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 217–237.
6. *Гусейнов А.А.* Мораль и право: линия разграничения // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 113–137.
7. *Диксит А., Нейлбафф Б.* Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни / пер. с англ. Н. Яцюк. М., 2015. С. 239, 240, 421–423.
8. *Клеандров М.И.* О необходимости психодиагностирования кандидатов на должности судей // Государство и право. 2019. № 6. С. 5–17.
9. *Клеандров М.И.* Обвинительный приговор? Оправдательный? Или что-то третье? // Государство и право. 2019. № 12. С. 7–15.
10. *Левитин Д.* Организованный ум. Как мыслить и принимать решения в эпоху информационной перегрузки / пер. с англ. Н. Брагиной, Т. Землеруб. М., 2019. С. 414–425.
11. *Смирнов А.В.* Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2018. С. 27.
12. *Суходеев В.В.* Сталин умел шутить. М., 2014.
13. *Талеб Н.Н.* Рискуя собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни / пер. с англ. Н. Караева. М., 2018. С. 160.
14. *Хинтикка Я.* О Гёделе / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева, при участии К.А. Родина. Статьи / К. Гёдель / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева. М., 2014. С. 17, 18, 23 (Библиотека аналитической философии).
15. *Цветков Ю.А.* «Улыбка без кота» или Что останется от предварительного следствия? // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 18–23.

REFERENCES

1. *Barak A.* Judicial discretion / transl. from English. M., 1999. P. 47–61 (in Russ.).
2. The Bible. The books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. [Canonical. In Russian translation] / The Third Book of Kings 4: 5–28. M., 2008. P. 361, 362 (in Russ.).
3. *Goedel K.* Some basic theorems in the foundations of mathematics and their consequences / transl. from German V.V. Tselishchev // *Hintikka Ya.* About Godel / comp., ed. and transl. V.V. Tselishchev and V.A. Surovtsev, with the participation of K.A. Rodin. Articles / K. Goedel / comp., ed. and transl. V.V. Tselishchev and V.A. Surovtsev. M., 2014. P. 23

(Library of Analytical Philosophy). P. 166–200 (in Russ.).

4. *Goedel K.* Rasselovskaya mathematical logic // *Hintikka Ya.* About Godel / comp., ed. and transl. V.V. Tselishchev and V.A. Surovtsev, with the participation of K.A. Rodin. Articles / K. Goedel / comp., ed. and transl. V.V. Tselishchev and V.A. Surovtsev. M., 2014. P. 23 (Library of Analytical Philosophy). P. 137, 148 (in Russ.).
5. *Gries G.P.* Logic and speech communication / transl. from English // New developments in foreign linguistics. 1985. Issue. 16. P. 217–237 (in Russ.).
6. *Guseynov A.A.* Morale and law: the line of demarcation // Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences / under the general ed. A.N. Savenkov. M., 2019. P. 113–137 (in Russ.).
7. *Dixit A., Neilbuff B.* Game theory. The Art of strategic thinking in business and life / transl. from English by N. Yatsyuk. M., 2015. P. 239, 240, 421–423 (in Russ.).
8. *Kleandrov M.I.* On the need for psychodiagnostics of candidates for the positions of judges // State and Law. 2019. No. 6. P. 5–17 (in Russ.).
9. *Kleandrov M.I.* The guilty verdict? Acquittal? Or something third? // State and Law. 2019. No. 12. P. 7–15 (in Russ.).
10. *Levitin D.* Organized mind. How to think and make decisions in the era of information overload / transl. from English N. Bragina, T. Zemlerob. M., 2019. P. 414–425 (in Russ.).
11. *Smirnov A.V.* Formal means of proof in Criminal Law and procedure. M., 2018. P. 27 (in Russ.).
12. *Sukhodeev V.* Stalin knew how to joke. M., 2014 (in Russ.).
13. *Taleb N.N.* Risking her own skin: Hidden asymmetries daily life / transl. from English N. Garayev. M., 2018. P. 160 (in Russ.).
14. *Hintikka Ya.* About Godel / comp., ed. and transl. V.V. Tselishchev and V.A. Surovtsev, with the participation of K.A. Rodin. Articles / K. Goedel / comp., ed. and transl. V.V. Tselishchev and V.A. Surovtseva. M., 2014. P. 17, 18, 23 (Library of Analytical Philosophy) (in Russ.).
15. *Tsvetkov Yu. A.* "Smile without a cat" or What will remain of the preliminary investigation? // Criminal proceedings. 2016. No. 2. P. 18–23 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЦВЕТКОВ Юрий Анатольевич –
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий научно-исследовательским
отделом Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации; 125080
г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Authors' information

TSVETKOV Yuri A. –
PhD in Law, associate Professor, Head of the
research Department Moscow Academy of the
Investigative Committee of the Russian Federation;
12 Vrubel str., 125080 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 147–157
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 147–157

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ И РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

© 2021 г. О. В. Дамаскин[1, *], В. В. Красинский[2, **]

[1]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[2]Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), г. Москва

**E-mail: dov39@mail.ru*
***E-mail: lislisv@mail.ru*

Поступила в редакцию 23.11.2020 г.

Аннотация. В статье рассмотрена проблема информационного противодействия фальсификации истории и реабилитации нацизма. Раскрыты основные манипулятивные технологии фальсификации истории и оправдания нацизма, показаны ключевые современные формы распространения идеологии нацизма. Авторы делятся положительным опытом контрпропагандистской работы по линии противодействия фальсификации истории и профилактики реабилитации нацизма.

Ключевые слова: фальсификация истории, оправдание фашизма, реабилитация нацизма, информационное противодействие экстремизму, контрпропаганда, антиэкстремистское сознание.

Цитирование: *Дамаскин О.В., Красинский В.В.* Информационное противодействие фальсификации истории и реабилитации нацизма // Государство и право. 2021. № 6. С. 147–157.

DOI: 10.31857/S102694520015034-8

INFORMATION COUNTERACTION TO FALSIFICATION OF HISTORY AND REHABILITATION OF NAZISM

© 2021 O. V. Damaskin[1, *], V. V. Krasinsky[2, **]

[1]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[2]Federal Financial Monitoring Service (Rosfinmonitoring), Moscow

**E-mail: dov39@mail.ru*
***E-mail: lislisv@mail.ru*

Received 23.11.2020

Abstract. In the article the characteristic of the problem of information countermeasures to falsification of history and rehabilitation of Nazism is given. The main manipulative technologies of falsification of history and justification of Nazism are revealed, the key modern forms of the spread of the ideology of Nazism are shown. Authors share positive experiences of counterpropaganda work in countering the falsification of history and preventing the rehabilitation of Nazism.

Key words: falsification of history, justification of fascism, rehabilitation of Nazism, information counteraction to extremism, counterpropaganda, anti-extremist consciousness.

For citation: *Damaskin, O.V., Krasinsky, V.V. (2021).* Information counteraction to falsification of history and rehabilitation of Nazism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 147–157.

9 мая 2020 г. исполнилось 75 лет Победе советского народа в Великой Отечественной войне. Ударные силы фашистского блока были разгромлены советскими войсками при поддержке союзников.

Память человеческая скоротечна. Ужасы и кровавые нацистские преступления той трагической эпохи забываются. Возникают мифы и сфабрикованные трактовки агрессивной войны.

Сейчас активно игнорируется «беспрецедентный характер фашистской агрессии против СССР и стран Европы, вопиющий, дьявольский характер этнических чисток и геноцида, проводимых идеологами расовой исключительности»[1].

Маскируются и замалчиваются планы руководства нацистской Германии по колонизации и германизации стран Восточной Европы и оккупированных территорий СССР (генеральный план "Ost"). Между тем план предусматривал уничтожение, выселение, онемечивание населения государств Восточной Европы. Предполагалось выселить в Сибирь около 30 млн человек с территории Польши и западных районов СССР. Это означало выселение 80% польского населения, 65% населения Западной Украины, 75% – Западной Белоруссии, значительной части населения Литвы, Латвии, Эстонии. На их место планировалось переместить 10 млн немцев. На оккупированных территориях следовало уничтожить 5–6 млн евреев, 30 млн русских[2].

Победа стран антигитлеровской коалиции на полях боевых сражений завершилась победой разума, справедливости и законности в Нюрнбергском процессе (20 ноября 1945–1 октября 1946). На скамье подсудимых впервые в истории оказались главные государственные преступники нацистской Германии, которые вместе с Гитлером готовили и осуществляли планы порабощения народов и государств на основе фашистской идеологии в целях установления мирового господства.

Как справедливо отметил Президент РФ В.В. Путин в обращении к участникам Международного научно-практического форума «Уроки Нюрнберга», «у советского народа, принявшего на себя самые мощные, самые жестокие удары агрессора и прошедшего величайший жертвенный путь к Победе, был к нацистам свой, высший счёт – за погибших на полях сражений, за раненых и искалеченных, за разрушенные города и выжженные сёла, за массовые убийства людей на оккупированных территориях. <...>. Триумфальная военная победа должна была быть завершена политическим, юридическим и нравственным осуждением нацизма и его смертоносной идеологии»[3].

Криминализация агрессии как тягчайшего международного преступления получила легитимную основу. Принципиальные положения Устава и Приговора Нюрнбергского трибунала вошли в международное право, что нашло подтверждение в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 сентября 1946 г., способствовали обновлению гуманитарного законодательства, включая сферу гарантий прав и свобод личности[4].

Прошло 75 лет с момента начала Нюрнбергского процесса, но его принципы актуальны и ныне, в свете попыток ревизии ультраправого национализма и распространения дезинформации о Второй мировой войне. Уроки Нюрнберга важны для отстаивания исторической правды и памяти[5].

В последние годы наблюдается заметное увеличение объема негативного контента, откровенных фальсификаций и дезинформации о роли СССР в победе над гитлеровской Германией и нацизмом, в значительной части – в сети Интернет[6].

---

[1] *Зорькин В.* Правовые результаты Нюрнбергского процесса и их современное значение // Росс. газ. 2011. 16 мая.

[2] См.: *Дамаскин О.В.* Нюрнбергский процесс: уроки и современность (К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) // Современное право. 2015. № 6. С. 4–10.

[3] Обращение Президента России В.В. Путина к участникам Международного научно-практического форума «Уроки Нюрнберга». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64447 (дата обращения: 21.11.2020).

[4] См.: Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран Оси (принят в г. Лондоне 08.08.1945 г.) // Действующее международное право. М., 1997. Т. 3; *Полторак А.И.* Нюрнбергский процесс и вопрос об ответственности за агрессию // Сов. государство и право. 1965. № 6; *Его же.* Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). М., 1965; *Его же.* Нюрнбергский эпилог / под ред. А.А. Беркова, В.Д. Ежова. М., 1983; *Дамаскин О.В.* Нюрнбергский процесс: уроки и современность // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов Междунар. науч.-практ. конф. ИГП РАН. М., 2020. С. 281.

[5] См.: *Черниченко С.В.* Вопрос о влиянии Нюрнбергских принципов на современное международное право // Росс. ежегодник международного права. СПб., 2006; *Clapham A.* From Nuremberg to the Hague. The Future of International Criminal Justice. Cambridge, 2003; *Farhad M.* International Criminal Law. The Legal and Critical Analysis of International Crimes. Uppsala, 1991; *Kibler T.* The Nuremberg Trials and Their Profound: Impact on International Law. URL: https://home.heinonline.org/blog/2019/10/the-nuremberg-trials-and-their-profound-impact-on-international-law (дата обращения: 21.11.2020); *Mishra S.* The Nuremberg Trials. Impact on International Criminal Law and Jurisprudence. URL: http://www.legalserviceindia.com/legal/article-404-the-nuremberg-trials-impact-on-international-law-and-jurisprudence.html (дата обращения: 21.11.2020*); Robert H. Jackson.* The Influence of the Nuremberg Trial on International Criminal Law. URL: https://www.roberthjackson.org/speech-and-writing/the-influence-of-the-nuremberg-trial-on-international-criminal-law (дата обращения: 21.11.2020).

[6] См.: О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют

По данным аналитиков компании «Крибрум», негативные публикации о роли Советского Союза во Второй мировой войне и праздновании Дня Победы в период с 2014 по 2020 г. распространяли более 150 тыс. авторов, большинство из которых являются иностранными гражданами (Украина, страны Балтии, США, ФРГ)[7]. Специалисты выделили ряд социальных сетей, активно распространяющих дезинформацию о Второй мировой войне. Так, в Facebook число иностранных аккаунтов, негативно пишущих о Победе СССР, почти в два раза больше, чем российских. 8 и 9 мая 2020 г. администрация Facebook удаляла из профилей фотографии с Красным знаменем Победы над Рейхстагом. Вместе с тем в пабликах социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники» и Livejournal, критикующих итоги Великой Отечественной войны, преобладают российские пользователи.

Для фальсификации итогов войны и дискредитации СССР используются следующие манипулятивные технологии:

Советский Союз сравнивается с Третьим рейхом, Сталин обвиняется в развязывании войны (т.н. концепция «равной ответственности» гитлеровской Германии и СССР). При этом замалчиваются политика уступок Гитлеру, проводимая Чемберленом, «мюнхенский сговор»[8] и другие потакания европейских держав нацистской Германии; противостояние СССР фашистской агрессии в 1936–1939 гг. в Испании, в 1938 г. – на озере Хасан, в 1939 г. – на Халхин-Голе;

активно внедряются тезисы «нам нечем гордиться», «зачем праздновать, нужно плакать»;

для критики мероприятий, связанных с празднованием Дня Победы в России, компрометации других национальных достижений в иных сферах в информационное пространство введен термин «победобесие»;

в общественное сознание внедряется т.н. «альтернативная история»: «1945 год не принес Европе освобождение»; советские воины объявляются «оккупантами», а пособники-националисты (латышские и эстонские солдаты СС, участники украинских националистических бандформирований, сотрудничавших с гитлеровской Германией, – «героями и борцами за свободу»[9]; при этом из информационного поля вытесняется главный вопрос: можно ли считать героями тех, кто участвовал в массовых убийствах мирного населения (солдаты УПА, Армии Крайовой)?

массово уничтожаются памятники советским воинам-победителям.

Данные технологии комплексно интегрированы в различные массовые коммуникации и формы общественного сознания. Они оказывают целенаправленное идейное воздействие на группы и отдельных людей, формируют личностные установки с заданными характеристиками.

Целью подобной информационной кампании является пересмотр итогов Второй мировой войны и дискредитация роли Советской России в победе над фашизмом с помощью изменения статуса СССР как государства-победителя на роль агрессора. При этом игнорируется тот факт, что Советский Союз был основной жертвой агрессии германского нацизма, а в дальнейшем стал одним из учредителей Международного военного трибунала и ООН.

Попытки обвинения СССР в развязывании Второй мировой войны, перекладывания вины на советское руководство предпринимались еще нацистскими идеологами-пропагандистами (доктрина «превентивной войны»). На Нюрнбергском процессе бывший руководитель германской прессы и радиовещания Г. Фриче в своих показаниях признал, что он «организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз. Никаких оснований к тому, чтобы обвинять СССР в подготовке нападения на Германию, у нас не было»[10].

Р.А. Руденко указал: «О какой “превентивной” войне может идти речь, когда документально доказано, что Германия заранее разработала и подготовила план нападения на СССР, сформулировала

эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. URL: https: //www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bB3NYd16mBFC/content/id/3193903 (дата обращения: 21.11.2020); В историю с черного хода. Неонацизм в современном мире: новые угрозы и вызов. URL: http://president-sovet.ru/members/blogs/post/3420 (дата обращения: 14.07.2020).

[7] См.: Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа. М., 2020.

[8] Мюнхенское соглашение («мюнхенский сговор») было подписано в ночь на 30 сентября 1938 г. Великобританией, Францией, Германией и Италией. Согласно договору, Чехословакия передавала Германии Судетскую область, а также пограничные с Австрией районы, захваченные вермахтом в 1938 г.

[9] Некоторые политики, представители научного и экспертного сообщества до сих пор поднимают вопросы пересмотра принадлежности Калининградской области, Южного Сахалина и Курильских островов, якобы «несправедливо» отторгнутых Советским Союзом у нацистской Германии и фашистской Японии.

[10] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов: в 7 т. М., 1960–1961. Т. 5. С. 569; *Jackel E.* Hitlers Herrschaft. Vollzug einer Weltanschauung. Stuttgart, 1986; *Wippermann W.* Der konsequente Wahl. Ideologie und Politik Adolf Hitlers. München, 1989; *Domarus M.* Hitlers Reden und Proklamationen (1939–1945). Wuerzburg, 1963; Das Russlandbild im Dritten Reich. Wien, 1994; *Mueller R.D.* Der andere Holocaust. Der Krieg gegen die Sowjetunion Vieles deutet darauf hind ass dem russischen Volk ein ahnliches Schicksal zugedacht war wie dem judischen // Die Zeit Nr. 27, 1. Juli 1988; *Aly G., Heim S.* Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Plaene fuer eine neue europaische Ordnung. Frankfurt a/M., 1993.

грабительские цели этого нападения, наметила территории Советского Союза, которые она намерена была захватить, установила методы ограбления этих территорий и истребления их населения, заблаговременно отмобилизовала свои войска и придвинула к границам СССР 170 полностью подготовленных дивизий, которые ожидали лишь сигнала для выступления»[11].

Подготовив и осуществив вероломное нападение, главари Третьего рейха превратили войну в систему военизированного бандитизма. Убийство военнопленных, уничтожение гражданского населения, разграбление захваченных земель и другие преступления были частью программы тотальной войны[12].

Ведущий российский эксперт в области геополитики и военной истории Л. Ивашов оценивает сложившуюся ситуацию следующим образом: «Делается все возможное по ослаблению российской государственности, разложению и деморализации общества. <...>. Доходит до того, что на одном из отечественных телеканалов главным героем, дающим оценку событиям Великой Отечественной войны и деятельности советских полководцев, выступает изменник Родины, перебежчик Резун, присвоивший себе фамилию Суворов. Ведущему И. Прокопенко невдомек, что еще в годы СССР под этого перевертыша в Лондоне был создан специальный отдел по изготовлению подложных документов и фальсификации истории войны. И вот на отечественном телевидении эти фальшивки обильно выливаются в эфир, а российские издательства с удовольствием и прибылью тиражируют «произведения» предателя»[13].

Распространенным пропагандистским приемом дискредитации роли СССР в победе над фашизмом является основанное на искажении фактов сравнение Советского государства с Третьим рейхом и использование тезиса о «Пакте Молотова–Риббентропа». Авторы солидарны с позицией В.Д. Зорькина: «Если уже выставлять счет СССР за заключение соглашений с гитлеровской Германией, то делать это надо, только признав, что Москва решилась договариваться с Берлином после сговора в Мюнхене и отказа Великобритании и Франции заключать ответственные военно-политические соглашения с СССР уже в августе 1939 г. <...> Наконец, сколько бы небезупречным ни было поведение СССР и его западных союзников в предвоенный период, эту небезупречность нельзя ставить на одну доску с идеологией и практикой геноцида, культом национальной исключительности, военной силы и откровенными агрессивными намерениями, которые составляли сущность нацистской политики»[14].

В развитие этой лживой псевдоидеологии и политики европейскими «партнерами-союзниками» принимаются законы и политические декларации об уравнивании статуса нацизма и коммунизма, с помощью разнообразных каналов коммуникации распространяются ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны[15].

Институтами Европейского Союза (начиная с 2000-х годов) были приняты многочисленные документы, в которых последовательно выстраивалась парадигма идеологического единства тоталитарных обществ, старательно стирая грань между нацизмом и официальной государственной идеологией СССР[16]. В частности, такой подход был ярко выражен в резолюции ОБСЕ от 2 апреля 2009 г. «О европейской совести и тоталитаризме», которая возлагала ответственность за развязывание войны в равной степени как на Германию, так и на СССР. Но особенно показательно принятие 19 сентября 2019 г. Европарламентом резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». В ней европейские парламентарии объявили договор о ненападении между Германией и СССР 1939 г. отправной точкой для начала Второй мировой войны. Естественно, что каких-либо упоминаний о Мюнхене там не содержится[17].

В соответствии с п. 11 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года участившиеся в иностранных государствах случаи умышленного искажения истории,

[11] Нюрнбергский процесс: в 2 т. М., 1951–1952. Т. 1. С. 262.

[12] См.: *Дамаскин О.В.* Нюрнбергский процесс: уроки и современность (К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). С. 4–10.

[13] *Ивашов Л.Г.* Мир на изломе истории. Хроники геополитических сражений. М., 2018. С. 209.

[14] *Зорькин В.* Указ. соч.

[15] См.: Закон Чешской Республики 1991 г. «О незаконности коммунистического режима», Закон Украины 2015 г. «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) режимов в Украине и запрете пропаганды их символики», Закон Польши 2016 г. о декоммунизации. В 2006 г. ПАСЕ приняла резолюцию № 1481 «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов». 3 апреля 2009 г. Европарламентом учрежден Европейский день памяти жертв сталинизма и нацизма. 20 октября 2016 г. Сеймом Республики Польша и Верховной радой Украины была принята Декларация памяти и солидарности, в которой Советский Союз причислен к агрессорам, развязавшим Вторую мировую войну.

[16] См.: *Савин С.Ю.* Суд народов на страже мира в прошлом и настоящем // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов Междунар. науч.-практ. конф. ИГП РАН. С. 262.

[17] См.: *Путин В.В.* 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527

возрождения идей нацизма и фашизма представляют реальную угрозу[18].

Действенным механизмом противодействия реабилитации нацизма является законодательная защита исторической памяти народа. Учитывая чудовищные злодеяния, совершенные гитлеровцами, их союзниками и пособниками-националистами на территории Советского Союза, целенаправленное массовое уничтожение нацистами мирного населения и советских военнопленных, понесенные СССР колоссальные невосполнимые потери, предлагается установить в Федеральных законах от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»[19], от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России»[20] в числе памятных дат День памяти жертв геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Публичное оправдание идеологии и преступлений нацистов запрещено в законодательстве большинства государств. С учетом возможности привлечения к уголовной ответственности оправдание нацизма осуществляется идеологами и функционерами праворадикальных структур, другими заинтересованными активистами в косвенной, завуалированной форме, с помощью музыки, мемов в соцсетях, видеоигр.

Основной инструмент пропаганды нацистских и фашистских идей в молодежной среде – музыка. Ныне в русскоязычном сегменте Интернета можно в открытом доступе найти аудио- и видеозаписи т.н. «правой» или «белой» музыки (более 25 групп, в т.ч. внесенных в Федеральный список экстремистских материалов)[21].

В качестве одной из технологий фальсификации истории и управления общественным сознанием активно используются мемы, искажающие историю Второй мировой войны, пропагандирующие роль нацистских лидеров и оскорбляющие ветеранов Великой Отечественной войны[22].

С 2016 г. мемы о нацизме и Гитлере стали появляться и в русскоязычном сегменте Интернета. По мнению экспертов, данные тематические сюжеты призваны повысить узнаваемость Гитлера в среде молодого поколения граждан Российской Федерации[23].

Сторонниками радикальных идей коммунизм приравнивается к нацизму через акцент на сходстве символики: «Красные флаги – оккупанты их очень любят». Параллельно внимание целевой аудитории отвлекается на несвязанную с Великой Отечественной войной тематику репрессий.

Выраженный деструктивный потенциал несут т.н. «издевательские мемы» – оскорбления ветеранов Великой Отечественной войны.

По замыслу идеологов и активистов агитационных площадок, такая позиция предполагает, что нацизм был не так уж и страшен. С ним вообще не стоило бороться, и ничего страшного не было бы, если бы нацистов поддержали.

Умаление подвига ветеранов СССР в спасении мира от нацизма, значения их боевых заслуг необходимо рассматривать как разновидность оправдания нацизма.

Особую опасность с точки зрения распространения нацистской и фашистской идеологии представляют электронные игры. Боевые действия в этих играх, пропагандирующие технические достижения, символы, слоганы Третьего рейха, ведутся немецкими войсками и формированиями SS, против сил антигитлеровской коалиции. За удачные виртуальные операции против союзных войск участникам вручаются виртуальные награды фашистской Германии, присваиваются нацистские звания. Награды носят реальный характер, присылаются активным участникам по почте, их изготовлением занимаются монетные дворы отдельных стран[24].

Примером является игра Battlefield 1942 (1943).

В этих же целях распространяются ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Так, в первой части игры “Company of Heroes” не было кампании за СССР. Во второй части – Красная армия, по замыслу разработчиков контента, сжигает деревни вместе с жителями,

---

[18] См.: Указ Президента РФ от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // СЗ РФ. 2020. № 22, ст. 3475.

[19] См.: СЗ РФ. 1995. № 21, ст. 1928.

[20] См.: СЗ РФ. 1995. № 11, ст. 943.

[21] 30.10.2020 г. прошло очередное обновление Федерального списка экстремистских материалов. В него вошли песни рок-групп «Русский корпус» и «Банда Москвы» (см.: решения Ленинского районного суда г. Севастополя от 27.07.2020 г. и Новосильского районного суда Орловской области от 26.08.2020 г.).

[22] См.: *Дамаскин О.В., Красинский В.В.* Криминологическая характеристика механизма вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность // Государство и право. 2020. № 8. С. 54.

[23] См. *Амелина Я.* Трансформация деструктивных практик после разгрома т.н. «Исламского государства»: последние тенденции. «Колумбайн в российских школах – далее везде?..». М., 2018; *Касперская Н.* Проблема деструктивных движений в Интернете // Выступление на форуме «Цифровая гигиена. Молодежь в сети» (Москва, 28 марта 2019 г.). М., 2019.

[24] См.: *Шестак В.А., Адигамов А.И.* Современные проблемы противодействия распространению идей неонацизма и фашизма в интернет-пространстве // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов Междунар. науч.-практ. конф. ИГП РАН. С. 238.

расстреливает собственных солдат и польских партизан.

Уголовная ответственность за подобные формы распространения идеологии нацизма ни в Российской Федерации, ни в других зарубежных государствах не предусмотрена.

С целью формирования антиэкстремистского сознания, противодействия реабилитации нацизма и неофашизма субъектами профилактики терроризма и экстремизма используются различные организационные формы предупредительно-профилактической работы и соответствующие им виды информационной продукции:

разрабатываются и размещаются краткие памятки для социальных сетей, разоблачающие античеловеческую сущность нацистской и неофашистской идеологии;

готовятся оперативные комментарии хода резонансных уголовных дел с участием представителей праворадикальных группировок и задержаний нацистов;

разворачиваются обучающие и культурно-спортивные тематические секции в ходе молодежных форумов, фестивалей национальных культур и других массовых мероприятий[25];

в учреждениях культуры проводятся выставки и экспозиции;

ведется подготовка тематических видеороликов для размещения в Интернете и соцсетях.

В связи с подготовкой к проведению в 2020 г. Года памяти и славы в честь 75-летия победы в Великой Отечественной войне аппаратом Антитеррористической комиссии (АТК) Московской области совместно с АО «Телеканал 360» была подготовлена серия видеороликов, посвященных Дню Победы.

Решение о съемках роликов, информационной отработке тематики противодействия идеологии фашизма и недопустимости оправдания нацистских преступлений в социальных сетях принято на заседании Экспертного совета по выработке информационной политики в сфере профилактики терроризма и экстремизма.

Руководством аппарата АТК Московской области подготовлены сценарии видеороликов, которые были адресованы различным группам: молодежи и широкой целевой аудитории. Кроме того, для распространения в зарубежных сегментах Интернета и социальных сетей был написан идентичный текст субтитров на английском языке.

Дальнейшая работа проводилась в рамках нескольких этапов:

1. Разработка теоретических программных установок для доведения до целевой аудитории. Подготовка сценариев на их основе.

2. Формирование фокус-групп для оценки сценариев и адаптации к целевой аудитории.

3. Кастинг актеров и сопровождение съемочного процесса.

4. Монтаж видеороликов и апробация видеопродукции на участниках фокус-групп.

5. Доработка видеороликов и размещение в сети Интернет и социальных сетях.

В творческом проекте приняли участие известные актеры Сергей Шанин (более 100 ролей в театре и кино) и Игорь Кудряшов (снялся в 27 кинопроектах). Профессионально сыграли молодые актеры российского театра и кино: актриса творческого объединения «Артлига Натальи Аристовой» Варвара Харламова и артист театра Александра Кулямина Артем Жигулин.

Видеоролики транслировались на «Телеканале 360», были размещены на федеральных, региональных и муниципальных площадках, в социальных сетях, на порталах учебных заведений, в родительских чатах. Широта охвата аудитории составила более 30 млн человек.

Теоретическая аргументация и образно-смысловой ряд информационных продуктов по линии противодействия идеологии фашизма и недопустимости оправдания нацистских преступлений строились на следующих ключевых положениях.

1. Единство Российского государства, русского языка и других национальных языков, культурного пространства России сложилось исторически.

2. Межнациональная дружба и согласие на протяжении многих столетий являются неотъемлемой частью великой российской истории.

3. В мирное время и в годы тяжелых испытаний советский народ всегда был вместе, помогал друг другу и верил в лучшее. Никто не ставил себя выше других. Каждый гордился общими победами и достижениями.

4. Консолидация народов и государств, отстаивающих свой суверенитет, возможна на признании

[25] Тематические секции Антитеррористической комиссии (АТК) Московской области проходили на крупнейшем молодежном форуме России «Я – гражданин Подмосковья», Международном фестивале национальных культур «Подмосковье – территория дружбы», межрегиональных и региональных спортивных соревнованиях. Аппаратом АТК были организованы разноплановые тематические секции (площадка «Помнить, чтобы жить», семинар по профилактике терроризма, антитеррористический квест, кибер-квиз, соревнования по лазертагу. Для посетителей транслировались антитеррористические ролики аппарата АТК и НАК.

приоритета нравственности и добра, противодействия агрессии.

5. Будущее страны строится на бережном отношении к исторической памяти, подвигу народа, уважению к защитникам Отечества и победителям фашизма, защите исторической правды.

6. Победа человечества над фашистской агрессией во Второй мировой войне была достигнута концентрацией усилий народов антигитлеровской коалиции. Центральное место в ней имела Великая Отечественная война советского народа, испытавшего величайшие трудности войны, проявившего стойкость, героизм, мужество на фронте и в тылу и одержавшего Победу. Забота об участниках, ветеранах и жертвах Великой Отечественной войны – наш исторический долг.

7. Расовым доктринам, теории истребления народов, бесчеловечной идеологии фашизма и преступлениям нацистов ни при каких условиях нет и не может быть оправдания.

В ходе информационного обеспечения профилактики экстремизма в молодежной среде разработчики исходили из того, что информационный продукт будет просматриваться «по диагонали», в условиях ограниченного времени просмотра, поэтому акцентировалось внимание на захватывающей «завязке». Нецелесообразно использование длинных многосерийных антологий и документальных фильмов. Эти жанры, как правило, не «работают» в молодежной аудитории.

При создании информационного продукта нужно обеспечить соблюдение грани между недопустимой пропагандой нацизма, его военно-технических «достижений» и сакраментальным рефреном «это не должно повториться». Не нужно оправдываться в отношении «псевдоагрессии СССР», «схожести нацизма и коммунизма» и т.п. Необходимо смещать акценты в сторону того, что потерял СССР.

Фашистских пособников надо называть своими именами. Не нужно стесняться проявленного в годы Великой Отечественной войны героизма советских людей. Пусть стесняются те, у кого не было своих матросовых, гастелло, панфиловых, маресьевых, космодемьянских.

Любым провокационным вбросам и фейкам противопоставляются бесспорные факты и документальные подтверждения в визуально привлекательной форме (видео, инфографика, VR, мемы). Для подготовки информационных продуктов привлекаются консультанты (историки, военные специалисты, социологи, психологи, лингвисты, журналисты и др.). Удачным примером реализации такой информационной политики представляется мультимедийный исторический проект РИА Новости «Нюрнберг. Начало мира», где информация о трибунале подготовлена на основе уникальных архивных и музейных свидетельств, фотографий, видеоматериалов и представлена в формате подкастов, VR-реконструкций, перформансов. Портал проекта nurenberg.media стартовал 19 ноября 2020 г. на русском, немецком, французском и английском языках.

Контрпропагандистская информационная работа строится на принципах наступательности (владение инициативой), адресности (ориентация на целевую аудиторию), новизны (оригинальная подача материала, малоизвестные источники и факты), актуальности (информационный продукт востребован в преддверии значимых дат, в период праздничных мероприятий, в качестве оперативной реакции на резонансные события).

Потребности информационного противодействия фальсификации истории и реабилитации нацизма предполагают смещение акцентов с пассивной контраргументации по линии официальных каналов к комплексному активному информационному противодействию антироссийским доктринам и акциям по всему спектру массовых коммуникаций (в первую очередь по линии образования и культуры, а также в социальных сетях, блогосфере и интернет-мессенджерах).

Идеологию нацизма можно сравнить со злокачественной опухолью, которая стремительно проникает во все сферы общественной жизни и неизбежно приводит государственный организм к деградации и гибели. В истории человечества нет примеров длительного функционирования государств с фашистской или нацистской формами государственно-политического режима. Политическое развитие таких государств всегда завершалось военными авантюрами и разгромом.

Распространение или открытая поддержка ультраправых взглядов на индивидуальном или групповом уровнях тоже рано или поздно приводят в тупик. С одной стороны, административное или уголовное наказание с поражением в правах, с другой – социально-политическая изоляция, исключение из полноценной общественной жизни.

Влияние националистической идеологии на групповое и общественное сознание напрямую зависит от финансирования партийных структур и аффилированных СМИ спонсорами, а также от общего состояния экономической сферы жизни общества. В условиях экономического роста и занятости населения наблюдается спад радикальных националистических настроений, в периоды экономических кризисов и массовой безработицы – их усиление[26].

[26] См.: *Красинский В.В.* Национализм как элемент идеологии ультраправых партий и его использование на выборах в Германии // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 74–76.

В ряде случаев национализм может быть даже выгоден правящим политическим силам. Например, после распада СССР главной задачей националистических сил в странах Балтии и на Украине стало формирование социально-экономической структуры и идеологии нового «европейски-ориентированного» общества, в рамках которого не предусматривалось место для русскоязычного населения. Результатом выражения такой политики стало появление блока дискриминационных нормативных правовых актов, закрепляющих политические, экономические и социальные привилегии «коренного» населения за счет ущемления прав русских[27].

В связи с экономическим кризисом и преодолением последствий пандемии коронавирусной инфекции наметилась тенденция использования национализма ультраправыми европейскими политиками как инструмента оправдания промахов социально-экономической политики за счет концентрации общественного внимания на проблемах иностранной миграции.

Модель информационного противодействия экстремистской идеологии на этнической (расовой) основе должна органично включать два основных компонента: идеологический и национально-религиозный.

В рамках идеологической части осуществляется разоблачение основных постулатов нацизма и неофашизма о расовом превосходстве и допустимости уничтожения представителей других национальностей (рас)[28].

В формате национально-религиозного компонента проводится работа: по выявлению причин и условий, способствующих межнациональной и межконфессиональной розни; мониторингу процессов в этнической среде с позиций национальных общественных объединений, землячеств и диаспор; предупреждению и информационному сопровождению конфликтов между представителями этнических диаспор и титульным населением; недопущению тенденциозного освещения конфликтных ситуаций и провокаций экстремистских действий в СМИ и соцсетях.

Формирование и распространение единых системных установок о недопустимости разжигания межнациональной розни, унижения человеческого достоинства по национальным и религиозным признакам способствует профилактике экстремистских проявлений на этно-религиозной основе и гармонизации национальных отношений.

Логическим завершением профилактики ультраправых идей является установление, розыск и привлечение к уголовной ответственности лиц, причастных к созданию и распространению террористического и экстремистского контента (организаторов, идеологов и активных исполнителей акций).

* * *

Изложенное позволяет нам сформулировать несколько выводов.

Попытки переписывания истории, осквернения памяти жертв Второй мировой войны и воинов государств антигитлеровской коалиции, оправдание идеологии нацизма оказывают негативное влияние на подрастающее поколение.

С учетом возможности привлечения к уголовной ответственности попытки реабилитации нацизма осуществляются идеологами и функционерами праворадикальных структур, другими заинтересованными активистами в косвенной, завуалированной форме: с помощью музыки, мемов, видеоигр.

Ультраправые идеи и постулаты нацизма, основанные на этнических и расовых стереотипах, используются для разжигания межнациональной розни, дестабилизации социально-политической обстановки, совершения экстремистских и террористических преступлений.

В связи с активными попытками пересмотра итогов Второй мировой войны, оправдания нацизма и демонизации Российской Федерации необходима общегосударственная система контрпропагандистских, политических, информационных, экономических, специальных и иных мер реагирования на подобные акции.

Ключевой элемент противодействия фальсификации истории и реабилитации нацизма – наступательная информационная политика, основанная на использовании современных информационно-коммуникационных технологий и задействовании средств массовой коммуникации.

Действенным механизмом противодействия реабилитации нацизма является законодательная защита исторической памяти народа. Для того чтобы сформировать в общественном сознании незыблемые основы общенациональной памяти об участниках, ветеранах и жертвах Великой Отечественной войны, а также исключить любые искусственные обвинения в адрес России со стороны фальсификаторов истории, предлагается законодательно закрепить в числе памятных дат России День памяти жертв геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны и широко информационно освещать его.

---

[27] См.: *Красинский В. В.* О правовом статусе неграждан // Военно-юридический журнал. 2007. № 4. С. 2–7.

[28] Подробнее см.: *Дамаскин О. В.* Криминальная агрессия и уголовная ответственность по российскому и международному уголовному праву // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов Междунар. науч.-практ. конф. ИГП РАН. С. 55–83.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амелина Я.* Трансформация деструктивных практик после разгрома т.н. «Исламского государства»: последние тенденции. «Колумбайн в российских школах – далее везде?..». М., 2018.
2. В историю с черного хода. Неонацизм в современном мире: новые угрозы и вызов. URL: http://president-sovet.ru/members/blogs/post/3420 (дата обращения: 14.07.2020).
3. Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа. М., 2020.
4. *Дамаскин О.В.* Криминальная агрессия и уголовная ответственность по российскому и международному уголовному праву // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов Междунар. науч.-практ. конф. ИГП РАН. М., 2020. С. 55–83.
5. *Дамаскин О.В.* Нюрнбергский процесс: уроки и современность (К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) // Современное право. 2015. № 6. С. 4–10.
6. *Дамаскин О.В.* Нюрнбергский процесс: уроки и современность // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов Междунар. науч.-практ. конф. ИГП РАН. М., 2020. С. 281.
7. *Дамаскин О.В., Красинский В.В.* Криминологическая характеристика механизма вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность // Государство и право. 2020. № 8. С. 54.
8. *Зорькин В.* Правовые результаты Нюрнбергского процесса и их современное значение // Росс. газ. 2011. 16 мая.
9. *Ивашов Л.Г.* Мир на изломе истории. Хроники геополитических сражений. М., 2018. С. 209.
10. *Касперская Н.* Проблема деструктивных движений в Интернете // Выступление на форуме «Цифровая гигиена. Молодежь в сети» (Москва, 28 марта 2019 г.). М., 2019.
11. *Красинский В.В.* Национализм как элемент идеологии ультраправых партий и его использование на выборах в Германии // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 74–76.
12. *Красинский В.В.* О правовом статусе неграждан // Военно-юридический журнал. 2007. № 4. С. 2–7.
13. Нюрнбергский процесс: в 2 т. М., 1951–1952. Т. 1. С. 262.
14. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов: в 7 т. М., 1960–1961. Т. 5. С. 569.
15. О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. URL: https: //www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bB3NYd16mBFC/content/id/3193903 (дата обращения: 21.11.2020).
16. *Полторак А.И.* Нюрнбергский процесс и вопрос об ответственности за агрессию // Сов. государство и право. 1965. № 6.
17. *Полторак А.И.* Нюрнбергский процесс (Основные правовые проблемы). М., 1965.
18. *Полторак А.И.* Нюрнбергский эпилог / под ред. А.А. Беркова, В.Д. Ежова. М., 1983.
19. *Путин В.*В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527
20. *Савин С.Ю.* Суд народов на страже мира в прошлом и настоящем // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов Междунар. науч.-практ. конф. ИГП РАН. М., 2020. С. 262.
21. *Черниченко С.В.* Вопрос о влиянии Нюрнбергских принципов на современное международное право // Росс. ежегодник международного права. СПб., 2006.
22. *Шестак В.А., Адигамов А.И.* Современные проблемы противодействия распространению идей неонацизма и фашизма в интернет-пространстве // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов Междунар. науч.-практ. конф. ИГП РАН. М., 2020. С. 238.
23. *Aly G., Heim S.* Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Plaene fuer eine neue europaische Ordnung. Frankfurt a/M., 1993.
24. *Clapham A.* From Nuremberg to the Hague. The Future of International Criminal Justice. Cambridge, 2003.
25. Das Russlandbild im Dritten Reich. Wien, 1994.
26. *Domarus M.* Hitlers Reden und Proklamationen (1939–1945). Wuerzburg, 1963.
27. *Farhad M.* International Criminal Law. The Legal and Critical Analysis of International Crimes. Uppsala, 1991.
28. *Jackel E.* Hitlers Herrschaft. Vollzug einer Weltanschauung. Stuttgart, 1986.
29. *Kibler T.* The Nuremberg Trials and Their Profound: Impact on International Law. URL: https://home.heinonline.org/blog/2019/10/the-nuremberg-trials-and-their-profound-impact-on-international-law (дата обращения: 21.11.2020).
30. *Mishra S.* The Nuremberg Trials. Impact on International Criminal Law and Jurisprudence. URL: http://www.legalserviceindia.com/legal/article-404-the-nuremberg-trials-impact-on-international-law-and-jurisprudence.html (дата обращения: 21.11.2020).

31. *Mueller R.D.* Der andere Holocaust. Der Krieg gegen die Sowjetunion Vieles deutet darauf hind ass dem russischen Volk ein ahnliches Schicksal zugedacht war wie dem judischen // Die Zeit Nr. 27, 1. Juli 1988.

32. *Robert H. Jackson*. The Influence of the Nuremberg Trial on International Criminal Law. URL: https://www.roberthjackson.org/speech-and-writing/the-influence-of-the-nuremberg-trial-on-international-criminal-law (дата обращения: 21.11.2020).

33. *Wippermann W.* Der konsequente Wahl. Ideologie und Politik Adolf Hitlers. München, 1989.

REFERENCES

1. *Amelina Ya*. Transformation of destructive practices after the defeat of the so-called "Islamic State": recent trends. "Columbine in Russian schools-then everywhere?..". M., 2018 (in Russ.).

2. In history from the back door. Neo-Nazism in the modern world: new threats and challenges. URL: http://president-sovet.ru/members/blogs/post/3420 (accessed: 14.07.2020) (in Russ.).

3. The Great Patriotic War. Falsification of history. Manipulations in social media. M., 2020 (in Russ.).

4. *Damaskin O.V*. Criminal aggression and criminal responsibility in Russian and International Criminal Law // Nuremberg: the Court of Peoples and the world Law and Order: collection of scientific reports of the International Scientific and Practical Conference (in Russ.).

5. *Damaskin O.V*. The Nuremberg trial: lessons and modernity (To the 70th anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War) // Modern Law. 2015. No. 6. P. 4–10 (in Russ.).

6. *Damaskin O.V*. The Nuremberg trial: lessons and modernity // Nuremberg: the court of Peoples and the world law and Order: collection of scientific reports of the International Scientific and Practical Conference. ISL of the RAS. M., 2020. P. 281 (in Russ.).

7. *Damaskin O.V., Krasinsky V.V*. Criminological characteristics of the mechanism of involving minors in illegal activities // State and Law. 2020. No. 8. P. 54 (in Russ.).

8. *Zorkin V.* Legal results of the Nuremberg trial and their modern significance // Russian newspaper. 2011. May 16 (in Russ.).

9. *Ivashov L.G.* The world at the breaking point of history. Chronicles of geopolitical battles. M., 2018. P. 209 (in Russ.).

10. *Kaspersky N.* The problem of destructive movements on the Internet // Speech at the forum "Digital hygiene. Youth in the Network" (Moscow, March 28, 2019). M., 2019 (in Russ.).

11. *Krasinsky V.V*. Nationalism as an element of the ideology of ultra-right parties and its use in elections in Germany // Constitutional and Municipal Law. 2010. No. 4. P. 74–76 (in Russ.).

12. *Krasinsky V.V*. On the legal status of non-citizens // Military Law Journal. 2007. No. 4. P. 2–7 (in Russ.).

13. The Nuremberg Trial: in 2 vols. 1951–1952. Vol. 1. P. 262 (in Russ.).

14. Nuremberg trial of major German war criminals: proceedings of: in 7 vols. M., 1960–1961. Vol. 5. P. 569 (in Russ.).

15. About the situation with the glorification of Nazism and the spread of neo-Nazism and other practices that contribute to fuelling contemporary forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance. URL: https: //www.mid.ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/-/asset_publisher/bB3NYd16mBFC/content/id/3193903 (accessed: 21.11.2020) (in Russ.).

16. *Poltorak A.I.* The Nuremberg trial and the question of responsibility for aggression // Soviet State and Law. 1965. No. 6 (in Russ.).

17. *Poltorak A.I.* The Nuremberg trial (Basic legal problems). M., 1965 (in Russ.).

18. *Poltorak A.I.* The Nuremberg epilogue / ed. by A.A. Berkov, V.D. Yezhov. M., 1983 (in Russ.).

19. *Putin V.V.* 75 years of the Great Victory: common responsibility before history and the future. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527 (in Russ.).

20. *Savin S. Yu.* The Court of peoples on the guard of the world in the past and present // Nuremberg: the Court of peoples and the world law and Order: collection of scientific reports of the International Scientific and Practical Conference. ISLP of the RAS. M., 2020. P. 262 (in Russ.).

21. *Chernichenko S.V*. The question of the influence of the Nuremberg Principles on modern International Law // Russ. Yearbook of International Law. SPb., 2006 (in Russ.).

22. *Shestak V.A., Adigamov A.I*. Modern problems of countering the spread of ideas of neo-Nazism and fascism in the Internet space // Nuremberg: the Court of Peoples and the World Law and Order: collection of scientific reports of the International Scientific and Practical Conference. ISL of the RAS. M., 2020. P. 238 (in Russ.).

23. *Aly G., Heim S.* Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Plaene fuer eine neue europaische Ordnung. Frankfurt a/M., 1993.

24. *Clapham A.* From Nuremberg to the Hague. The Future of International Criminal Justice. Cambridge, 2003.

25. Das Russlandbild im Dritten Reich. Wien, 1994.

26. *Domarus M.* Hitlers Reden und Proklamationen (1939–1945). Wuerzburg, 1963.

27. *Farhad M.* International Criminal Law. The Legal and Critical Analysis of International Crimes. Uppsala, 1991.

28. *Jackel E.* Hitlers Herrschaft. Vollzug einer Weltanschauung. Stuttgart, 1986.

29. *Kibler T.* The Nuremberg Trials and Their Profound: Impact on International Law. URL: https://home.heinonline.org/blog/2019/10/the-nuremberg-trials-and-their-profound-impact-on-international-law (дата обращения: 21.11.2020).

30. *Mishra S.* The Nuremberg Trials. Impact on International Criminal Law and Jurisprudence. URL: http://www.legalserviceindia.com/legal/article-404-the-nuremberg-trials-impact-on-international-law-and-jurisprudence.html (дата обращения: 21.11.2020).

31. *Mueller R.D.* Der andere Holocaust. Der Krieg gegen die Sowjetunion Vieles deutet darauf hind ass dem russischen Volk ein ahnliches Schicksal zugedacht war wie dem judischen // Die Zeit Nr. 27, 1. Juli 1988.

32. *Robert H. Jackson.* The Influence of the Nuremberg Trial on International Criminal Law. URL: https://www.roberthjackson.org/speech-and-writing/the-influence-of-the-nuremberg-trial-on-international-criminal-law (дата обращения: 21.11.2020).

33. *Wippermann W.* Der konsequente Wahl. Ideologie und Politik Adolf Hitlers. München, 1989.

Сведения об авторах

ДАМАСКИН Олег Валерьевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

КРАСИНСКИЙ Владислав Вячеславович –
доктор юридических наук, доцент, советник директора Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг); 107450 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 39

Authors' information

DAMASKIN Oleg V. –
Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Criminal Law, criminal procedure and criminology sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KRASINSKY Vladislav V. –
Doctor of Law, associate Professor, Advisor to the Director of Federal Financial Monitoring Service (Rosfinmonitoring); 39 Myasnitskaya str., 107450 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 158–172
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 158–172

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПОДХОДОВ К НАДЕЛЕНИЮ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ РЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2021 г. Е. Е. Фролова[1, *], Е. А. Цепова[2, **]

[1]Российский университет дружбы народов, г. Москва
[2]Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

**E-mail: frolevgevg@mail.ru*
***E-mail: tsepova.ekaterina@gmail.com*

Поступила в редакцию 24.02.2021 г.

Аннотация. В настоящее время для признания физического лица налоговым резидентом Российской Федерации учитывается только срок его нахождения на территории страны в течение предшествующих 12 месяцев. Но в 2019 г. Минфин России заявил о необходимости изменения данного подхода как об одном из направлений налоговой политики на 2020–2022 гг. В качестве основных путей совершенствования правового регулирования названы сокращение фактического срока нахождения на территории Российской Федерации с 183 до 90 дней в течение года и введение дополнительных более гибких критериев, характеризующих связь того или иного лица с государством.

Целью исследования является комплексная оценка подхода к определению резидентства физических лиц в российском финансовом законодательстве, позволяющая сделать вывод об обоснованности и перспективах его реформирования. В статье рассмотрены различные аспекты действующего правового регулирования в данной сфере, а также исследованы особенности наделения физических лиц правовым статусом налогового резидента в соответствии с международными соглашениями об избежании двойного налогообложения.

К достоинствам существующего подхода можно отнести его простоту и определенность, которая связана с применением только одного объективного критерия – периода пребывания на территории государства. В таких условиях у налоговых агентов и налоговых органов не вызывает сложностей отнесение налогоплательщиков к категории налоговых резидентов, что в значительной степени упрощает администрирование и позволяет самим гражданам лучше понимать свой статус и связанные с ним права и обязанности. Парадоксально, но эта же черта может одновременно рассматриваться и как недостаток регулирования, поскольку фактически полностью отдает налоговое резидентство во власть самих граждан, в первую очередь состоятельных. Простота в его установлении позволяет практически беспрепятственно изменять российскую налоговую юрисдикцию на другую в зависимости от личной выгоды. В результате государство не имеет возможности взимать налоги с доходов лиц, которые *de facto* имеют тесные личные и экономические связи с российской юрисдикцией, но *de jure* не отвечают формальным признакам налогового резидента, заранее планируя срок своего пребывания в Российской Федерации.

В статье проанализированы основные подходы к определению резидентства физических лиц, применяемые в мировой практике, а также меры, которые предпринимают различные государства во избежание злоупотребления правом со стороны обязанных субъектов.

Особое внимание уделено исследованию налогового резидентства в качестве ключевого условия реализации международного соглашения об обмене информацией о финансовых счетах (CRS MCAA), поскольку недобросовестное манипулирование налоговым статусом может препятствовать осуществлению государственного финансового контроля.

Интерес представляет и изучение вопроса наделения физических лиц статусом резидента в условиях пандемии вируса COVID-19, поскольку отмена транспортного сообщения между странами на длительный период может вынужденно изменить налоговый статус многих граждан.

В результате исследования авторы пришли к выводу, что подход к определению налогового резидентства физических лиц в Российской Федерации отличается от применяемого в большинстве развитых государств и нуждается в некотором сближении с общемировой практикой. В частности, внедрение в российское законодательство концепции центра жизненных интересов позволит рассматривать связь того или иного лица с российской юрисдикцией в индивидуальном порядке, исключая возможность для злоупотребления.

Ключевые слова: налоговый резидент, физическое лицо, налог на доходы физических лиц, налоговая прозрачность, CRS.

Цитирование: *Фролова Е.Е., Цепова Е.А. (2021).* Перспективы реформирования подходов к наделению физических лиц правовым статусом резидента Российской Федерации // Государство и право. 2021. № 6. С. 158–172.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50121.

DOI: 10.31857/S102694520015038-2

PROSPECTS FOR REFORMING APPROACHES TO THE LEGAL STATUS OF A RUSSIAN RESIDENT INDIVIDUAL

© 2021 E. E. Frolova[1], *, E. A. Tsepova[2], **

[1]Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
[2]Vladivostok state University of Economics and service

**E-mail: frolevgevg@mail.ru*
***E-mail: tsepova.ekaterina@gmail.com*

Received 24.02.2021

Abstract. Currently, for the recognition of an individual as a tax resident of the Russian Federation, only the period of his stay in the country during the previous 12 months is taken into account. But in 2019, the Ministry of Finance of the Russian Federation announced the need to change this approach as one of the areas of tax policy for 2020–2022. The main ways to improve legal regulation are the reduction of the actual period of stay on the territory of Russia from 183 to 90 days per year and the introduction of additional more flexible criteria characterizing the relationship of a person with the state.

The aim of the study is a comprehensive assessment of the approach to the definition of the individuals` residence in the Russian financial law, which allows to make a conclusion about the feasibility and prospects for its reform. The article examines various aspects of the current legal regulation in this area, as well as the features of recognition of individuals as tax residents in accordance with the international agreement on the avoidance of double taxation have been investigated.

The advantages of the existing approach can be attributed to its simplicity and certainty, which is associated with the use of only one objective criterion – the period of stay in the country. In such conditions, it is not difficult for tax agents and tax authorities to classify taxpayers as tax residents. This greatly simplifies administration and allows citizens themselves to better understand their status and associated rights and responsibilities. Paradoxically, this feature is also the lack of regulation. Since, in fact, it completely gives tax residency to the power of the citizens themselves, primarily the wealthy. The simplicity of its definition makes it possible to practically freely change the Russian tax jurisdiction to another, depending on personal benefit. As a result, the state is unable to levy taxes on the income of persons who de facto have close personal and economic ties with the Russian jurisdiction, but de jure do not meet the formal characteristics of a tax resident, planning in advance the period of their stay in Russia. The simplicity in establishing the tax residency of the Russian Federation allows taxpayers to practically freely change the Russian tax jurisdiction to another, depending on personal gain. As a result, the state is unable to levy taxes on the income of persons who de facto have close personal and economic ties with the Russian jurisdiction, but de jure do not meet the formal characteristics of a tax resident, planning in advance the period of their stay in Russia.

The article analyzes the main approaches to determining the residence of individuals used in world practice, as well as the measures taken by various states to avoid abuse of the right by individuals.

Particular attention is paid to the study of tax residence as a key condition for the implementation of the international agreement on the exchange of information on financial accounts (CRS MCAA), since unfair manipulation of tax status can also impede the state financial control.

It is also interesting to study the issue of determining the residence of individuals in the context of the COVID-19 virus pandemic, since the cancellation of transport links between countries for a long period of time may be forced to change the tax status of many people.

As a result of the research, the author came to the conclusion that the approach to determining the tax residence of individuals in Russia differs from that used in most developed countries and needs some resemblance with global practice. In particular, the introduction of the concept of a center of vital interests into Russian legislation will allow considering the connection of a person with Russian jurisdiction on an individual basis, excluding the possibility of abuse.

Key words: tax resident, individual, personal income tax, tax transparency, CRS.

For citation: *Frolova, E.E., Tsepova, E.A. (2021).* Prospects for reforming approaches to the legal status of a Russian resident individual // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 158–172.

The reported study was funded by RFBR, project number No. 20-111-50121.

Введение

В современном мире значительная часть финансово-правовых отношений базируется на принципе резидентства. Большинство ученых характеризуют резидентство как правовую, а также в некоторой степени экономическую связь государства с физическими лицами и организациями[1]. Налоговая юрисдикция государства предполагает, что ее действие на нерезидентов ограничивается территорией государства, в то время как по отношению к резидентам она может действовать и за пределами государства[2]. Поэтому правила установления данной связи в условиях мобильности населения и капитала играют важную роль в эффективном функционировании налоговой системы современного государства. Недостаточно развитое регулирование в данной сфере создает возможности для злоупотребления правом со стороны налогоплательщиков. Например, возможность выбора страны, в которой доходы будут облагаться налогом, позволяет отдать предпочтение юрисдикции с наименьшей налоговой нагрузкой вместо юрисдикции, с которой данный налогоплательщик имеет наиболее тесные личные и экономические связи[3]. Еще одна проблема, на которую указывают некоторые ученые, – исключение отдельных видов доходов, полученных от иностранных источников, из налогооблагаемой базы[4].

Проблема выбора юрисдикции налогового резидентства достаточно широко изучена в контексте противодействия уклонению от уплаты налогов юридическими лицами, в первую очередь международными корпорациями[5]. Но в последние годы возросла значимость правовых норм в сфере регулирования статуса налогового резидента – физического лица. Помимо непосредственного регулирования финансовых правоотношений, данный статус играет ключевую роль в реализации норм международных соглашений в сфере финансового контроля, в частности многостороннего Соглашения компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией от 29 октября 2014 г. (Multilateral Competent Authority Agreement on Automatic Exchange of Financial Account Information, далее – CRS MCAA), определяя, какому государству должна быть передана информация о счетах того или иного физического лица в иностранных организациях финансового рынка (OECD2014). По этой причине пробелы и неопределенность в законодательстве отдельных государств приводят к снижению эффективности контроля за уплатой налогов для всех участников международного соглашения[6].

В 2019 г. Минфин России опубликовал Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов, где, помимо прочих вопросов, уделено большое внимание реформированию статуса налогового резидента[7]. Предполагается сокращение срока фактического нахождения физических лиц в России для приобретения статуса налогового резидента Российской Федерации со 183 до 90 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев, а также установить более

[1] См.: *Maisto, G.* (ed.). (2010). Residence of individuals under tax treaties and EC law (Vol. 6). IBFD. P. 17; *Himci, B., & Bungo, G.T.* (2015). Domicile And Residence Of Individuals Under Ec Law And Albanian Legislation. Revue Européenne du Droit Social, Volume XXVIII, issue 3. P. 30–43; *Kemme, D.M., Parikh, B., & Steigner, T.* (2017). Tax havens, tax evasion and tax information exchange agreements in the OECD // European Financial Management. No. 23 (3). P. 519–542.

[2] См.: *Beale, J.H.* (1919). Jurisdiction to Tax. Harvard Law Review, 32 (6). P. 587–633; *Norr, M.* (1961). Jurisdiction on Tax and International Income. Tax L. Rev. 17. P. 431; *Swain, J.A.* (2003). State Income Tax Jurisdiction: A Jurisprudential and Policy Perspective. Wm. & Mary L. Rev. 45. P. 319; *Avi-Yonah Reuven S.* (2004). International Tax as International Law. Tax L. Rev. 57. No. 4. P. 483–501.

[3] См.: Hilling 2013; Lehmann, Simula & Trannoy 2014; Rawlings 2017.

[4] См.: *Avi-Yonah, R.S.* (2005). All of a Piece Throughout – The Four Ages of U.S. International Taxation. Virginia Tax Review. No. 2. P. 313–338.

[5] См.: *Rohlin, S., Rosenthal, S.S., & Ross, A.* (2014). Tax avoidance and business location in a state border model // Journal of Urban Economics, 83. P. 34–49; *Owens, J.* (2015). Tax Transparency and BEPS // Journal of Tax Administration, 1 (2). P. 1–10; *Dharmapala, D.* (2016). Cross-border tax evasion under a unilateral FATCA regime // Journal of Public Economics, 141. P. 29–37; *Contractor, F.J.* (2016). Tax avoidance by multinational companies: Methods, policies, and ethics // Rutgers Business Review, 1 (1). P. 27–43; *Morten, B. and Zeume, S.* (2018). The Review of Financial Studies, Volume 31, Issue 4, April 2018. P. 1221–1264; *Shenkman, M.M., Rothenberg, L.E., & Matak, J.* (2019). Changing Domicile for Tax Benefits and Asset Protection: The TCJA and Recent Court Decision Change the Calculus // The CPA Journal, 89 (10). P. 62–67.

[6] См.: *Morris, M.* (2017). The 26 OECD Common Reporting Standard Loopholes. Available at: http://www.the-best-of-both-worlds.com/support-files/oecd-crs-loopholes-report.pdf (accessed: 30.07.2020); *Noked, N.* (2018). Tax Evasion and Incomplete Tax Transparency. Laws, 7 (3), 31; Available at: https://doi.org/10.3390/laws7030031 (accessed: 20.08.2020).

[7] См.: Министерство финансов Российской Федерации, 03.10.2019 [Электронный ресурс]: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/10/main/ONBNiTTP_2020–2022.pdf

гибкие критерии определения налогового резидентства физических лиц с применением понятия «центр жизненных интересов»[8], которое широко распространено в международной практике. В некоторых странах данное понятие входит в состав более широкой правовой категории «домициль»[9].

Необходимо отметить, что окончательное решение по изменению критериев налогового резидентства Российской Федерации еще не принято. В то же время вышеизложенное свидетельствует о намерении государства в ближайшие годы пересмотреть подход к установлению резидентства физических лиц. По этой причине большой интерес представляет исследование перспектив реформирования с учетом возможности заимствования Российской Федерацией мирового опыта.

Кроме того, важным аспектом российского правового регулирования, который может повлиять на результаты исследования, является двойственность понятия «резидент» в финансовом законодательстве. Обоснованность одновременного применения двух самостоятельных юридических конструкций физического лица – резидента в рамках налогового и валютного права вызывает сомнения ученых и практикующих специалистов[10].

Методика

В данной статье с использованием контент-анализа и доступной экономической статистики рассмотрены основные правовые критерии резидентства физических лиц в Российской Федерации, а также в зарубежных государствах. Особое внимание уделено исследованию приоритетов в регулировании статуса налогового резидента как на внутригосударственном, так и на международном уровне, с использованием методов вертикального и горизонтального сравнительно-правового анализа[11].

В первую очередь был комплексно исследован статус резидента Российской Федерации с применением контент-анализа финансового законодательства[12], сопоставлены критерии правового статуса налогового резидента и резидента для целей валютного регулирования.

Во-вторых, проведен анализ мирового опыта наделения физических лиц правовым статусом резидента в зависимости от уровня экономического развития страны и изучены возможности заимствования этого опыта Российской Федерацией. Для проведения сравнительно-правового анализа[13] было выбрано 23 государства с различным уровнем экономического и социального развития, а также различными геополитическими характеристиками. Чтобы оптимизировать представление результатов, анализ основывается на следующих показателях:

1) место государства в оценочном рейтинге по показателю ВВП на душу населения за 2020 г.[14];

2) место государства в мировом рейтинге по индексу человеческого развития (Human Development Index, далее – HDI). Данный показатель был выбран дополнительно, поскольку ВВП на душу населения не в полной мере характеризует привлекательность страны для постоянного проживания. При подсчёте HDI учитываются три вида показателей качества жизни населения: уровень жизни, грамотность населения и долголетие[15];

3) критерии, которые рассматриваемые государства используют для наделения физических лиц правовым статусом налогового резидента, такие как домицилий, гражданство, постоянное проживание или пребывание в течение определенного периода, а также продолжительность такого периода, центр жизненных интересов;

4) наличие в нормативных правовых актах данного государства специальной конструкции резидента для целей валютного регулирования.

В-третьих, для сравнения влияния различных критериев на возможность признания физического лица налоговым резидентом с точки зрения международной практики, была рассмотрена последовательность их применения в соответствии с межгосударственными конвенциями и соглашениями об

---

[8] *Valente, P.* (2001). The 'Center of Vital Interests': A Review of Italy's Rules on Tax Residence. Tax Notes International. P. 55–59.

[9] *Thomas, S.R.* (2018). Domicile in Multistate Personal Income Tax Residency Matters: Enter the Swamp at Your Own Peril. Pace L. Rev. 2018. Vol. 39. P. 875; *Bauder, H.* (2014). Domicile citizenship, human mobility and territoriality // Progress in Human Geography, 38 (1). P. 91–106.

[10] См.: *Коваль А.А., Левашенко А.Д., Синельников-Мурылев С.Г., Трунин П.В.* Реформа валютного регулирования и валютного контроля в России // Центр стратегических разработок. Москва. Март 2018 [Электронный ресурс]: https://www.csr.ru/issledovaniya/valyutnyj-uchet-no-ne-kontrol/

[11] См.: *Momirov, A., & Fourie, A.N.* (2009). Vertical comparative law methods: tools for conceptualising the International Rule of Law. Erasmus L. Rev. 2. P. 291–309.

[12] См.: Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4859; Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340.

[13] См.: *Eberle, E.J.* (2011). The methodology of Comparative Law. Roger Williams UL Rev. 16. P. 51–72.

[14] См.: International Monetary Fund (2019). World economic outlook database, October 2019 Edition. Available at: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx (accessed: 18.08.2020).

[15] См.: United Nations (2017). United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries. Available at: https://www.un.org/esa/ffd////wp-content/uploads/2014/09/UN_Model_2011_Update.pdf (accessed: 16.08.2020).

избежании двойного налогообложения (далее – СОИДН) в случаях, когда одно и тоже лицо одновременно признается резидентом двух стран. Для сравнительного анализа были выбраны: Модель налоговой конвенции о доходах и капитале, рекомендованная Организацией экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР)[16], Модель Конвенции Организации Объединенных Наций (ООН) об избежании двойного налогообложения между развитыми и развивающимися странами[17] и 18 СОИДН, заключенных Российской Федерацией с государствами из числа ранее отобранных для сравнительного анализа критериев признания физического лица налоговым резидентом.

Необходимо отметить, что большинство государств при заключении международных соглашений об избежании двойного налогообложения руководствуются либо Моделью Конвенции, рекомендованной ОЭСР, либо Моделью Конвенции ООН[18], поэтому эти два источника можно считать основными.

Принимая во внимание цель и ограничения данной статьи, полный анализ правил наделения физических лиц правовым статусом налогового резидента в каждом из рассматриваемых государств не проводится. Вместо этого основное внимание уделено обзору действующих правовых норм, который может послужить достаточной основой для оценки взаимосвязи экономического развития государства и применяемых им методов установления налогового резидентства физических лиц; выявления схожих и отличительных характеристик в подходе, применяемом Российской Федерацией и другими государствами; анализа перспектив совершенствования российской нормативной правовой базы в данной области.

Результаты

В соответствии с ч. 2 ст. 207 НК РФ физические лица признаются налоговыми резидентами, если находятся на территории страны не менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев. Из этого правила существует несколько исключений, например, в расчете не учитываются периоды выезда за пределы территории Российской Федерации для краткосрочного лечения или обучения, а также независимо от фактического времени нахождения в стране налоговыми резидентами признаются российские военнослужащие и сотрудники органов государственной власти.

Принцип резидентства используется в регулировании не только налоговых, но и валютных правоотношений. Для целей валютного регулирования физические лица признаются резидентами, если они являются гражданами Российской Федерации или постоянно проживают в стране на основании вида на жительство[19]. В то же время права и обязанности резидентов могут отличаться. Ряд требований, установленных валютным законодательством, не применяется к резидентам, срок пребывания которых за пределами Российской Федерации в течение календарного года в совокупности составил более 183 дней, это требования к порядку открытия счетов в банках за пределами территории Российской Федерации, проведения по указанным счетам валютных операций, а также представления отчетов о движении средств по ним[20]. Фактически резиденты для целей применения валютно-правовых норм подразделяются на два типа в зависимости от периода пребывания на территории Российской Федерации. Рассмотрим *табл. 1*, в которой обобщены критерии наделения физических лиц правовым статусом резидента Российской Федерации, содержащиеся в финансовом законодательстве.

Данные показывают, что период пребывания на территории страны есть единственное условие для признания физического лица налоговым резидентом Российской Федерации, а такой юридический факт, как наличие российского гражданства не является составной частью конструкции налогового резидента.

В то же время, несмотря на аналогичную терминологию, юридическая конструкция резидента для целей валютного регулирования, основа которой наличие гражданства или вида на жительство, существенно отличается от одноименной конструкции в налоговом законодательстве. Необходимо также отметить, что статус резидента второго типа (Тип 2) для целей валютного регулирования в значительной степени является вспомогательным. Его основная задача состоит не в наделении физических лиц, относящихся к данному типу, правами и обязанностями активного характера, а в урегулировании отношений с резидентами первого типа (Тип 1) через установление запрета на совершение валютных операций между резидентами.

---

[16] См.: OECD (2017). Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/taxation/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-condensed-version-2017_mtc_cond-2017-en (accessed: 16.08.2020).

[17] См.: United Nations (2017). United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries. Available at: https://www.un.org/esa/ffd////wp-content/uploads/2014/09/UN_Model_2011_Update.pdf (accessed: 16.08.2020).

[18] См.: *Daurer, V., & Krever, R.* (2014). Choosing between the UN and OECD tax policy models: An African case study // African Journal of International and Comparative Law, 22(1). P. 1–21.

[19] См.: Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (п. 6 ч. 1 ст. 1) // СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4859.

[20] См.: Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ (ч. 8 ст. 12) // СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4859.

Таблица 1

Финансово-правовые критерии признания физического лица резидентом Российской Федерации

Государство	Гражданство Российской Федерации, вид на жительство в Российской Федерации	Пребывание на территории Российской Федерации в течение 183 дней и более в течение календарного года	Центр жизненных интересов
Резидент для целей налогового законодательства (Налоговый резидент)	–	✓	–
Резидент для целей валютного регулирования (Тип 1)	✓	✓	–
Резидент для целей валютного регулирования (Тип 2)	✓	–	–

Несмотря на то что с формальной точки зрения периоды расчета для установления статуса резидента также различаются: в налоговом законодательстве это 12 следующих подряд месяцев, а в валютном – календарный год, некоторое сближение норм права в данном вопросе обеспечивается тем фактом, что нормы налогового права не предусматривают «частичного» резидентства, продолжительностью менее одного налогового периода, которым признается календарный год. Если налоговый статус физического лица изменился в течение года, то его окончательную оценку необходимо выполнить по итогам календарного года и именно она определит порядок налогообложения доходов, полученных за весь налоговый период.

Во внутригосударственном законодательстве не применяется широко известная в мировой практике концепция «центра жизненных интересов», основанная на комплексном анализе множества условий, характеризующих связь физического лица с определенной юрисдикцией, помимо пребывания на ее территории. Чаще всего к этим условиям относится: наличие постоянного места жительства, проживание в этом же государстве членов семьи, профессиональная, политическая, культурная или иная деятельность, и иногда – существенная доля доходов от источников в этом государстве в общей сумме доходов, полученных по всему миру.

Несмотря на то что статус налогового резидента является ключевым аспектом в реализации норм международных соглашений об автоматическом обмене финансовой информацией, например, CRS MCAA, мировая практика в данном вопросе все еще весьма вариативна. Это наглядно продемонстрировано в *табл. 2*, где систематизированы критерии определения налогового резидентства физических лиц в ряде государств с различным уровнем экономического и социального развития.

Данные показывают, что в мировой практике можно выделить два основных подхода, определяющих состав юридической конструкции физического лица – налогового резидента того или иного государства. Первый подход основывается на факте пребывания физического лица на территории соответствующего государства в течение определенного периода (как правило, 183 дня и более в течение календарного года). При этом чаще всего дни неполного пребывания (приезда и отъезда из страны) учитываются при расчете этого периода.

Второй подход является комплексным и позволяет признать физическое лицо налоговым резидентом определенной юрисдикции, основываясь не только на периоде пребывания в стране, а также на совокупности личных, экономических, политических и иных связей лица с данной юрисдикцией (центр жизненных интересов). Многие государства, в первую очередь представители англосаксонской правовой семьи, также используют для установления налогового резидентства физического лица такую правовую категорию, как «домицилий», более широкую по отношению к центру жизненных интересов. В этом случае внимание акцентируется на наличии у физического лица места жительства в определенной юрисдикции и обстоятельствах, указывающих на его намерение проживать там постоянно, а не ради конкретной или временной цели.

Как правило, гражданство не является составной частью конструкции физического лица – налогового резидента. В большинстве государств, правовой статус гражданина и иного лица, находящегося на территории страны достаточное количество времени, чтобы считаться его налоговым резидентом, не различаются так же, как и правовой статус гражданина, постоянно проживающего в другом государстве, и не гражданина. Исключение составляют лишь некоторые государства, например, США. Особенность финансово-правового регулирования США состоит в том, что оно охватывает максимальное число субъектов, учитывая любое из условий: определенный период пребывания в стране либо гражданство США, либо наличие вида на жительство в США.

Некоторые государства принимают в расчет дополнительные основания, позволяющие признать налоговым резидентом физическое лицо, даже если установленный для этого срок пребывания в стране не соблюдается, например, работа в национальной компании (Бразилия, Сингапур, Сенегал), ведение профессиональной деятельности (Франция),

Таблица 2

Основные критерии, принимаемые во внимание при признании физического лица налоговым резидентом

Государство	Место в оценочном рейтинге ВВП на душу населения, 2020	Место в рейтинге по индексу человеческого развития, 2018	Домицилий	Гражданство	Пребывание в стране в течение определенного периода на протяжении календарного года, продолжительность пребывания	Центр жизненных интересов	Наличие в финансовом законодательстве специальной конструкции «резидент для целей валютного регулирования»
Катар	1	41	–	–	Более 183 дней	✓	
Люксембург	2	21	✓	–	Более 6 месяцев	–	–
Сингапур	3	9	–	–	Более 183 дней предшествующего года	–	–
Норвегия	6	1	–	–	Более 183 дней	–	–
ОАЭ	7	35	–	✓	—*	–	–
США	10	15	✓	✓	Более 183 дней в течение трехлетнего периода	–	–
ФРГ	17	4	–	–	Более 183 дней	–	–
Канада	20	13	–	–	Более 183 дней	✓	–
Франция	25	26	✓	–	✓**	✓	–
Соединенное Королевство	27	15	✓	–	Более 183 дней	–	–
Япония	28	19	✓	–	Более 1 года	–	–
Испания	30	25	–	–	Более 183 дней	✓	–
Российская Федерация	50	49	–	–	Более 183 дней	–	✓
Казахстан	52	50	–	✓	Более 183 дней	✓	✓
Болгария	59	52	–	–	Более 183 дней	✓	–
КНР	67	85	✓	–	Более 183 дней	–	–
Азербайджан	75	87	–	✓	Более 182 дней	✓	✓
Бразилия	82	79	–	–	Более 183 дней	–	–
Тунис	99	91	✓	–	Более 183 дней	–	–
Индия	116	129	–	–	Более 182 дней	–	–
Вьетнам	121	118	–	–	Более 183 дней	–	–
Сенегал	146	166	–	–	Более 183 дней	✓	–
Мадагаскар	175	162	–	–	✓**	–	–

* Физическое лицо может стать резидентом или гражданином ОАЭ в обмен на инвестиции. Подобные программы существуют также и в других государствах, например, на Мальте, Кипре и Сейшельских островах. Как правило, для участников программ установлены определенные временные рамки по пребыванию в стране, но отсутствует строгий контроль за их соблюдением, в результате налоговым резидентом может стать лицо, фактически не проживающее в стране.

** Отсутствие указания на количество дней означает, что законодательство данного государства содержит требования о пребывании в нем, но определенная продолжительность пребывания не установлена.

постоянное проживание в данной юрисдикции членов семьи – супругов и несовершеннолетних детей (Испания, Япония). Иногда используются также дополнительные условия, учитывающие период пребывания в стране в течение нескольких следующих подряд лет. Например, в Королевстве Норвегия резидентом признается физическое лицо, находящееся на территории страны более 270 дней

Таблица 3

Критерии, принимаемые во внимание при признании физического лица налоговым резидентом в рамках международных соглашений

Соглашение	Наличие жилья	Центр жизненных интересов	Постоянное проживание (длительность пребывания)	Гражданство
Модель налоговой конвенции о доходах и капитале, рекомендованная ОЭСР	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Модель Конвенции ООН об избежании двойного налогообложения между развитыми и развивающимися странами	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Катар	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Люксембург	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Сингапур	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Королевство Норвегия	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
США	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
ФРГ	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Канада	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Франция	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Соединенное Королевство	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Япония	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Испания	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Казахстан	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Болгария	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
КНР	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Азербайджан	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Бразилия	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Индия	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг
Вьетнам	1 шаг	2 шаг	3 шаг	4 шаг

в течение трех лет подряд, а в США – в течение 183 дней в течение трех лет подряд (но в зависимости от давности к расчетному количеству дней применяется понижающий коэффициент).

Данные исследования указывают на взаимосвязь между применяемым подходом в установлении налогового резидентства и экономическим развитием страны. Более развитые экономически государства чаще всего используют сложные конструкции налогового резидентства, включающие концепцию центра жизненных интересов или домицилий, а развивающиеся – более простые конструкции, основанные на периоде пребывания в стране.

Проанализируем международную практику в вопросах установления резидентства физических лиц, которая представляет большой интерес благодаря установлению четкой последовательности применения критериев. В соответствии с большинством международных соглашений об избежании двойного налогообложения, если удается установить соблюдение более значимого условия, остальные показатели не принимаются во внимание и не оцениваются. Российская Федерация – сторона 80 действующих СОИДН. В *табл. 3* приведены основные критерии признания лица налоговым резидентом, а также последовательность их применения в случаях, когда одно и то же лицо одновременно признается налоговым резидентом двух государств в соответствии с Моделью налоговой конвенции о доходах и капитале, рекомендованной ОЭСР, Моделью Конвенции ООН об избежании двойного налогообложения между развитыми и развивающимися странами, а также 18-ю СОИДН с участием Российской Федерации.

Данные показывают, что в рамках моделей конвенций, а также всех рассмотренных межправительственных соглашений, заключенных на протяжении 30-летнего периода, наблюдается единообразие в регулировании данного вопроса. Наиболее значимым критерием является наличие жилья в одном из государств. Причем в первую очередь принимается

во внимание не факт владения, а то, что это жилье доступно для проживания. Если жилье сдается в аренду или иным образом передано в пользование третьим лицам, то согласно рекомендациям ОЭСР, его нельзя рассматривать в качестве соответствующего данному критерию. Только если физическое лицо располагает постоянным жильем в обоих государствах (или ни в одном из них), оно считается резидентом того государства, с которым имеет тесные личные и экономические связи (центр жизненных интересов). Если центр жизненных интересов определить невозможно, в расчет принимается период нахождения в каждой стране (постоянное проживание). И только если физическое лицо проживает в обоих государствах или не проживает ни в одном из них, оно считается резидентом того государства, гражданином которого является.

Если ни один из критериев, примененных в указанной последовательности, не позволил установить юрисдикцию резидентства, то компетентные органы сторон СОИДН решают этот вопрос с помощью взаимосогласительной процедуры.

Обсуждение

Оценивая полученные в ходе исследования данные в контексте перспектив реформирования подходов к наделению физических лиц правовым статусом резидента Российской Федерации, можно утверждать, что:

во-первых, к существенным положительным аспектам действующего подхода можно отнести прозрачность и простоту его применения. Определенность статуса удобна в первую очередь для физических лиц, которые без труда могут установить, являются ли они налоговыми резидентами, просуммировав количество дней, проведенных в Российской Федерации на основании отметок в заграничном паспорте или других документов о пересечении Государственной границы. Кроме того, этот подход упрощает администрирование налога на доходы физических лиц, позволяя организациям – источникам доходов (налоговым агентам) и налоговым органам затрачивать минимум времени на установление налогового статуса того или иного налогоплательщика. Немаловажно также, что в настоящее время отсутствует возможность для излишне широкой трактовки налогового статуса в рамках правоприменительной деятельности.

Применяемый в Российской Федерации подход к определению статуса физического лица-резидента отличается от принятого в большинстве развитых стран, где, как правило, этот процесс является сложным и требует анализа множества факторов, в т.ч. достаточно субъективных. Дальше всех в этом вопросе продвинулись представители англосаксонской правовой семьи. Например, в Соединенном Королевстве для того чтобы ответить на вопрос, является ли то или иное лицо налоговым резидентом государства, следует провести трудоемкий анализ в соответствии со сложной системой критериев, строго регламентированных финансовым законодательством[21]. В США для установления правовой связи того или иного лица как с государством в целом, так и с отдельными штатами, активно используется такая правовая категория, как «домицилий», позволяющая за счет широты трактовки восполнить пробелы, не урегулированные налоговым законодательством напрямую[22]. В последнее время ее использование часто подвергается критике со стороны некоторых авторов за отсутствие гибкости в вопросах мобильности населения и социальных аспектах, а также за гендерную дискриминацию[23]. На Мальте спорные вопросы, связанные с установлением резидентства, рассматривают специализированные комиссии при налоговых органах, действующие в рамках системы прецедентного права;

во-вторых, как бы это ни было парадоксально, основное преимущество действующего подхода подход к определению статуса физического лица – резидента Российской Федерации одновременно является его недостатком. Если рассматривать данный подход с позиции интересов государства, то можно отметить, что граждане, в первую очередь состоятельные, имеют возможность практически беспрепятственно планировать свое налоговое резидентство, исходя из собственных интересов, т.е. фактически налоговое резидентство отдается на откуп самому гражданину. В результате государство может недополучать налоги от лиц, которые *de facto* имеют тесные личные и экономические связи с Россией, например, систематическое длительное (но менее 183 дней в году) пребывание на территории страны, профессиональная деятельность, проживание членов семьи и т.д., но *de jure* не соответствуют формальному критерию, установленному налоговым законодательством.

Это обстоятельство негативно сказывается на эффективности российской налоговой системы, и намерения налоговых органов ввести дополнительны критерии, в частности, реализовать

[21] См.: The Government of the United Kingdom (2013). Schedule 45 Statutory Residence Test to the Finance Act 2013. Available at: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/29/schedule/45/enacted (accessed: 25.08.2020).

[22] См.: *Fatale, M.T.* (2000). State Tax Jurisdiction and the Mythical "Physical Presence" Constitutional Standard // The Tax Lawyer. 54 (1). P. 105–142; *Zelinsky, E.A.* (2017). Defining Residence for Income Tax Purposes: Domicile as Gap-Filler, Citizenship as Proxy and Gap-Filler, 38 Mich. J. Int'l L. 271 Available at: http://repository.law.umich.edu/mjil/vol38/iss2/5 (accessed: 16.08.2020).

[23] См.: *Appleton, S.F.* (2013). Leaving Home-Domicile, Family, and Gender. UCDL Rev. 47. P. 1453–1519; *Aster, S.* (2013). If Her Name Were Theo, There Would Be No Tax: Windsor v. United States, DOMA, and the Federal Tax Code. The Modern American, 9. P. 8–19.

концепцию центра жизненных интересов, для установления налогового резидентства являются вполне обоснованными. А вот инициатива сократить период пребывания в Российской Федерации для обретения статуса резидента до 90 дней может показаться весьма неоднозначной. Вероятнее всего она приведет к росту числа лиц с «двойным резидентством» и, как следствие, спорам с другими юрисдикциями, в подавляющем большинстве которых установлен срок пребывания в 183 дня и более в течение года. Это может негативно сказаться на международном сотрудничестве в сфере налогообложения, особенно с учетом недавней инициативы по изменению Российской Федерацией в одностороннем порядке условий СОИДН с Кипром, Люксембургом, Мальтой и Нидерландами, касающихся ставки налога на роялти, дивиденды и прочие пассивные доходы компаний, контролируемых российскими резидентами;

в-третьих, в Российской Федерации отсутствуют механизмы защиты прав государства от злоупотребления статусом налогового резидента или лица, не являющегося налоговым резидентом, со стороны налогоплательщиков. В условиях глобализации важна разработка методов противодействия негативным эффектам мобильности капитала, изучение и заимствование успешного опыта других государств в данной сфере. Например, в США при выходе из гражданства (что может означать смену налогового резидентства) обеспеченные граждане обязаны оплатить так называемый «налог на выход» (exit tax) со стоимости всего своего имущества, равный налогу, который они бы уплатили в случае его продажи[24]. В Румынии и Испании лицо, сменившее место жительства на низконалоговую юрисдикцию, еще несколько лет остается налоговым резидентом прежней юрисдикции.

На налоговую практику конкретного государства могут оказывать влияние такие факторы, как исторические закономерности, которые сохраняются в структуре фискальных систем[25], международная налоговая конкуренция, обусловленная глобализацией[26].

Вопросу конкуренции среди юрисдикций в сфере налогообложения уделяется достаточно внимания[27], в США это явление приняло форму конкуренции между штатами[28]. Конкуренция объясняется заинтересованностью каждого государства в налогообложении доходов как можно большего числа субъектов, но принимая во внимание мобильность населения и капитала, установление устойчивой правовой связи между физическим лицом и определенным государством возможно только в рамках комплексного подхода, учитывающего множество условий, а не только период пребывания в стране.

По мнению многих ученых, основное конкурентное преимущество юрисдикции в сфере привлечения налогоплательщиков – низкие налоговые ставки[29]. Ставка налога на доходы физических лиц для резидентов Российской Федерации составляет 13%, хотя с 2021 г. планируется повысить ее до 15% при достижении определенного уровня доходов, это существенно ниже по сравнению с США и ЕС, где максимальный размер прогрессивных ставок достигает 35–45%. В связи с этим можно предположить, что российское налоговое резидентство и возможность установить его через критерий центра жизненных интересов может заинтересовать некоторых состоятельных граждан, проводящих значительную часть времени в других странах;

в-четвертых, некоторые специалисты отмечают, что использование специфического понятия «резидент для целей валютного регулирования» характерно только для государств – членов СНГ, таких как Россия, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан[30]. Нормативные правовые акты большинства государств определяют резидентство исключительно нормами налогового права и не предусматривают использование специального термина для определения субъектов валютного контроля.

---

[24] См.: *Colón, J.M.* (1997). Changing US Tax Jurisdiction: Expatriates, Immigrants, and the Need for a Coherent Tax Policy. San Diego L. Rev. 34, 1. P. 1–91; *Kirsch, M.S.* (2014). Revisiting the Tax treatment of citizens abroad: reconciling principle and practice. Fla. Tax Rev. 16 (3). P. 117–222; *Worster, W.T.* (2017). Human Rights Law and the Taxation Consequences for Renouncing Citizenship // Louis ULJ. 62. P. 85–102.

[25] См.: *Djankov, S.* (2017). United States is Outlier in Tax Trends in Advanced and Large Emerging Economies. Peterson Institute for International Economics. Policy Brief PB17–29. Available at: https://ideas.repec.org/p/iie/pbrief/pb17–29.html (accessed: 03.08.2020); *Ghodsi, Z., Webster, A.* (2018). UK Taxes and Tax Revenues: Composition and Trends. Intech Open. Vol. 74380. P. 83–96.

[26] См.: *Gerber, C., Klemm, A., Liu, L., Mylonas, V.* (2018). Personal income tax progressivity: trends and implications. International Monetary Fund Working paper WP/18/246. Available at: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/11/20/Personal-Income-Tax-Progressivity-Trends-and-Implications-46332 (accessed: 14.08.2020).

[27] См.: *Cavelti, L.U.* (2013). Automatic information exchange versus the withholding tax regime globalization and increasing sovereignty conflicts in international taxation // World Tax Journal (IBFD), 5 (2). P. 172–214; *Altshuler, R., & Goodspeed, T.J.* (2015). Follow the leader? Evidence on European and US tax competition // Public Finance Review, 43 (4). P. 485–504; *Shukla, V., & Shukla, S.K.* (2019). Globalization and Tax Jurisdiction // ZENITH International Journal of Multidisciplinary Research, 9 (2). P. 58–64.

[28] См.: *Chirinko, R.S., & Wilson, D.J.* (2017). Tax competition among US states: Racing to the bottom or riding on a seesaw? // Journal of Public Economics, 155. P. 147–163.

[29] См.: *Naseif, A.H., Hasan, S.I., Malik, Y.S., et. al.* (2019). A Theoretical Review on Global Trends of Company Income Taxes and Alternatives of Tax Reforms // Account and Financial Management Journal. Vol. 4. P. 1883–1895; *Parchet, R.* (2019). Are local tax rates strategic complements or strategic substitutes? // American Economic Journal: Economic Policy, 11 (2). P. 189–224.

[30] См.: *Коваль А.А., Левашенко А.Д., Синельников-Мурылев С.Г., Трунин П.В.* Указ. соч.

Как полагают некоторые авторы, правовая конструкция налогового резидента является более точной и сбалансированной. Опыт большинства иностранных государств, не только полностью отказавшихся от валютных ограничений в области движения капитала (США, Канада, страны ЕС), но и тех, где достаточно широко применяются валютные ограничения (КНР, Индия), также убедительно доказывает отсутствие необходимости введения в финансово-правовые нормы отдельного понятия «резидент для целей валютного регулирования» и возможность реализации принципа резидентства исключительно нормами налогового права[31];

в-пятых, сближение правового статуса резидента Российской Федерации с общемировой практикой будет способствовать усилению налогового контроля за трансграничными операциями в условиях международной налоговой прозрачности, которая обеспечивается реализацией международных соглашений, например, CRS MCAA[32]. Ключевое условие для получения государством информации о финансовых счетах того или иного лица в рамках CRS MCAA – налоговое резидентство. Лицо, манипулирующее своим статусом, например, ставшее резидентом или гражданином страны, с которой у него нет тесных экономических и личных связей в обмен на инвестиции, имеет возможность уклоняться от налогового контроля, попадая для налоговых органов в своеобразную «слепую зону»[33].

Следует также отметить, что на развитие внутригосударственного законодательства в сфере установления резидентства оказала определенное влияние и пандемия COVID-19. В условиях отмены транспортного сообщения между странами некоторые налогоплательщики могли незапланированно задержаться в тех юрисдикциях, с которыми у них нет значимых экономических и личных связей. Исходя из ранее существовавших подходов к установлению резидентства, такие юрисдикции могут претендовать на налогообложение доходов вынужденно находящихся в них граждан, что в условиях пандемии следует рассматривать как злоупотребление правом[34].

ОЭСР в своих рекомендациях указывает, что, основываясь на принципах соглашений об избежании двойного налогообложения, временное нахождение физического лица в другой стране не должно иметь налоговых последствий[35]. Тем не менее некоторыми государствами были предприняты дополнительные меры во избежание подобных ситуаций, например, в США физическое лицо может исключить из расчета дней пребывания до 60 дней в период с 1 февраля 2020 г. по 1 апреля 2020 г. В России же у физических лиц наоборот появилась возможность в добровольном порядке (на основании заявления) признать себя налоговым резидентом, если срок пребывания в стране в течение 2020 г. составил 90 дней и более.

Выводы

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что подход к наделению физических лиц правовым статусом резидента Российской Федерации отличается от общемирового простотой и определенностью. В то же время это может отрицательно сказываться на собираемости налогов, а также на эффективности государственного финансового контроля. В условиях повышения мобильности граждан в последние десятилетия, при установлении налогового резидентства сложно опираться только на период пребывания в стране, требуется применение более гибкого и персонализированного подхода, который может быть реализован, в т.ч. через введение дополнительных критериев или концепцию центра жизненных интересов, широко распространенную в мировой практике. В отличие от вполне обоснованного намерения ввести в российское финансовое законодательство данную концепцию, сокращение периода пребывания до 90 дней для признания физического лица налоговым резидентом может привести к спорам

[31] См.: *Фролова Е.Е., Цепова Е.А.* 30 лет валютной либерализации в России: перспективы отмены ограничений на движение капитала физических лиц // Государство и право. 2020. № 4. С. 108–124.

[32] См.: *Pross, A.* (2015). How Tax Transparency Went Global – the new automatic exchange standard: from concept to reality. International Tax Review. 25 March 2015. Available at: https://www.internationaltaxreview.com/Article/3439573/How-tax-transparency-went-global-the-new-automatic-exchange-standard-from-concept-to-reality.html?ArticleId=3439573 (accessed: 30.07.2020); *Saint-Amans, P.* (2016). Global tax and transparency: We have the tools, now we must make them work. OECD Observer. Available at: https://doi.org/10.1787/15615529 (accessed: 03.08.2020).

[33] *Christians, A.* (2017). Buying in: Residence and Citizenship by Investment // Louis ULJ, 62. P. 51–72; OECD (2018). Consultation Document: Preventing Abuse of Residence by Investment Schemes to Circumvent CRS. Available online: http://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/consultation-document-preventing-abuse-of-residence-by-investment-schemes.pdf (accessed: 30.07.2020); OECD (2018). Model Mandatory Disclosure Rules for CRS Avoidance Arrangements and Opaque Offshore Structures. Available online: http://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/model-mandatory-disclosure-rules-for-crs-avoidance-arrangements-and-opaque-offshore-structures.pdf (accessed: 30.07.2020).

[34] См.: *Moreno, A.B.* (2020). COVID-19 and Fiscal Policies: Unnecessary and Yet Harmful: Some Critical Remarks to the OECD Note on the Impact of the COVID-19 Crisis on Tax Treaties. Intertax, 48 (8/9). P. 814–830.

[35] См.: OECD (2020). OECD Secretariat analysis of tax treaties and the impact of the COVID-19 crisis Version 3 April 2020. OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19). Available at: http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/oecd-secretariat-analysis-of-tax-treaties-and-the-impact-of-the-covid-19-crisis-947dcb01/ (accessed: 16.08.2020).

с другими юрисдикциями, в большинстве из которых этот срок равен 183 дням.

Ожидаемыми результатами совершенствования нормативно-правовой базы, по мнению авторов, должны стать:

1) единство понятийного аппарата российского финансового права, достигнутое за счет устранения двойственности статуса резидента в налоговом и валютном законодательстве;

2) сближение подходов к определению налогового резидентства физических лиц с общемировой практикой, направленное на дальнейшее укрепление международного сотрудничества в сфере финансового контроля;

3) возможность признания налоговыми резидентами Российской Федерации граждан, которые при наличии тесных личных и экономических связей с российской юрисдикцией не соответствуют критерию пребывания;

4) соблюдение баланса публичных и частных интересов, поскольку налогообложение общемировых доходов физического лица обосновано только в том случае, если в результате комплексной оценки связей физического лица как с Российской Федерацией, так и с другими юрисдикциями будет установлено, что центр его жизненных интересов находится в России.

В рамках данной статьи не нашли своего отражения нижеперечисленные важные вопросы, связанные с регулированием статуса налогового резидента, которым планируется уделить внимание в иных научно-исследовательских работах: способы оценки влияния иных факторов (политических, социальных) на финансово-правовое регулирование в мировой практике статуса физического лица-резидента; оценка воздействия и возможность заимствования Российской Федерацией иных мер, которые предпринимаются различными государствами для борьбы с манипулированием налоговым статусом со стороны налогоплательщиков, таких как «налог на выход» (exit tax) или сохранение статуса резидента после смены места жительства на низконалоговую юрисдикцию; анализ критериев налогового резидента применительно к юридическим лицам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Коваль А.А., Левашенко А.Д., Синельников-Мурылев С.Г., Трунин П.В.* Реформа валютного регулирования и валютного контроля в России // Центр стратегических разработок. Москва. Март 2018 [Электронный ресурс]: https://www.csr.ru/issledovaniya/valyutnyj-uchet-no-ne-kontrol/
2. *Фролова Е.Е., Цепова Е.А.* 30 лет валютной либерализации в России: перспективы отмены ограничений на на движение капитала физических лиц // Государство и право. 2020. № 4. С. 108–124.
3. *Altshuler, R., & Goodspeed, T.J.* (2015). Follow the leader? Evidence on European and US tax competition // Public Finance Review, 43 (4). P. 485–504.
4. *Appleton, S.F.* (2013). Leaving Home-Domicile, Family, and Gender. UCDL Rev. 47. P. 1453–1519.
5. *Aster, S.* (2013). If Her Name Were Theo, There Would Be No Tax: Windsor v. United States, DOMA, and the Federal Tax Code. The Modern American, 9. P. 8–19.
6. *Avi-Yonah, R.S.* (2005). All of a Piece Throughout – The Four Ages of U.S. International Taxation. Virginia Tax Review. No. 2. P. 313–338.
7. *Avi-Yonah Reuven S.* (2004). International Tax as International Law. Tax L. Rev. 57. No. 4. P. 483–501.
8. *Bauder, H.* (2014). Domicile citizenship, human mobility and territoriality // Progress in Human Geography, 38 (1). P. 91–106.
9. *Beale, J.H.* (1919). Jurisdiction to Tax. Harvard Law Review, 32 (6). P. 587–633.
10. *Cavelti, L.U.* (2013). Automatic information exchange versus the withholding tax regime globalization and increasing sovereignty conflicts in international taxation // World Tax Journal (IBFD), 5 (2). P. 172–214.
11. *Chirinko, R.S., & Wilson, D.J.* (2017). Tax competition among US states: Racing to the bottom or riding on a seesaw? // Journal of Public Economics, 155. P. 147–163.
12. *Christians, A.* (2017). Buying in: Residence and Citizenship by Investment // Louis ULJ, 62. P. 51–72.
13. *Colón, J.M.* (1997). Changing US Tax Jurisdiction: Expatriates, Immigrants, and the Need for a Coherent Tax Policy. San Diego L. Rev. 34, 1. P. 1–91.
14. *Contractor, F.J.* (2016). Tax avoidance by multinational companies: Methods, policies, and ethics // Rutgers Business Review, 1 (1). P. 27–43.
15. *Daurer, V., & Krever, R.* (2014). Choosing between the UN and OECD tax policy models: An African case study // African Journal of International and Comparative Law, 22 (1). P. 1–21.
16. *Dharmapala, D.* (2016). Cross-border tax evasion under a unilateral FATCA regime // Journal of Public Economics, 141. P. 29–37.
17. *Djankov, S.* (2017). United States is Outlier in Tax Trends in Advanced and Large Emerging Economies. Peterson Institute for International Economics. Policy Brief PB17–29. Available at: https://ideas.repec.org/p/iie/pbrief/pb17–29.html (accessed: 03.08.2020).
18. *Eberle, E.J.* (2011). The methodology of Comparative Law. Roger Williams UL Rev. 16. P. 51–72.

19. *Fatale, M.T.* (2000). State Tax Jurisdiction and the Mythical "Physical Presence" Constitutional Standard // The Tax Lawyer. 54 (1). P. 105–142.

20. *Gerber, C., Klemm, A., Liu, L., Mylonas, V.* (2018). Personal income tax progressivity: trends and implications. International Monetary Fund Working paper WP/18/246. Available at: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/11/20/Personal-Income-Tax-Progressivity-Trends-and-Implications-46332 (accessed: 14.08.2020).

21. *Ghodsi, Z., Webster, A.* (2018). UK Taxes and Tax Revenues: Composition and Trends. Intech Open. Vol. 74380. P. 83–96.

22. *Himci, B., & Bungo, G.T.* (2015). Domicile And Residence Of Individuals Under Ec Law And Albanian Legislation. Revue Européenne du Droit Social, Volume XXVIII, issue 3. P. 30–43.

23. *Kemme, D.M., Parikh, B., & Steigner, T.* (2017). Tax havens, tax evasion and tax information exchange agreements in the OECD // European Financial Management. No. 23 (3). P. 519–542.

24. *Kirsch, M.S.* (2014). Revisiting the Tax treatment of citizens abroad: reconciling principle and practice. Fla. Tax Rev. 16 (3). P. 117–222.

25. *Maisto, G.* (ed.). (2010). Residence of individuals under tax treaties and EC law (Vol. 6). IBFD. P. 17.

26. *Momirov, A., & Fourie, A.N.* (2009). Vertical comparative law methods: tools for conceptualising the International Rule of Law. Erasmus L. Rev. 2. P. 291–309.

27. *Moreno, A.B.* (2020). COVID-19 and Fiscal Policies: Unnecessary and Yet Harmful: Some Critical Remarks to the OECD Note on the Impact of the COVID-19 Crisis on Tax Treaties. Intertax, 48 (8/9). P. 814–830.

28. *Morris, M.* (2017). The 26 OECD Common Reporting Standard Loopholes. Available at: http://www.the-best-of-both-worlds.com/support-files/oecd-crs-loopholes-report.pdf (accessed: 30.07.2020).

29. *Morten, B. and Zeume, S.* (2018). The Review of Financial Studies, Volume 31, Issue 4, April 2018. P. 1221–1264.

30. *Naseif, A.H., Hasan, S.I., Malik, Y.S., et. al.* (2019). A Theoretical Review on Global Trends of Company Income Taxes and Alternatives of Tax Reforms // Account and Financial Management Journal. Vol. 4. P. 1883–1895.

31. *Noked, N.* (2018). Tax Evasion and Incomplete Tax Transparency. Laws, 7 (3), 31; Available at: https://doi.org/10.3390/laws7030031 (accessed: 20.08.2020).

32. *Norr, M.* (1961). Jurisdiction on Tax and International Income. Tax L. Rev. 17. P. 431.

33. *Owens, J.* (2015). Tax Transparency and BEPS // Journal of Tax Administration, 1 (2). P. 1–10.

34. *Parchet, R.* (2019). Are local tax rates strategic complements or strategic substitutes? // American Economic Journal: Economic Policy, 11 (2). P. 189–224.

35. *Pross, A.* (2015). How Tax Transparency Went Global – the new automatic exchange standard: from concept to reality. International Tax Review. 25 March 2015. Available at: https://www.internationaltaxreview.com/Article/3439573/How-tax-transparency-went-global-the-new-automatic-exchange-standard-from-concept-to-reality.html? ArticleId=3439573 (accessed: 30.07.2020).

36. *Rohlin, S., Rosenthal, S.S., & Ross, A.* (2014). Tax avoidance and business location in a state border model // Journal of Urban Economics, 83. P. 34–49.

37. *Saint-Amans, P.* (2016). Global tax and transparency: We have the tools, now we must make them work. OECD Observer. Available at: https://doi.org/10.1787/15615529 (accessed: 03.08.2020).

38. *Shenkman, M.M., Rothenberg, L.E., & Matak, J.* (2019). Changing Domicile for Tax Benefits and Asset Protection: The TCJA and Recent Court Decision Change the Calculus // The CPA Journal, 89 (10). P. 62–67.

39. *Shukla, V., & Shukla, S.K.* (2019). Globalization and Tax Jurisdiction // ZENITH International Journal of Multidisciplinary Research, 9 (2). P. 58–64.

40. *Swain, J.A.* (2003). State Income Tax Jurisdiction: A Jurisprudential and Policy Perspective. Wm. & Mary L. Rev. 45. P. 319.

41. *Thomas, S.R.* (2018). Domicile in Multistate Personal Income Tax Residency Matters: Enter the Swamp at Your Own Peril. Pace L. Rev. 2018. Vol. 39. P. 875.

42. *Valente, P.* (2001). The 'Center of Vital Interests': A Review of Italy's Rules on Tax Residence. Tax Notes International. P. 55–59.

43. *Worster, W.T.* (2017). Human Rights Law and the Taxation Consequences for Renouncing Citizenship // Louis ULJ. 62. P. 85–102.

44. *Zelinsky, E.A.* (2017). Defining Residence for Income Tax Purposes: Domicile as Gap-Filler, Citizenship as Proxy and Gap-Filler, 38 Mich. J. Int'l L. 271 Available at: http://repository.law.umich.edu/mjil/vol38/iss2/5 (accessed: 16.08.2020).

REFERENCES

1. *Koval A.A., Levashenko A.D., Sinelnikov-Murylev S.G., Trunin P.V.* Reform of currency regulation and currency control in Russia // Center for Strategic Developments. Moscow. March 2018 [Electronic resource]: https://www.csr.ru/issledovaniya/valyutnyj-uchet-none-kontrol/ (in Russ.).

2. *Frolova E.E., Tsepova E.A.* 30 years of currency liberalization in Russia: prospects for the abolition of restrictions on the movement of capital of indi-

viduals // State and Law. 2020. No. 4. P. 108–124 (in Russ.).

3. *Altshuler, R., & Goodspeed, T.J.* (2015). Follow the leader? Evidence on European and US tax competition // Public Finance Review, 43 (4). P. 485–504.
4. *Appleton, S.F.* (2013). Leaving Home-Domicile, Family, and Gender. UCDL Rev. 47. P. 1453–1519.
5. *Aster, S.* (2013). If Her Name Were Theo, There Would Be No Tax: Windsor v. United States, DOMA, and the Federal Tax Code. The Modern American, 9. P. 8–19.
6. *Avi-Yonah, R.S.* (2005). All of a Piece Throughout – The Four Ages of U.S. International Taxation. Virginia Tax Review. No. 2. P. 313–338.
7. *Avi-Yonah Reuven S.* (2004). International Tax as International Law. Tax L. Rev. 57 No. 4. P. 483–501.
8. *Bauder, H.* (2014). Domicile citizenship, human mobility and territoriality // Progress in Human Geography, 38 (1). P. 91–106.
9. *Beale, J.H.* (1919). Jurisdiction to Tax. Harvard Law Review, 32 (6). P. 587–633.
10. *Cavelti, L.U.* (2013). Automatic information exchange versus the withholding tax regime globalization and increasing sovereignty conflicts in international taxation // World Tax Journal (IBFD), 5 (2). P. 172–214.
11. *Chirinko, R.S., & Wilson, D.J.* (2017). Tax competition among US states: Racing to the bottom or riding on a seesaw? // Journal of Public Economics, 155. P. 147–163.
12. *Christians, A.* (2017). Buying in: Residence and Citizenship by Investment // Louis ULJ, 62. P. 51–72.
13. *Colón, J.M.* (1997). Changing US Tax Jurisdiction: Expatriates, Immigrants, and the Need for a Coherent Tax Policy. San Diego L. Rev. 34, 1. P. 1–91.
14. *Contractor, F.J.* (2016). Tax avoidance by multinational companies: Methods, policies, and ethics // Rutgers Business Review, 1 (1). P. 27–43.
15. *Daurer, V., & Krever, R.* (2014). Choosing between the UN and OECD tax policy models: An African case study // African Journal of International and Comparative Law, 22 (1). P. 1–21.
16. *Dharmapala, D.* (2016). Cross-border tax evasion under a unilateral FATCA regime // Journal of Public Economics, 141. P. 29–37.
17. *Djankov, S.* (2017). United States is Outlier in Tax Trends in Advanced and Large Emerging Economies. Peterson Institute for International Economics. Policy Brief PB17–29. Available at: https://ideas.repec.org/p/iie/pbrief/pb17–29.html (accessed: 03.08.2020).
18. *Eberle, E.J.* (2011). The methodology of Comparative Law. Roger Williams UL Rev. 16. P. 51–72.
19. *Fatale, M.T.* (2000). State Tax Jurisdiction and the Mythical "Physical Presence" Constitutional Standard // The Tax Lawyer. 54 (1). P. 105–142.
20. *Gerber, C., Klemm, A., Liu, L., Mylonas, V.* (2018). Personal income tax progressivity: trends and implications. International Monetary Fund Working paper WP/18/246. Available at: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/11/20/Personal-Income-Tax-Progressivity-Trends-and-Implications-46332 (accessed: 14.08.2020).
21. *Ghodsi, Z., Webster, A.* (2018). UK Taxes and Tax Revenues: Composition and Trends. Intech Open. Vol. 74380. P. 83–96.
22. *Himci, B., & Bungo, G.T.* (2015). Domicile And Residence Of Individuals Under Ec Law And Albanian Legislation. Revue Européenne du Droit Social, Volume XXVIII, issue 3. P. 30–43.
23. *Kemme, D.M., Parikh, B., & Steigner, T.* (2017). Tax havens, tax evasion and tax information exchange agreements in the OECD // European Financial Management. No. 23 (3). P. 519–542.
24. *Kirsch, M.S.* (2014). Revisiting the Tax treatment of citizens abroad: reconciling principle and practice. Fla. Tax Rev. 16 (3). P. 117–222.
25. *Maisto, G.* (ed.). (2010). Residence of individuals under tax treaties and EC law (Vol. 6). IBFD. P. 17.
26. *Momirov, A., & Fourie, A.N.* (2009). Vertical comparative law methods: tools for conceptualising the International Rule of Law. Erasmus L. Rev. 2. P. 291–309.
27. *Moreno, A.B.* (2020). COVID-19 and Fiscal Policies: Unnecessary and Yet Harmful: Some Critical Remarks to the OECD Note on the Impact of the COVID-19 Crisis on Tax Treaties. Intertax, 48 (8/9). P. 814–830.
28. *Morris, M.* (2017). The 26 OECD Common Reporting Standard Loopholes. Available at: http://www.the-best-of-both-worlds.com/support-files/oecd-crs-loopholes-report.pdf (accessed: 30.07.2020).
29. *Morten, B. and Zeume, S.* (2018). The Review of Financial Studies, Volume 31, Issue 4, April 2018. P. 1221–1264.
30. *Naseif, A.H., Hasan, S.I., Malik, Y.S., et. al.* (2019). A Theoretical Review on Global Trends of Company Income Taxes and Alternatives of Tax Reforms // Account and Financial Management Journal. Vol. 4. P. 1883–1895.
31. *Noked, N.* (2018). Tax Evasion and Incomplete Tax Transparency. Laws, 7 (3), 31; Available at: https://doi.org/10.3390/laws7030031 (accessed: 20.08.2020).
32. *Norr, M.* (1961). Jurisdiction on Tax and International Income. Tax L. Rev. 17. P. 431.
33. *Owens, J.* (2015). Tax Transparency and BEPS // Journal of Tax Administration, 1 (2). P. 1–10.

34. *Parchet, R.* (2019). Are local tax rates strategic complements or strategic substitutes? // American Economic Journal: Economic Policy, 11 (2). P. 189–224.

35. *Pross, A.* (2015). How Tax Transparency Went Global – the new automatic exchange standard: from concept to reality. International Tax Review. 25 March 2015. Available at: https://www.internationaltaxreview.com/Article/3439573/How-tax-transparency-went-global-the-new-automatic-exchange-standard-from-concept-to-reality.html? ArticleId=3439573 (accessed: 30.07.2020).

36. *Rohlin, S., Rosenthal, S.S., & Ross, A.* (2014). Tax avoidance and business location in a state border model // Journal of Urban Economics, 83. P. 34–49.

37. *Saint-Amans, P.* (2016). Global tax and transparency: We have the tools, now we must make them work. OECD Observer. Available at: https://doi.org/10.1787/15615529 (accessed: 03.08.2020).

38. *Shenkman, M.M., Rothenberg, L.E., & Matak, J.* (2019). Changing Domicile for Tax Benefits and Asset Protection: The TCJA and Recent Court Decision Change the Calculus // The CPA Journal, 89 (10). P. 62–67.

39. *Shukla, V., & Shukla, S.K.* (2019). Globalization and Tax Jurisdiction // ZENITH International Journal of Multidisciplinary Research, 9 (2). P. 58–64.

40. *Swain, J.A.* (2003). State Income Tax Jurisdiction: A Jurisprudential and Policy Perspective. Wm. & Mary L. Rev. 45. P. 319.

41. *Thomas, S.R.* (2018). Domicile in Multistate Personal Income Tax Residency Matters: Enter the Swamp at Your Own Peril. Pace L. Rev. 2018. Vol. 39. P. 875.

42. *Valente, P.* (2001). The 'Center of Vital Interests': A Review of Italy's Rules on Tax Residence. Tax Notes International. P. 55–59.

43. *Worster, W.T.* (2017). Human Rights Law and the Taxation Consequences for Renouncing Citizenship // Louis ULJ. 62. P. 85–102.

44. *Zelinsky, E.A.* (2017). Defining Residence for Income Tax Purposes: Domicile as Gap-Filler, Citizenship as Proxy and Gap-Filler, 38 Mich. J. Int'l L. 271 Available at: http://repository.law.umich.edu/mjil/vol38/iss2/5 (accessed: 16.08.2020).

Сведения об авторах

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна –
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права
и процесса и международного частного права
Российского университета дружбы народов;
117198 г Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЦЕПОВА Екатерина Андреевна –
кандидат юридических наук,
научный сотрудник Владивостокского
государственного университета экономики
и сервиса; 690014 г. Владивосток,
ул. Гоголя, д. 41

Authors' information

FROLOVA Evgenia E. –
Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Civil Law and procedure and International
Private Law of the Peoples' Friendship University
of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str.,
117198 Moscow, Russia

TSEPOVA Ekaterina A. –
PhD in Law, Researcher of the Vladivostok state
University of Economics and service;
41 Gogol str., 690014 Vladivostok, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 173–182
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 173–182

ПРАВО И МЕДИЦИНА

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ БИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

© 2021 г. А. А. Пестрикова[1, *], Л. Н. Сморчкова[2, **]

[1]Тольяттинский государственный университет
[2]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: anastasia801@yandex.ru*
***E-mail: l.smorchkova@mail.ru*

Поступила в редакцию 17.11.2020 г.

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению правового режима биологического материала человека как объекта имущественного оборота. Дается понятие и выделяются объекты биологического материала человека. Выделяются признаки биологического материала человека, позволяющие отнести его к категории иного имущества. Выявлены факторы, которые обусловливают правовой режим биологического материала человека. Сделан вывод о необходимости совершенствования правовых норм, регулирующих отношения получения, передачи, хранения и утилизации биологического материала человека, а также о необходимости унификации правовых норм и внедрения в общемировую тенденцию включения биологического материала человека в оборот. Сформулированы принципы правового регулирования, которые должны быть положены в основу совершенствования законодательства Российской Федерации относительно биологического материала человека.

Ключевые слова: биологический материал человека, правовой режим, принципы правового регулирования, объекты гражданских прав, объекты биологического материала человека, оборот биологического материала человека, биомедицина.

Цитирование: *Пестрикова А.А., Сморчкова Л.Н.* Правовой режим биологического материала человека: теоретическое осмысление // Государство и право. 2021. № 6. С. 173–182.

DOI: 10.31857/S102694520015047-2

LEGAL REGIME OF HUMAN BIOLOGICAL MATERIAL: THEORETICAL UNDERSTANDING

© 2021 A. A. Pestrikova[1, *], L. N. Smorchkova[2, **]

[1]Togliatti state University
[2]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: anastasia801@yandex.ru*
***E-mail: l.smorchkova@mail.ru*

Received 17.11.2020

Abstract. The article is devoted to the theoretical understanding of the legal regime of human biological material as an object of property turnover. The concept is given and the objects of human biological material are distinguished. There are signs of human biological material that allow us to classify it as other property. The factors that determine the legal regime of human biological material are identified. It is concluded that there is a need to improve the legal norms governing the relations of receiving, transferring, storing and disposing of human biological material, as well as the need to unify legal norms and introduce them into the global trend of including human biological material in circulation. The principles of legal regulation that should be the basis for improving the legislation of the Russian Federation on human biological material are formulated.

Key words: human biological material, legal regime, principles of legal regulation, objects of civil rights, objects of human biological material, turnover of human biological material, biomedicine.

For citation: *Pestrikova, A.A., Smorchkova, L.N. (2021).* Legal regime of human biological material: theoretical understanding // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 173–182.

Введение. Любые изменения общественной жизни, появление новых объектов социальных отношений неизбежно вызывают встречную реакцию в правовой сфере. Право следует за развитием общественных отношений и должно своевременно отвечать на возникающие запросы, формировать правовые условия существования новых форм и проявлений различных элементов материи и сознания. Развитие общественных отношений всегда приводит к модификации всех составных частей юридической формы.

Как справедливо отмечают некоторые исследователи, человека все в большей степени начинают рассматривать как предмет дизайна и конструирования, а человеческую природу – не как тайну, предмет эстетического вдохновения, а как технологический ресурс развития биомедицинских технологий: новых направлений нейрофармакологии, генной инженерии, нейротехнологий, клеточных технологий, технологий органного донорства и т.д.[1] Человеческая природа при этом не просто используется, а радикально изменяется, выступая как лишенный гуманистической ценности товар на биотехнологическом рынке (представленный в форме клеток, органов и тканей)[2].

Появляется глобальное противоречие: наука парадоксальным образом начинает играть одновременно и роль спасителя, и экзистенциональной угрозы[3]. В таких условиях традиционные подходы к правовому регулированию общественных отношений, возникающих в связи с оборотом биоматериала человека, требуют если не пересмотра, то существенной корректировки[4]. Развитие новых форм социального регулирования осуществляется через поиск базовых правил (норм), которые позволили бы выработать общие руководящие принципы регулирования, имеющие наднациональный уровень.

Отсутствие понятийного аппарата, фрагментарное правовое регулирование отношений, связанных с биологическими материалами человека, неопределенный правовой режим данной категории объекта материального мира приводит к негативным последствиям[5]. Это и торможение научного прогресса в сфере биомедицинских технологий, генной инженерии, биомедицине, и существующая возможность злоупотребления и нарушения прав и законных интересов всех участников отношений, связанных с оборотом биоматериала человека, а также весьма актуальная проблема – защита личных и публичных прав в связи с вовлечением биоматериала в гражданский оборот с целью извлечения прибыли.

И не важно, о каком биоматериале идет речь: свободно отделимом от тела человека (слюна, сперма, волосы) или получаемом с помощью медицинских манипуляций, в процессе оказания медицинской помощи либо при передаче биоматериала в исследовательских целях или для донорства – право должно определять правовой режим данных объектов и порядок их участия в обороте.

Биологический материал человека как объект гражданских прав. В определенных случаях необходимо рассматривать человеческое тело и биологический материал человека как объект гражданских прав, а значит, признавать определенные вещные права на него и на его части. К таким выводам приходит суд США в деле *Colavito v. New York Organ Donor Network (Colavito III)*[6], указывая, что человеку могут принадлежать определенные ограниченные права по распоряжению своим телом и его частями, схожие с правом собственности, но не в коммерческих целях. Дело *Colavito* стало широко обсуждаемым именно по причине хоть и косвенного, но признания права собственности на тело и его части[7].

---

[1] См., напр.: *Галузо В.Н.* Генетика и право в Российской Федерации: междисциплинарный подход // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2019. № 1. С. 35–38; *Полянко Н.И., Галузо В.Н.* Вирусология и право в Российской Федерации: поиск оптимального сочетания // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2020. № 1. С. 21–24.

[2] См.: *Попова О.В.* Биотехнологическое конструирование человека: этико-философские проблемы: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2018. С. 6, 7.

[3] См.: *Кафаров Т.Э., Рамазанов М.Р.* Биоэтика как новое направление в морально-этическом дискурсе современного общества // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 1. С. 6.

[4] См. подр.: *Пестрикова А.А., Серова О.А.* Принципы биоэтики как основа формирования коммуникационной стратегии в обществе // Генетические технологии и право в период становления биоэкономики / под ред. А.А. Мохова и О.В. Сушковой. М., 2020. С. 119–130.

[5] См. об этом, напр.: *Полянко Н.И., Галузо В.Н.* Трансплантация в Российской Федерации: pro et contra // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3. С. 89–93.

[6] См.: *Collerman Erin.* My body, his property? Prescribing a framework to determine ownership interest in directly donated human organs // Temple Law Review. 2007 Winter; 80 (4):1203–1228.

[7] См.: *Shaun D. Pattison.* Directed donation and ownership of human organs // Legal studies. Volume 31. Issue 3. September 2011. P. 392–410.

Ныне юридические споры чаще всего возникают по поводу отделимого биологического материала, связанного с воспроизводством человека (сперма, яйцеклетки), однако уже совершенно очевидно, что дальнейшее развитие медицины приведет к расширению видов биологического материала человека как объектов имущественных прав.

Биологический материал человека – это объект материального мира, имеющий происхождение от человека независимо от его фактического отделения, а также объекты, которые возникли в результате любых генетических манипуляций, имеющих в основе человеческое происхождение, обладающие материальной и нематериальной ценностью, по поводу которых складываются правовые отношения, связанные с их получением, передачей, хранением, утилизацией.

В качестве биологического материала человека выступают: клетки (включая стволовые клетки всех видов), кровь и ее компоненты (включая пуповинную кровь), органы и ткани, эмбрионы и клеточные субстанции эмбрионального свойства любого происхождения, части тела человека, ткани, органы и части тела человека после смерти и – что немаловажно в связи со стремительным развитием биологических и медицинских наук, биотехнологий, генной инженерии – искусственный биоматериал и клеточные продукты, созданные на основе человеческого биоматериала.

Нахождение места данных объектов в общей системе объектов гражданских и иных прав даст возможность определиться как с правами и обязанностями участников правоотношений, возникающих по поводу этих объектов, так и с пределами юридически значимых действий, совершаемых с ними.

Биологический материал человека представляет комплексное понятие, на которое оказывают воздействие практически все отраслевые составляющие правового регулирования, начиная от норм конституционного права, защищающих право на жизнь и достоинство человеческой личности, и заканчивая запретами в уголовном законодательстве. Ограничение института правового режима биологического материала человека только рамками одной отрасли законодательства представляется недальновидным и может выступить в качестве фактора, сдерживающего развитие общественных отношений по его использованию.

Тем более что составляющими элементами правового регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу биоматериала человека, выступают часто неразрывные компоненты материальных и нематериальных благ[8]. То, что мы рассматриваем права, возникающие по поводу биологического материала человека, преимущественно через призму нематериальных благ, это по большей части вопрос этических и моральных соображений, а также времени. С распространением правоотношений по поводу его использования все чаще будут возникают вопросы о различных видах биоматериала человека как о материальных благах.

В этом аспекте важно выявить соотношение биологического материала человека как материального объекта гражданских прав с нематериальными благами, с неотчуждаемыми правами человека. Так, по мнению А.В. Трофименко, объекты, в отношении которых может быть установлено субъективное гражданское право, должны отвечать следующим критериям: объективность существования, устойчивость либо возможность локализации во времени (эти два условия являются необходимыми) и возможность локализации материального объекта в пространстве (это условие является достаточным)[9]. Биологический материал человека этим критериям в целом соответствует, что имеет значение для установления правового режима биоматериала человека в качестве объекта имущественных отношений.

Биологический материал человека обладает следующими признаками, позволяющими выделить его в качестве объекта гражданских прав: материальность, телесность, доступность для обладания, способность удовлетворить потребности людей. Принадлежность данного объекта к имуществу может быть определена правовыми нормами не только в силу его естественных свойств, но и путем «приравнивания»[10]. Такие свойства биологического материала человека как отделимость, предметная целостность, передаваемость, присутствие опосредованного экономического содержания дают основание признать его как «иное имущество».

Свойство биоматериала человека быть отделимым от человеческого тела без потери значимых свойств часто рассматривается в качестве основного критерия разграничения тела человека, как нематериального блага, и материальных объектов, которыми выступают клетки, органы, ткани и иной биологический материал человека. Физическое отделение биологического материала дает основание для юридического признания его в качестве имущества. Но данный критерий не является основным или единственно необходимым.

Отделимость обусловливает предметную целостность и предметную завершенность биологического

[8] См., напр.: *Шевчук С.С.* Личные неимущественные права граждан в сфере медицинских услуг по гражданскому законодательству: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2005. С. 7, 8.

[9] См.: *Трофименко А.В.* Проблемы теории нематериальных объектов (гражданско-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 14, 15.

[10] *Лысенко А.Н.* Имущество в гражданском праве России. М., 2010. С. 56.

материала человека, что также дополнительно подчеркивает возможность его квалификации в качестве иного имущества. Даже клеточные субстанции, включая и одну единственную клетку (например, яйцеклетку), можно рассматривать в качестве объекта правоотношений, при том именно в качестве имущества, по поводу которого складываются правоотношения.

Следующее свойство биоматериала человека – передаваемость, т.е. способность функционировать в обороте, будучи отделенным от человеческого тела и имеющим собственную предметную целостность объектом материального мира. Именно это качество в первую очередь дает основание рассматривать биологический материал человека как самостоятельный объект гражданских прав.

Экономическое содержание и имущественный стоимостной характер прослеживается, хотя и не столь явно и открыто, как в отношениях «привычного» имущества (вещей), но отрицать возможность определения косвенной, опосредованной стоимости данных объектов нецелесообразно. Экономическая составляющая оценивается при причинении вреда, при донорстве органов, с развитием генной инженерии и биомедицинских технологий очевидно появится возможность покупки органов и тканей, выращенных искусственно или созданных на основе искусственного или биоматериала.

Важным вопросом, связанным с экономическим содержанием и имущественной стоимостью биологического материала человека, является возможность его коммерциализации и использования для извлечения прибыли. Конвенция Совета Европы «О защите прав человека и человеческого достоинства в области применения биологии и медицины»[11] указывает, что человеческое тело и его части не должны порождать финансовую выгоду. Если в ходе вмешательства выделяется часть тела человека, то она может храниться и использоваться только для целей, которые были обозначены в информационном согласии донора[12]. В пояснительной записке к Конвенции определяется значение термина «части тела», который включает в себя органы и ткани, кровь, но исключает волосы и ногти, которые признаются выброшенными и продажа которых не является оскорблением человеческого достоинства.

Подтверждение нормы, что человеческое тело и его части, включая кровь[13], не должны приносить прибыль, можно встретить и в других международных правовых актах: во Всеобщей декларации о геноме человека (ст. 4 закрепляет, что геном человека в его естественном состоянии не должен приносить финансовую выгоду)[14], в Международной декларации о генетических данных человека[15].

В то же время Кодекс медицинской этики, опубликованный Американской медицинской ассоциацией (Советом по этическим и судебным вопросам)[16] предусматривает, что врачи, планирующие коммерческое использование человеческих тканей, обязаны соблюдать следующие рекомендации: от пациентов должно быть получено информированное согласие на использование органов и тканей в клинических исследованиях; потенциальное коммерческое применение должно быть раскрыто пациенту до того, как будет получена прибыль от продуктов, разработанных на основе биологического материала человека; человеческие ткани, клетки и продукты, полученные на их основе, не могут быть использованы в коммерческих целях без информированного согласия пациента, предоставившего исходный клеточный материал; прибыль от коммерческого использования тканей и клеток человека может быть разделена с пациентами в соответствии с заключенным договором.

Присутствует тонкая грань между возможностью коммерческого использования биоматериала человека и недопущением извлечения прибыли из человеческого тела и его частей, и это разграничение требует юридической квалификации. При этом также необходимо отграничивать сопутствующие отношения с использованием биологического материала человека, которые изначально могут и должны быть возмездными, например, хранение биологического материала в частных биобанках

[11] См.: Convention on Human Rights and Biomedicine. Council of Europe; Oviedo, Spain: Apr 4, 1997. Available from: http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/html/164.htm

[12] См.: *Farrugia A., Penrod J., Bult J.M.* Payment, compensation and replacement – the ethics and motivation of blood and plasma donation. Vox Sang. 2010; 99 (3):202–211.

[13] См.: *O'Mahony B., Turner A.* The Dublin Consensus Statement 2011 on vital issues relating to the collection and provision of blood components and plasma-derived medicinal products. Vox Sang. 2012; 102 (2):140–143.

[14] См.: Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights. UNESCO; Nov 11, 1997. Available from: http://www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/themes/bioethics/human-genome-and-human-rights/

[15] См.: Universal Declaration on Bioethics and Human Rights. Paris, France: UNESCO; 2005. Available from: http://www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/themes/bioethics/bioethics-and-human-rights/

[16] См.: American Medical Association. Code of Medical Ethics. Chicago, 2007. Opinion 2.08. Commercial use of human tissue. Available from: http://www.ama-assn.org/ama/pub/physician-resources/medical-ethics/code-medical-ethics/opinion208.shtml

(сперма, яйцеклетки, пуповинная кровь)[17], а также компенсация донорам, называемая «вознаграждаемое пожертвование»[18], хотя сама формулировка выглядит как оксюморон.

Признание в Российской Федерации биологического материала в качестве «иного имущества» и соответствующее законодательное закрепление позволит использовать вещно-правовые и обязательственно-правовые способы защиты прав субъектов правоотношений с участием биологического материала. Для защиты государственного и общественного интереса могут быть использованы императивные методы правового регулирования (например, отказ от любых притязаний со стороны донора биологического материала человека, когда его материал был использован в общественных интересах, направленных на «всеобщее благо», в частности, получение вакцины, нового лекарственного средства и проч.).

Понятие правового режима биологического материала человека и факторы, его определяющие. Развитие общественных отношений с участием биологического материала человека охватывает все новые сферы жизни общества, устанавливаются новые стандарты и этические модели, формируется иное понимание индивидуальности и идентичности, сохранения личной информации и телесной целостности. Улучшение человеческой природы или недопущение передачи генных мутаций может быть определено благими намерениями и заботой о здоровье человека и его благополучии.

Правовое регулирование общественных отношений, связанных с реализацией прав на указанные объекты, является актуальной задачей и требует скорейшего решения. Российское законодательство в этой области носит фрагментарный характер и не содержит концептуального подхода, хотя необходимость развития данной области науки в качестве приоритетного направления была озвучена Президентом РФ еще в 2008 г.[19] Отсутствие правового регулирования приводит к негативным последствиям – как к торможению развития отрасли (биомедицины, биотехнологий, генной инженерии), так и к незаконному обороту таких объектов, которые имеют высокую ценность, в т.ч. и с точки зрения их экономической стоимости.

Сложившиеся в обществе условия требуют обновленных правовых режимов, отвечающих духу времени, связанных с появлением нетрадиционных для нас субъектов и объектов права, сменой приоритетов в системе имеющихся юридических средств и ценностей, переориентацией на другие, более совершенные и свободные методы правового регулирования[20]. Совершенно очевидно, что ныне возникла необходимость выработки единой концепции правового режима биологического материала человека, которая не только формализовала бы существующие объекты, но и позволяла формировать элементы новых общественных отношений, возникающих в связи и по поводу биологического материала человека.

Категория «правовой режим» как совокупность нормативно закрепленных правил используется в гражданском праве по отношению к какому-либо объекту урегулированных правом общественных отношений, поскольку вне общественных отношений правовой режим данного объекта теряет смысл. Правовой режим опосредованно через категорию «правовая характеристика» связан с определением существенных свойств явления, следовательно, с пониманием одного из уровней его правовой сущности[21].

Важность установления гражданско-правового режима состоит в том, что он позволяет определить возможность или невозможность совершения определенных действий (сделок), влекущих известный юридический (гражданско-правовой) результат. Это именно поведение участников правоотношений по поводу материальных или нематериальных благ[22].

Правовой режим имущества подразумевает комплекс требований, которые предъявляются в процессе его приобретения, использования и отчуждения при осуществлении субъектом гражданского права своей деятельности. При этом определяющее значение для правового режима имущества имеет вещное право, на котором это имущество находится. Но также всегда присутствует совокупность различных факторов, определяющая особенности правового режима того или иного вида имущества, и тем самым индивидуализирующая его[23].

---

[17] См.: The European Group on Ethics in Science and New Technologies. Ethical Aspects of Umbilical Cord Blood Banking.The European Group on Ethics in Science and New Technologies; 2004. Available from: http://ec.europa.eu/bepa/european-group-ethics/docs/avis19_en.pdf

[18] WHO Expert Group. Expert Consensus statement on achieving self-sufficiency in safe blood and blood products based on voluntary non-remunerated blood donations (VNRBD). Vox Sang. 2012. Epub June 13, 2012.

[19] См.: Послание Федеральному Собранию от 05.11.2008 г. // Росс. газ. 2008. 6 нояб.

[20] См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 16.

[21] См., напр.: Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты / под ред. А.В. Малько, И.С. Барзиловой. М., 2012. С. 5–19.

[22] См.: Гражданское право: учеб.: в 3 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2000. Т. 1. С. 295.

[23] См., подр.: *Сморчкова Л.Н.* Вещное право как основание определения правового режима имущества // Научные труды. Вып. 9. Т. 2. М., 2009. С. 771–776; *Ее же.* Особенности правового режима имущества различных видов образовательных учреждений // Право и образование. 2009. № 7. С. 19–28.

Первичные различия в правовом режиме определяются нормами национального законодательства каждого государства, которое использует биоматериал человека. Например, пожертвование и альтруистическое донирование рассматриваются различно в разных правопорядках[24].

Исходя из специфики биологического материала человека, его правовой режим можно дифференцировать в зависимости от его объектов и присущих им свойств: правовой режим клеток организма человека; правовой режим клеток, клеточных субстанций, включая эмбрионов; правовой режим тканей и органов человека, отделенных и не отделенных от тела (включая кровь, пуповинную кровь, а также иные биологические жидкости); правовой режим частей тела и тела человека при жизни (с точки зрения генной инженерии и биотехнологий[25]); правовой режим частей тела, органов, тканей и клеток человека после его смерти[26].

Характеристиками биологического материала человека, которые обусловливают его правовой режим в качестве объекта правоотношений, являются: характер (причина, способ) отделения клетки, ткани, органа от тела человека (естественное отделение, в результате оказания медицинской помощи, добровольное согласие на отделение); момент такого отделения (при жизни или после смерти человека); цель дальнейшего использования биоматериала; принадлежность к субъекту (обезличен биоматериал или есть указание сведений о доноре / владельце); восполнимость органа, ткани, клеток; оборотоспособность с позиции закона; возмездность или безвозмездность передачи биоматериала; материальность, телесность; доступность для обладания (независимое от человека существование); способность удовлетворить потребности людей.

На правовой режим влияет и судьба биологического материала человека, которая может быть определена в зависимости от того, каким образом оформлено информированное согласие на его использование[27]. При определении правового режима биологического материала человека необходимо учитывать и иные факторы.

Когда правовой режим имущества урегулирован в законодательстве, то субъекты права осознают значимость общественного отношения для государства и стремятся к реализации своего интереса в рамках установленного режима. Правовой режим биологического материала человека должен обеспечить устойчивое нормативное регулирование общественных отношений с его участием, содействовать оптимальному использованию конкретных объектов биоматериала человека.

В то же время в отношении биологического материала человека невозможно ставить вопрос только о совершении сделок, поэтому правовой режим биологического материала человека должен рассматриваться гораздо шире гражданско-правового понимания и регулирования. А установив общие особенности участия биологического материала человека в общественных отношениях, развивать отраслевое правовое регулирование и определять отраслевую специфику его правового режима.

Формирование принципов правового регулирования отношений с биологическим материалом человека. На современном этапе развития правовых основ участия биологического материала человека в различных правопорядках единство составляют виды биологического материала человека и порядок его использования. С учетом небольших различий биологический материал человека собирается и хранится для различных целей: диагностики или лечения человека, у которого он был собран; альтруистического донорства в терапевтических целях; донорства в научных и исследовательских целях[28]. Частный бизнес предлагает свои услуги в тех правопорядках, где правовое регулирование является наименее жестким[29], что в целом приводит к росту репродуктивного туризма[30] и медицинского туризма (как это наблюдается при лечении стволовыми клетками).

Глобализация рынка медицинских услуг и медицинский туризм делают невозможным запреты в рамках одного государства[31], что было со всей ясностью показано ученым из Китая Jiankui 27 ноября 2018 г. на Втором Международном саммите по редактированию генома человека, где были представлены

---

[24] См.: *Price D.A.* Model Legal and Ethical Donation Framework. Cambridge, 2010. Human tissue in transplantation and research.

[25] Поскольку совершенно очевидно, что «тело человека входит в понятие субъекта права и трактуется объективным правом именно в этом смысле» (см.: *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 587).

[26] Подробнее об этом см.: *Батюк В.И., Галузо В.Н., Полянко Н.Н.* О соотношении терминов «труп», «тело», «тело умершего» в законодательстве Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 10. С. 143–148.

[27] См.: *Clayton W.E.* Informed consent and biobanks. J Law Med Ethics. 2005; 33 (1):15–21.

[28] См.: *Warwick R.M., Fehily D., Brubaker S.A., Eastlund T., editors*. Tissue and Cell Donation An Essential Guide. Chichester, 2009.

[29] См.: *Rosemann A., Balen A., Nerlich B. et al.* (2019). Heritable genome editing in a global context: national and international policy challenges. Hastings Cent Rep 49 (3):30–42.

[30] См.: *Пестрикова А.А.* Необходимость формирования международно-правового регулирования биомедицинских и клеточных технологий в связи с глобализацией репродуктивной помощи // Евразийский научный журнал. 2019. № 6. С. 54–57.

[31] См.: *Lunshof J.E.* (2016). Human germ line editing-roles and responsibilities. Protein Cell 7 (1):7–10. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4707153/

отредактированные близнецы из КНР[32]. Мировое сообщество поставило вопрос о введении пятилетнего моратория[33] на дальнейшие научные исследования в области редактирования генома человека – речь в данном случае ведется о редактировании зародышевой линии или внесения наследуемых изменений в сперматозоиды или яйцеклетки.

Национальный институт здравоохранения США поддержал такой призыв независимо от того, будет ли соблюден мораторий всеми государствами и конкретными учеными: пример ученого из Китая показал, что не всегда соблюдаются правила игры, если речь ведется об установлении первенства того или иного государства в любого рода достижениях. Данный вопрос является широко обсуждаемым исследовательскими сообществами, национальными институтами и международными организациями.

Совершенно очевидно, что необходимо исследование морально-этических аспектов, связанных с биологическим материалом человека, чтобы уже начинать формировать правовые стандарты, которые послужат отправной точкой дальнейшего развития как международно-правовых норм, так и национального законодательства. Границы между применением биологического материала могут размываться и объединяться, но это не должно нарушать принципов использования биологического материала человека.

Для человечества важно, что при продолжении процесса общественного обсуждения морально-этических проблем и формирования правового механизма регулирования данных отношений, проведение научных исследований и применение их результатов на практике идет своим чередом. Но не менее важно сформулировать принципы, которые послужат руководящими началами для построения системы отечественного законодательства, связанного с правовым регулированием всего комплекса общественных отношений по поводу биоматериала человека.

Определяя процесс формирования принципов, важно исходить из следующих общих предпосылок. Приоритетными целями научных исследований должно стать продвижение научного понимания и формирования доказательств для решения стоящих перед медициной задач и удовлетворение публичных потребностей в области здравоохранения. Врачи и ученые-исследователи обязаны соблюдать права и законные интересы пациента и/или предмета (объекта) исследования. Исследователи, врачи и клиники должны проводить исследования с участием человека только при получении информированного согласия. При этом участникам должна быть предоставлена точная информация о всех возможных рисках и научно обоснованных результатах исследований.

В случаях, если отдельные лица не имеют возможности дать информированное согласие, «суррогатное» согласие должно быть получено от законных представителей. Исследователи должны взаимодействовать с различными общественными группами и структурами, реагировать на потребности пациентов в информации, а также передавать научные результаты международным организациям, в целях контроля безопасности, надежности и эффективности возможных применений биологического материала человека.

Полученные результаты исследований и эффективное применение научно доказанных положительных результатов применения биологического материала человека для лечения заболеваний должны распространяться по всему миру, а не только в развитых в данной сфере государствах. Средства должны соответствовать цели – даже если цель законна, это не оправдывает применение непропорциональных средств для ее достижения. Полный запрет не может быть пропорциональной реакцией на потенциальный риск, это тормозит науку. Риск должен оправдывать применение тех или иных новейших достижений.

На основании изложенного можно утверждать, что в основу принципов правового регулирования отношений с биологическим материалом человека должен быть положен безусловный приоритет интересов отдельного человека над интересами общества, науки и государства, обусловленный гуманистическими воззрениями и естественным правом человека в отношении своего тела и его частей. К принципам, в соответствии с которыми должен быть выстроен правовой режим биологического материала человека, следует также отнести: безопасность граждан, окружающей среды и человечества; баланс рисков и выгоды от использования биологического материала человека; добровольность и свободное осознанное информированное согласие; гуманность, запрещение евгенической практики и клонирования человека в целях воспроизводства; уважение человеческого достоинства, в т.ч. и после смерти человека; равнодоступность; сохранение врачебной тайны и иной конфиденциальной информации, право на личную и частную жизнь; прозрачность, пропорциональность средств и целей; интеграция в международные системы и сообщества.

Совершенно очевидно, что законодательство Российской Федерации в рассматриваемой сфере еще не отвечает потребностям современного состояния биомедицины и науки в области биотехнологий. Поэтому необходимо учитывать положительный опыт развитых в этой сфере государств, чтобы формировать национальное законодательство

[32] См.: *Regalado A.* (2018b). EXCLUSIVE: Chinese scientists are creating CRISPR babies. MIT Technology Review. URL: https://www.technologyreview.com/s/612458/exclusive-chinese-scientists-are-creating-crispr-babies/

[33] См.: A case against a moratorium on germline gene editing. 20 March 2019. URL: http://theconverdation.com

и учитывать общемировую тенденцию к унификации норм в области оборота биоматериала и биомедицинских продуктов для пресечения злоупотребления правами, нелегального оборота биологического материала человека.

Заключение. Стремительно развивающиеся биотехнологии, биомедицина и генная инженерия, участившиеся примеры судебных разбирательств по поводу использования различных объектов биологического материала человека делают очевидным необходимость переосмысления видения биоматериала человека в системе объектов гражданских прав. В соответствии с его отдельными свойствами биоматериал человека можно отнести к категории «иное имущество», а также возможно выявить весь объем прав, обязанностей и запретов, возникающих по поводу биологического материала человека, и тем самым определить правовой режим самого объекта.

Под правовым режимом биологического материала человека предлагается понимать комплекс правовых норм и правил, регулирующих участие биологического материала человека в правоотношениях, связанных с его получением, хранением, передачей, утилизацией с соблюдением принципов добровольного информированного согласия и защиты достоинства личности, права на личную и частную жизнь.

Биологический материал человека обладает характеристиками, которые обусловливают его правовой режим в качестве объекта правоотношений. К наиболее значимым из них относятся причина отделения объекта биоматериала (клетки, ткани, органа) от тела человека, произошло ли такое отделение при жизни или после смерти человека, с какой целью было произведено отделение, возможно ли определить принадлежность отделенного биоматериала к конкретному человеку, является ли этот объект биоматериала восполняемым для человека, доступен ли он для обладания другим человеком и т.д.

В целях защиты естественных прав человека правовой режим биологического материала человека должен быть основан на системе гуманистических принципов, единых для всего международного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батюк В.И., Галузо В.Н., Полянко Н.Н.* О соотношении терминов «труп», «тело», «тело умершего» в законодательстве Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 10. С. 143–148.
2. *Галузо В.Н.* Генетика и право в Российской Федерации: междисциплинарный подход // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2019. № 1. С. 35–38.
3. *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 587.
4. Гражданское право: учеб.: в 3 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2000. Т. 1. С. 295.
5. *Кафаров Т.Э., Рамазанов М.Р.* Биоэтика как новое направление в морально-этическом дискурсе современного общества // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 1. С. 6.
6. *Лысенко А.Н.* Имущество в гражданском праве России. М., 2010. С. 56.
7. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 16.
8. *Пестрикова А.А.* Необходимость формирования международно-правового регулирования биомедицинских и клеточных технологий в связи с глобализацией репродуктивной помощи // Евразийский научный журнал. 2019. № 6. С. 54–57.
9. *Пестрикова А.А., Серова О.А.* Принципы биоэтики как основа формирования коммуникационной стратегии в обществе // Генетические технологии и право в период становления биоэкономики / под ред. А.А. Мохова и О.В. Сушковой. М., 2020. С. 119–130.
10. *Полянко Н.И., Галузо В.Н.* Вирусология и право в Российской Федерации: поиск оптимального сочетания // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2020. № 1. С. 21–24.
11. *Полянко Н.И., Галузо В.Н.* Трансплантация в Российской Федерации: pro et contra // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3. С. 89–93.
12. *Попова О.В.* Биотехнологическое конструирование человека: этико-философские проблемы: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2018. С. 6, 7.
13. Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты / под ред. А.В. Малько, И.С. Барзиловой. М., 2012. С. 5–19.
14. *Сморчкова Л.Н.* Вещное право как основание определения правового режима имущества // Научные труды. Вып. 9. Т. 2. М., 2009. С. 771–776.
15. *Сморчкова Л.Н.* Особенности правового режима имущества различных видов образовательных учреждений // Право и образование. 2009. № 7. С. 19–28.
16. *Трофименко А.В.* Проблемы теории нематериальных объектов (гражданско-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 14, 15.
17. *Шевчук С.С.* Личные неимущественные права граждан в сфере медицинских услуг по граждан-

скому законодательству: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2005. С. 7, 8.

18. *Clayton W.*E. Informed consent and biobanks. J Law Med Ethics. 2005; 33 (1):15–21.
19. *Collerman Erin*. My body, his property? Prescribing a framework to determine ownership interest in directly donated human organs // Temple Law Review. 2007 Winter; 80 (4):1203–1228.
20. *Farrugia A., Penrod J., Bult J.M*. Payment, compensation and replacement – the ethics and motivation of blood and plasma donation. Vox Sang. 2010; 99 (3):202–211.
21. *Lunshof J.E*. (2016). Human germ line editing-roles and responsibilities. Protein Cell 7 (1):7–10. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4707153/
22. *O'Mahony B., Turner A*. The Dublin Consensus Statement 2011 on vital issues relating to the collection and provision of blood components and plasma-derived medicinal products. Vox Sang. 2012; 102 (2):140–143.
23. *Price D.A*. Model Legal and Ethical Donation Framework. Cambridge, 2010. Human tissue in transplantation and research.
24. *Regalado A*. (2018b). EXCLUSIVE: Chinese scientists are creating CRISPR babies. MIT Technology Review. URL: https://www.technologyreview.com/s/612458/exclusive-chinese-scientists-are-creating-crispr-babies/
25. *Rosemann A., Balen A., Nerlich B. et al.* (2019). Heritable genome editing in a global context: national and international policy challenges. Hastings Cent Rep 49(3):30–42.
26. *Shaun D. Pattison*. Directed donation and ownership of human organs // Legal studies. Volume 31. Issue 3. September 2011. P. 392–410.
27. The European Group on Ethics in Science and New Technologies. Ethical Aspects of Umbilical Cord Blood Banking.The European Group on Ethics in Science and New Technologies; 2004. Available from: http://ec.europa.eu/bepa/european-group-ethics/docs/avis19_en.pdf
28. *Warwick R.M., Fehily D., Brubaker S.A., Eastlund T.,* editors. Tissue and Cell Donation An Essential Guide. Chichester, 2009.
29. WHO Expert Group. Expert Consensus statement on achieving self-sufficiency in safe blood and blood products based on voluntary non-remunerated blood donations (VNRBD). Vox Sang. 2012. Epub June 13, 2012.

REFERENCES

1. *Batyuk V.I., Galuzo V.N., Polyanko N.N*. On the correlation of the terms "corpse", "body", "body of the deceased" in the legislation of the Russian Federation // Law and the State: theory and practice. 2016. No. 10. P. 143–148 (in Russ.).
2. *Galuzo V.N*. Genetics and Law in the Russian Federation: an interdisciplinary approach // Actual problems of medicine and biology. 2019. No. 1. P. 35–38 (in Russ.).
3. *Gambarov Yu. S*. Civil Law. General part. M., 2003. P. 587 (in Russ.).
4. Civil Law: textbook: in 3 vols. / ed. by E.A. Sukhanov. M., 2000. Vol. 1. P. 295 (in Russ.).
5. *Kafarov T.E., Ramazanov M.R*. Bioethics as a new direction in the moral and ethical discourse of modern society // Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social sciences. 2015. No. 1. P. 6 (in Russ.).
6. *Lysenko A.N*. Property in the Civil Law of Russia. M., 2010. P. 56 (in Russ.).
7. *Matuzov N.I., Mal'ko A.V*. Legal regimes: questions of theory and practice // Jurisprudence. 1996. No. 1. P. 16 (in Russ.).
8. *Pestrikova A.A*. The need for the formation of international legal regulation of biomedical and cellular technologies in connection with the globalization of reproductive care // Eurasian Scientific Journal. 2019. No. 6. P. 54–57 (in Russ.).
9. *Pestrikova A.A., Serova O.A*. Principles of bioethics as a basis for developing a communication strategy in society // Genetic technologies and the right during the formation of the bio-economy / ed. by A.A. Mokhov and A.V. Sushkova. M., 2020. P. 119–130 (in Russ.).
10. *Polyanko N.N., Galuzo V.N*. Virology and law in the Russian Federation: the search for the optimal combination // Actual problems of medicine and biology. 2020. No. 1. P. 21–24 (in Russ.).
11. *Polyanko N.N., Galuzo V.N*. Transplantation in the Russian Federation: pro et contra // Law and the state: theory and practice. 2017. No. 3. P. 89–93 (in Russ.).
12. *Popova O.V*. Biotechnological construction of a person: ethical and philosophical problems: dis. ... Dr. Philos. M., 2018. P. 6, 7 (in Russ.).
13. Legal regimes: general theoretical and branch aspects / ed. by A.V. Mal'ko, I.S. Barzilova. M., 2012. P. 5–19 (in Russ.).
14. *Smorchkova L.N*. Real law as the basis for determining the legal regime of property // Scientific Works. Issue 9. Vol. 2. M., 2009. P. 771–776 (in Russ.).
15. *Smorchkova L.N*. Features of the legal regime of property of various types of educational institutions // Law and education. 2009. No. 7. P. 19–28 (in Russ.).
16. *Trofimenko A.V*. Problems of the theory of intangible objects (civil-legal aspect): dis. ... Doctor of Law. Saratov, 2004. P. 14, 15 (in Russ.).

17. *Shevchuk S.S.* Personal non-property rights of citizens in the field of medical services under civil legislation: dis. ... Doctor of Law. Rostov n/D, 2005. P. 7, 8 (in Russ.).

18. *Clayton W.E.* Informed consent and biobanks. J Law Med Ethics. 2005; 33 (1):15–21.

19. *Collerman Erin*. My body, his property? Prescribing a framework to determine ownership interest in directly donated human organs // Temple Law Review. 2007 Winter; 80 (4):1203–1228.

20. *Farrugia A., Penrod J., Bult J.M.* Payment, compensation and replacement – the ethics and motivation of blood and plasma donation. Vox Sang. 2010; 99 (3):202–211.

21. *Lunshof J.E.* (2016). Human germ line editing-roles and responsibilities. Protein Cell 7 (1):7–10. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4707153/

22. *O'Mahony B., Turner A.* The Dublin Consensus Statement 2011 on vital issues relating to the collection and provision of blood components and plasma-derived medicinal products. Vox Sang. 2012; 102 (2):140–143.

23. *Price D.A.* Model Legal and Ethical Donation Framework. Cambridge, 2010. Human tissue in transplantation and research.

24. *Regalado A.* (2018b). EXCLUSIVE: Chinese scientists are creating CRISPR babies. MIT Technology Review. URL: https://www.technologyreview.com/s/612458/exclusive-chinese-scientists-are-creating-crispr-babies/

25. *Rosemann A., Balen A., Nerlich B. et al.* (2019). Heritable genome editing in a global context: national and international policy challenges. Hastings Cent Rep 49 (3):30–42.

26. *Shaun D. Pattison.* Directed donation and ownership of human organs // Legal studies. Volume 31. Issue 3. September 2011. P. 392–410.

27. The European Group on Ethics in Science and New Technologies. Ethical Aspects of Umbilical Cord Blood Banking.The European Group on Ethics in Science and New Technologies; 2004. Available from: http://ec.europa.eu/bepa/european-group-ethics/docs/avis19_en.pdf

28. *Warwick R.M., Fehily D., Brubaker S.A., Eastlund T., editors*. Tissue and Cell Donation An Essential Guide. Chichester, 2009.

29. WHO Expert Group. Expert Consensus statement on achieving self-sufficiency in safe blood and blood products based on voluntary non-remunerated blood donations (VNRBD). Vox Sang. 2012. Epub June 13, 2012.

Сведения об авторах

ПЕСТРИКОВА Анастасия Александровна –
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета; 445020 Самарская обл., г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14

СМОРЧКОВА Лариса Николаевна –
доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

PESTRIKOVA Anastasia A. –
PhD in Law, associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Togliatti state University; 14 Belorusskaya str., 445020 Togliatti, Samara Region, Russia

SMORCHKOVA Larisa N. –
Doctor of Law, associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 183–191
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 183–191

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 341.9

О ПОДХОДАХ К ОСМЫСЛЕНИЮ АВТОНОМИИ ВОЛИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

© 2021 г. Т. В. Новикова

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар

E-mail: tnovikova@inbox.ru

Поступила в редакцию 16.03.2020 г.

Аннотация. Анализируется многообразие подходов к осмыслению автономии воли в международном частном праве, в т.ч. коллизионно-правовой и материально-правовой, а также воззрения на автономию воли как на производное свободы договора, самостоятельную частноправовую сделку, особый метод регулирования частноправовых отношений международного характера и результат способности права находиться в обратной связи с общественными отношениями. Подвергая критике каждый из указанных подходов в отдельности, но признавая, что некоторые из них позволяют высветить значимые черты автономии воли в международном частном праве, автор предлагает произвести условную сепарацию двух этапов (и форм) ее существования (и реализации): на первом этапе – в форме материально-правовой нормы, управомочивающей в определенных случаях и в строго очерченных пределах стороны частноправового отношения с иностранным элементом на выбор применимого права; на втором этапе – в форме квазинормы коллизионного характера, непосредственно установленной соглашением сторон для определения применимого права.

Ключевые слова: автономия воли, принцип автономии воли, выбор применимого права, соглашение о применимом праве, коллизионное право, коллизионная норма, управомочивающая норма, метод международного частного права, свобода договора, сделка.

Цитирование: *Новикова Т.В.* О подходах к осмыслению автономии воли в международном частном праве // Государство и право. 2021. № 6. С. 183–191.

DOI: 10.31857/S102694520015045-0

ABOUT APPROACHES TO UNDERSTANDING AUTONOMY OF THE WILL IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

© 2021 T. V. Novikova

North Caucasus branch of the Russian State University of justice, Krasnodar

E-mail: tnovikova@inbox.ru

Received 16.03.2020

Abstract. The article analyzes a variety of approaches to understanding the autonomy of the will in Private International Law, including conflict of laws and substantive law, as well as views on the autonomy of the will as a derivative of freedom of contract, an independent private law transaction, a special method of regulating private law relations of an international nature and the result of the ability of law to be in feedback with public relations. Criticizing each of these approaches separately, but recognizing that some of them allow us to highlight the significant features of the autonomy of the will in Private International Law, the author proposes to make a conditional separation of the two stages (and forms) of its existence (and implementation): at the first stage – in the form of a substantive rule that authorizes, in certain cases and within strictly defined limits, the parties to a private law relationship with a foreign element to choose the applicable law; at the second stage – in the form of a quasi-norm of a conflict of laws nature, directly established by the agreement of the parties to determine the applicable law.

Key words: autonomy of the will, the principle of autonomy of the will, choice of applicable law, agreement on applicable law, conflict of laws, conflict of laws rule, governing rule, method of Private International Law, freedom of contract, transaction.

For citation: *Novikova, T.V. (2021).* About approaches to understanding autonomy of the will in Private International Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 183–191.

Характеризуя автономию воли в международном частном праве, нельзя не обратиться к ее правовой природе. Вместе с тем даже беглый обзор всей палитры воззрений на автономию воли в сфере частноправовых отношений международного характера способен составить самостоятельное исследование[1]. В этой связи приоритетной задачей настоящей статьи является изложение авторского видения юридической конструкции автономии воли в международном частном праве, сопровождаемое при необходимости отсылками к наиболее значимым концепциям в исследуемой области.

В осмыслении современной конструкции автономии воли как возможности сторон частноправового отношения международного характера избрать применимое материальное право необходимо выделить две значимые противостоящие концепции: коллизионно-правовую и материально-правовую. Среди отечественных ученых известными представителями первой концепции являются Л.А. Лунц и В.Л. Толстых. Так, Л.А. Лунц, оспаривая квалификацию автономии воли в качестве источника коллизионного права, подчеркивает, что «она санкционируется государством в качестве одного из коллизионных принципов»[2]. В более поздней работе ученый уточняет: «Автономия воли является... одной из коллизионных норм или одним из коллизионных институтов права, установленных внутренним правопорядком государства или его международными соглашениями»[3]. В свою очередь, В.Л. Толстых, высказываясь непосредственно о природе автономии воли в международном частном праве, прямо заявляет: «Институт автономии воли – это институт коллизионного регулирования»[4].

Напротив, С.В. Третьяков выступает ярким адептом материально-правовой концепции и отстаивает тезис, в соответствии с которым «автономия воли обладает правонаделительным характером, что не совместимо с выражающей коллизионный метод “классификационной” функцией»[5]. В качестве наиболее перспективной оценивает материально-правовую теорию автономии воли А.В. Асосков[6].

Вместе с тем в отечественной юридической литературе присутствует и своего рода «комбинированная» позиция по вопросу о правовой природе автономии воли. Так, Н.В. Тригубович заявляет, что «специфику автономии воли как особого самостоятельного института международного частного права» определяет «сочетание договорного и коллизионного начал»[7]. Такой же точки зрения придерживаются О.Ю. Малкин[8] и Е.Л. Симатова[9]. При этом «договорный» элемент ученые усматривают преимущественно в существовании соглашения сторон, а «коллизионный» – в нацеленности этого соглашения на выбор применимого материального права[10].

Поддерживая в целом точку зрения О.Ю. Малкина по вопросу о правовой природе автономии воли, Е.Л. Симатова также высказывается в более общем ключе о том, что исследуемый правовой институт сочетает «в себе многие специфические элементы, присущие как самому международному частному праву, так и объекту его регулирования в аспекте юридической взаимосвязи не только с законодательством разных стран, но и с международным взаимодействием национальных правовых систем между собой»[11] (последнее – вероятно, под влиянием оригинальной концепции А.А. Рубанова).

---

[1] Показательной в этом плане является диссертация С.В. Третьякова (см.: *Третьяков С.В.* Юридическая природа автономии воли в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003).

[2] *Лунц Л.А.* Международное частное право: учеб. М., 1949. С. 213.

[3] *Лунц Л.А.* Курс международного частного права. Общая часть. М., 1959. С. 178.

[4] *Толстых В.Л.* Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб., 2004. С. 63.

[5] *Третьяков С.В.* Указ. соч. С. 8.

[6] См.: *Асосков А.В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. М., 2013.

[7] *Тригубович Н.В.* Автономия воли в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 9.

[8] См.: *Малкин О.Ю.* Автономия воли во внешнеэкономических сделках: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 19; *Его же.* Правовое регулирование выбора права сторонами договора. М., 2008. С. 17.

[9] См.: *Симатова Е.Л.* Автономия воли в российском международном частном праве: история, современность, перспективы // Наука сегодня: теория, практика, инновации / под ред. О.П. Чигишевой. Ростов н/Д., 2013. С. 165.

[10] См.: *Малкин О.Ю.* Автономия воли во внешнеэкономических сделках: дис. ... канд. юрид. наук. С. 19; *Его же.* Правовое регулирование выбора права сторонами договора. С. 17; *Тригубович Н.В.* Указ. соч. С. 9.

[11] *Симатова Е.Л.* Указ. соч. С. 165, 166.

В целом согласимся с тем, что осмысление правовой природы автономии воли в международном частном праве требует комплексного подхода. Так, В.Л. Толстых, хотя и придерживается, по существу, необоснованно узкого коллизионного подхода, в общем ключе делает справедливое замечание о том, что различные точки зрения на автономию воли отражают взгляды на разные стороны данного института. При этом ученый сравнивает попытки противопоставить различные воззрения на автономию воли в международном частном праве с легендой о том, «как три слепца описывали слона»[12].

Вместе с тем, осуществляя комплексный анализ *явления* автономии воли в международном частном праве, предлагаем провести условную сепарацию двух различных этапов (и форм) ее существования (и реализации): на первом этапе – в форме материально-правовой нормы, управомочивающей в определенных случаях и в строго очерченных пределах стороны частноправового отношения с иностранным элементом на выбор применимого права; на втором этапе – в форме квазинормы коллизионного характера, непосредственно установленной соглашением сторон для определения применимого права.

Следовательно, на первом этапе автономия воли – в узком смысле слова – как принцип международного частного права представляет собой управомочивающую материально-правовую норму *lex fori*, а точнее, совокупность таких норм, устанавливающих объем возможностей сторон в связи с выбором применимого права (выбор права третьего государства, последующий выбор, депесаж и др.) и в то же время – перечень частноправовых отношений международного характера, в которых выбор применимого права допускается. Полагаем, что данные нормы являются исключительно материально-правовыми по своей природе, т.к. сами по себе они ни в коей мере не способны реализовать коллизионно-правовой метод регулирования и определить право, применимое к каким бы то ни было отношениям.

В этой части мы, безусловно, поддерживаем адептов материально-правовой концепции автономии воли. Более того, считаем важным обратить особое внимание на выдвинутый А.В. Асосковым в ее поддержку аргумент, в соответствии с которым «использование материально-правовой теории автономии воли освобождает этот институт от догматических “оков”, позволяет в дальнейшем осуществить анализ конкретных его проявлений и выбрать наиболее эффективные законодательные решения»[13]. Убеждены, что обозначенная логика справедлива не только на перспективу, но и всецело подтверждается алгоритмом становления принципа автономии воли в международном частном праве, который сложился на уровне как международных норм (норм международных договоров и норм рекомендательного характера), так и норм национального законодательства (в т.ч. в Российской Федерации).

Так, конкретный исторический период в деятельности Гаагской конференции по международному частному праву показывает, что позиция международного сообщества по вопросу об автономии воли существенно прогрессировала уже от Гаагской конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 г. к Гаагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, 1986 г. и еще более значительно – к документу рекомендательного характера – Гаагским принципам, касающимся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г.

Гаагская конвенция 1955 г.– первый универсальный международный договор, провозгласивший автономию воли сторон договорных правоотношений. При этом ст. 1 данной Конвенции признает выбор, во-первых, исключительно внутреннего права государства (но, например, не норм *lex mercatoria*); во-вторых, прямо выраженный или недвусмысленно вытекающий из положений договора (но не всей совокупности обстоятельств дела)[14]. Гаагская конвенция 1986 г., хотя и устраняется от прямого решения ряда значимых для реализации автономии воли вопросов, тем не менее в ст. 7, во-первых, признает выбор права (но не внутреннего права государства); во-вторых, признает выбор явно выраженный или прямо вытекающий «из условий договора и поведения сторон, рассматриваемых в их совокупности» (но не исключительно из условий договора); в-третьих, фактически легализует депесаж, признавая выбор, ограниченный «частью договора»; в-четвертых, содержит развернутую регламентацию последующего выбора права[15].

Принципы 2015 г. – первый в истории Гаагской конференции по международному частном праву

[12] *Толстых В.Л.* Указ. соч. С. 63.

[13] *Асосков А.В.* Указ. соч.

[14] См.: Конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров от 15 июня 1955 г. (г. Гаага) // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Нью-Йорк, 1971. Т. 1.

[15] См.: Конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, от 22 декабря 1986 г. (г. Гаага) // *Розенберг М.Г.* Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. М., 1996. С. 209–220.

юридически необязательный документ[16]. Отсутствие необходимости согласования позиций делегатов в отношении будущего юридически обязательного инструмента выступило одним из факторов, позволивших разработчикам сформулировать прогрессивные и либеральные положения в анализируемой области. В частности, Принципы 2015 г. санкционируют депесаж (п. 2 ст. 2); последующий выбор (п. 3 ст. 2); выбор несвязанного права (п. 4 ст. 2); выбор вненациональных источников (если *lex fori* это не запрещает – ст. 3); прямо выраженный и подразумеваемый выбор (ст. 4) и др.[17]

В свою очередь, отечественное законодательство о международном частном праве – только за период существования Российской Федерации – продемонстрировало значительное расширение автономии воли с точки зрения как объема прямо предоставленных сторонам возможностей, так и перечня отношений, для которых сторонам дозволяется избирать применимое право. За весьма короткий исторический период законодательство Российской Федерации об автономии воли в международном частном праве превратилось в многоуровневую развернутую систему положений, в которой общие правила ст. 1210 ГК РФ признают последующий выбор, подразумеваемые соглашения, депесаж и др. и в совокупности со специальными предписаниями п. 3 ст. 1206 и ст. 1223[1] ГК РФ обеспечивают реализацию автономии воли в сфере вещных прав на движимое имущество, договорных, а также внедоговорных правоотношений международного характера[18]. Оперируя метким высказыванием С.В. Третьякова, укажем, что современная конструкция автономии воли в сфере международного частного права – «это уже факт в социальном смысле этого слова, который нельзя отменить рассуждениями о его “неправильности”»[19].

Более того, считаем, что в основе продвижения принципа автономии воли в международном частном праве лежит идея о том, что выбор сторон во всех случаях предпочтительнее выбора суда. Как отмечает С.В. Третьяков, формула прикрепления коллизионной нормы нацелена на определение «не материально лучшей, а пространственно лучшей» нормы, в то время как выбор самих субъектов международного коммерческого оборота позволяет при определении сферы применения норм в пространстве учесть материально-правовые интересы[20]. Исходя именно из такой идеи, на уровне положений закона и, соответствующим образом, в правоприменительной практике признаются и подразумеваемые соглашения, и последующий выбор, и депесаж.

Столь либеральный стандарт реализации автономии воли субъектами частноправовых отношений международного характера, диктуемый отнюдь не догматическими «оковами», а сугубо практическими соображениями, позволяет заключить, что цель анализируемого принципа выходит далеко за рамки преодоления коллизии и упрощения задачи суда по выбору применимого права. Полагаем, что существование принципа автономии воли в международном частном праве и вектор его развития определяются практической необходимостью обеспечения максимально предсказуемого и подходящего сторонам правового регулирования, а в конечном итоге – даже целью стимулирования международного экономического оборота.

На втором этапе реализации автономии воли в сфере международного частного права речь идет уже не об управомочивающих нормах объективного права, а о заключенном на основании таких норм соглашении сторон частноправового отношения с иностранным элементом. В конкретном соглашении сторон устанавливается квазинорма коллизионного характера, и именно она выполняет коллизионную функцию определения применимого права. Мы не именуем такую квазинорму непосредственно коллизионной нормой, так как последние традиционно устанавливаются государством в национальном законодательстве или международных договорах. Однако их целевое назначение, структура, а также виды, по сути, идентичны.

Нельзя не отметить, что известный сторонник коллизионно-правовой концепции автономии воли В.Л. Толстых усматривает подтверждение своей позиции именно в коллизионных свойствах выбора права, а соглашение о выборе права автор рассматривает как привязку коллизионной нормы[21]. Мы же считаем, что соглашение о применимом праве фиксирует не только привязку (указание на право, которым надлежит регулировать отношение), но и объем (указание на то, для каких отношений стороны избрали право). Последнее особенно актуально в связи с легализацией депесажа, позволяющего

[16] См.: Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts (Hague: The Hague Conference on Private International Law Permanent Bureau, 2015). URL: https://assets.hcch.net/docs/5da3ed47-f54d-4c43-aaef-5eafc7c1f2a1.pdf last; visited on 14 March 2020 at 7–8, 24.

[17] См.: Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах, Записка Секретариата к Сорок восьмой сессии Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (Вена, 29 июня – 16 июля 2015 г.) от 15 апреля 2015 г. A/CN.9/847 – Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf (дата обращения: 14.03.2020).

[18] См.: СЗ РФ. 2001. № 49, ст. 4552.

[19] *Третьяков С.В.* Указ. соч. С. 30, 31.

[20] См.: там же. С. 72, 73.

[21] См.: *Толстых В.Л.* Указ. соч. С. 63, 64.

сторонам избрать право «как для договора в целом, так и для отдельных его частей» (п. 4 ст. 1210 ГК РФ). Однако и в отсутствие депесажа обычная формулировка соглашения о применимом праве включает и объем, и привязку, поскольку в большинстве случаев излагается по следующему образцу: «К правоотношениям, возникающим из настоящего договора или в связи с ним, будет применяться право... [определенного государства]».

Даже в тех случаях, когда соглашение сторон не выражено прямо, а определенно вытекает «из условий договора либо совокупности обстоятельств дела», полагаем, что выявление судом или арбитражем в подразумеваемом соглашении сторон не только привязки (избранного права), но и объема (правоотношений, для которых избрано право) есть необходимое условие реализации такого соглашения, ибо иное – применение избранного права к неопределенным правоотношениям – представляется по меньшей мере странным.

Наконец, обращаясь к видам установленных соглашением сторон квазинорм коллизионного характера, отметим, что, хотя в подавляющем большинстве случаев они являются односторонними – прямо именующими право избранного государства (право Российской Федерации, право Французской Республики и т.п.)[22], современная правоприменительная практика успешно реализует и их двусторонние аналоги. Показательными в этой связи выступают соглашения о выборе права истца или ответчика, заключенные в тот момент, когда спор между сторонами еще не возник (и, следовательно, конкретное применимое право еще не известно). Допустимость подобного рода условных (альтернативных) соглашений прямо признается в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»[23].

Следует также отметить, что в юриспруденции выработаны и иные неординарные теории автономии воли в сфере международного частного права. Не ставя цели охватить все до единой, считаем необходимым кратко затронуть четыре из них. Первая есть своего рода разновидность материально-правовой концепции автономии воли и выводит анализируемый институт из принципа свободы договора, присущего национальному гражданскому праву. Ее ярким представитель – М.М. Богуславский. Так, ученый пишет: «Автономия состоит в том, что стороны имеют право устанавливать по своему усмотрению условия и содержание договора»[24]. Соответственно, одним из таких условий, свободно устанавливаемым сторонами наряду с договоренностями о наименовании и количестве товара, его цене и т.п., выступает условие о выборе применимого права.

Е.М. Кондратьева рассматривает автономию воли как структурный элемент свободы договора и указывает, что последняя «кроме права сторон свободно вступать во внешнеэкономический договор, самостоятельно определять его предмет и условия, *включает также право сторон внешнеэкономического договора определять подлежащее применению право*»[25].

А.Г. Филиппов комбинирует эту теорию с коллизионно-правовой концепцией, рассматривая автономию воли как сочетание коллизионного начала «(по назначению) и принципа свободы договора (по способу реализации)»[26], а Е.И. Антонова – с оригинальной концепцией А.А. Рубанова, заявляя, что автономия воли, во-первых, является «проявлением свободы договора», во-вторых, «отражает взаимодействие национальных правовых систем»[27].

Мы принципиально не согласны с данной трактовкой на том основании, что автономия воли в международном частном праве позволяет сторонам избрать материальное право (включая гражданское право и все установленные в нем принципы), которое будет регулировать их правоотношения. Автономия воли действует на том этапе, когда применимое право еще только определяется и ни о каких принципах материального права не идет речи. Она составляет предпосылку возможного применения уже в последующем того принципа свободы договора, который установлен избранным правом определенного государства. Несмотря на то что условие о выборе права зачастую включается в текст договора (хотя оно может иметь форму отдельного соглашения и даже вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела), оно не должно ставиться в один ряд с условиями о наименовании и количестве товара, цене и т.п.

---

[22] Напротив, ординарные коллизионные нормы в большинстве случаев формулируются как двусторонние – устанавливающие общее правило, в котором применимое право зависит от определенных фактических обстоятельств: места нахождения вещи (п. 1 ст. 1206 ГК РФ), места причинения вреда (п. 1 ст. 1219 ГК РФ) и др.

[23] См.: Росс. газ. 2019. 17 июля.

[24] Правовое регулирование внешней торговли СССР / под ред. Д.М. Генкина. М., 1961. С. 480 (автор главы XXV – М.М. Богуславский).

[25] *Кондратьева Е.М.* Свобода договора и «автономия воли сторон» как гарантии осуществления конституционных прав российских участников внешнеэкономической деятельности в международном частном праве // Вестник НУ им. Н.И. Лобаческого. Сер.: Право. 2003. № 1. С. 36.

[26] *Филиппов А.Г.* Некоторые аспекты автономии воли в российском международном частном праве // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. М., 1998. С. 439.

[27] *Антонова Е.И.* Договорные обязательства с участием иностранных субъектов: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 9.

Убеждены, что именно выбор сторонами применимого материального права на основании принципа автономии воли выступает предпосылкой применения гражданского права определенного государства (в т.ч. установленного в нем принципа свободы договора), но никак не наоборот.

Вторая заслуживающая внимания теория автономии воли также связана с ее материально-правовой концепцией, однако отличается тем, что рассматривает соглашение о выборе права как «самостоятельную частноправовую сделку, регулируемую нормами международного частного права»[28]. Значимым следствием изложенной теоретической посылки выступает то, что, будучи совершенным «относительно частноправовой сделки, осложненной иностранным элементом», соглашение о выборе права «“следует” форме данной сделки»[29].

Мы не согласны ни с указанной теоретической посылкой, ни, тем более, с ее следствием. Во-первых, с нашей точки зрения, соглашение о применимом праве составляет явление *sui generis*. Бесспорно, оно является соглашением сторон. Однако оно не может рассматриваться в качестве ординарной гражданско-правовой сделки в том смысле, какой ей придает ст. 153 ГК РФ, т.к. оно не направлено непосредственно на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей[30]. Предмет соглашения о применимом праве имеет особый характер и состоит в избрании правопорядка, который будет определять правовой режим возникших в силу сделки гражданских прав и обязанностей.

Во-вторых, тезис о том, что форма соглашения о применимом праве «следует» форме той сделки, для которой данное право избирается, прямо противоречит законодательству, а именно п. 2 ст. 1210 ГК РФ, который допускает как прямо выраженные соглашения о применимом праве, так и определенно вытекающие из условий договора либо совокупности обстоятельств дела. Неуместным данный тезис будет в случае применения его к автономии воли в целом и, соответственно, распространения на обязательства из причинения вреда или неосновательного обогащения, в коих попросту отсутствует форма, которой соглашение о применимом праве могло бы «следовать».

Третья заслуживающая внимания теория автономии воли также в некоторой степени связана с ее материально-правовой концепцией. В частности, С.В. Третьяков, выступающий известным адептом материально-правовой концепции автономии воли, отмечает, что ее юридическая конструкция обеспечивает «перенесение основной регулятивной нагрузки на инициативные действия субъектов» и формулирует следующий вывод: «Представляется возможным говорить об институте автономии воли как об особом способе правового регулирования общественных отношений, осложненным иностранным элементом»[31].

Известные представители изложенного подхода Г.Г. Иванов и А.Л. Маковский рассматривают автономию воли как «особый метод регулирования имущественных, прежде всего договорных, отношений с иностранным элементом»[32]. Более того, ученые отмечают, что, в отличие от коллизионного метода, направленного на разрешение коллизии, «наделение участников правоотношения возможностью избрать применимый к этому отношению закон преследует цель предотвратить... коллизии»[33].

Соглашаясь с учеными в том, что автономия воли и допускаемый в силу нее выбор применимого права сторонами частноправового отношения с иностранным элементом, конечно же, предпочтительнее нежели разрешение соответствующей коллизии судом, укажем следующее. Во-первых, полагаем, что в данном случае речь не идет ни о какой регулятивной деятельности сторон – они не создают правовые регуляторы, а лишь выбирают применимое право – такое, каким оно создано определенным государством или в другом признаваемом порядке. Даже в случае избрания сторонами определенных норм *lex mercatoria* последние также не создаются непосредственно сторонами правоотношения, но имеют собственный весьма особенный механизм формирования. Если и возможно в этом отношении говорить о какой-то «регулятивной нагрузке на инициативные действия субъектов»[34], то данная нагрузка будет носить исключительно коллизионную природу, связанную с формулировкой квазинормы коллизионного характера, фиксирующей или позволяющей установить сделанный сторонами выбор материального права.

Во-вторых, хотя при реализации автономии воли действительно наблюдается существенная специфика, связанная с тем, что выбор сторон противопоставляется в этом случае выбору суда, в обоих случаях речь идет именно о *выборе* применимого материального права. В силу этого считаем, что и в случае определения судом применимого

[28] *Покровская А.Б.* Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 124.

[29] Там же.

[30] См.: СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

[31] *Третьяков С.В.* Указ. соч. С. 8, 9.

[32] *Иванов Г.Г., Маковский А.Л.* Международное частное морское право. Л., 1984. С. 26.

[33] Там же.

[34] *Третьяков С.В.* Указ. соч. С. 8.

права на основании коллизионной нормы *lex fori*, и в случае применения судом права, избранного сторонами посредством согласования квазинормы коллизионного характера, воздействие международного частного права на соответствующие общественные отношения осуществляется за счет коллизионного метода. Мы стоим на традиционной позиции деления методов международного частного права на коллизионный и материально-правовой[35], не поддерживая ни генерирования единого метода «преодоления коллизии»[36], ни необоснованного выделения особых специальных методов «регулирования» частноправовых отношений с иностранным элементом (в числе которых и метод автономии воли).

Наконец, четвертую оригинальную концепцию А.А. Рубанова, согласно которой «теоретической основной автономии воли служит присущая праву способность находиться в обратной связи с общественными отношениями»[37], мы только упомянем, поскольку по меньшей мере два из трех ее главных постулатов, диктуемых закономерностями международного взаимодействия национальных правовых систем, ныне не применимы. Согласно первому постулату допускается исключительно выбор права определенного государства, поскольку «лишь оно выражает объективные закономерности общественного развития и представляет собой компонент иностранной политико-юридической надстройки»[38]. Напротив, все больше наблюдается тенденция к легализации выбора сторонами норм *lex mercatoria* – как на уровне международных документов рекомендательного характера (например, Гаагские принципы 2015 г. санкционируют выбор вненациональных источников, если *lex fori* это не запрещает – ст. 3), так и – в определенных пределах – в судебной практике Российской Федерации (в частности, Верховный Суд РФ в разъяснениях к ст. 1210 ГК РФ подтвердил право сторон «выбрать документы, содержащие правила, рекомендованные участникам оборота международными организациями или объединениями государств» – п. 32 Постановления).

В соответствии со вторым постулатом концепции А.А. Рубанова не допускается т.н. «юридическая биотехнология»[39], т.е. депесаж (фр. *dépeçage* – расщепление) – избрание различного применимого права для различных частей сложившихся между сторонами правоотношений. Напротив, депесаж широко признается в международных документах различного характера. Например, ст. 7 Гаагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, 1986 г. хотя и не санкционировала прямо выбор самими сторонами различного применимого права для различных частей договора, тем не менее установила, что выбор сторон «может ограничиваться частью договора». Пояснительный отчет к Конвенции разъясняет, что в тот период имелся консенсус относительно того, что текст Конвенции прямо не запрещает депесаж, следовательно, стороны могут выбрать разное право для регулирования договора[40]. В свою очередь, Гаагские принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г. прямо провозглашают, что стороны могут выбрать как «право, применимое ко всему договору или только к его части», так и «разное право для применения к разным частям договора» (п. 2 ст. 2). Более того, депесаж прямо санкционируется в законодательстве Российской Федерации о международном частном праве. В частности, п. 4 ст. 1210 ГК РФ устанавливает, что стороны могут выбрать право как для договора в целом, так и для отдельных его частей.

Оценивая в целом те возможности сторон по выбору применимого права, которые представлялись неприемлемыми в теоретической разработке отечественного правоведа всего лишь в 80-х годах прошлого века и которые являются все более признаваемыми или прямо санкционированными (в числе которых выбор норм *lex mercatoria* и депесаж), укажем, что столь стремительное развитие автономии воли в международном частном праве наглядно демонстрирует, что упрамочивающие нормы в данной области развиваются в целях удовлетворения интересов участников международного гражданского оборота, связанных с обеспечением максимально предсказуемого и подходящего для них правового регулирования.

* * *

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо заключить, что в отечественной науке наблюдается многообразие подходов к осмыслению автономии воли в международном частном праве, в числе которых коллизионно-правовой и материально-правовой подходы, а также воззрения на автономию

[35] См. подр.: *Новикова Т.В.* Коллизионный и материально-правовой методы международного частного права: соотношение и взаимодействие // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 32. С. 153–163.

[36] См., напр.: *Звеков В.П.* К вопросу о соотношении материально-правового и коллизионного способов регулирования в международном частном праве // Сов. ежегодник международного права. 1973. М., 1975. С. 289; Международное частное право: учеб. / под ред. Г.К. Дмитриевой. М., 2016. С. 15.

[37] *Рубанов А.А.* «Автономия воли» в международном частном праве как теоретическая проблема // Сов. ежегодник международного права. 1986. М., 1987. С. 217.

[38] Там же. С. 218.

[39] Там же.

[40] См.: Convention on the Law applicable to Contracts for the International Sale of Goods, Explanatory Report by Arthur Taylor von Mehren, ed. by the Permanent Bureau of the Conference (1987) at 27.

воли как на производное принципа свободы договора, самостоятельную частноправовую сделку, особый метод регулирования частноправовых отношений международного характера и результат способности права «находиться в обратной связи с общественными отношениями»[41]. Не соглашаясь с указанными воззрениями, однако признавая, что отдельные из них (прежде всего материально-правовой и коллизионно-правовой подходы) позволяют высветить значимые черты автономии воли в международном частном праве, предлагаем провести условную сепарацию двух различных этапов (и форм) ее существования (и реализации). На первом этапе автономия воли существует в форме материально-правовой нормы, управомочивающей в определенных случаях и в строго очерченных пределах стороны частноправового отношения с иностранным элементом на выбор применимого права (для осмысления автономии воли как управомочивающей нормы *lex fori* центральное значение имеет материально-правовая концепция). На втором этапе во исполнение управомочивающей нормы об автономии воли стороны конкретного частноправового отношения с иностранным элементом создают квазинорму коллизионного характера в форме достигнутого ими соглашения о применимом праве (для осмысления автономии воли на данном этапе – в рамках реализации соглашением о применимом праве коллизионной функции – центральное значение имеет коллизионно-правовая концепция).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антонова Е.И.* Договорные обязательства с участием иностранных субъектов: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 9.
2. *Асосков А.В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. М., 2013.
3. *Звеков В.П.* К вопросу о соотношении материально-правового и коллизионного способов регулирования в международном частном праве // Сов. ежегодник международного права. 1973. М., 1975. С. 289.
4. *Иванов Г.Г., Маковский А.Л.* Международное частное морское право. Л., 1984. С. 26.
5. Конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, от 22 декабря 1986 г. (г. Гаага) // *Розенберг М.Г.* Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. М., 1996. С. 209–220.
6. *Кондратьева Е.М.* Свобода договора и «автономия воли сторон» как гарантии осуществления конституционных прав российских участников внешнеэкономической деятельности в международном частном праве // Вестник НУ им. Н.И. Лобаческого. Сер.: Право. 2003. № 1. С. 36.
7. *Лунц Л.А.* Курс международного частного права. Общая часть. М., 1959. С. 178.
8. *Лунц Л.А.* Международное частное право: учеб. М., 1949. С. 213.
9. *Малкин О.Ю.* Автономия воли во внешнеэкономических сделках: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 19.
10. *Малкин О.Ю.* Правовое регулирование выбора права сторонами договора. М., 2008. С. 17.
11. Международное частное право: учеб. / под ред. Г.К. Дмитриевой. М., 2016. С. 15.
12. *Новикова Т.В.* Коллизионный и материально-правовой методы международного частного права: соотношение и взаимодействие // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 32. С. 153–163.
13. *Покровская А.Б.* Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 124.
14. Правовое регулирование внешней торговли СССР / под ред. Д.М. Генкина. М., 1961. С. 480 (автор главы XXV – М.М. Богуславский).
15. *Рубанов А.А.* «Автономия воли» в международном частном праве как теоретическая проблема // Сов. ежегодник международного права. 1986. М., 1987. С. 217, 218.
16. *Симатова Е.Л.* Автономия воли в российском международном частном праве: история, современность, перспективы // Наука сегодня: теория, практика, инновации / под ред. О.П. Чигишевой. Ростов н/Д., 2013. С. 165, 166.
17. *Толстых В.Л.* Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб., 2004. С. 63, 64.
18. *Третьяков С.В.* Юридическая природа автономии воли в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 8, 9, 30, 31, 72, 73.
19. *Тригубович Н.В.* Автономия воли в международном частном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 9.
20. *Филиппов А.Г.* Некоторые аспекты автономии воли в российском международном частном праве // Актуальные вопросы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. М., 1998. С. 439.

REFERENCES

1. *Antonova E.I.* Contractual obligations with the participation of foreign entities: dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2002. P. 9 (in Russ.).

[41] *Рубанов А.А.* Указ. соч. С. 217.

2. *Asoskov A.V.* Conflict regulation of contractual obligations. M., 2013 (in Russ.).
3. *Zvekov V.P.* On the question of the correlation of material-legal and conflict-of-law methods of regulation in Private International Law. 1973. M., 1975. P. 289 (in Russ.).
4. *Ivanov G.G., Makovsky A.L.* International Private Maritime Law. L., 1984. P. 26 (in Russ.).
5. Convention on the Law applicable to contracts for the International Sale of Goods, dated December 22, 1986 (The Hague) // *Rosenberg M.G.* Contract of international sale. Modern practice of incarceration. Resolution of disputes. M., 1996. P. 209–220 (in Russ.).
6. *Kondratieva E.M.* Freedom of contract and "autonomy of the will of the parties" as guarantees of the implementation of the constitutional rights of Russian participants in foreign economic activity in Private International Law // Herald of Lobachesky NU. Ser.: Law. 2003. No. 1. P. 36 (in Russ.).
7. *Lunts L.A.* Course of Private International Law. General part. M., 1959. P. 178 (in Russ.).
8. *Lunts L.A.* Private International Law: textbook. M., 1949. P. 213 (in Russ.).
9. *Malkin O. Yu.* Autonomy of the will in foreign economic transactions: dis. ... PhD in Law. M., 2005. P. 19 (in Russ.).
10. *Malkin O. Yu.* Legal regulation of the choice of law by the parties to the contract. M., 2008. P. 17 (in Russ.).
11. Private International Law: textbook / ed. by G.K. Dmitrieva. M., 2016. P. 15 (in Russ.).
12. *Novikova T.V.* Conflict of laws and material-legal methods of Private International Law: correlation and interaction // Herald of the Tomsk state University. Law. 2019. No. 32. P. 153–163 (in Russ.).
13. *Pokrovskaya A.B.* Agreement on the law applicable to private law relations complicated by a foreign element: dis. ... PhD in Law. M., 2006. P. 124 (in Russ.).
14. Legal regulation of foreign trade of the USSR / ed. by D.M. Genkin. M., 1961. P. 480 (author of chapter XXV – M.M. Boguslavsky) (in Russ.).
15. *Rubanov A.A.* "Autonomy of the will" in Private International Law as a theoretical problem. 1986. M., 1987. P. 217, 218 (in Russ.).
16. *Simatova E.L.* Autonomy of will in Russian Private International Law: history, modernity, prospects // Science today: theory, practice, innovation / ed. by O.P. Chigisheva. Rostov n/D., 2013. P. 165, 166 (in Russ.).
17. *Tolstykh V.L.* Private International Law: conflict of laws regulation. SPb., 2004. P. 63, 64 (in Russ.).
18. *Tretyakov S.V.* The legal nature of the autonomy of the will in Private International Law: dis. ... PhD in Law. M., 2003. P. 8, 9, 30, 31, 72, 73 (in Russ.).
19. *Trigubovich N.V.* Autonomy of the will in Private International Law: dis. ... PhD in Law. Saratov, 1999. P. 9 (in Russ.).
20. *Filippov A.G.* Some aspects of the autonomy of the will in the Russian Private International Law // Actual issues of Civil Law / ed. by M.I. Braginsky. M., 1998. P. 439 (in Russ.).

Сведения об авторе

НОВИКОВА Татьяна Васильевна –
кандидат юридических наук, доцент, декан факультета подготовки специалистов для судебной системы юридического факультета Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия;
350002 г. Краснодар,
ул. им. Леваневского, д. 187/1

Authors' information

NOVIKOVA Tatyana V. –
PhD in Law, associate Professor, Dean of the Faculty of training specialists for the judicial system of the Faculty of Law of the North Caucasus branch of the Russian state University of justice;
187/1 Levanevskogo str.,
350002 Krasnodar, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 192–198
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 192–198

ЗА РУБЕЖОМ

МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ И ИХ КОМИТЕТЫ В МУНИЦИПАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

© 2021 г. А. И. Черкасов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: aligorch@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.01.2021 г.

Аннотация. В статье исследована роль местных советов и их комитетов в муниципальной системе европейских государств. Отмечается, что местные советы функционируют немного в иных условиях, чем несколько десятилетий назад. Традиционные основы либеральной представительной демократии, опирающиеся на выборы и политические партии, все больше размываются и дополняются каналами непосредственного влияния граждан на разработку и осуществление местной политики. Анализируются формы деятельности муниципальных советов, а также меры, направленные на активизацию муниципальных советов, повышение информированности граждан об их деятельности, вовлечение населения в решение вопросов местного значения.

Ключевые слова: местные советы, муниципальная система, избирательные кампании, выборы, политические партии, постоянные комитеты, главы местной администрации, представительная демократия, система кооптирования, участие граждан.

Цитирование: *Черкасов А.И.* Местные советы и их комитеты в муниципальной системе европейских государств // Государство и право. 2021. № 6. С. 192–198.

DOI: 10.31857/S102694520015124-7

LOCAL COUNCILS AND THEIR COMMITTEES IN THE MUNICIPAL SYSTEM OF EUROPEAN COUNTRIES

© 2021 A. I. Cherkasov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: aligorch@yandex.ru

Received 27.01.2021

Abstract. The article examines the role of local councils and their committees in the municipal system of European states. It's argued that at present local councils function in slightly different conditions than they did a few decades ago. The traditional foundations of liberal representative democracy based on elections and political parties are being increasingly eroded and supplemented by the channels of citizens' direct influence on development and implementation of politics. The forms of local councils' activities as well as measures aimed at activation of municipal councils, the raising of citizens' awareness about their performance, involvement of the population in solving local issues are analyzed.

Key words: local councils, municipal system, electoral campaigns, elections, political parties, standing committees, heads of local administration, representative democracy, the system of co-option, citizens' participation.

For citation: *Cherkasov, A.I. (2021).* Local councils and their committees in the municipal system of European countries // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 192–198.

Ведущая роль коллегиальных представительных органов в муниципальной системе европейских государств в качестве ее демократической основы закрепляется Европейской хартией местного самоуправления 1985 г. В соответствии с Хартией именно «советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путем свободного, равного, прямого и всеобщего голосования», осуществляется право на местное самоуправление» (п. 2 ст. 3)[1].

Согласно вышеуказанному пункту Хартии «местные советы или собрания могут иметь подотчетные им исполнительные органы». Взаимоотношения советов с последними складываются по-разному, в т.ч. и с де-факто доминированием со стороны исполнительных органов. Главы местной администрации в европейских городах все чаще избираются непосредственно населением, обладая тем самым сопоставимой с муниципальными советами легитимностью, что порой приводит к конфликтным ситуациям.

Прямые выборы главы местной администрации зачастую рассматриваются в контексте т.н. «демократии маятника» (“pendulum democracy”), предполагающей активную борьбу кандидатов за поддержку со стороны электората. При подобной системе возможен лишь один победитель, но это впоследствии отнюдь не гарантирует его переизбрание. К следующим выборам ситуация может полностью измениться. Маятник способен качнуться в противоположную сторону, и возможная победа соперника действующего мэра создаст иную политическую конфигурацию и определит иной характер взаимоотношений с представительным органом.

Прослеживающаяся в европейских государствах тенденция к «президенциализации» властного механизма на местах также выражается в наделении глав местной администрации (мэров либо бургомистров) дополнительными полномочиями, в т.ч. в сфере общественной безопасности. Позиции мэра обычно усиливаются при совпадении его партийной принадлежности с партийной принадлежностью большинства членов соответствующего местного совета. При несовпадении такой принадлежности возникают проблемы, отчасти аналогичные тем, какие наблюдаются на национальном уровне, особенно в рамках президентской и смешанных форм правления. Данные проблемы коренятся в необходимости взаимного сосуществования противоборствующих властных институтов и затрудненности разрешения возникающих между ними противоречий посредством досрочного прекращения полномочий хотя бы одного из них по инициативе противоположной стороны.

Мэры становятся относительно независимыми не только от местных представительных органов, но и от действующих на муниципальном уровне политических партий. Последние переживают определенный кризис, в конечном итоге определяемый кризисом представительной демократии как таковой. Не случайно в научной литературе констатируется, что «местным партийным структурам в качестве эффективных социальных институтов брошен вызов»[2]. Партии, как правило, возникали на классовой основе и благодаря этому получали поддержку со стороны различных слоев избирателей. В условиях же возросшей социальной мобильности граждан классовый фактор во многом потерял свое значение. Как отмечает политолог из ФРГ А. Лейнингер, политические партии, которые испытывают все большие трудности в мобилизации избирателей, постепенно «утрачивают свою посредническую роль между гражданским обществом и государством»[3].

Ослаблению роли представительных органов также способствуют проводимые в ряде европейских государств реформы, направленные на сокращение числа местных советников в целях оптимизации муниципальной системы и достижения большей экономии и эффективности. Так, в относительно крупных городах Польши число членов муниципальных советов в результате проведенной в 2002 г. реформы было сокращено с 50 до 28 человек, причем эта реформа была, в целом, поддержана самими советниками[4].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что сегодня муниципальные советы функционируют в несколько иных условиях, чем несколько десятилетий назад. Традиционные основы либеральной представительной демократии, опирающиеся на выборы, политические партии и осуществление представительства посредством избираемых населением советников, все больше размываются и дополняются каналами непосредственного влияния граждан на разработку и осуществление местной политики. Данные каналы включают не только прямые выборы мэра, но и различные формы прямой и партисипативной демократии, такие как референдумы, народные инициативы, консультации с гражданами, партисипативное бюджетирование и т.п. При этом растет персонализация местной политики. В научной литературе подобные тенденции определяются как

[1] См.: European Charter of Local Self-Government // European Charter of Local Self-Government and Explanatory Report. Strasbourg, 2010. P. 11–21.

[2] Democracy at the Local Level. The International IDEA Handbook on Participation, Representation, Conflict Management, and Governance / ed. by T.D. Sick Stockholm, 2001. Publications Office, International IDEA. P. 15.

[3] *Leininger A.* Direct Democracy in Europe: Potentials and Pitfalls. May 7, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/275946710 (дата обращения: 03.03.2021).

[4] См.: The Oxford Handbook of Local and Regional Democracy in Europe / ed. by J. Loughlin, F. Hendrix, A. Lindström. Oxford, 2011. P. 493.

переход от «партийной демократии» к «гражданской демократии»[5].

Все это, однако, не умаляет важной роли муниципальных советов как легитимных органов власти, основы всего муниципального механизма, хотя немного эту роль и трансформирует. Представительной демократии теперь приходится сосуществовать с иными демократическими формами, где-то дополняясь ими, а где-то с ними конкурируя.

В европейских государствах муниципальные советы избираются непосредственно населением на срок от четырех (как, например, в Дании, Королевстве Испания, Польше) до шести лет (как, например, во Франции, Бельгии, Люксембурге). В федеративных государствах срок полномочий муниципальных советов, как правило, определяется субъектами федерации и поэтому может быть разный. Так, в Австрии общинные советы избираются на срок пять или шесть лет в зависимости от законодательства соответствующей земли. Аналогичным образом в ФРГ срок полномочий общинных советов земли Бавария составляет шесть лет, в то время как других земель – пять.

Выборы местных представительных органов власти в европейских государствах могут проводиться как в разное время, так и в один день. Законодательство Нидерландов, например, предусматривает одновременное проведение выборов во все местные советы. Считается, что это делается в интересах политических партий, чтобы те могли осуществлять должную мобилизацию избирателей и фактически «проводить общенациональную избирательную кампанию применительно к местным выборам»[6]. В Королевстве Норвегия выборы представительных органов различных уровней проходят раз в четыре года по понедельникам в середине сентября. Выборы в представительные органы власти всех уровней также проводятся в один день в Швеции с 1970 г., начиная с 1974 г. – раз в четыре года. До 2010 г. они проводились в третье воскресенье сентября, а после 2014 г. – во второе.

Количественный состав местного совета, как правило, зависит от числа жителей соответствующей административно-территориальной единицы. Так, в Бельгии состав местных представительных органов варьируется от семи (в коммунах с числом жителей менее 1 тыс. человек) до 55 членов (в коммунах с населением более 300 тыс. человек)[7]. В Греции число муниципальных советников колеблется от 13 (в муниципалитетах, где проживает не более 2 тыс. человек) до 49 (в муниципалитетах с населением более 150 тыс. человек); в Швеции – от 31 до 71 (за исключением Стокгольма, муниципальный совет которого должен состоять не менее чем из 101 члена); в Латвийской Республике – от девяти до 19 (только городской совет Риги включает 60 членов[8]).

В федеративных государствах количество членов муниципальных советов определяется законодательством соответствующего субъекта федерации. Так, в крупнейшей земле ФРГ – Баварии – число членов общинного совета колеблется от восьми членов (в общинах с населением не более 1 тыс. человек) до 60 (в общинах с населением от 200 тыс. до 500 тыс. человек). Исключение делается для двух крупных городов данной земли (Нюрнберга и Мюнхена), общинный совет которых состоит из 70 и 80 человек соответственно[9].

Основной формой работы местных представительных органов являются сессии, которые проводятся с определенной законодательством соответствующего государства периодичностью[10]. Так, в Королевстве Испания муниципальные советы собираются на очередные сессии не реже трех раз в год, во Франции и Чехии – четырех раз, в Венгрии – шести раз, в Бельгии – 10 раз. В Швеции муниципальные советы заседают девять или 10 раз в год, но могут собираться на заседания и реже «при отсутствии в повестке дня каких-либо вопросов политического характера»[11]. В Соединенном Королевстве, Греции, на Мальте муниципальные советы заседают, как правило, ежемесячно (хотя могут собираться и чаще). Возможна и определенная дифференциация числа заседаний в зависимости от количества жителей соответствующего муниципалитета. Так, в Латвийской Республике

---

[5] *Denters B., Klok P-J.* Citizen Democracy and the Responsiveness of Councillors: The Effects of Democratic Institutionalization on the Role Orientations and Role Behaviour of Councillors // Local Government Studies. 2013. Vol. 39. No. 5. P. 662.

[6] *Andeweg R.B., Irwin G.A.* Governance and Politics of the Netherlands. Houndmills, 2005. P. 174.

[7] В Бельгии в состав муниципального совета могут быть избраны только жители соответствующей коммуны, и в случае смены места жительства членство в совете автоматически утрачивается (см.: *Deschouwer K.* The Politics of Belgium: Governing a Divided Society. Houndmills, 2009. P. 167).

[8] В латвийской литературе отмечается, что данная цифра может показаться слишком большой в сравнении с числом членов парламента – Сейма, состоящего из 100 депутатов. При этом, однако, следует учитывать, что в Риге проживает около 1/3 населения страны (см.: *Vilka I., Brekis E.* Comparing Local Government Elections in Latvia and Other European Countries // Socialiniai tyrimai / Social Research. 2013. Vol. 32. No. 3. P. 8).

[9] См.: Local Government Law, Free State of Bavaria (Bayerische Gemeindeordnung), Art.31 (2). URL: https://germanlawarchive.iuscomp.org/?p=747#ToC43 (дата обращения: 21.01.2021).

[10] Кроме очередных могут созываться и внеочередные (чрезвычайные) сессии. Чаще всего они проводятся по требованию определенного числа членов местного представительного органа либо главы местной администрации. В Королевстве Испания, например, чрезвычайные сессии созываются по требованию мэра (алькальда) либо не менее чем одной четверти членов соответствующего муниципального совета. На таких сессиях обычно рассматриваются лишь те вопросы, для решения которых они специально созываются.

[11] Transforming Local Political Leadership / ed. by R. Berg, N. Rao. Houndmills, 2005. P. 117.

муниципальные советы крупных городов обычно заседают дважды в месяц, а небольших – один раз.

Заседания муниципальных советов, как правило, открыты для публики. Закрытые заседания проводятся по требованию определенного числа членов совета, и их необходимость должна быть обоснована. Так, согласно § 35(1) Закона об общинах земли Баден – Вюртемберг 2000 г. заседания совета общины «могут быть закрытыми, только если этого требуют общественное благо или обоснованные интересы отдельных лиц»[12]. Аналогичным образом в Нидерландах в соответствии с Законом о муниципалитетах 1992 г. (в ред. от 12.11.2013 г.) закрытые заседания проводятся по требованию не менее 1/5 членов муниципального совета, зарегистрированных для участия в данном заседании, или же по инициативе председательствующего на таком заседании (п. 2 ст. 23)[13].

Обычно законодательно закрепляется перечень вопросов, решения по которым не могут быть приняты на закрытом заседании: принятие муниципального бюджета или внесение в него поправок, введение или отмена местных налогов и сборов, формирование муниципальных исполнительных органов и т.п.

В целях оптимизации своей деятельности местные советы могут образовывать различного вида комитеты (комиссии). Самыми значимыми считаются постоянные комитеты, которые формируются сразу же после избрания совета и функционируют в течение или всего периода полномочий местного представительного органа, или какого-либо иного фиксированного срока (например, одного года, как в Соединенном Королевстве). Наиболее важную роль постоянные комитеты играют в Соединенном Королевстве[14] и Скандинавских государствах, где они наделяются распорядительными полномочиями и зачастую управляют отдельными сферами местной жизни.

Ведущим обычно является исполнительный комитет или его какой-либо аналог, «осуществляющий управленческие функции и стратегическую координацию»[15]. В Соединенном Королевстве таким комитетом традиционно являлся возглавляемый лидером партии большинства в совете комитет политики и ресурсов. В состав последнего входили председатели всех других комитетов совета и / или высокопоставленные члены партии большинства. В литературе отмечалось, что данный комитет обычно действовал в качестве «своеобразного «кабинета», направляющего и координирующего работу различных комитетов совета»[16].

Аналогичные функции выполняет и исполнительный комитет в странах Скандинавии (в Дании такой комитет именуется финансовым). Так, в муниципалитетах Королевства Норвегия исполнительный комитет представляет собой своеобразное «муниципальное правительство». В состав исполнительного комитета входят 20% членов местного совета. Политические партии представлены в исполнительном комитете, как правило, пропорционально их численности в совете. Лишь в двух крупнейших городах государства страны (Осло и Берген) действует «принцип большинства», согласно которому партия, располагающая большинством мест в совете, формирует исполнительный комитет исключительно из числа своих членов.

Временные (специализированные) комитеты создаются по мере необходимости для решения какой-либо конкретной проблемы и распускаются после предоставления совету соответствующего доклада. Образование временных комитетов «придает всей системе местного управления необходимую гибкость с учетом изменяющихся обстоятельств» и, в частности, «дает возможность решить проблему, которая непосредственно не относится к компетенции имеющихся постоянных комитетов»[17].

Комитеты могут формироваться в обязательном (в соответствии с требованиями законодательства того или иного государства) либо факультативном порядке (в зависимости от возможностей соответствующего муниципалитета осуществлять те или иные функции). Так, в Дании коммунальные советы в обязательном порядке формируют лишь упомянутый выше финансовый комитет. Обычно образуются от четырех до семи постоянных комитетов, включая комитет по социальным вопросам, комитет по школьному образованию и культуре, а также технический комитет, ответственный за коммунальные услуги, дороги и охрану окружающей среды[18]. Муниципальный совет может также принять решение не образовывать никаких дополнительных комитетов и либо рассматривать те или иные вопросы в полном составе, либо

---

[12] Коммунальное самоуправление в Германии: Закон об общинах земли Баден-Вюртемберг. М., 2012.

[13] См.: Municipalities Act of 14 February 1992 (Text as at 12 November 2013). URL: https://www.government.nl/documents/regulations/2014/09/25/municipalities-act (дата обращения: 14.01.2021).

[14] Роль комитетов муниципальных советов была несколько видоизменена в тех британских городах, где в результате осуществленной в начале XXI в. реформы были введены прямые выборы мэра и предусмотрено образование кабинета при главе местной администрации.

[15] *Horta X.B., Tomas M.* Systems of Local Government in Europe and Their Chief Executive Officers. URL: https://www.academia.edu/270218/SYSTEMS_OF_LOCAL_GOVERNMENT_IN_EUROPE_AND_THEIR_CHIEF_EXECUTIVE_OFFICERS (дата обращения: 12.01.2021).

[16] *Punnett R.M.* British Government and Politics. Aldershot, 1994. P. 420.

[17] *Stanyer J.* Understanding Local Government. Oxford, 1980. P. 148.

[18] См.: *Blom-Hansen J.* Budget Procedures and the Size of the Budget: Evidence from Danish Local Government // Scandinavian Political Studies. 2002.Vol. 25. No. 1. P. 88.

делегировать право на их решение непосредственно мэру, Подобное, правда, на практике происходит достаточно редко[19].

Формирование муниципальными советами определенного числа комитетов предусматривается и законодательством других европейских государств. Так, в Эстонской Республике в обязательном порядке формируется аудиторский комитет; в Польше – контрольный комитет; в Литовской Республике – ревизионный комитет; в Венгрии и Чехии – финансовый[20] и контрольный комитеты.

В отдельных государствах комитеты могут иметь свою специфику, которая обычно заключается в их не вполне традиционном названии. Так, в 29 графствах и пяти самых крупных городах Ирландии они называются комитетами стратегической политики (например, комитет стратегической политики по экономическому развитию и планированию), а в остальных городах – комитетами муниципальной политики. В Греции же в муниципалитетах с населением более 10 тыс. человек формируется комитет по качеству жизни, возглавляемый мэром. Данный комитет занимается проблемами городского планирования, землепользования, охраны окружающей среды, а также лицензирования бизнеса. При этом он «несет особую ответственность и предпринимает действия, направленные на повышение качества жизни в соответствующем муниципалитете»[21].

Члены комитетов чаще всего избираются местными представительными органами на своих заседаниях. При принятии конкретных решений определяющим обычно является стремление обеспечить в деятельности комитетов следующие моменты: преемственность; баланс между представителями политических партий пропорционально численности их фракций в совете; баланс между отдельными территориями, входящими в состав данного муниципалитета; учет личных интересов и предпочтений членов совета, а также их старшинства; более или менее равномерную загруженность всех членов совета.

Важную роль в деятельности комитетов (особенно в Соединенном Королевстве и Скандинавских государствах) играют их председатели, которые не только ведут заседания, но и выступают от имени своего комитета в совете, а также перед общественностью. Кроме того, они поддерживают регулярные контакты с главами соответствующих департаментов муниципалитета. В Дании, например, «председатели отраслевых комитетов совместно с мэром представляют собой функциональный эквивалент правительства в национальной политической системе»[22]. О значимой роли председателей комитетов в Соединенном Королевстве свидетельствует тот факт, что некоторые вопросы порой даже не выносились на рассмотрение комитетов, а решались оперативным путем, посредством консультаций чиновников и председателей комитетов.

Система комитетов по-разному оценивается в научной литературе. Несомненным ее достоинством является то, что она дает советам возможность организовать свою деятельность на рациональной основе, в большей степени сконцентрироваться на решении общих политических вопросов и лучше контролировать деятельность муниципальных чиновников. Система комитетов позволяет осуществлять разделение труда между членами советов, обеспечивая специализацию советников в различных областях муниципальной жизни с учетом их интересов.

Заседания комитетов обычно не связаны строгими правилами процедуры и проходят в более непринужденной обстановке, чем заседания советов в полном составе. Это дает возможность организовать более свободную и неформальную дискуссию, не столь зависимую от партийных пристрастий. Более критично настроенные исследователи подчеркивают, что деятельность комитетов приводит к снижению роли самих советов как некоего стержня, основы всего муниципального механизма, способствует «концентрации властных полномочий в руках небольших групп муниципальных советников»[23]. Отмечается также, что удлиняется период, предшествующий принятию решений[24], а сам механизм принятия решений становится излишне сложным и громоздким, особенно когда комитетами образуется еще и целая сеть различных подкомитетов[25].

В качестве недостатка системы комитетов можно отметить и характерную для отдельных муниципалитетов слабую координацию деятельности комитетов, дублирование их функций. Свои негативные аспекты имеет и специализация советников в конкретных областях: порой сужается их общий кругозор, что приводит к утрате комплексного подхода и видения перспективы работы всего муниципалитета.

---

[19] См.: Local Government in the Member States of the European Union: A Comparative Legal Perspective / ed. by A-M. Moreno. Madrid, 2012. P. 144.

[20] В Венгрии финансовый комитет в обязательном порядке формируется лишь в общинах с населением более 2 тыс. человек.

[21] Structure and Operation of Local and Regional Democracy: Greece, Strasbourg, 2012. P. 16.

[22] The Oxford Handbook of Local and Regional Democracy in Europe / ed. by J. Loughlin, F. Hendrix, A. Lindström. P. 226.

[23] *Punett R.M.* Op. cit. P. 421.

[24] См.: Transforming Local Political Leadership / ed. by R. Berg, N. Rao. P. 42.

[25] См.: *Wilson D.* The United Kingdom: An Increasingly Differentiated Polity? // Comparing Local Governance: Trends and Developments / ed. by B. Denters, L.E. Rose. Houndmills, 2005. P. 159.

* * *

В заключение следует отметить, что, несмотря на рассмотренные выше тенденции, местные представительные органы продолжают играть значимую роль в муниципальной системе европейских государств, являясь не только олицетворением представительной демократии, но и важным противовесом растущим властным полномочиям глав местной администрации. По мнению исследователя из ФРГ Г. Воллмана, «об этом свидетельствуют частота пленарных сессий советов и те значимые функции, которые комитеты советов реализуют в рамках процесса принятия решений на местном уровне»[26]. Главной же опорой муниципальных советов остается «их прямая связь с местным электоратом»[27]. Именно данная связь придает легитимность всей муниципальной системе, «дает возможность различным интересам – географическим, партийным, классовым, гендерным – быть представленным в рамках некой ассамблеи, являющейся органом управления, принимающим суверенные решения»[28].

В европейских государствах предпринимаются активные усилия, направленные на активизацию муниципальных советов, повышение информированности граждан об их деятельности, вовлечение населения в решение вопросов местного значения. Организуются тематические дебаты по наиболее важным проблемам, решаемым на местном уровне, осуществляется трансляция заседаний местных советов, оказывается финансовая поддержка политических партий, представленных в муниципальных советах. Используются и разнообразные методы привлечения избирателей к участию в местных выборах, такие как голосование по почте, а также электронное голосование[29]; организация избирательных участков в крупных торговых центрах; увеличение количества часов, выделяемых на голосование; совмещение местных выборов с национальными либо региональным и т.п.

Роль представительных органов власти в муниципальном механизме европейских государств будет в значительной степени определяться тем, насколько удастся преодолеть кризис представительной демократии, восстановить и укрепить доверие населения к муниципальным органам власти, местным демократическим институтам. Немаловажную роль будет играть и преодоление фрагментации современного муниципального управления, размывающей механизмы ответственности за реализацию стоящих перед ним задач, восстановление былой посреднической роли политических партий между институтами публичной власти и современным гражданским обществом. Без этого невозможно приостановить падение явки избирателей на муниципальных выборах, объективно снижающей легитимность местных органов власти.

[26] *Wollmann H.* The Directly-Elected Mayor in the German Länder – Introduction, Implementation and Impact // Public Money and Management. 2014. Vol. 34. Issue 5. P. 335.

[27] Local Government in Europe: The Fourth Level in the EU Multilayered System of Governance / ed. by C. Panara, M. Varney. L., 2013. P. 107.

[28] *Kukovič S., Copus C., Sweeting D.* Local Democracies in Comparative Perspective // Contemporary Drivers of Local Development / ed by P. Futó. Maribor, 2019. P. 168.

[29] В Эстонии, например, право граждан на электронное голосование на местных выборах по Интернету (на веб-странице Национальной избирательной комиссии) было закреплено в 2002 г. Законом о выборах в местные советы (см.: Local Government Election Act 2002. URL: https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/511072016012/consolide (дата обращения: 17.01.2021)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коммунальное самоуправление в Германии: Закон об общинах земли Баден-Вюртемберг. М., 2012.
2. *Andeweg R.B., Irwin G.A.* Governance and Politics of the Netherlands. Houndmills, 2005. P. 174.
3. *Blom-Hansen J.* Budget Procedures and the Size of the Budget: Evidence from Danish Local Government // Scandinavian Political Studies. 2002. Vol. 25. No. 1. P. 88.
4. Democracy at the Local Level. The International IDEA Handbook on Participation, Representation, Conflict Management, and Governance / ed. by T.D. Sick Stockholm, 2001. Publications Office, International IDEA. P. 15.
5. *Denters B., Klok P-J.* Citizen Democracy and the Responsiveness of Councillors: The Effects of Democratic Institutionalization on the Role Orientations and Role Behaviour of Councillors // Local Government Studies. 2013. Vol. 39. No. 5. P. 662.
6. *Deschouwer K.* The Politics of Belgium: Governing a Divided Society. Houndmills, 2009. P. 167.
7. *Horta X.B., Tomas M.* Systems of Local Government in Europe and Their Chief Executive Officers. URL: https://www.academia.edu/270218/SYSTEMS_OF_LOCAL_GOVERNMENT_IN_EUROPE_AND_THEIR_CHIEF_EXECUTIVE_OFFICERS (дата обращения: 12.01.2021).
8. *Kukovič S., Copus C., Sweeting D.* Local Democracies in Comparative Perspective // Contemporary Drivers of Local Development / ed by P. Futó. Maribor, 2019. P. 168.
9. *Leininger A.* Direct Democracy in Europe: Potentials and Pitfalls. May 7, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/275946710 (дата обращения: 03.03.2021).
10. Local Government in Europe: The Fourth Level in the EU Multilayered System of Governance / ed. by C. Panara, M. Varney. L., 2013. P. 107.
11. Local Government in the Member States of the European Union: A Comparative Legal Perspective / ed. by A-M. Moreno. Madrid, 2012. P. 144.

12. *Punnett R.M.* British Government and Politics. Aldershot, 1994. P. 420, 421.
13. *Stanyer J.* Understanding Local Government. Oxford, 1980. P. 148.
14. Structure and Operation of Local and Regional Democracy: Greece, Strasbourg, 2012. P. 16.
15. The Oxford Handbook of Local and Regional Democracy in Europe / ed. by J. Loughlin, F. Hendrix, A. Lindström. Oxford, 2011. P. 226, 493.
16. Transforming Local Political Leadership / ed. by R. Berg, N. Rao. Houndmills, 2005. P. 42, 117.
17. *Vilka I., Brekis E.* Comparing Local Government Elections in Latvia and Other European Countries // Socialiniai tyrimai / Social Research. 2013. Vol. 32. No. 3. P. 8.
18. *Wilson D.* The United Kingdom: An Increasingly Differentiated Polity? // Comparing Local Governance: Trends and Developments / ed. by B. Denters, L.E. Rose. Houndmills, 2005. P. 159.
19. *Wollmann H.* The Directly-Elected Mayor in the German Länder – Introduction, Implementation and Impact // Public Money and Management. 2014. Vol. 34. Issue 5. P. 335.

REFERENCES

1. Municipal self-government in Germany: The Law on the communities of the land of Baden-Württemberg. M., 2012 (in Russ.).
2. *Andeweg R.B., Irwin G.A.* Governance and Politics of the Netherlands. Houndmills, 2005. P. 174.
3. *Blom-Hansen J.* Budget Procedures and the Size of the Budget: Evidence from Danish Local Government // Scandinavian Political Studies. 2002. Vol. 25. No. 1. P. 88.
4. Democracy at the Local Level. The International IDEA Handbook on Participation, Representation, Conflict Management, and Governance / ed. by T.D. Sick Stockholm, 2001. Publications Office, International IDEA. P. 15.
5. *Denters B., Klok P-J.* Citizen Democracy and the Responsiveness of Councillors: The Effects of Democratic Institutionalization on the Role Orientations and Role Behaviour of Councillors // Local Government Studies. 2013. Vol. 39. No. 5. P. 662.
6. *Deschouwer K.* The Politics of Belgium: Governing a Divided Society. Houndmills, 2009. P. 167.
7. *Horta X.B., Tomas M.* Systems of Local Government in Europe and Their Chief Executive Officers. URL: https://www.academia.edu/270218/SYSTEMS_OF_LOCAL_GOVERNMENT_IN_EUROPE_AND_THEIR_CHIEF_EXECUTIVE_OFFICERS (дата обращения: 12.01.2021).
8. *Kukovič S., Copus C., Sweeting D.* Local Democracies in Comparative Perspective // Contemporary Drivers of Local Development / ed by P. Futó. Maribor, 2019. P. 168.
9. *Leininger A.* Direct Democracy in Europe: Potentials and Pitfalls. May 7, 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/275946710 (дата обращения: 03.03.2021).
10. Local Government in Europe: The Fourth Level in the EU Multilayered System of Governance / ed. by C. Panara, M. Varney. L., 2013. P. 107.
11. Local Government in the Member States of the European Union: A Comparative Legal Perspective / ed. by A-M. Moreno. Madrid, 2012. P. 144.
12. *Punnett R.M.* British Government and Politics. Aldershot, 1994. P. 420, 421.
13. *Stanyer J.* Understanding Local Government. Oxford, 1980. P. 148.
14. Structure and Operation of Local and Regional Democracy: Greece, Strasbourg, 2012. P. 16.
15. The Oxford Handbook of Local and Regional Democracy in Europe / ed. by J. Loughlin, F. Hendrix, A. Lindström. Oxford, 2011. P. 226, 493.
16. Transforming Local Political Leadership / ed. by R. Berg, N. Rao. Houndmills, 2005. P. 42, 117.
17. *Vilka I., Brekis E.* Comparing Local Government Elections in Latvia and Other European Countries // Socialiniai tyrimai / Social Research. 2013. Vol. 32. No. 3. P. 8.
18. *Wilson D.* The United Kingdom: An Increasingly Differentiated Polity? // Comparing Local Governance: Trends and Developments / ed. by B. Denters, L.E. Rose. Houndmills, 2005. P. 159.
19. *Wollmann H.* The Directly-Elected Mayor in the German Länder – Introduction, Implementation and Impact // Public Money and Management. 2014. Vol. 34. Issue 5. P. 335.

Сведения об авторе

ЧЕРКАСОВ Александр Игоревич —
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

CHERKASOV Alexander I. —
PhD in Law, associate Professor, leading research fellow of the human rights Department, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 199–204
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 199–204

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 340.131
Л-59

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕНЕНИЕ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2021 г. В. В. Линько

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар

E-mail: vitalii-linko@mail.ru

Поступила в редакцию 12.01.2020 г.

Аннотация. В статье исследуется влияние процесса глобализации на национальное право Российской Федерации, раскрывается понятие глобализации как сложного общественного и политического явления, обосновывается суждение, что признаками глобализации в правовой сфере будет изменение уровней правовой системы, т.е. как межнационального, так и национального права в целом, проводится анализ судебного прецедента как правового явления, оценивается его роль и место в правовой системе Российской Федерации, формулируется вывод, что значимость судебного прецедента непрерывно возрастает для национальной правовой системы.

Ключевые слова: глобализация, право, судебный прецедент, источник права, суд, судебная инстанция, судебное решение, правовые отношения, правоприменение, правовая система.

Цитирование: *Линько В.В.* Влияние глобализации на применение судебного прецедента в Российской Федерации // Государство и право. 2021. № 6. С. 199–204.

DOI: 10.31857/S102694520015043-8

THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON THE APPLICATION OF JUDICIAL LAW PRECEDENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2021 V. V. Linko

North Caucasus branch of the Russian state University of justice, Krasnodar

E-mail: vitalii-linko@mail.ru

Received 12.01.2020

Abstract. The article examines the impact of the process of globalization on the national law of the Russian Federation, reveals the concept of globalization as a complex social and political phenomenon, justifies the judgment that the signs of globalization in the legal sphere will be a change in the levels of the legal system, i.e., changes in the legal system. The author analyzes judicial precedent as a legal phenomenon, assesses its role and place in the legal system of the Russian Federation, and concludes that the significance of judicial precedent is continuously increasing for the national legal system.

Key words: globalization, law, judicial precedent, source of law, court, court instance, court decision, legal relations, enforcement, legal system.

For citation: *Linko, V.V. (2021).* The impact of globalization on the application of judicial law precedent in the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 199–204.

Глобализация – сложное общественное, политическое, экономическое и правовое явление. Проблемы глобализации неоднократно становились предметом научных исследований. В целом под глобализацией понимается общественное явление, которое объективно существует. Не вызывает сомнений, что причинами глобализации становились возникновение и осознание человечеством общепланетарных проблем, затрагивающих основы его существования, а также поиск способов и методов их разрешения с помощью создания устойчивой социальной модели развития человеческой цивилизации[1].

Следует согласиться с мнением В.В. Лунеева, что глобализация может быть определена как универсализация социального порядка, которая предполагает как обеспечение соответствия множества уникальных национальных порядков неким единым стандартам, так и формирование наднационального социального порядка, в рамках которого такие стандарты вырабатываются и поддерживаются[2]. Несомненно, что глобализации подвержена правовая сфера общества, поэтому необходимо выделить аспекты влияния глобализации на внутригосударственное право. Глобализационные процессы оказывают влияние на право всех государств, включая Российскую Федерацию[3]. Глобализация есть фундамент, без исследования элементов которого невозможен объективный анализ и осознание многих основополагающих тенденций права[4].

Особенность глобализации состоит в том, что она затрагивает все структурные элементы правовой системы: систему источников права и их соотношение, правотворчество и правоприменение[5].

По мнению Т.А. Кули-заде, правовая глобализация является неотъемлемой частью глобализации в целом. Правовая глобализация – это сложнейший интеграционный процесс, отражающийся во всех отраслях права, сущностью которого будет являться установление единых правовых норм и стандартов правоприменения, а также создание наднациональных правоохранительных структур экстерриториальной юрисдикции[6].

Глобализация объективно ведет к появлению наднациональных / транснациональных элементов правового регулирования[7]. Как представляется, можно выделить следующие признаки глобализации как общественного явления в правовой сфере: глобализация изменяет как содержание права, так и его значение в обществе; глобализация оказывает влияние на национальные источники права, т.е. на форму права; глобализация проникает во все уровни правовой системы, т.е. как в глобальное (межнациональное), так в региональное (национальное) право в целом.

Одним из аспектов проявления глобализации на межнациональном уровне будет изменение видов источников права и появление новых источников права, что напрямую связано с правотворческой деятельностью межгосударственных институтов. На национальном уровне появление новых источников права можно связать с правотворческой деятельностью государства. Такому влиянию подвергаются источники национального права Российской Федерации, что, например, проявляется в изменении их взаимодействия между собой. Несомненно, результатом глобализации для России стало широкое использование во многих отраслях права судебной практики (судебного прецедента) в качестве источника права[8].

Для любой системы права характерно, что основной функцией является правоприменение. Последствия глобализации права связаны с появлением у судов правотворческой функции в странах романо-германской правовой семьи, что происходит из-за сближения романо-германской системы права и системы общего права. Для романо-германской правовой семьи свойственно, что законодательство имеет приоритет над судебной практикой как источником права. В системе общего права судебный прецедент стоит выше законодательства и играет главенствующую роль в правовом регулировании[9]. Система общего права исторически основывается на решениях высших судебных инстанций (например, Верховного суда в США и т.д.), т.е. источником права выступают судебные решения. Право является прецедентным и создается судьями, а у судей в таком случае есть не только правоприменительные функции, но и правотворческие.

В государствах англосаксонской правовой системы прецедент по гражданским делам имеет самостоятельное, часто доминирующее значение. Нормативные акты в такой системе имеют формальный приоритет. В процессе правоприменения нормы нормативных актов получают прецедентные толкования судей. В англосаксонской системе права существует иерархия прецедентов, согласно которой решения, принятые вышестоящими судами, обязательны для нижестоящих. Таким образом, прецеденты будут находиться между собой в иерархической соподчиненности в зависимости от положения создающих их судов. Суды нижестоящей инстанции будут связаны прецедентами вышестоящих судов, а их собственные решения прецедентами не

---

[1] См.: *Богатырев В.В.* Глобализация права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2012. С. 10.

[2] См.: *Лунеев В.В.* Глобализация мира и наднациональное право // Росс. журнал правовых исследований. 2015. № 2. С. 17.

[3] См.: *Рассказов Л.П.* Глобализация и ее влияние на современное российское право // Научный журнал КубГАУ. № 111 (07); *Афанасьев А.Н.* Глобализация силы или глобализация права? // Юрид. мир. 2008. № 3. С. 20.

[4] См.: *Макогон Б.В.* Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере // История государства и права. 2007. № 3. С. 2–4.

[5] См.: *Еремин А.Р., Ефремова А.С.* Глобализация как тенденция развития современного права // Социально-политические науки. 2014. № 4. С. 36.

[6] См.: *Кули-заде Т.А.* Правовая глобализация: понятие и содержание // Междунар. науч.-исслед. журнал. 2018. № 1. С. 158–160.

[7] См.: *Мамедов А.А.* Глобализация и административное право // Административное право и процесс. 2012. № 7. С. 9–12; *Лановая Г.М.* Глобализация как тенденция развития современного права: миф или реальность? // История государства и права. 2012. № 11. С. 15–18; *Абдулин Р.С.* Влияние процессов глобализации на организацию судебной деятельности в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 65–69; *Власова Г.Б.* Процессы глобализации и судебная власть // Мировой судья. 2010. № 3. С. 2–5.

[8] См.: *Степаненко Р.Ф.* Тенденции развития права в условиях глобализации. URL: http://www.tisbi.ru/assets/Site/Science/Documents/STEPANENKO-TRENDS-IN-THE-DEVELOPMENT-OF--LAW-IN-THE-CONTEXT-OF-GLOBALIZATION.pdf

[9] См.: *Малюшин А.А.* Изменение роли судебной практики в условиях правовой глобализации // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 1. С. 27–32.

признаются[10]. И.В. Решетникова указывала на то, что ныне наблюдается тенденция к сближению источников правового регулирования в странах с различными правовыми системами. Так, в государствах англосаксонской системы происходит усиление роли нормативного акта, а в континентальной системе – судебной практики. Она подчеркивала, что такое усиление не будет приводить к смене полюсов: в странах с общим правом будет сохраняться доминирующее положение судебного прецедента, а в государствах континентальной Европы – нормативного акта как основного источника права[11].

На современном этапе наблюдается тенденция усиления роли судебной практики, т.е. судебного прецедента как источника права в Российской Федерации. Следует отметить, что изменение роли судебной практики, обусловленное развитием глобализации, будет способствовать в правовой сфере единообразному разрешению дел, оно должно привести к повышению уровня соблюдения и наилучшей защите прав лиц, обращающихся в суд.

Судебный прецедент может рассматриваться как объективированный результат формирования и бытия права[12]. Классическое понимание судебного прецедента заключается в том, что мотивировочная часть решения высшего судебного органа, вынесенного по конкретному делу, в дальнейшем будет обязательной при рассмотрении и разрешении судами аналогичных дел, т.е. иметь юридическую силу закона[13]. Судебный прецедент понимается в теории права как определенное действие или решение вопроса, которое впоследствии при аналогичных обстоятельствах рассматривается как принятый эталон, образец[14]. При определении судебного прецедента различаются детали, но суть остается одна и та же – это судебное решение, содержащее норму права и обеспечивающее не только правоприменительную, но и правотворческую роль суда[15]. Из сказанного вытекает, что отдельный судебный акт по конкретному делу высшего судебного органа будет являться эталоном для применения правовых норм и рассматривается как правило их применения для нижестоящих судов.

Таким образом, судебный прецедент – это придание нормативной силы судебному решению по конкретному делу, которое принимается за обязательное правило при разрешении других сходных дел.

Представляется, что одним из сложных вопросов является вопрос о том, входит ли судебный прецедент в систему источников права Российской Федерации[16]. Следует отметить, что наука не рассматривает судебный прецедент в качестве полноценного источника права. Роль, которая ему отводится, носит исключительно вспомогательный характер, а именно конкретизировать правовые нормы в процессе их толкования, учитывая обстоятельства каждого конкретного дела в рамках применения правовых норм[17]. Роль судебного прецедента в судебной практике играют разъяснения по вопросам судебной практики, которые содержатся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, а также в Обзорах судебной практики по отдельным категориям дел, утверждаемым Президиумом Верховного Суда РФ, в постановлениях Президиума Верховного Суда РФ, вынесенных при рассмотрении дел в порядке надзора.

Исследуя правовую природу судебного прецедента как правового явления, оценивая его роль и место в правовой системе Российской Федерации, следует отметить, что значимость его непрерывно возрастает для национальной правовой системы, но пока рано говорить о судебном прецеденте как о самостоятельном источнике права, обязательном для применения судами.

Несомненно, источниками права в Российской Федерации, подлежащими применению судами общей юрисдикции и арбитражными судами при осуществлении ими правосудия, являются нормативные правовые акты. Так, в ст. 11 ГПК РФ устанавливается обязанность судов разрешать дела на основании Конституции РФ, международных договоров Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных правовых актов Президента РФ, нормативных правовых актов Правительства РФ, нормативных правовых актов федеральных органов государственной власти, конституций (уставов), законов, иных нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Суд разрешает гражданские дела, исходя из обычаев делового оборота в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами. При этом предусматривается правило, что суд, установив при разрешении гражданского дела, что нормативный правовой акт не соответствует нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, применяет нормы акта, имеющего наибольшую юридическую силу. Устанавливаются также понятия аналогии права и аналогии закона.

В ч. 4 ст. 11 ГПК РФ установлен принцип приоритета норм международного права. Аналогичные нормы, регулирующие порядок осуществления правосудия арбитражными судами, содержатся в ст. 13 АПК РФ.

Можно сделать вывод, что наряду с перечисленными в ГПК РФ и АПК РФ источниками права также подлежат применению разъяснения высших судебных инстанций. В соответствии со ст. 126 Конституции РФ Верховный Суд РФ является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом, осуществляет в предусмотренных федеральным

---

[10] См.: *Еременко В.И.* Перспективы развития прецедентного права в России // Адвокат. 2013. № 6. С. 17–26.

[11] См.: *Решетникова И.В.* Доказательственное право в российском гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 27.

[12] См.: *Гущина Н.А., Глухоедов М.С.* Судебный прецедент в российской правовой системе: история, теория, практика // Современное право. 2013. № 2. С. 79–84.

[13] См.: *Алиев Т.Т.* Механизмы прецедентного правового регулирования в Российской Федерации // Современное право. 2018. № 1. С. 75–80.

[14] См.: *Пресняков М.В.* Правовой прецедент как вторичный, или производный, источник конституционного права // Современное право. 2016. № 9. С. 10–14.

[15] См.: *Пашенцев Д.А.* Судебный прецедент как источник права в правовой системе России // Современное право. 2011. № 4. С. 77–80.

[16] См.: *Мкртумян А.Ю.* Понятие судебного прецедента в современной теории права // Росс. юстиция. 2009. № 11. С. 11–13.

[17] См.: *Шубин Ю.П.* Судебный прецедент как источник экологического права // Ленинградский юрид. журнал. 2014. № 1. С. 134–144.

законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью этих судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики. Верховный Суд РФ принимает Обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда РФ на основании п/п.7 п. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»[18], в которых анализируется и обобщается судебное толкование норм права, сформированное при рассмотрении и разрешении дел.

На необходимость использования в арбитражном процессе судебной практики указывается в ст. 170 АПК РФ, в которой определяется, что в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики, а также на постановления Президиума Верховного Суда РФ и сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ.

Важной новеллой, позволяющей говорить об изменении процессуальной деятельности судов общей юрисдикции по пути включения элементов прецедентного права в правовую систему Российской Федерации является внесение Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ изменений в ст. 392 ГПК РФ, в которой в качестве оснований для пересмотра судебного постановления ввиду новых обстоятельств предусмотрено определение (изменение) в постановлении Президиума Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в связи с принятием судебного постановления, по которому подано заявление о пересмотре дела в порядке надзора, или в постановлении Президиума Верховного Суда РФ, вынесенном по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ[19].

Аналогичные изменения законодательства были сделаны в АПК РФ, а именно к числу оснований для пересмотра судебных актов арбитражных судов ввиду новых обстоятельств относится определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ или в постановлении Президиума Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы, если в соответствующем акте Верховного Суда РФ содержится указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу данного обстоятельства (п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ) (в ред. Федерального закона от 09.12.2010 г. № 353-ФЗ)[20].

Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, по сути, сформулировал условия применения данной нормы судами. Он запретил пересматривать дела по новым обстоятельствам на основании определений судебных коллегий Верховного Суда РФ.

Конституционный Суд РФ постановил, что определения судебных коллегий Верховного Суда РФ, вынесенные им в кассационном порядке, не будут являться основанием для такого пересмотра. Определение (изменение) практики применения правовой нормы может признаваться новым обстоятельством лишь при условии, что оно содержится в постановлении Пленума или Президиума Верховного Суда РФ. При этом в данном постановлении должно прямо указываться, что сформулированной в нем позиции придается обратная сила применительно к делам с аналогичными фактическими обстоятельствами.

Еще одно важное условие – толкованию правовых норм не может даваться обратная сила, если это ухудшает положение граждан в отношениях с органами власти (их должностными лицами)[21]. Например, ответчик обратилась в суд с заявлением о пересмотре вступившего в законную силу решения суда по новым обстоятельствам, указывая о том, что суд необоснованно признал долги перед кредитными организациями общими долгами супругов на основании п. 2 ст. 45 СК РФ, поскольку Определением Верховного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. по делу № 75-КГ16-12, Определением Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. по делу № 4-КГ16-67 изменена практика применения п. 2 ст. 45 СК РФ. Ответчик ссылалась на то, что судебная практика применения положений п. 2 ст. 45 СК РФ изменилась. Для возложения на неё солидарной обязанности по возврату заемных средств обязательство должно являться общим, возникнуть по инициативе обоих супругов в интересах семьи либо являться обязательством одного из супругов, по которому все полученное было использовано на нужды семьи. Положения о том, что согласие супруга на действия другого супруга по распоряжению общим имуществом предполагается, действующее законодательство не содержит. Сделав вывод о том, что денежные средства, взятые истцом в кредит, не были потрачены на нужды семьи, суд в нарушение указанной нормы закона указал, что доказательств обратного ответчиком представлено не было. Отказывая в удовлетворении заявления ответчика о пересмотре решения Головинского районного суда г. Москвы по новым обстоятельствам, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что определения Судебной коллегии Верховного Суда РФ, на которые ответчик ссылается как на новые обстоятельства, не относятся к перечисленным в п. 5 ч. 2 ст. 392 ГПК РФ актам и не содержат указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу изменения практики применения правовой нормы. В определениях Судебной коллегии Верховного Суда РФ, на которые ответчик ссылается, не содержится указаний на возможность пересмотра по новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений, при вынесении которых иначе были применены положения п. 2 ст. 45 СК РФ[22].

Не вызывает сомнений, что разъяснения Верховного Суда РФ имеют императивный характер для нижестоящих судов, при этом данные разъяснения не носят нормативный характер. Таким образом, возникает вопрос: вправе ли Верховный Суд РФ путем дачи разъяснений создавать нормы права, и если вправе, то в каких случаях разъяснения становятся источником права и будут являться обязательными для применения нижестоящими судами прецедентами?

Представляется, что, хотя официально судебный прецедент не признается источником права в правовой системе, он постепенно фактически становится таким источником.

---

[18] См.: СЗ РФ. 2014. № 6, ст. 550.

[19] См.: СЗ РФ. 2010. № 50, ст. 6611.

[20] См.: СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I), ст. 3392.

[21] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» // СЗ РФ. 2017. № 44, ст. 6569.

[22] См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 14.12.2017 г. по делу № 33-51569. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=949669#01747103182332066

Обусловливается это прежде всего процессом глобализации и взаимодействием и взаимопроникновением различных правовых систем.

Нижестоящие судебные инстанции обязаны руководствоваться разъяснениями высших судебных инстанций, которые содержатся в уже вынесенных ими ранее судебных постановлениях. Соблюдение данного правила повлечет за собой обеспечение единства судебной практики и неизменности судебных постановлений. Представляется, что постановления высшей судебной инстанции нельзя приравнять к полноценному источнику права – судебному прецеденту, т.к. они имеют вторичное значение по сравнению с нормативным правовым актом, являясь актами правоприменения и актами официального толкования законодательства Российской Федерации. Несомненно, значение судебного прецедента проявляется в том, что с помощью его демонстрируется уважение к отдельному решению высшего судебного органа, в котором содержится позиция суда по конкретной правовой ситуации. Судебный прецедент необходим для защиты прав и свобод граждан и организаций. Он призван предотвращать их нарушение. Даже если признать существование судебного правотворчества в Российской Федерации, то оно не заменяет правотворческую деятельность законодательного органа власти. Правотворчество высшего органа судебной власти основывается на норме закона, и осуществляется в соответствии с законом.

* * *

Такое судебное правотворчество не вступает в противоречие с законодательной деятельностью Федерального Собрания РФ, а детализирует и дополняет ее. Думается, что формирование судебного прецедента как источника права в правовой системе является этапом ее исторического развития. Несомненно, он, как источник права, имеет большой потенциал развития. Официальное признание судебного прецедента в качестве источника российского права подтвердит развитие российской правовой системы в сторону ее усложнения и совершенствования. По сравнению с другими источниками права судебный прецедент отличается эффективностью своего действия, т.к. он позволяет правоприменителю своевременно реагировать на изменяющуюся правовую ситуацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулин Р.С.* Влияние процессов глобализации на организацию судебной деятельности в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 65–69.
2. *Алиев Т.Т.* Механизмы прецедентного правового регулирования в Российской Федерации // Современное право. 2018. № 1. С. 75–80.
3. *Афанасьев А.Н.* Глобализация силы или глобализация права? // Юрид. мир. 2008. № 3. С. 20.
4. *Богатырев В.В.* Глобализация права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2012. С. 10.
5. *Власова Г.Б.* Процессы глобализации и судебная власть // Мировой судья. 2010. № 3. С. 2–5.
6. *Гущина Н.А., Глухоедов М.С.* Судебный прецедент в российской правовой системе: история, теория, практика // Современное право. 2013. № 2. С. 79–84.
7. *Еременко В.И.* Перспективы развития прецедентного права в России // Адвокат. 2013. № 6. С. 17–26.
8. *Еремин А.Р., Ефремова А.С.* Глобализация как тенденция развития современного права // Социально-политические науки. 2014. № 4. С. 36.
9. *Кули-заде Т.А.* Правовая глобализация: понятие и содержание // Междунар. науч.-исслед. журнал. 2018. № 1. С. 158–160.
10. *Лановая Г.М.* Глобализация как тенденция развития современного права: миф или реальность? // История государства и права. 2012. № 11. С. 15–18.
11. *Лунеев В.В.* Глобализация мира и наднациональное право // Росс. журнал правовых исследований. 2015. № 2. С. 17.
12. *Макогон Б.В.* Общая характеристика процессов глобализации в правовой сфере // История государства и права. 2007. № 3. С. 2–4.
13. *Малюшин А.А.* Изменение роли судебной практики в условиях правовой глобализации // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 1. С. 27–32.
14. *Мамедов А.А.* Глобализация и административное право // Административное право и процесс. 2012. № 7. С. 9–12.
15. *Мкртумян А.Ю.* Понятие судебного прецедента в современной теории права // Росс. юстиция. 2009. № 11. С. 11–13.
16. *Пашенцев Д.А.* Судебный прецедент как источник права в правовой системе России // Современное право. 2011. № 4. С. 77–80.
17. *Пресняков М.В.* Правовой прецедент как вторичный, или производный, источник конституционного права // Современное право. 2016. № 9. С. 10–14.
18. *Рассказов Л.П.* Глобализация и ее влияние на современное российское право // Научный журнал КубГАУ. № 111 (07).
19. *Решетникова И.В.* Доказательственное право в российском гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 27.
20. *Степаненко Р.Ф.* Тенденции развития права в условиях глобализации. URL: http://www.tisbi.ru/assets/Site/Science/Documents/STEPANENKO-TRENDS-IN-THE-DEVELOPMENT-OF-LAW-IN-THE-CONTEXT-OF-GLOBALIZATION.pdf
21. *Шубин Ю.П.* Судебный прецедент как источник экологического права // Ленинградский юрид. журнал. 2014. № 1. С. 134–144.

REFERENCES

1. *Abdulin R.S.* Influence of globalization processes on the organization of judicial activity in Russia // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. No. 1. P. 65–69 (in Russ.).
2. *Aliev T.T.* Mechanisms of precedent legal regulation in the Russian Federation // Modern Law. 2018. No. 1. P. 75–80 (in Russ.).
3. *Afanasyev A.N.* Globalization of power or globalization of law? // The legal world. 2008. No. 3. P. 20 (in Russ.).

4. *Bogatyrev V.V.* The globalization of law: abstract ... Doctor of Law. Vladimir, 2012. P. 10 (in Russ.).

5. *Vlasova G.B.* Processes of globalization and judicial power // World judge. 2010. No. 3. P. 2–5 (in Russ.).

6. *Gushchina N.A., Glukhoedov M.S.* Judicial precedent in the Russian legal system: history, theory, practice // Modern law. 2013. No. 2. P. 79–84 (in Russ.).

7. *Eremenko V.I.* Prospects for the development of case law in Russia // Lawyer. 2013. No. 6. P. 17–26 (in Russ.).

8. *Eremin A.R., Efremova A.S.* Globalization as a trend in the development of modern law // Socio-political sciences. 2014. No. 4. P. 36 (in Russ.).

9. *Kuli-zade T.A.* Legal globalization: concept and content // International Scientific Research journal. 2018. No. 1. P. 158–160 (in Russ.).

10. *Lanova G.M.* Globalization as a trend in the development of modern law: myth or reality? // History of the state and law. 2012. No. 11. P. 15–18 (in Russ.).

11. *Luneev V.V.* Globalisation of the world and supranational law // Russian journal of legal research. 2015. No. 2. P. 17 (in Russ.).

12. *Makogon B.V.* General characteristics of the processes of globalization in the legal sphere // History of the state and Law. 2007. No. 3. P. 2–4 (in Russ.).

13. *Malyushin A.A.* Changing the role of judicial practice in the conditions of legal globalization // Arbitration and civil process. 2017. No. 1. P. 27–32 (in Russ.).

14. *Mamedov A.A.* Globalization and Administrative Law // Administrative Law and process. 2012. No. 7. P. 9–12 (in Russ.).

15. *Mkrtumyan A. Yu.* The concept of judicial precedent in the modern theory of law // Russian justice. 2009. No. 11. P. 11–13 (in Russ.).

16. *Pashentsev D.A.* Judicial precedent as a source of law in the legal system of Russia // Modern law. 2011. No. 4. P. 77–80 (in Russ.).

17. *Presnyakov M.V.* Legal precedent as a secondary, or derived, source of Constitutional Law // Modern law. 2016. No. 9. P. 10–14 (in Russ.).

18. *Rasskazov L.P.* Globalization and its impact on modern Russian law // Scientific journal of the KubSAU. No. 111 (07) (in Russ.).

19. *Reshetnikova I.V.* Evidentiary law in the Russian civil court proceedings: abstract ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 1997. P. 27 (in Russ.).

20. *Stepanenko R.F.* Trends in the development of law in the context of globalization. URL: http://www.tisbi.ru/assets/Site/Science/Documents/STEPANENKO-TRENDS-IN-THE-DEVELOPMENT-OF-LAW-IN-THE-CONTEXT-OF-GLOBALIZATION.pdf (in Russ.)

21. *Shubin Yu. P.* Judicial precedent as a source of environmental law // Leningrad legal journal. 2014. No. 1. P. 134–144 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛИНЬКО Виталий Васильевич –
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия; 350002 г. Краснодар, ул. им. Леваневского, д. 187/1

Authors' information

LINKO Vitaly V. –
candidate of historical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of General theoretical legal disciplines of the North Caucasus branch of the Russian state University of justice; 187/1 Levanevskogo str., 350002 Krasnodar, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 205–208
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 205–208

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБЗОР «КРУГЛОГО СТОЛА» НА ТЕМУ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СПОРТА»

© 2021 г. А. В. Дзюбак*, Н. В. Летова, Т. В. Соколова***, С. Ю. Чуча****

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: annadzyubak84@gmail.com*
***E-mail: letovanv@mail.ru*
****E-mail: statav@mail.ru*
*****E-mail: chuchaigpan@gmail.com*

Поступила в редакцию 21.04.2021 г.

Аннотация. В статье представлен обзор докладов и выступлений на «круглом столе» «Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере спорта». Круг вопросов, поднимавшихся в докладах, охватил самые разные проблемы, касающиеся процесса реформирования правового регулирования отношений в сфере спорта, охраны и защиты прав спортсменов, определения их правового статуса на основе норм не только национального законодательства, но и международного.

Ключевые слова: спорт, спортсмен, правовой статус, охрана и защита прав спортсменов, правовое регулирование, спортивное право, тренеры, спортивный кодекс, антидопинговый закон, Национальный центр спортивного арбитража.

Цитирование: *Дзюбак А.В., Летова Н.В., Соколова Т.В., Чуча С.Ю.* Обзор «круглого стола» на тему «Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере спорта» // Государство и право. 2021. № 6. С. 205–208.

DOI: 10.31857/S102694520015036-0

REVIEW OF THE "ROUND TABLE" ON THE TOPIC "ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE FIELD OF SPORTS"

© 2021 A. V. Dzyubak*, N. V. Letova, T. V. Sokolova***, S. Yu. Chucha****

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: annadzyubak84@gmail.com*
***E-mail: letovanv@mail.ru*
****E-mail: statav@mail.ru*
*****E-mail: chuchaigpan@gmail.com*

Received 21.04.2021

Abstract. The article presents an overview of reports and speeches of the "Round Table" "Actual problems of legal regulation of relations in the field of sports". The range of issues in the reports covered a variety problem related to the process of reforming the legal regulation of relations in the field of sports, the protection of the rights of athletes, determining their legal status not only on the basis of national legislation, but also international.

Key words: sport, athlete, legal status, protection of the rights of athletes, legal regulation, Sports Law, coaches, Sports Code, anti-doping law, National Center for Sports Arbitration.

For citation: *Dzyubak, A.V., Letova, N.V., Sokolova, T.V., Chucha, S. Yu. (2021).* Review of the "Round Table" on the topic "Actual problems of legal regulation of relations in the field of sports" // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 205–208.

23 марта 2021 г. в Институте государства и права Российской академии наук (ИГП РАН) прошел совместный «круглый стол» на тему «Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере спорта», организованный междисциплинарным Центром правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения ИГП РАН, Московским государственным юридическим университетом им. О.Е. Кутафина (МГЮА) и Международным союзом юристов.

В текущем году в мире произошло много значимых событий в сфере спорта. Сенат Соединенных Штатов Америки принял Антидопинговый закон, цель которого – введение уголовных санкций для лиц, имеющих отношение к преступным мошенническим антидопинговым действиям в сфере международного спорта. Данный Закон предусматривает ответственность спортсменов, а также распространяет свое действие на иностранных участников соревнований, организаторов, врачей, тренеров и иных специалистов, совершивших правонарушения в указанной сфере, признает право накладывать соответствующие взыскания за антидопинговыми организациями и международными спортивными федерациями.

Следующим значимым событием стало завершение слушаний в Спортивном арбитражном суде (CAS) по делу между Всемирным антидопинговым агентством (WADA) и Российским антидопинговым агентством (РУСАДА) в Лозанне. Согласно решению CAS будут приняты определенные ограничения в отношении выступления российских спортсменов и организации спортивных соревнований в России в течение двух лет.

Вступили в силу изменения в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», касающиеся третейского разбирательства в отношении споров, возникающих в профессиональном спорте и спорте высших достижений, включая индивидуальные трудовые споры.

Эти и другие события, определившие перспективы развития отношений в сфере спорта и изменения законодательства, требовали дискуссии, анализа и надлежащей правовой оценки.

В ходе «круглого стола» были сформулированы и обсуждены три возможных направления совершенствования законодательства о спорте и практики его применения. Первое было намечено в выступлении **директора Института государства и права РАН, члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ А.Н. Савенкова**, который предложил акцентировать внимание не только на разработке доктрины спортивного права и положений спортивного кодекса в Российской Федерации, но прежде всего подумать об утверждении должности омбудсмена по спорту в нашей стране в целях осуществления эффективной защиты прав спортсменов.

Ректор МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), член Президиума Координационного совета Международного союза юристов, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ В.В. Блажеев расширил круг подлежащих регулированию общественных отношений и инициировал разработку доктрины спортивного права и доктрины общественных отношений, возникающих в сфере спорта.

Трудности, возникающие в сфере спорта в определении правового статуса наших спортсменов на федеральном уровне, были обозначены **заместителем председателя Международного союза юристов, председателем Совета директоров Международной ассоциации по защите прав спортсменов, адвокатом А.Н. Песковым**. Он отметил, что решение вопросов только в рамках национальной юрисдикции представляется малоэффективным на практике, необходимо активно участвовать в международных правозащитных проектах в области спорта с участием международных спортивных объединений, МОТ и др. По мнению А.Н. Пескова, движение по всем направлениям в сфере спорта и спортивных достижений с учетом сложившейся ситуации будет не только правильным решением, но и обеспечит «здоровую» конкуренцию, позволит оказать спортсменам поддержку и продвижение не только в России, но и в мире.

Директор АНО «Центр спортивного права», заместитель зав. кафедрой спортивного права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), канд. юрид. наук А.А. Орлов, активно участвуя в дискуссии, обратил внимание на доктринальные проблемы, связанные с необходимостью систематизации российского спортивного законодательства, острой потребности в разработке положений спортивного кодекса, в котором нуждается все спортивное сообщество.

С интересным и содержательным докладом выступил главный разработчик многих законодательных инициатив в сфере спорта, **зав. кафедрой спортивного права МГЮУ им. О.Е. Кутафина**

(МГЮА), заместитель генерального секретаря Российского футбольного союза, член Совета директоров Международной ассоциации по защите прав спортсменов, канд. юрид. наук, доц. Д.И. Рогачев. В своем выступлении он затронул вопросы разрешения споров Национальным центром спортивного арбитража, букмекерского спорта, административно-правового статуса спортивных школ и др. Как указал Д.И. Рогачев, спорт находится на «стыке» разных социально-экономических сфер: образования, здравоохранения, бизнеса, социальной политики государства, – все это должно найти свое отражение в исследованиях, которые посвящены проблемам международной интеграции и т.д. В этом его и «плюсы», и «минусы», т.к. требуется взаимодействие юристов, спортсменов и других участников этих отношений. Докладчик согласился с выступавшими в том, что имеет право на жизнь и идея спортивного кодекса, а также разумного вмешательства в спорт государства.

Главный научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, врио заместителя директора Института по научной работе, д-р юрид. наук Н.В. Летова также приняла активное участие в дискуссии, подчеркнув, что спорт – это особая, специфическая сфера, регулирование которой должно осуществляться весьма корректно, с одной стороны, велико значение и влияние государства на отношения в сфере спорта, с другой – такие отношения не могут быть строго задекларированы, необходимо найти «золотую середину», баланс между сугубо государственными интересами и интересами каждого спортсмена, обеспечив ему надежную защиту и гарантию соблюдения его прав, в т.ч. когда спортсмен прекращает свою деятельность по самым разным причинам и обстоятельствам. Кроме того, Н.В. Летова обратила внимание на потребность практики в надлежащей и своевременной имплементации норм международного права в сферу национального законодательства.

Как учил акад. РАН В.Н. Кудрявцев, «в любом выступлении должна быть провокация». В качестве такой «провокации» **руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения, заместитель председателя постоянной комиссии Международного союза юристов по юридическому образованию и юридической науке, д-р юрид. наук, проф. С.Ю. Чуча** задал вопрос: какую социальную функцию несет профессиональный спорт? Представляется, что в первую очередь рекламную – привлечение к занятию спортом широких масс молодежи. Но стоит ли реклама тех средств, которые на нее тратит государство? Не лучше ли финансирование направлять на массовый спорт, граничащий с физкультурой, когда в каждом дворе, учебном заведении, предприятии были бы футбольные и волейбольные площадки, инвентарь и гимнастическое оборудование, а главное – специалист, который помогал бы воспользоваться бесплатно всем этим богатством всем желающим? А рекламой поручить заняться соответствующим структурам, когда 5% средств передают профессиональным рекламистам, которые способны, как полагает С.Ю. Чуча, сделать столь же популярным чемпионат области по футболу как европейский кубковый турнир, а чемпионат России по баскетболу – как Олимпийские игры, или предложить свой формат проведения этих игр, чтобы эффективно выполнять функцию рекламы.

В дискуссии также принял участие **старший научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, канд. юрид. наук К.А. Лебедь**.

* * *

Участники «круглого стола» подвели итоги и пришли к выводу о необходимости подготовки спортивного кодекса, доктрины спортивного права и нового обновленного федерального закона о спорте. Несмотря на разные мнения и подходы в решении спортивных проблем, они были едины в одном – правовая система регулирования отношений в сфере спорта нуждается в реформировании, она должна эффективно противостоять новым вызовам современности. В работе над новым законом о спорте должны принять участие не только ученые-правоведы, но и все российское спортивное общество, включая заинтересованные гражданские институты.

Сведения об авторах

ДЗЮБАК Анна Васильевна –
кандидат юридических наук,
начальник научно-организационного отдела
(научный сотрудник) Института государства
и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЛЕТОВА Наталия Валерьевна –
доктор юридических наук, врио заместителя
директора Института государства и права
Российской академии наук по научной работе;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

СОКОЛОВА Татьяна Владимировна –
младший научный сотрудник сектора
гражданского права, гражданского и
арбитражного процесса Института государства
и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЧУЧА Сергей Юрьевич –
доктор юридических наук, профессор, главный
научный сотрудник сектора гражданского
права, гражданского и арбитражного
процесса Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

DZYUBAK Anna V. –
PhD in Law, Head of the scientific and
organizational Department (researcher),
Institute of State and Law of the Russian Academy
of Sciences; 10 Znamenka str.,
119019 Moscow, Russia

LETOVA Natalia V. –
Doctor of Law, interim Deputy of the Director
of the Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences on scientific work; 10
Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

SOKOLOVA Tatyana V. –
junior researcher, Civil Law and civil procedure
Department, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

CHUCHA Sergey Yu. –
Doctor of Law, Professor, Chief researcher, Civil
Law and civil procedure Department, Institute of
State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 209–211
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 209–211

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СИСТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ: монография / Д.А. Липинский, Н.В. Макарейко, А.А. Мусаткина и др.; под ред. Д.А. Липинского. М.: РИОР, 2020. – 578 с.

© 2021 г. А. В. Малько[1, *], А. М. Хужин[2, **]

[1]Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Саратов
[2]Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

**E-mail: alex25-58@mail.ru*
***E-mail: alfirhuzhin@mail.ru*

Поступила в редакцию 01.02.2021 г.

Аннотация. Рецензируется коллективная монография, показаны ее новизна и научная значимость. Рецензентами подчеркивается вклад авторского коллектива в развитие науки теории государства и права.

Ключевые слова: юридическая ответственность, национальная безопасность, юридическая безответственность, системные связи, механизм взаимодействия.

Цитирование: *Малько А.В., Хужин А.М.* О юридической ответственности и безответственности в контексте национальной безопасности
Национальная безопасность, юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей / Д.А. Липинский, Н.В. Макарейко, А.А. Мусаткина и др.; под ред. Д.А. Липинского // Государство и право. 2021. № 6. С. 209–211.

DOI: 10.31857/S102694520015044-9

ON LEGAL RESPONSIBILITY AND IRRESPONSIBILITY IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

NATIONAL SECURITY, LEGAL RESPONSIBILITY AND IRRESPONSIBILITY: PROBLEMS OF THE MECHANISM OF INTERACTION AND SYSTEMIC CONNECTIONS: monograph / D.A. Lipinsky, N.V. Makareiko, A.A. Musatkina et al.; ed. by D.A. Lipinsky. Moscow: RIOR, 2020. – 578 pp.

© 2021 A. V. Mal'ko[1, *], A. M. Khuzhin[2, **]

[1]Volga Institute (the brunch) of the All-Russian state University of justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Saratov
[2]Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

**E-mail: alex25-58@mail.ru*
***E-mail: alfirhuzhin@mail.ru*

Received 01.02.2021

Abstract. The collective monograph is reviewed, its novelty and scientific significance are shown. The reviewers emphasize the contribution of the authors' team to the development of the science of the theory of state and law.

Key words: legal responsibility, national security, legal irresponsibility, system connections, interaction mechanism.

For citation: *Mal'ko, A.V., Khuzhin, A.M. (2021).* On legal responsibility and irresponsibility in the context of national security
National security, legal responsibility and irresponsibility: problems of the mechanism of interaction and systemic connections / D.A. Lipinsky, N.V. Makareiko, A.A. Musatkina et al.; ed. by D.A. Lipinsky // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 209–211.

В 2020 г. вышла в свет фундаментальная монография под редакцией доктора юридических наук, профессора Дмитрия Анатольевича Липинского, известного специалиста современной теории права по проблемам юридической ответственности. Вместе со своими единомышленниками (д-ром юрид. наук, доц. Н.В. Макарейко, канд. юрид. наук, доц. А.А. Мусаткиной А.А., д-ром юрид. наук, проф. А.А. Фоминым, канд. юрид. наук, доц. А.Н Станкиным, канд. юрид. наук, доц. Е.В. Чукловой) проф. Д.А. Липинскому удалось написать яркий, оригинальный и концептуальный научный труд. Постараемся «штрихами рецензентов» объяснить сделанный нами вывод.

Уже само заглавие монографии «Национальная безопасность, юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей» делает заявку на оригинальность подхода, выбранного авторами по данной проблематике. Это обстоятельство подтверждается с первых строк книги, где во введении указано: «Представляемое научное исследование направлено на разрешение задачи нейтрализации юридической безответственности, а также разработку системы мер юридической ответственности, призванных нивелировать или минимизировать угрозы национальной безопасности» (с. 4). В таком ключе сопоставление национальной безопасности и юридической ответственности, а также их влияние на устранение юридической безответственности поставлено впервые в современной правовой науке.

Внимательно читая *гл. 1 «Нормативная система национальной безопасности»*, убеждаешься, что авторы достаточно скрупулезно подошли к проблеме правового регулирования национальной безопасности и ее влиянию на юридическую безопасность. Прежде чем обратиться к собственно юридическому исследованию данных явлений, они очерчивают предметную область познания с позиции анализа нормативной правовой базы. Делается вывод, что «в настоящее время в Российской Федерации идет активная работа, которая направлена на правовое обеспечение национальной безопасности. Она осуществляется на различных уровнях нормативного правового регулирования» (с. 33). При этом отмечается, что требуется весьма критический анализ всего массива нормативной правовой базы в данной предметной области, что и демонстрируется на последующих страницах работы. Именно эти «нормативные изъяны» и стали для авторского коллектива основанием постановки вопроса о юридической безответственности.

В *гл. 2 «Юридическая безответственность как угроза национальной безопасности»* проводится исследование юридической ответственности и безответственности как парных юридических категорий. Примечательно, что сравнение юридической безответственности происходит не только с признаками позитивной ответственности (с. 115–118), но и традиционной негативной юридической ответственности (с. 119, 120). В итоговом параграфе данной главы посредством системного метода проводится анализ юридической ответственности, юридической безответственности и национальной безопасности в их взаимосвязи. Анализ Стратегии национальной безопасности позволил авторам показать декларативность закрепления в ней юридической ответственности, а также отсутствие в последней четких ориентиров в сфере обеспечения национальной безопасности. Справедливо отмечается, что «юридическая безответственность порождает не только не достижение поставленных целей, но и приводит к различного рода злоупотреблениям в виде представления ложной информации о достигнутых результатах, что порождает иллюзию достигнутых результатов и новый круг безответственности субъектов» (с. 138).

Глава 3 «Роль и значение юридической ответственности в механизме правовых и иных средств, обеспечивающих национальную безопасность» позволила раскрыть три группы средств в механизме обеспечения национальной безопасности, где важная роль отведена юридической ответственности. Авторы справедливо делают вывод о том, что «функции юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности обусловлены наличием в нем институционального правового блока и стоящими перед ним целями» (с. 157).

Далее последовательно, системно и основательно проводится добротный анализ юридической ответственности, юридической безответственности и национальной безопасности в различных сферах правового регулирования. Данные предметные области подвергаются исследованию в процессуальной сфере (гл. 4), конституционной (гл. 5), трудовой (гл. 6), финансовой (гл. 7), уголовной (гл. 8), административной (гл. 9), гражданской (гл. 10). Настоящий широкий спектр сфер правового регулирования юридической ответственности, юридической безответственности и национальной безопасности свидетельствует о глубине и фундаментальности проведенного монографического исследования. Более того, авторами обнаруживается различная природа взаимосвязи данных явлений в зависимости от сферы правового регулирования. Делаются выводы и рекомендации по совершенствованию действующего отраслевого законодательства.

В *гл. 11 «Юридическая ответственность органов государственной власти и должностных лиц за обеспечение национальной безопасности»* выделяется особая группа субъектов, «от эффективности деятельности которых зависит, насколько защищены жизненно важные интересы личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Авторами выделяются проявления юридической безответственности органов государственной власти и должностных лиц

в сфере обеспечения национальной безопасности (с. 490). Делается акцент на служебную дисциплину данной категории должностных лиц как одной из основ национальной безопасности.

Завершающая *гл. 12 «Угрозы национальной безопасности в России и за рубежом»* подводит итоги исследования и акцентирует внимание на коррупционных рисках, криминальных и иных антисоциальных угрозах, непосредственно влияющих на состояние системы национальной безопасности. Отдельно следует выделить параграф о правовых аспектах обеспечения экономической безопасности в условиях развития цифровой экономики. В рецензируемой работе делается вполне обоснованный вывод о том, что «цифровизация экономики влечет за собой возникновение новых угроз, которые должны быть заблаговременно диагностированы и заблокированы. С учетом данных явлений должен быть ориентирован вектор нормативного правового регулирования в указанной сфере» (с. 541). Глава завершается (параграф «Общесоциальные ценности в стратегиях национальной безопасности Российской Федерации и Германии») интересным сравнением, не в пользу отечественного законодательства. «Нам есть к чему идти, чему учиться и к чему стремиться!», – такая мысль посетила рецензентов по прочтении этой главы монографии.

Традиционно в *заключении* подводятся итоги исследования и делаются наиболее важные выводы. Заслуженно указывается на то, что впервые выявлены признаки юридической ответственности и юридической безответственности как парных правовых категорий во взаимосвязи с национальной и юридической безопасностью. Раскрыто, как юридическая безответственность влияет на состояние национальной безопасности в целом и правовой, в частности. Впервые определены институциональные и правореализационные характеристики юридической безответственности, а также показаны взаимосвязи национальной и правовой безопасности с правонарушениями и юридической безответственностью, а также сделан еще ряд выводов по рассматриваемой проблематике.

Проведенное исследование теоретико-методологических основ национальной безопасности в разрезе проблем юридической ответственности и безответственности позволило авторскому коллективу сделать ряд предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере правового регулирования, что не должно остаться незамеченным со стороны законодательных органов.

Представленная работа написана научным языком, выводы и заключения, делаемые авторами, вполне логичны и соответствуют действующему законодательству и складывающейся судебно-арбитражной практике. В качестве аргументации использованы позиции ведущих российских и зарубежных ученых.

Уверены, что данное научное достижение может стать фундаментальной основой для дальнейшего исследования в указанном направлении. Надеемся, что в ближайшее время выйдет в свет книга, в которой найдут свое отражение те нерешенные проблемы, о которых говорится в заключении работы.

* * *

На основании вышеизложенного полагаем, что монография является значимой концептуальной научной разработкой одной из актуальных проблем современной юриспруденции. Считаем, что материалы исследования могут оказаться полезными ученым-правоведам, занимающимся разработкой аналогичных и смежных проблем как на общетеоретическом, так и на отраслевом уровнях, небезынтересен этот труд будет и для практикующих юристов. Рекомендуем к прочтению настоящую монографию всем интересующимся юридической наукой и практикой для обогащения представлений по заявленной тематике.

Сведения об авторах

МАЛЬКО Александр Васильевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
410003 Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55

ХУЖИН Альфир Мисхатович –
доктор юридических наук, доцент Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации;
603950 г Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3, БОКС–268

Authors' information

MAL'KO Aleksander V. –
Doctor of Law, Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Professor of the Department of state and legal disciplines of the Volga region Institute (branch) of the All-Russian state University of justice (Russian Law Academy of the Ministry of justice of Russia);
55 named of Radishchev A.N. str., 410003 Saratov region, Saratov, Russia

KHUZHIN Alfir M. –
Doctor of Law, associate Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 3 Ankudinovskoe shosse, 603950 Nizhny Novgorod, BOX–268, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 212–214
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 212–214

В.В. Дорошков. ИДЕИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ И СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: монография. М.: МГИМО – Университет, 2019. – 418 с.

© 2021 г. А. И. Хорошильцев

Региональный открытый социальный институт (РОСИ), г. Курск

E-mail: hor46@bk.ru

Поступила в редакцию 16.03.2021 г.

Аннотация. В рецензируемой работе отражаются структура, содержание и отдельные положения монографии В.В. Дорошкова «Идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в уголовном судопроизводстве». Отмечается, что эти идеи рассматриваются в контексте диалектического закона единства и борьбы противоположностей, а исследование в целом выполнено на «стыке» мировоззренческих, общесоциальных и юридических знаний. Автором книги поднимается целый ряд сложных, дискуссионных и важных вопросов существования и развития судебной сферы. Основной вывод В.В. Дорошкова сводится к необходимости разумного сочетания противоположных идей индивидуальной свободы и социальной солидарности. В рецензии акцентировано внимание на методологическом аспекте исследования.

Ключевые слова: монография, В.В. Дорошков, индивидуальная свобода, социальная солидарность, уголовное судопроизводство, диалектический закон единства и борьбы противоположностей, содержательно-юридическая методология, антитетический способ юридического познания.

Цитирование: *Хорошильцев А.И.* В.В. Дорошков. Идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2021. № 6. С. 212–214.

DOI: 10.31857/S102694520015040-5

V.V. Doroshkov. IDEAS OF INDIVIDUAL FREEDOM AND SOCIAL SOLIDARITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS: monograph. Moscow: MGIMO – University, 2019. – 418 pp.

© 2021 A. I. Khoroshiltsev

Regional Open Social Institute (ROSI), Kursk

E-mail: hor46@bk.ru

Received 16.03.2021

Abstract. The reviewed work reflects the structure, content and individual provisions of V.V. Doroshkov's monograph "Ideas of individual freedom and social solidarity in criminal proceedings". It is noted that these ideas are considered in the context of the dialectical law of unity and the struggle of opposites, and the study as a whole is carried out at the "junction" of worldview, general social and legal knowledge. The author of the book raises a number of complex, controversial and important issues of the existence and development of the judicial sphere. The main conclusion of V.V. Doroshkov boils down to the need to combine the opposing ideas of individual freedom and social solidarity. The review focuses on the methodological aspect of the study.

Key words: monograph, V.V. Doroshkov, individual freedom, social solidarity, criminal justice, dialectical law of unity and struggle of opposites, content-legal methodology, antithetical method of legal cognition.

For citation: *Khoroshiltsev, A.I. (2021).* V.V. Doroshkov. Ideas of individual freedom and social solidarity in criminal proceedings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 212–214.

Исследование выполнено на «стыке» мировоззренческих, общесоциальных и юридических знаний. Автор рассматривает мировоззренческий и общесоциальный аспекты анализируемых им идей, находит и показывает их проявления в области уголовного судопроизводства. В монографии обобщаются существующие представления об идеях индивидуальной свободы и социальной солидарности, обозначается их противоположность, решение которой проф. В.В. Дорошков видит в разумности их сочетания.

Справедливо отмечая важность широкого взгляда «на частные проблемы уголовного судопроизводства через призму философских категорий» (с. 175), автор рассматривает идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в контексте их единства и противоположности. В.В. Дорошков обоснованно исходит из необходимости использования в юриспруденции достижений философии, социологии, психологии (с. 150) и других областей знаний. Свое исследование он начинает с философских, мировоззренческих и общесоциальных аспектов идей индивидуальной свободы и социальной солидарности.

В рецензируемой работе аргументируется значимость данных идей для уголовного судопроизводства и утверждается, что только принцип их разумного сочетания «позволит сформировать достаточно эффективную и справедливую процедуру рассмотрения уголовных дел» (с. 74). Создается впечатление, что в названном принципе В.В. Дорошков видит и фундаментальное основание судебной сферы, и универсальный инструмент для судебного разрешения уголовных дел.

Обосновывая актуальность своего исследования, ученый обстоятельно анализирует постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Винтер (Vinter) и другие против Великобритании» от 9 июля 2013 г. Идейными корнями сформулированной правовой позиции ЕСПЧ в этом документе, по предположению В.В. Дорошкова, «явилось антропоцентристкое мировоззрение, провозглашающее интересы конкретного человека, в том числе совершившего преступление, выше иных, в том числе общественных интересов» (с. 6, 7). В частности, он отмечает, что в ходе рассмотрения данного дела Европейским Судом по правам человека «не выяснялась позиция потерпевших, которые пострадали от действий конкретных преступников (Винтера и других), а также проигнорированы интересы всего британского общества» (с. 7). Делается вывод, что «при таком мировоззренческом подходе ставятся под сомнения не только защитные возможности уголовного права, но и их статус как самостоятельных отраслей юридического регулирования» (с. 8). Вместе с этим В.В. Дорошков пишет, что ЕСПЧ в рассматриваемом постановлении наряду с целым спектром «уголовно-правовых проблем затронул острую и актуальнейшую философскую проблему современного общества – проблему разумного сочетания индивидуальной свободы и социальной солидарности, частных и публичных интересов» (с. 10). По мнению автора монографии, правовые позиции ЕСПЧ «подлежат тщательному научному исследованию» (с. 10), поскольку они «могут существенно повлиять на содержание стратегии дальнейшего развития отечественного уголовного судопроизводства» (с. 9).

В.В. Дорошков полагает, что «определить границы разумного соотношения противоположностей» (индивидуальная свобода и коллективная солидарность) необходимо и в глобальном масштабе для сохранения человечества в сложных современных условиях его существования (с. 11).

Задачи своего исследования автор формулирует в виде четырех актуальных вопросов. «*Во-первых*, в чем заключается суть идей индивидуальной свободы и социальной справедливости, нужно ли в новых условиях сохранять индивидуальные начала и элементы диспозитивности в уголовном процессе, и, если сохранять, то в каком направлении должно эволюционировать их содержание? *Во-вторых*, насколько идея индивидуальной свободы совместима с общесоциальным принципом солидарности, который развивается в направлении всемирной активизации, как они проявляются в уголовном процессе, каковы правовые позиции ЕСПЧ и их роль для отечественных судов по данным проблемам? *В-третьих*, насколько глубоко в юридические науки и практику проникает модное нынче в России реформирование всего и вся, в том числе путем “цифрования”, какие направления реформ являются предпочтительными? *В-четвертых*, каковы основные современные тенденции развития уголовного судопроизводства и направления его совершенствования с учетом идей индивидуальной свободы и социальной солидарности, какова позиция судов, в том числе международных, по данной проблеме?» (с. 17).

В монографии дается авторский анализ теорий индивидуальной свободы и социальной солидарности, затрагиваются некоторые проблемы мировоззрения, к которому, как полагает В.В. Дорошков, относятся идеи индивидуализма и коллективизма. Идеи индивидуальной свободы (индивидуализма) и социальной солидарности (коллективизма) рассматриваются в работе в качестве двух мировоззренческих принципов, противоположных друг другу и вместе с тем неразрывно связанных между собой. Утверждается, что названные принципы лежат в основании развития общества и формирования человека. «Именно эти два важнейших принципа, на которых основывается социум,– пишет В.В. Дорошков, – позволили человеку выделиться из животного мира» (с. 402). Констатируется, что коллективизм и индивидуализм всегда были присущи человеческому обществу, а проблемы их соотношения всегда тревожили умы человечества (с. 50, 51). В книге отмечается важность рассматриваемых принципов и идей для современного мира и для его ближайшего будущего. Автор монографии, в частности, считает, что «новой идеей предстоящих реформ в России может стать философское понимание разумного сочетания индивидуализма и коллективизма» (с. 169, 170).

В рецензируемой работе прослеживается история «борьбы» этих принципов в различных мировоззрениях. «Восток» развивается с упором на идею социальной солидарности, а «запад» – на идею индивидуальной свободы. В.В. Дорошков приходит к выводу, что нельзя исходить из приоритета одной из этих идей в целом и в судопроизводстве, в частности. Необходимо разумное сочетание противоположных идей индивидуальной свободы и социальной солидарности (с. 401). Рассматривая эти идеи в качестве мировоззренческих принципов уголовного судопроизводства, исследователь утверждает, что их применение заключается не в том, чтобы следовать одному из них в ущерб другого, а в разумном сочетании индивидуализма и коллективизма (с. 402). Причем сама разумность также понимается как принцип судопроизводства (с. 196, 197). «Этот принцип, – указывает автор, – нуждается не только в законодательном закреплении, как отмечалось в юридической литературе, но и в существенном расширении его содержания» (с. 196). По мнению ученого, «принцип разумности должен включать в себя: содержание принятого решения (материально-правовой аспект); разрешение противоречий между принципами внутри системы принципов, а также

между национальными и международными принципами (процессуальный аспект); вопросы судоустройства до их выделения в самостоятельную систему принципов (организационный аспект) и т.д.» (с. 196). В то же время допускается, что разумность «можно рассматривать и как одну из разновидностей правовых презумпций» (с. 197).

Тему разумности проф. В.В. Дорошков не без оснований увязывает с проблемой понимания права. С его точки зрения, «право является результатом разума» (с. 179). Далее он утверждает: «неразумность ведет к слабости права» (с. 197).

Значительное внимание автор монографии уделяет проблемам мировоззрения в контексте его связанности с правом и правосудием (с. 150–175). Основываясь на анализе, проделанном в этой части работы, В.В. Дорошков формулирует несколько выводов (с. 167–173). Так, он полагает, что «при реформировании правосудия следует учитывать мировоззренческие основы россиян, сочетая их с современными достижениями западных государств» (с. 172). Отмечается важность позитивного влияния суда на мировоззрение общества (с. 173). В книге рассматриваются особенности и проблемы реализации идей свободы и солидарности в отечественном уголовном судопроизводстве (с. 209–322).

Последний раздел рецензируемой работы посвящен вопросам реформирования уголовного судопроизводства. Здесь рассмотрены современные тенденции в уголовном судопроизводстве, необходимость реформирования уголовного процесса, направления совершенствования мировой юстиции и стратегия развития уголовно-процессуального права в XXI в. Так, В.В. Дорошков обращает внимание на то, что «вследствие взаимопроникновения англосаксонской, романо-германской и иных правовых систем, наверняка, придется признавать судебные прецеденты в качестве источника права, учитывать решения Верховного Суда РФ по конкретным делам» (с. 395).

В заключении автор, в частности, отмечает отсутствие единообразных философских и мировоззренческих ориентиров в отечественной юридической науке. По мнению В.В. Дорошкова, перед учеными «поставлена актуальнейшая задача – сформулировать и предложить общезначимое, общечеловеческое правовое мировоззрение» (с. 401).

* * *

Монография проф. В.В. Дорошкова «Идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в уголовном судопроизводстве» представляет интерес для аспирантов, преподавателей высшей школы и всех тех, кому небезразличны проблемы развития современной философской мысли и уголовного судопроизводства.

Сведения об авторе

ХОРОШИЛЬЦЕВ Александр Иванович –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Регионального открытого социального института (РОСИ);
305009 г. Курск, ул. Маяковского, д. 85

Authors' information

KHOROSHILTSEV Aleksandr I. –
PhD in Law, senior research fellow, Regional Open Social Institute (ROSI);
85 Mayakovskogo str., 305009 Kursk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 6, с. 215
STATE AND LAW, 2021, № 6, pp. 215

ПЕРСОНАЛИИ

К ЮБИЛЕЮ АНИСИМА ИВАНОВИЧА ЭКИМОВА

Анисим Иванович Экимов родился 25 июня 1941 г. в г. Москве. Окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. С 1966 по 1968 г. обучался в очной аспирантуре этого же университета. Под руководством члена-корр. АН СССР Д.А. Керимова подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Категория "цель" в советском праве». В 1985 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Проблема интереса в советском праве».

С 1968 по 1969 г. – ученый секретарь НИИ комплексных социальных исследований при ЛГУ, преподавал в Ленинградском инженерно-экономическом институте. С 1972 по 1988 г. – на юридическом факультете ЛГУ. С 1988 по 1992 г. – профессор в Академии общественных наук, на преподавательской работе в Московской государственной юридической академии. С 1997 по 2014 г. – зав. кафедрой теории государства и проректор Российского торгово-экономического университета, а затем в течение нескольких лет зав. кафедрой теории государства и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (РЭУ).

В настоящее время ведет преподавательскую деятельность в РЭУ, а также на кафедре теории права и государства Российского университета дружбы народов.

Сфера научных интересов А.И. Экимова – проблемы общей теории государства и права, истории правовых учений в России. Заметный вклад им внесен в разработку философских и социологических вопросов права. Он исследовал развертывание категории интереса в праве – от этапа формирования социальной потребности до возникновения правовой идеи. Впервые в отечественной юридической литературе показал, что право и правовые идеи следует рассматривать не только с позиции интереса, но и справедливости.

Следуя философской традиции, идущей от выдающегося дореволюционного мыслителя В.С. Соловьева, отстаивает идею недопустимости примата личных интересов над общественными и общественных интересов над личными, считая, что те и другие имеют жизненно важное значение и для личности, и для общества в целом. В концентрированной форме эти идеи изложены автором в его монографиях, научных статьях и в разделах учебников по теории государства и права.

А.И. Экимов – заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации.

А.И. Экимов награжден Почетной грамотой экспертно-консультативного совета при Председателе Счетной палаты РФ «За активное участие в работе экспертно-консультативного совета при Председателе Счетной палаты РФ, большой личный вклад в становление и формирование теории и методологии государственного финансового контроля в Российской Федерации» (2004 г.); имеет Благодарность РЭУ им. Г.В. Плеханова «За активное участие в Фестивале науки в г. Москве»; Благодарность заместителя руководителя Аппарата Государственной Думы «За исследование по государственному контракту на выполнение НИР на тему "Права человека в России: традиции, современное состояние, перспективы"» (2014 г.).

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук от всей души поздравляет Анисима Ивановича Экимова с юбилеем и желает здоровья, процветания, творческого долголетия!

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

БАКАЛАВРИАТ

Юриспруденция (гражданско-правовой профиль, уголовно-правовой профиль)

МАГИСТРАТУРА

Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

АСПИРАНТУРА

Юриспруденция

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку специалистов юридического профиля на классической академической основе. Студенты проходят курс подготовки, включающий комплексное изучение базовых и специальных дисциплин, отражающих современный уровень развития российской юриспруденции (теории и практики).

Изучение обширного комплекса правовых и гуманитарных дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к исследовательской (экспертной) и практической деятельности во всех сферах взаимодействия бизнеса, государства, гражданского общества и граждан.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 60 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).